

НАУЧНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ВЫПУСК VI

YOUTH RESEARCH YEARBOOK, VOL.
VI

www.nausphera.ucoz.org

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, САМАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SAMARA SCIENTIFIC CENTER
САМАРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ»
SAMARA MUNICIPAL FUND "UNION OF YOUNG SCIENTISTS"
МОЛОДЁЖНЫЙ ДОСУГОВО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР "ЛЕСНАЯ СКАЗКА"
YOUTH LEISURE AND HEALTH CENTER "LESNAYA SKAZKA"

НАУЧНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ ЕЖЕГОДНИК, ВЫПУСК VI

YOUTH RESEARCH YEARBOOK, VOL. VI

Редакционная коллегия:

Станислав Репинецкий
Андрей Косицин
Игорь Власенко
Ярослав Голубинов
Илья Дёмин

Editorial Board:

Stanislav Repinetskiy
Andrey Kositsin
Igor Vlasenko
Jaroslav Golubinov
Ilya Demin

www.nausphera.ucoz.org

Москва – Самара – Тольятти
Moscow – Samara – Togliatti
2010

УДК
 НАУ

Научный Молодёжный ежегодник. Выпуск VI / Под редакцией С.А. Репинецкого, А.А. Косицина, И.А. Власенко, Я.А. Голубинова, И.В. Дёмина. – Москва-Самара-Тольятти: Издательство СамНЦ РАН, 2011. – 300 с. **ISBN ...**

Редакционная коллегия:

Станислав Александрович РЕПИНЕЦКИЙ, кандидат исторических наук, Президент СГОО «Сообщество молодых учёных» (главный редактор)

Андрей Александрович КОСИЦИН, кандидат филологических наук, научный сотрудник Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького (редактор раздела «Литература и искусство»)

Игорь Александрович ВЛАСЕНКО, Председатель Тольяттинского филиала СГОО «Сообщество молодых учёных» (редактор раздела «Семейная история»)

Ярослав Анатольевич ГОЛУБИНОВ, кандидат исторических наук (редактор раздела «История и краеведение»)

Илья Вячеславович ДЁМИН, кандидат философских наук (редактор раздела «Философия и общественно-психологические науки»)

Настоящее издание продолжает серию сборников научных трудов Самарской городской общественной организации «Сообщество молодых учёных», издававшихся в 2006–2010 гг. В сборнике рассматривается широкий круг проблем гуманитарных наук, в том числе истории, философии, филологии, психологии, социологии. Авторы статей – студенты, аспиранты и кандидаты наук – члены СГОО «Сообщество молодых учёных» и участники Всероссийского молодёжного научного форума «Межкультурный диалог в истории и современности».

Материалы публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за их содержание.

© Авторы материалов, 2011

© СГОО «Сообщество молодых учёных», 2011

Самарская городская общественная организация «Сообщество молодых ученых» **благодарит** за поддержку:

- Департамент по делам молодежи министерства спорта, туризма и молодежной политики Самарской области в лице руководителя **Владислава Владимировича Лихачева** за организационно-консультативную поддержку и помощь в издании «Научного молодежного ежегодника» и Государственное бюджетное учреждение Самарской области "Агентство по реализации молодежной политики", в лице Директора **Орлова Алексея Игоревича** за поддержку форума (конференции) «Межкультурный диалог на переломе эпох» и настоящего издания.
- Комитет по делам молодежи Администрации г.о. Самара в лице руководителей **Александра Альбертовича Новикова** и **Евгения Владимировича Кутлина** за признание заслуг и роли Сообщества и предоставление помещения для проведения мероприятий и постоянной работы.
- Структуры Российской академии наук: Поволжский филиал Института российской истории в лице директора **Юрия Петровича Аншакова** и Издательский совет Самарского научного центра **Юрия Николаевича Лазарева** за всестороннюю организационную поддержку.
- Самарскую областную универсальную научную библиотеку в лице директора **Лидии Алексеевны Анохиной**, Поволжскую государственную социально-гуманитарную академию в лице ректора **Игоря Владимировича Вершинина**, Самарский институт повышения квалификации работников образования в лице ректора **Владимира Викторовича Васильева**, Самарский филиал Московского городского педагогического университета в лице директора **Галины Ефимовны Козловской** и самарскую гимназию N 1 в лице директоров **Александра Федоровича Каймакова** и **Любови Владимировны Картамышевой** за предоставление помещения для проведения мероприятий.

- СГОО «Союз молодых учёных» в лице председателя **Светланы Юрьевны Теплых** и СГМОО «Педагогический клуб “Радуга”» в лице председателя **Юлии Владимировны Рябевой** и сотрудников **Екатерины Евгеньевны Асташиной** и **Юрия Рувимовича Майстровского** за организационную и консультативную поддержку.
- Тольяттинский государственный университет в лице ректоров **Сергея Фёдоровича Жилкина**, **Ольги Александровны Лышовой** и **Михаила Михайловича Криштала**, общественное движение «Декабрь» в лице председателя и заместителя председателя Совета **Сергея Игоревича Андреева** и **Николая Евгеньевича Лёксина**, а также Сообщество «НП» за поддержку Тольяттинского филиала Сообщества.
- Московский городской педагогический университет в лице ректора **Виктора Васильевича Рябова**, Самарский государственный университет путей сообщения в лице ректора **Александра Владимировича Ковтунова**, за поддержку других подразделений Сообщества.
- Участников наших форумов «Межкультурный диалог»: заместителя председателя комитета по образованию и науке Самарской губернской Думы **Иванова Сергея Евгеньевича**, председателя комитета по образованию и науке Самарской городской Думы **Гриднева Анатолия Николаевича**, консультанта губернатора Самарской области по этническим вопросам **Надежду Петровну Осипову**.
- Многократных председателей и ведущих различных секций конференций и круглых столов наших форумов профессора Ольгу Борисовну **Леонтьеву** и доцентов Светлану Николаевну **Фазульянову**, Александра Анатольевича **Бельцера**, Александра Николаевича **Демидова** и Константина Михайловича **Макитрина**.

К счастью, наши цели и наша работа не оставляет людей равнодушными, поэтому невозможно перечислить поимённо всех, кто оказывал и оказывает нам содействие, но всем им мы говорим искреннее «СПАСИБО!».

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

Самарская городская общественная организация «Сообщество молодых учёных» (до 2009 г. – Гуманитарная секция СГОО «Союз молодых учёных») представляет Вашему вниманию сборник трудов членов Сообщества и участников конкурсов и межрегиональных молодёжных научных форумов, проведённых Сообществом в 2010 г. Среди участников форумов молодые учёные – студенты, аспиранты и кандидаты наук из Самары, Москвы, Тольятти, Архангельска, Орла, Уфы, Смоленска, Тулы, Рязани, Бишкека и Тарту.

«Сообщество молодых учёных» действует с 2006 г. и состоит из трёх бывших структурных подразделений СГОО «Союз молодых учёных», перешедших в 2009 г. в Сообщество: Гуманитарная секция (координатор – аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии С.А. Гомонова); Московский филиал (координатор – кандидат исторических наук И.А. Соколов); Тольяттинский филиал (председатель – сотрудник Тольяттинского государственного университета И.А. Власенко). В 2009 г. в состав Сообщества была создана Редакционная коллегия и включен Молодежное межвузовское добровольческое движение «Центр социальных проектов» (руководители: С. Андриянов и Ю. Чигарева), проводящий массовые мероприятия для молодежи по социализации и пропаганде здорового образа жизни. Все эти структуры вместе насчитывают 140 членов и кандидатов, среди которых представители 17 регионов РФ, стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Израиля, Молдавии, США, Узбекистана, ФРГ. Количественное и качественное развитие Сообщества непосредственно связано с успешной реализацией его коллективом ряда серьезных научных и социально-значимых проектов (подробнее см.: http://nausphera.ucoz.org/index/proekty_i_meroprijatija_soobshhestva/0-20):

- Организация и проведение открытого регионального форума «Гражданское общество в борьбе с коррупцией: история и современность» при поддержке гранта СРОО ИЭКА «Поволжье», 2007 г.;
- Подготовка и проведение открытого регионального молодёжного научного форума «Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности» при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, 2007 г.;
- Издание иллюстрированной просветительской брошюры «Самара – город всероссийского значения», 2008 г. (при поддержке гранта Комитета по делам молодежи Администрации г.о. Самара).

Отдельно отметим проекты, реализованные в 2007–2008 гг. при поддержке грантов Министерства культуры и молодёжной политики Самарской области:

- Создание «Электронной библиотеки по истории, археологии, этнографии Среднего Поволжья» на сайтах <http://ysa-human.ishimon.net> и <http://ysa-human.narod.ru/bibl.html>;

- Создание электронной интерактивной культурно-исторической карты Самарской области на сайте <http://samaramapsmu.ucoz.com>;
- Создание просветительской краеведческой видеозаписи «По улицам старой Самары».

Помимо этого Сообществом осуществляется выпуск **Научного молодёжного ежегодника** и других изданий: всего выпущено 9 сборников научных статей (последний из них Вы держите в руках), а также 4 брошюры (методические и просветительские) и 1 DVD-диск с фильмом о Самаре. Всего нами опубликовано более 250 работ молодых учёных из 35 городов РФ и ближнего зарубежья в количестве 2700 экземпляров. Эти книги издаются в Самаре, Москве и Тольятти и распространяются по библиотекам городов и учреждений всех федеральных округов РФ (через Книжную палату), Израиля и Украины. Подробнее об изданиях см.: http://nausphera.ucoz.org/index/teksty_izdaniij_soobshhestva/0-22.

16 января 2009 г. при организационном содействии руководства «Сообщества молодых учёных» открылся и приступил к работе новый консультативный представительный орган научной молодёжи – **Совет молодых учёных** при Комитете по делам молодежи Администрации городского округа Самара. Аналогичный орган создан в Тольятти при участии местного филиала Сообщества.

Сообщество активно сотрудничает со школами региона. В ноябре 2006 г. члены Сообщества участвовали в организации и проведении областного марафона «Вехи истории» (МОУ гимназия №1). В декабре 2008 г. было проведено 15 презентаций печатных и электронных краеведческих просветительских изданий Сообщества и вручение их в дар учебным заведениям. В 2006–2010 гг. мы участвовали в организации международного конкурса исследований учащихся «Уроки благотворительности».

28 апреля 2009 г. Тольяттинским филиалом проведён очный тур городского конкурса исследовательских работ школьников «**История моей семьи**», в котором приняли участие более ста учащихся и педагогов. В апреле 2010 г. конкурс был проведен вновь и приобрел статус ежегодного областного мероприятия (подробнее см.: http://nausphera.ucoz.org/index/semeynye_istorii/0-27).

В результате участия членов СГО «СМУ» во Всероссийском молодёжном образовательном Форуме «Селигер-2009» была создана сеть сообществ активной, талантливой и одарённой молодёжи «**АТОМ**» (группа на сайте «ВКонтакте»: <http://vkontakte.ru/club115677>).

Каждый год Сообщество проводит **межрегиональный молодёжный научный форум** (всего проведено 6 форумов): 25 марта 2007 г. – «Гражданское общество в борьбе с коррупцией: история и современность»; 17 ноября 2007 г. – «Межкультурная дистанция и межкультурный диалог в истории и современности»; 14 ноября 2008 г. – «Мир глазами молодых исследователей».

7 ноября 2009 г. в Тольяттинском филиале проведён Форум **«Молодёжная политика в России: проблемы, идеи, решения»**. Около 100 представителей общественных организаций, молодёжных сообществ, власти и образовательных учреждений Самарской и Ульяновской областей представили своё видение молодёжных проблем.

14 марта 2010 г. на базе Комитета по делам молодежи Администрации г.о. Самара состоялся Форум СГО «СМУ» **«Неактуальные» проблемы общества и науки**, собравший молодых исследователей различных отраслей гуманитарного знания и социальных наук. Во второй части мероприятия состоялся круглый стол на тему «Научное сообщество и общественные организации в современной России: проблема взаимодействия», где приняли участие представители СГО «СМУ», «Молодой Гвардии Единой России» и сети сообществ «АТОМ».

Результатом круглого стола 14 марта 2010 г. стало создание единой дискуссионной площадки Самарской области **«ДиПлоДОК»** (Дискуссионная площадка для общения и коммуникации, сайт: <http://nausphera.ucoz.org/index/diplodok/0-26>). В эту сеть под руководством «Сообщества молодых учёных» вошли дискуссионные клубы «Молодой Гвардии Единой России», Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика С.П. Королева, Самарского государственного университета, Тольяттинского государственного университета. С марта по май 2010 г. состоялось 10 круглых столов «ДиПлоДОК».

21 июня 2010 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке состоялась Межрегиональная скайп-конференция **«Общество и война: вчера, сегодня, завтра»**, приуроченная к 65-летию Парада победы на Красной площади. В конференции приняли участие молодые учёные Самары, Тольятти, Москвы, Уфы, Архангельска и Бишкека.

30 января 2011 года в Самарской областной универсальной научной библиотеке состоялся VII Научный форум, организованный Сообществом **«Межкультурный диалог: пути развития и перспективы»**. Соорганизаторами и участниками форума выступили: Молодёжное правительство Самарской области, Межвузовская ассоциация иностранных студентов Самары (МАИС), Департамент по делам молодёжи Самарской области, Молодая гвардия Единой России, самарский Дом Дружбы народов и другие организации. От имени правительства и губернатора Самарской области участников форума напутствовали: В.В. **Лихачёв** (руководитель Департамента по делам молодёжи) и Н.П. **Осипова** (консультант по этническим вопросам).

В концертной программе прозвучали зажигательные песни на английском, казахском и ногайском языках, исполненные парнями и девушками в красивейших национальных костюмах. Презентации деятельности и проектов молодёжных общественных организаций, движений и учреждений вызвали не меньший

интерес: оказалось, что даже организации, не имеющие прямой задачей налаживание межкультурного диалога, в своей деятельности так или иначе касаются этой проблемы и предпринимают действия для её решения: любое совместное мероприятие или акция стирают различия между национальностями и способствуют диалогу. Затем молодёжные общественные организации, движения и учреждения презентовали свои социальные проекты, рассказали о своей деятельности. В рамках форума прошла конференция молодых учёных под председательством д.и.н., профессора Ольги Борисовны **Леонтьевой** и к.с.н., доцента Светланы Николаевны **Фазульяновой**. Научные доклады в секциях, посвящённых исторической и философской проблематике межкультурных отношений, представили не только самарские учёные, но и руководитель Лектория "Лицом к лицу" Бэлла **Шахмирза** (г. Москва) и д.и.н., профессор Леонид **Гусман** (г. Санкт-Петербург).

13 ноября 2011 работа форума **«Межкультурный диалог на переломе эпох»** была продолжена в стенах Самарского института повышения квалификации работников образования. Форум традиционно собрал вместе молодых учёных и молодых лидеров общественных и государственных структур для конструктивного обсуждения перспектив развития общества.

Деятельность «Сообщества молодых учёных» получила общественное признание и освещается в региональной прессе (газетах «Волжская коммуна», «Комсомольская правда», «Репортёр»), на телеканалах («ГТРК-Самара», «ГИС ТВ») и новостных интернет-порталах. Опыт и достижения нашей организации обсуждались в 2008 г. на международных конференциях педагогических работников в Москве и молодых учёных в Дубне и Смоленске, в 2009 г. в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на форуме «Селигер», в 2010 г. в Архангельске, Белгороде и вновь на «Селигере». Руководство Сообщество было приглашено и принимало участие в работе круглого стола в Государственной Думе РФ (Москва, февраль 2008 г.) и на мероприятиях в Самаре и Новокуйбышевске (март 2009 г.), на международных формах «Весенний Селигер» (2009 и 2010 гг.), «Инновационный конвент», «Мы говорим на одном языке» и «Прорыв» (2009 г.).

Мы рады любому сотрудничеству со всеми заинтересованными в развитии отечественной науки и рассчитываем на новые совместные достижения.

Per aspera ad astra!

С глубоким уважением,
 Президент СГОО «Сообщество молодых учёных»,
 кандидат исторических наук
Репинецкий Станислав Александрович

Dear Friends and Colleagues,

Samara Municipal Fund “*Union of Young Scientists*” which functioned before 2009 as a section of humanities within Samara Municipal Fund “*Union of Young Scientists*” presents you the collected articles of its members and the participants of competitions and forums held by the Union in 2010. Among the participants there are young scientists: undergraduate, postgraduate students and Ph.Ds from Moscow, Samara, Ufa, Smolensk, Tula, Ryazan, Bishkek and Tartu.

Union of Young Scientists has functioned since 2006 and consists of three former Union of Young Scientists structural subdivisions: a group of humanities (the coordinator is a postgraduate student of Samara State Academy of Social Sciences and Humanities S.A. Gomonova); Moscow branch (the chairperson is the candidate of History I.A. Sokolov); Togliatti branch (the chairperson is a postgraduate student and a teacher at Togliatti State university I.A. Vlasenko). In 2009 the *Union* incorporated the Centre of Social Projects conducting mass events for young people to socialize and promote healthy lifestyles. Besides, the Editorial Board is working in the Union.

All these structures together comprise 135 members, including representatives of various cities of Russia and abroad (Israel, Moldova, USA, Uzbekistan and Germany). Quantitative and qualitative increase in the membership of the Section of Humanities is directly related to the successful realization of a number of major scientific and socially significant projects

1. An open regional forum conferencing “**Civil Society vs. Corruption: recent and present days**” supported by regional fund “Povolzhje”, 2007

<http://ysa-human.narod.ru/kor-fo.html>

2. Regional Youth Science Forum conferencing “**INTERCULTURAL DISTANCE AND INTERCULTURAL DIALOGUE IN RECENT AND PRESENT DAYS**” supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation, 2007

<http://ysa-human.narod.ru/intercult.html>

3. Publication of an illustrated educational brochure “Samara - the city of all-Russian significance” supported by Samara Committee for Matters Concerning Young Persons.

We'd like to mention separately the projects implemented in 2007 - 2008, supported by grants of Ministry of *Cultural Affairs* and Youth Policy of Samara Region:

4. Creation of «**Electronic library of the history, archeology and ethnography of the Middle Volga Region**»

<http://ysa-human.ishimon.net> and <http://ysa-human.narod.ru/bibl.html>

5. Creation of electronic interactive **cultural and historic maps** of Samara region <http://samaramapsmu.ucoz.com>

6. Release of educational film «**Walking the streets of old Samara**».

Apart from this Section of Humanities is responsible for **issuing** the Youth Research Yearbook and other publications: all in all 6 collections of articles (the latest you are holding in your hands), 2 booklets (methodical and educational) and 1 film

about Samara. In total we have published more than 180 works of young scientists from 30 cities of Russia and neighboring countries in the number of 1850 copies. These books are distributed to the city libraries and institutions of all federal districts of Russian Federation, Israel and Ukraine. More information about our editions you may find on our webpage

<http://ysa-human.narod.ru/editions.html>.

With the active support of the «Union of Young Scientists» a new advisory *representational body* of young scientists' affairs, **Council of young scientists** of Samara **municipal Administration Committee** for **Youth Affairs**, was open and set to work on January 16, 2009. Administration of the Union takes an active part in developing the concept and rules of the Council, provides information and organizational support of its activities.

The Union cooperates with schools in Samara region. In November 2006, its members participated in organizing and conducting a regional marathon "Milestones" at Gymnasium №1. In December 2008 we gave 15 presentations of the Union printed and electronic local history editions and awarding them as gifts to educational institutions. In 2006 - 2010 years we took part in organizing an international competition of students' research, "Lessons of Charity".

As a result of the *Union* participation in All-Russian Youth Educational Forum "Seliger-2009" a network of active and talented young people's communities "Atom" was established. Hopefully, the network of communities "Atom" will be able to accumulate power and resources to implement projects aimed at creating new technologies and promoting project activities and innovation. Our website is: <http://vkontakte.ru/club115677>.

Every year the *Union* holds inter-regional Youth Science Forums. Six forums of this kind have been held so far. On 25th March, 2007 there was a forum on "Civil Society Fighting Corruption: History and Modernity", On November 17 in 2007 the subject of the forum was "Cross-cultural Distance and Cross-cultural Dialogue in the History and the Present". On November 14, 2008 the forum focused on "The World through the Eyes of Young Researchers".

On 7th November, 2009 at Togliatti branch of the *Union* a forum was held on "Youth Policy in Russia: Problems, Ideas and Solutions". About 100 representatives of communities of young people, government and educational institutions of Samara and Ulyanovsk regions demonstrated their vision of youth problems.

On March 14th, 2010 a new forum funded by Samara Administration Committee of Youth Affairs and held by the "*Union of Young Scientists*" on "Irrelevant" Problems of Society and Science" brought together young researchers of various fields of humanities and social sciences. In the second part of the event, there was a roundtable on "The scientific Union and civil society organizations in modern Russia: the problem of interaction". Representatives of UYS, "Young Guard of United Russia" and the network of communities "Atom" took part in it.

As a result of the round table, a discussion area “DiPlODOC” (Discussion Platform for Communication, on <http://nausphera.ucoz.org/index/diplodok/0-26>) was established. The network headed by the *Union of Young Scientists* includes discussion clubs of “Young Guard of United Russia”; of Samara Aerospace University; of Samara State University, and of Togliatti State University. Ten round table “DiPlODOC” discussions were conducted in March – May 2010.

On 21st July 2010 an Interregional Skype conference on “Society and War: Yesterday, Today and Tomorrow ” was held at Samara Universal Scientific Library to celebrate the 65th anniversary of Victory Day parade on Red Square, held June 24, 1945 r. For the first time, young scholars were able to use the latest technology for a joint interactive discussion of various issues. Young scientists from Samara, Togliatti, Moscow, Ufa, Archangelsk and Bishkek took part in the conference.

January 30, 2011 in Samara Oblast Universal Scientific Library of the VII Scientific Forum organized by the Community of "Intercultural dialogue: the development and prospects." November 13, 2011 Work Forum "Intercultural Dialogue" was continued in the walls of the Samara Institute for Advanced Studies educators. Forum has traditionally brought together representatives of young scientists and young leaders of public and government for the constructive discussion of the prospects of development of society.

Various activities of UYS have already received public recognition and coverage in the regional press (newspapers “Volzhskaya Kommuna”, “Komsomolskaya Pravda”, “Reporter”) and on TV (State TV and Radio Company “Samara” and GIS TV). The valuable experience and achievements of our organization were widely discussed: in 2008 at international conferences of educators in Moscow; of young scientists in Dubna and Smolensk; in 2009 in St-Petersburg, Nizniy Novgorod and at Seliger convention; in 2010 in Archangelsk, Belgorod and at Seliger once again. UYS leaders were invited to and participated in a round table discussion at the State Duma of Russia (Moscow, February 2008), in various activities in Samara and Novokuibyshevsk (March 2009 and also in international conventions “Seliger” (2009 and 2010), “Innovation Convent” and “Breakthrough” (2009).

We are highly interested in all kinds of cooperation with everyone who is concerned about national science development and hope that together we can achieve more. Per aspera ad astra!

Stanislav Repinetskiy

PhD, President of Samara Municipal Fund “Union of Young Scientists”

Раздел 1. «История и краеведение»

А.В. Осетрова, студент
Белгородский государственный университет

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В работе делается исследование места и роли различных памятников классической античности, собранных в Константинополе IV-VI вв., для репрезентации имперской идеологии.

Начало фактического разделения Римской империи на латинский Запад и греческий Восток следует отнести, по всей видимости, уже к IV столетию, когда в системе домината и тетрархии была заложена военно-политическая децентрализация (в сочетании с усилением авторитаризма самой власти).

Период великого равновесия всех элементов и векторов эволюции – эпоха Антонинов – сменилась кризисом и распадом государства в III в. Выйдя из кризиса, империя стала другой. Среди важнейших нарушений равновесия «золотого века» стал ощутимый новый рост влияния восточных провинций.

Постепенно, на фоне общего перераспределения властных центров и самой власти из Рима в регионы, возникает идея второй столицы, которая придала бы растущему влиянию Востока новый статус.

Новый Рим – Константинополь – в идеологическом плане стал изначально «дважды рожденным». В 330 г. он был прежде всего новой имперской столицей и носителем традиций государственности, а также муниципальной организации. И то, и другое было еще античными феноменами. Наряду с этим, город строился одновременно и как христианская столица, но как она должна была выглядеть внешне, пока никто не знал.

Реальное формирование облика Нового Рима, таким образом, породило такой интересный феномен, как кумуляция античных классических памятников и включение их в топографию нового города – христианской столицы. Эта двойственность является одним из ярких феноменов именно позднеантичной эпохи, когда сочетание почти не сочетаемого давало уникальный эффект не просто эклектики, но единого, хотя и разнородного целого.

Феномен концентрации памятников предшествующей эпохи в новой столице не нов. Достаточно вспомнить эллинизацию самого Рима, сопровождавшуюся свозом культурных памятников (правда, преимущественно малых форм) из Эллады. Также и в дальнейшем, в Средние века и Новое время, это явление наблюдалось неоднократно, достаточно назвать «медных коней»,

вывезенных в Киев из Херсонеса Таврического князем Владимиром, или древнеегипетские памятники Санкт-Петербурга¹.

В Константинополе IV-V вв. постепенно были собраны самые разные античные памятники достаточно крупных форм, что отличает эту кумуляцию от других. При этом их четко выраженный античный характер, видимо, не смущал творцов имперской идеологии.

При этом ни у Кодина, ни у Никиты Хониата мы не находим сколько-нибудь точных сведений об античных статуях, которыми первые императоры – Константин, Феодосий и Аркадий – наполнили свою столицу. Н.П. Кондаков отметил, что позднейшие византийцы «тщеславились этим повсеместным хищением античных древностей со всей империи для своей столицы, но не понимали ни их относительного достоинства, ни их значения»².

Среди памятников такого рода можно назвать, прежде всего, крупные статуи античных божеств – Афродиты, Афины и т.д., памятники в честь важных исторических событий Эллады и даже один египетский обелиск, правда, со времен эллинизма инкорпорированный в античную культуру.

Одним из наиболее важных источников по данной теме может служить хроника Марцеллина Комита, жившего и работавшего в Константинополе уже в эпоху Юстиниана.

В 5-м регионе Константинополя находился Стратегион, в котором, кроме всего прочего, находилась женская бронзовая статуя Тихэ, или Фортуны города³. Как сообщает Марцеллин, пожар 510 г. расплавил одну из ее рук, которая была быстро восстановлена.

Египетский обелиск, первоначально посвященный фараону Тутмосу III, как записывает Марцеллин Комит под 390 г., все еще продолжал стоять на ипподроме⁴. Два императора – Константин II (337-361) и Юлиан (361-363) – пытались переправить его в Константинополь, но лишь Феодосию в итоге удалось добиться окончательного успеха. Он был установлен за 30 дней⁵ под руководством Прокула¹.

¹ См.: Кнабе Г.С. Русская античность. М.: РГГУ, 2000.

² Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. М.: Индрик, 2006. С. 165.

³ Janin R. Constantinople Byzantine: développement urbain et repertoire topographique. P.: Institut Français d'Etudes Byzantines, 1964. P. 431-432.

⁴ Ibid. P. 189-191.

⁵ Rebenich, Stefan. Zum Theodosius-Obelisk in Konstantinopel // *Istanbuler Mitteilungen*. 1991. №41. S. 447-476; Bruns G. Der Obelisk und seine Basis auf der Hippodrom zu Konstantinopel // *Istanbuler Forschungen*. 1935. №7. S. 60; Effenberger A. Überlegungen zur Aufstellung des Theodosios-Obelisk im Hippodrom von Konstantinopel // *Innovation in der Spätantike* / Hrg. B. Brenk. Wiesbaden, 1996. S. 213; Effenberger A. Nochmals zur Aufstellung des Theodosius-Obelisk im Hippodrom von Konstantinopel // *Gymnasium. Zeitschrift für Kultur der Antike und humanistische Bildung*. Bd. 114. H. 6. Heidelberg, 2007. S. 598; Wirsching,

СТАТУЯ ЗЕВСА ОЛИМПИЙСКОГО – колоссальная статуя древнегреческого скульптора Фидия (490-430-е гг. до н.э.). Являлась лучшим его произведением и относилась к семи чудесам света. Была выполнена в хрисозлефантинной технике: на основу из твердых пород дерева аппликовали слоновую кость и золотой лист. Создана между 447 и 432 гг. до н.э. для храма Зевса в Священной роще (Альтисе) Олимпии. Громовержец был изображен сидящим на троне с державой в руке, на которой находилась скульптура Ники, также выполненная в хрисозлефантинной технике. В правой руке находился скипетр с сидящим на нем орлом. Высота скульптуры составляла 12,375 метра, а высота Ники – два метра. Мраморная база возвышалась на один метр. Отреставрирована во II в. до н.э. после сильнейшего землетрясения скульптором Дамофонтом Мессенским. После 393 г., при императоре Феодосии Великом (379-395 гг.), была вывезена в Константинополь. Во время пожара, возникшего из-за поджога библиотеки Константинополя в результате народных волнений против императора-узурпатора Василиска (475-476 гг.) в связи с его попыткой изгнать из Константинополя патриарха Акакия, статуя сгорела в одном из дворцов.

СКУЛЬПТУРА НИКИ – бронзовая статуя, помещенная, вероятно, на Гирилимниевых воротах влахернского участка стен Константинополя. Богиня была изображена стоящей на позолоченном шаре в позолоченной накидке, которую она придерживала рукой. В связи с неоднократными многочисленными попаданиями в нее молний во время гроз, не причинявшими вреда скульптуре, среди константинопольцев сложилось поверье о том, что она, притягивая их, хранит город. Также была выполнена в хрисозлефантинной технике (аппликация золота и слоновой кости по каркасу из твердых пород дерева). Закончена в 438 г. до н.э. Первоначально находилась в Парфеноне на афинском Акрополе. Статуя высотой около 12 м находилась на мраморной базе 1,5x4x8 м. На правой вытянутой руке находилась двухметровая статуя богини Ники, венчающая Афины золотым лавровым венком. Левая рука опирается на стоящий у левой ноги щит. К левому плечу прислонено копье острием вверх до уровня среднего, самого высокого из трех гребней, украшавших шлем. Средний гребень изображал рождение сфинкса. Эгида Афины и обнаженные части тел статуй были покрыты пластинами слоновой кости. Одежда и украшения - из золота. Щит был покрыт слоновой костью, а с внешней стороны украшен золотой чеканкой, изображающей битву афинян с амазонками на подступах к Акрополю. В V в. статую перевезли в Константинополь, где она вскоре и сгорела во время одного из пожаров. Сохранилось множество античных копий произведения, а также копии элементов одежды и вооружения. Самой точной считается римская

Armin. Obelisk transportieren und aufrichten in Ägypten und in Rom. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2010.

¹ О Прокуле см. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260—395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 746-747.

мраморная Афина Варвакион – копия II в. Однако из-за используемого материала скульптор вынужден был использовать колонну-подпорку под ее правую руку.

СТАТУЯ АФРОДИТЫ КНИДСКОЙ (ЭВПЛОЙА) – величайшее произведение древнегреческого скульптора Праксителя (390-330-е гг. до н.э.). Создана между 364 и 361 гг. до н.э. Находилась в святилище Афродиты, называемой Книдцами Покровительницей счастливого плавания. Моделью послужила гетера Кратина. В IV в. привезена в Константинополь. Сгорела во время грандиозного пожара в 476 г. Сохранилось свыше 50 античных копий, в т.ч. римская II в., хранящаяся в музее Ватикана.

СТАТУЯ АФИНЫ ЛИНДИИ – статуя богини Афины из цельного кристалла изумруда высотой в 4 локтя (187,2 см), произведение Скиллида и Дипойна, скульпторов VI в. до н.э. Первоначально была установлена в святилище Афины в г. Линд (отсюда и название) на о. Родос в правление тирана Клеобула. В 43 г. до н.э. во время разграбления острова Гаем Кассием Лонгином, соратником Брута, изваяние попало к республиканцам, а после их поражения в гражданской войне было доставлено в Рим в качестве трофея. В IV в. статуя привезена в Константинополь и хранилась на территории комплекса Большого дворца. Погибла во время его разграбления константинопольской чернью в XII в.

СТАТУЯ МОРСКОГО ЧУДОВИЩА – бронзовая скульптурная группа на разделительном барьере Большого константинопольского ипподрома. Представляла собой ужасного вида женщину, нагую по пояс. Ее нижняя часть состояла из множества щупалец, которыми она хватала людей с проходящего мимо корабля. Вероятно, являлась произведением скульптора Скопаса Старшего (2-я пол. V в. до н.э.), прославившегося бронзовыми статуями и скульптурными группами реальных морских и мифических существ. Разбита крестоносцами в 1204 г. и пущена на монеты.

Анонимный источник (*De Antiquitatibus Constantinopolitanis*) сообщает, что даже в церкви Св. Софии из 427 статуй большинство было «эллинскими», в том числе Зевс, Крон, 12 фигур зодиака, Селена, Афродита, Арктур, Афина, Ирида и др. Аноним сообщает, что все эти статуи, рассеянные по городу, Юстиниан собрал в свой громадный храм. Вместе с тем, «если кто из людей сведущих пожелает обойти город, ища других статуй, найдет их немало»¹.

Имелся и еще целый ряд памятников, свезенных в Константинополь, но им должна быть посвящена отдельная работа.

Кроме того, новая имперская столица, подобно старому Риму, стала объектом нового строительства памятников, следовавших классической традиции и также репрезентировавших имперскую идеологию - монументальные колонны Константина, Феодосия, Аркадия, Маркиана, термы Зевксиппа, Ахилла и Аркадия, комплекс построек ипподрома, цистерны и т.д.

¹ Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. С. 165-166.

Все это в совокупности создавало образ Нового Рима как столицы мира. Характерно, что для цели создания образа христианской столицы в полной мере были использованы памятники классической античности.

МИРОВАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СТРАН ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

С.А. Репинецкий, к.и.н.

Московский городской педагогический университет (Самарский филиал)

Статья посвящена истории человеческой цивилизации последних двух столетий, рассмотренной как процесс либерализации мира. Наиболее важные события на этом пути произошли с середины XIX до середины XX веков. Указанный период назван Мировой либеральной революцией; в статье раскрывается данное понятие и его основные характеристики. На примере России рассмотрен механизм влияния описанных глобальных процессов на так называемые «страны догоняющего развития», то есть общества, принимающие, а не генерирующие социальные модели.

Либерализм возник в Новое время в недрах англо-саксонской и романо-германской цивилизаций, то есть в странах Западной Европы (Англия, Франция, Нидерланды) и США. Наиболее ярким выразителем либерализма как стратегии преобразования мира и человеческого общества можно считать Адама Смита – изобретателя так называемой «невидимой руки рынка» – равнодействующей всех сил экономически активных лиц. Смит вывел простой закон: если каждый человек свободен от ограничений в своей деятельности (речь шла об экономике, но сама идея оказалась достаточно универсальной), то из эгоистических соображений он стремится к процветанию. Логично предположить, что большинство людей достаточно успешны, чтобы сколько-нибудь преуспеть в этом стремлении: они повышают свою производительность труда, создают новые бизнесы, что-то изобретают и т.д.¹

Таким образом, большинство людей повышают качество своей жизни. В результате повышения качества жизни большинства членов общества увеличивается и уровень развития и благосостояния общества в целом. Так, эгоизм каждого отдельно взятого человека в условиях свободной деятельности приводит к улучшению общества и всего мира. За последние века написаны тома сочинений либералов, детально раскрывающих эти процессы² и отвечающих на

¹ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: A Selected Edition / Ed. by Kathryn Sutherland. Oxford (UK): Oxford Paperbacks, 2008.

² См. работы А. Смита, Д. Рикардо, Д.С. Милля, И. Бентама, Б. Константа, Л. Гобхауса и др.

многочисленные возражения их оппонентов (написавших еще больше томов). Нам же важен принцип: человек работает на себя и при этом улучшает весь мир, совершенно об этом не заботясь, значительно эффективнее, чем те, кто специально задался такой целью, ведь эгоизм – самый верный стимул для человека.

Либерализм, по существу, представляет собой идеологию индивидуализма, прав и свобод личности во всех сферах жизни общества:

1. в философии это выражается в антропоцентризме и признании человеческой личности главной ценностью,
2. в политической области это проявляется в отстаивании институтов гражданского общества и выборного представительного правления,
3. в социальной – в защите гражданских свобод,
4. в экономической – в защите частной собственности и свободы рынка.

Данный подход основан на современных достижениях социально-гуманитарного знания¹. Основы теоретического либерализма были заложены англичанами: в политике – Томасом Гоббсом и Джоном Локком, а в экономике – Адамом Смитом. Их соотечественник Джон Стюарт Милль сформулировал основы либеральной парадигмы: «Over himself, over his own body and mind, the individual is sovereign. ... I regard utility as the ultimate appeal on all ethical questions; but it must be utility in the largest sense, grounded on the permanent interests of man as a progressive being. ... To make any one answerable for doing evil to others is the rule...»².

Англия, Франция, Нидерланды и США стали первыми в мире либеральными странами: начав свой путь в этом направлении после своих «буржуазных революций», они его в основном завершили уже к концу XVIII века. Это означало, что лишь на территории четырех очень небольших на тот момент государств существовала неприкосновенность личности и святость частной собственности, мировоззрение прогресса и правового равенства, представительное правление и свобода слова. Обращает на себя внимание (к

¹ См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М.: Логос, 2003; Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 – 1914. М.: Русский путь, 1995; Наумов А.С. Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране (конец 18 – начало 20 веков). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007; Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995; Мизес Людвиг фон. Либерализм. М.: Социум-Экономика, 2001; Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный Двор. 2002; Offord D. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. L., N.Y.: Longman, 1999 и пр.

² «Над самим собой, своим телом и разумом человек является сувереном. ... Я рассматриваю пользу как окончательный ответ на все этические вопросы, но это должна быть польза в самом широком смысле, основанная на постоянных интересах человека как развивающегося существа. ... Для того чтобы любой нес ответственность за причинение зла другим, существуют законы ...» Mill J.S. On Liberty // The Great Political Theories. Vol.2. NY, 2008. P. 186-187.

чему мы еще вернемся), что эти характеристики либеральных государств выглядят для сегодняшнего человека совершенно само собой разумеющимися для любого нормального общества. Однако в тот период везде, кроме названных стран, жизнь протекала по кардинально иным принципам!

Достаточно посмотреть, что происходило в России. Вся полнота власти принадлежала только одному человеку, попадавшему на престол не вполне легитимным путем; имущество любого подданного, кроме дворян, могло быть конфисковано; значительная часть россиян находилась в рабстве у своих господ: они не только не владели никаким имуществом, но наоборот – сами продавались и покупались, как вещи; о свободе слова не было и речи, даже для высших сановников, порядок считался вечным и неизменным, а рассуждения о прогрессе зачастую расценивались как преступление... И не одна только Россия жила так! Этот порядок, кажущийся абсурдным и диким с позиций сегодняшнего дня, был в то время абсолютно обыкновенным и нормальным по всему миру, кроме нескольких либеральных стран.

К середине XIX века сложилась специфическая ситуация: с одной стороны, территория и населения, охваченные либерализмом, были ничтожно малы в глобальном масштабе (европейские державы тогда еще не распространяли либеральные порядки на свои колонии). С другой стороны, именно это территории и именно это население превратились в самые богатые и сильные страны и народы в мире и играли ведущую роль в мировой политике и экономике, которая резко контрастировала с их скромными размерами. Для других государств это означало одно: в соревновании общественных систем либерализм победил и в дальнейшем нелиберальные силы все больше отступают и сдают позиции либеральным силам.

В этот период происходит несколько военных конфликтов, в которых либералы полностью побеждают значительно превосходящего их числом противника и достигают, по существу, мирового господства. Захвачена огромная Индия (маленькой Англией), повержен огромный Китай (Опиумные войны), побеждена Россия (Крымская война), в США либеральный Север победил нелиберальный (рабовладельческий) Юг, несмотря на первоначальное превосходство последнего, и так далее. Основная причина всех этих побед – техническое превосходство либеральных государств. Основная причина этого превосходства – либеральная парадигма развития, обусловившая научно-технический прогресс (по существу, вообще прогресс – большинство других обществ пребывали в застое) и промышленный переворот.

Теперь мысленно перенесемся на сто лет вперед в середину XX столетия. Картина изменилась самым кардинальным образом. Во второй половине XX века практически вся планета стала более или менее либеральной. Либеральные принципы вошли во все основные нормы международного права и законодательства всех стран мира, на них стала строиться вся мировая

экономика. Абсолютных монархий или диктатур почти не осталось, рабство и крепостничество повсеместно сменилось наймом рабочей силы и т.д.

Даже страны социализма – по характеристикам своих экономических и политико-правовых систем – были гораздо ближе к либерализму, чем к феодальным порядкам или коммунизму. В них была частная собственность и товарно-денежные отношения, а не прямой продуктообмен, проводились выборы («буржуазный предрассудок», по словам В.И. Ленина), руководили партии и соблюдались основные гражданские права вместо «прямой революционной диктатуры пролетариата» и т.д. Что еще более важно: весь мир продолжал развиваться в сторону большего либерализма. Даже самый большой противник либералов того периода – СССР – становился все более либеральным: от Сталина к Хрущеву, от Хрущева к реформам Косыгина и т.д. Такую же эволюцию затем пережил Китай. К концу XX века осталось лишь несколько небольших государств (племенных деспотий или диктатур – военных или теократических), абсолютно далеких от либерализма: их совокупное население составляло едва ли не меньшую долю от мирового, чем население либеральных государств за век до того.

Такая разительная перемена, произошедшая с середины XIX до середины XX века в облике мира, позволяет утверждать, что в этот период произошла Мировая либеральная революция и либерализм смог стать стратегией, реально изменившей весь мир. Попытаемся проследить ход революции (причины, предпосылки, итоги и результаты мы кратко уже охарактеризовали).

Во второй половине XIX века либеральные порядки начали распространяться на большинство стран мира двумя путями. Либо они вводятся «коренными носителями» либерализма (англичанами, французами и т.п.) в подчиненных ими изначально не либеральных странах (так происходило, например, в Азии: либералы поняли, что даже их колониальные владения станут прибыльнее в условиях либерализма). Либо нелиберальные правительства еще свободных, но уже потесненных либералами, государств проводили либеральные реформы во избежание усугубления своей отсталости и сохранения своей власти (классические примеры – Россия, Австрия и Турция).

К началу XX века обозначилась дилемма: либерализм или нелиберализм. Смысл ее был в том, что частичные либеральные преобразования, которые шли по всему миру, оказались неэффективны и требовали кардинального перехода на либеральную модель или консервации долиберальных порядков. Колонии не могли строить либеральное общество (экономика которого была многократно доходнее всех прочих типов, поэтому колонизаторы сами подтолкнули этот процесс), оставаясь на положении колоний.

Так же и в старых полуфеодальных империях (Россия, Австрия, Германия и Турция) невозможно было создавать современную конкурентно способную экономику (которая была единственным средством не отстать от

либералов в гонке вооружений), сохраняя при этом самодержавие (абсолютизм), сословный строй, национальный и религиозный гнет и т.п. Революционная ситуация в империях и колониях подогревалась примером качественно лучшей жизни либеральных стран, устройству которой у себя дома мешали отжившие до-либеральные порядки.

Международные противоречия тоже формировались в силу этих конфликтов. Либералам нужны были новые колонии, поскольку увеличение эксплуатации прежних было уже невозможно или небезопасно. Полуфеодальным империям нужны были территориальные захваты для перенесения на новые земли основного бремени эксплуатации (своих ресурсов на борьбу с либералами – внутренними и внешними – уже не хватало) и растраты «революционной энергии» своих масс на борьбу с внешним врагом. При этом враг зачастую был надуманным и цели абсолютно далекие от реальных нужд страны и народа (яркие примеры: война России с Японией и Балканский вектор русской внешней политики).

Сложившаяся ситуация привела мир к бескомпромиссному конфликту либеральных сил и их противников – это можно назвать вооруженной частью мировой революции, выразившейся в двух мировых войнах. В ходе Первой Мировой войны блок либеральных стран («Антанта» во главе с Англией и Францией) столкнулся с блоком полуфеодальных империй (союз Австрии, Германии и Турции) и победил. Россия, которая по всем параметрам относилась к противникам либералов, тем не менее выступила в союзе с ними, что явилось несомненным успехом англо-французской дипломатии: этот блок выиграл обе мировые войны благодаря своей способности сдвинуть между собой своих политических антиподов – очень похожие и предназначенные друг другу в союзнки Россию и Германию.

В результате Первой Мировой войны разгромленными оказались все полуфеодальные империи, в том числе и Россия (примечательно, что итоговое поражение она потерпела от значительно более либеральной Польши, прежде входившей в Российскую империю). Либералы не смогли осознать масштабов победы либерализма и по-прежнему смотрели на побежденных как на не-либеральные силы. Поэтому – вместо того, чтобы перенести либерализм на новые страны, что закрепило бы их победу – они попытались превратить побежденных в колонии (Германия, Турция) или заблокировать как изгоев (Советская Россия).

Результат не заставил себя долго ждать, и произошло второе вооруженное столкновение либералов и не-либералов – Вторая Мировая война. Против блока Англии, Франции и США выступил блок тоталитарно-милитаристских государств в составе членов «Антикоминтерновского пакта» (Германии, Италии и Японии) и СССР. Как известно, в 1939-1941 гг. СССР являлся союзником Германии и вместе с ней участвовал в вооруженном разделе Восточной Европы: военным путем захватил частично территории Польши,

Финляндии, Румынии (в последнем случае – военным давлением) и прибалтийские республики полностью.

В ходе вооруженной борьбы роли поменялись: либеральной дипломатии удалось одержать победы в том, что либеральный блок был собран вместе (как известно, США до последнего колебались), а блок противников либерализма был наоборот расколот: СССР – как и Россия в Первой Мировой войне – по всем параметрам и характеристикам будучи близким и схожим со странами-агрессорами, тем не менее, в конечном итоге, был вынужден перейти на сторону либерального блока. Все эти манипуляции обеспечили полную победу либералов в войне и в очередной раз подтвердили конкурентные преимущества либерализма перед любыми другими системами.

В 1945–1950 гг. казалось, что либерализм либо вовсе не победил (поскольку мощь и влияние социализма и СССР были громадными и значительно превосходили довоенные), либо ему предстоит новая кровавая схватка с новым врагом – социализмом. В действительности, как нам представляется, это было не так. Социализм, с одной стороны, все больше эволюционировал в сторону сближения с либерализмом (чтобы это понять, достаточно сравнить европейские «народно-демократические» режимы после Первой и Второй мировых войн), а силы СССР и его союзников были настолько истощены войной, что уже не оставляли им никакого шанса на победу в глобальном противостоянии. Людские потери и опустошенные войной территории в основном относились именно к СССР и его союзникам – странам Восточной Европы, в том числе ГДР, и Китаю. Исход Холодной войны был предрешен.

В глобальной победе либерализма, во многом связанной именно с мировыми войнами, нельзя видеть некоего «везения» (будто бы им «повезло» в том, что война затронула их страны в меньшей степени). Причина этому – либеральная парадигма внешней политики, в которой – как и во всех других сферах деятельности – на первый план выступала и выступает исключительно польза. Полезно воевать с качественно слабейшим противником или вдали от своих земель, а воевать с равным по силам врагом и на своей территории – вредно. Поэтому либералы никогда не выступали в роли агрессоров в глобальном масштабе (обе мировые войны были развязаны их противниками), до последней возможности старались обойтись политическими средствами борьбы, в безвыходных ситуациях отступали и сдавались ради самосохранения.

В этом суть либеральной стратегии, поэтому либеральные страны – будь то «отсидевшиеся» за морями Великобритания и США или Франция и страны Бенилюкса, по всей территории которых прошла война – пострадали от войн несравненно меньше нелиберальных стран и при этом все вышли из нее победителями. Даже разоренные войной Япония и ФРГ, приняв либерализм, быстро оправались и вышли на лидирующие позиции в мире по экономике и уровню жизни граждан. Население же СССР, который начал боевые действия в первый же месяц Второй Мировой войны (гораздо раньше либералов) и вел

самую отчаянную борьбу с врагом, завоевало для себя право на жизнь и национальный суверенитет, но при этом бедность и позорное поражение в Холодной войне – оно, как уже говорилось, было predetermined.

Получается, либеральные правительства выгородили своих граждан телами и кровью нелиберальных подданных (советских, германских и др.), некоторым пришлось временно пожертвовать независимостью. Честно? Нет. Благородно? Нет. Полезно? Да. Правильно? Да. В глобальной политике и стратегии нет понятий честности и благородства – этого не было и в поведении СССР и Германии. Разница только в том, что либералы их переиграли и столкнули между собой и уже этим выиграли и Вторую Мировую и Холодную войны, и глобальное противостояние в целом. И не удивительно, что постепенно граждане нелиберальных режимов начали все больше завидовать гражданам либеральных; нелиберальные режимы вынужденно приобретали все больше черт либеральных и, в конце концов, либерализм охватил весь мир.

После Второй Мировой войны он пришел во всю Западную Европу, Японию, Республику Корею, постепенно стал проникать в Южную и Юго-Восточную Азию, колонии освобождались, а социалистически страны проводили либеральные реформы. К 1991 году социалистическая система окончательно рухнула и составлявшие ее страны стали на путь либерализма. Это дало основание Фрэнсису Фукуяме написать свою знаменитую работу «Конец истории и последний человек»: история как борьба закончилась полной победой либерализма.

Изображение исторического процесса здесь предельно схематично: для детального рассмотрения Мировой либеральной революции требуются тома самых серьезных исследований, однако основной вектор очевиден. Из четырех обозначенных в начале статьи составляющих либерализма 300 лет назад (почти) нигде в мире не было ни одной, сейчас практически во всех странах в большей или меньшей степени есть все и каждая. Мир стал либеральным, мы живем в либеральном мире. «Либерализм смог стать «здравым смыслом» современной исторической эпохи»¹.

Все наше современное мировоззрение пропитано идеями либерализма. Идеи прогресса, прав человека, представительности власти, собственности – этих идей не было в сознании наших предков или они были второстепенны до победы либерализма. Вся наша социально-политическая система построена по либеральной модели. Выборы, партии, парламент, конституция, равноправие, состязательный суд и т.д. – все это придумано европейскими либералами и не имело прямых аналогов в истории других народов. Однако мы не считаем это все «либеральным», а считаем «обычным» и «нормальным». Человека, считающего, что ему что-то принадлежит, или требующего адвоката в суде, или голосующего

¹ Шварцмантель Д. Идеология и политика / Пер. с англ. Е.В. Пызина. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. С. 88.

за какую бы то ни было партию, мы не назовем «либералом» – в современных понятиях это просто обычный нормальный человек. А ведь менее ста лет прошло с тех пор, как власть в России взяла партия коммунистов, всерьез собиравшихся отменить собственность, судить «по пролетарской сознательности», ликвидировать партии и т.д. И того, кто с этим не соглашался, совершенно справедливо считали либералом – сторонником либеральных идей.

Сейчас же все либералы, а те, кто либеральных идей не разделяют – напротив – стали выделяться в современном обществе как «экстремисты», «радикалы», «ненормальные» и т.д. Разве не так мы назовем человека, который откажется от своей собственности, всерьез потребует разгона парламента и передачи всей власти вождю, начнет чинить самосуд на улице (например, на принципах «пролетарской сознательности»)? А не так давно именно такое поведение было нормой для народа этой страны, а взгляды, похожие на взгляды подавляющего большинства наших современников, назывались «либеральными» и считались опасным отклонением.

На примере либерализма видно, как идея может изменить мир и повлиять на все стороны человеческого существования. В древности, когда цивилизации развивались автономно и контакты между ними были достаточно ограниченными, ключевые идеи «открывались» и «изобретались» каждым обществом отдельно: иногда они были схожи, иногда различны. Некоторые изобретения и открытия умирали вместе с генерировавшим их социумом, так и не став «достоянием человечества». Другие – наоборот, уже распространившись в глобальном масштабе, не затрагивали отдельных изолированных сообществ. Самый яркий пример – цивилизации индейцев, остававшиеся вплоть до Нового времени в стороне от основной линии развития человеческой культуры.

Это самый яркий и самый последний подобный пример. Процесс глобализации – слияние анклавов человеческих культур в единую цивилизацию человечества, который шел со времени расселения первобытных людей, в Новое время вступил в качественно новую решающую фазу. В сознании людей Земля приобрела свои законченные очертания, и был установлен контакт между всеми ее частями. После этого изолированное существование какой-либо идеи стало невозможно. В связи с этим, глобальная либерализация XIX – XX веков не может восприниматься как процесс самостоятельного развития разных обществ в схожих направлениях.

Возможно, что либеральные идеи возобладали бы с течением времени в различных обществах разных частей света, однако в глобальном мире на это не было времени: невозможно изобрести то, что узнается в готовом виде. В мире без белых пятен, единожды появившись, либерализм распространился и был признан в остальных странах в относительно готовом законченном виде, им оставалось лишь изучить готовую систему и адаптировать ее к своим специфическим условиям – они этим занимаются до сих пор с большей или меньшей успешностью.

Та же схема – «появление в одном месте – восприятие и адаптация по всему миру» – характерна для развития любого успешного социального изобретения в Новое и Новейшее время. В связи с этим, по отношению к каждому такому изобретению можно выделить дающие его миру страны и страны принимающие. Учитывая, что каждая отдельно взятая страна в подавляющем большинстве случаев занимает какую-либо одну позицию (или в основном дающая, или в основном принимающая), то их принято делить на «развитые» (это страны, дающие идеи, т.е. те, в которых передовой опыт зарождается, а не перенимается, их уровень развития, таким образом, передовой для человечества в целом) и «развивающиеся» (перенимающие передовые идеи и опыт). Относительно процесса заимствования идей эти категории можно назвать «идеодонорами» (страны, в которых рождаются всемирные идеи) и «идеоакцепторами» (страны, воспринимающие их).

Внутри второй категории стран принято выделять наиболее успешные как «страны догоняющего развития», указывая тем самым, что им удается адаптировать воспринятый чужой опыт наиболее успешно: они не просто развиваются, а «догоняют» лидеров. Именно к таким наиболее успешным идеоакцепторам относится и Россия, поэтому изучение ее опыта переживания Мировой либеральной революции может быть примером для понимания основных черт протекания исторического процесса в странах всей группы.

На протяжении всей своей истории России удавалось невероятное: заимствовать чужие идеи так, что, с одной стороны, эти идеи постепенно становились основой русской цивилизации, а с другой стороны – Россия становилась главным воплощением этих изначально чуждых ей идей в глобальном масштабе. По воле князя Владимира русских огнем и мечом крестили в византийское православие, через несколько веков православие стало неотделимо от русской цивилизации (до сих пор существует мнение, что это заимствование составляет ее суть), а Россия – главной православной державой мира.

Петр I заимствовал в Европе бюрократический абсолютизм, а уже через столетие Россия была образцом и главным поборником этой системы. Даже когда на родине бюрократического абсолютизма – во Франции – ее свергла либеральная революция, русские полки дошли до Парижа, чтобы вместо прогрессивного либерализма водворить анахронический абсолютизм (равно как и в других странах Европы). Напомним, что Россия начала войну против французской революции еще при Павле I, т.е. «нашествие Наполеона» было не причиной взятия русскими Парижа, а ответом на их нападение на Францию, причиной же было стремление русских царей задушить либеральную революцию в Европе. Как известно, либерализм все-таки пережил династию Романовых и их абсолютизм.

Заимствовав либерализм в середине XIX века, к началу XX века Россия вышла на одни из лидирующих позиций среди так называемых

«империалистических стран» (т.е. стран с либерально-экспансионистской моделью развития). Заимствовав идеи социализма и коммунизма из Западной Европы примерно в тот же период, Россия первой в мире успешно совершила социалистическую революцию и стала воплощением и главным оплотом социализма для всего человечества в XX веке. Уникальная и невероятная способность российской нации воплощать чужие идеи!

Рассмотрим теперь судьбу либеральной идеи в России. Для более точного понимания взаимосвязи Мировой либеральной революции с российской историей необходимо обратить внимание на соотношение понятий «Либерализм» и «Западничество» в российской общественно-политической мысли и историю связанных с этим фальсификаций.

Западничество в России всегда означало сознательное заимствование опыта стран Западной Европы и США (Романо-германской и англо-саксонской цивилизаций) и его использование в развитии российского общества или стремление к этому. В XVII–XVIII вв. в Западной Европе происходит промышленный переворот и складывание политической системы абсолютизма – плоды того и другого оказались достаточно привлекательными для правительства России, осознавшего отсталость своей страны.

Поэтому в XVII – XVIII вв. именно правительство стало «первым западником» России: широкие заимствования западных образцов начались при царе Алексее Михайловиче (Новоторговый Устав по образцу политики меркантилизма, полки нового строя по образцу европейских регулярных армий, церковная реформа по образцу западно-славянских церквей, приказная система по образу министерств, первые школы по образцу школ католических орденов и т.д.) и продолжились более активно при Петре I. Российские консерваторы – напротив – стремились защитить плоды заимствований прошлых веков (например, ранние старообрядцы защищали православие византийского образца, консервативные политики защищали монгольско-византийскую государственную систему, заимствованную Русью ранее, и т.д.) от новых заимствований. Западничество было идеологией и практикой правительства, а консервативным элементом выступала оппозиционная часть общества.

К XIX веку правительство преуспело в этом противостоянии и стало стремиться законсервировать ситуацию, выдавая скопированный им с европейских образцов бюрократический абсолютизм (последнее слово континентально-европейской политической науки XVII в.) за якобы «исконно русское самодержавие». Однако западная цивилизация в это время не стояла на месте и в XVIII в. сказала новое слово: господствующей политической теорией там постепенно становится либерализм и либеральные государства (Великобритания, Нидерланды, Франция, затем США) постепенно завоевывают мировое господство и строят всемирные империи. Видя это, правительство пытается ввести и в России некоторые либеральные элементы (политика просвещенного абсолютизма Екатерины II и Александра I), но сталкивается с

двумя непреодолимыми препятствиями: консерватизмом значительной части общества и необходимостью пожертвовать частью полномочий короны и привилегий высшего сословия на пути либерализации.

Эти факторы заставили российскую монархию (и – строго говоря – российскую власть вообще) с середины XIX века перейти с реформистско-западнических на консервативно-западнические позиции. С тех пор и до нынешнего времени российский правительственный консерватизм сводился, главным образом, к отстаиванию незыблемости бюрократической автократической государственности, заимствованной из Западной Европы первыми Романовыми. Официальная государственная консервативная идеология всегда стремилась выдать эту целиком заимствованную политическую систему за якобы исконно русскую.

В тот момент, когда политическая власть в России перестала представлять западническую тенденцию, сам Запад уже перешел от абсолютизма (даже просвещенного) к либерализму. Именно это общественное течение, проникнув в Россию и овладев умами передовой интеллигенции, стало новым российским западничеством к середине XIX в. Под либерализмом мы понимаем идеологию, в основе которой лежит принцип индивидуализма, выраженный в максимальных личных правах и полной личной ответственности во всех сферах жизни общества: в философии это выражается в антропоцентризме и признании человеческой личности главной ценностью, в политической области это проявляется в отстаивании личных прав и институтов гражданского общества, в социальной – в защите гражданских свобод, в экономической – в защите института частной собственности и свободы рынка и т.д.

Предтеча и учитель первых российских либералов – профессор истории Т.Н. Грановский – строил свою теорию на сопоставлении: он продемонстрировал, что в XVII в. Россия повторяла путь Запада, пройденный им в предыдущем столетии, в XVIII в. – повторила следующую стадию развития Западной Европы, которая для самой Европы уже была «вчерашним днем». Современная историку Россия XIX в. имела много черт Европейских государств прошлого столетия, но современные ему европейские государства уже активно шли по пути либерализации. Из этого очевидно напрашивался вывод, что их современное состояние показывает будущее России и Россия обречена повторить эту стадию развития передовых обществ так же, как она повторяла все его предыдущие стадии. Эта логика легла в основу российской либеральной идеологии, носившей ярко выраженный западнический характер.

Славянофильские, радикально-демократические и ведомственные направления общественной мысли – наоборот – нельзя относить к числу либеральных. Без индивидуализма, осуждаемого славянофилами, социального реформизма, не признаваемого радикалами, и гражданского общества, сдерживаемого бюрократией, никакая программа не может считаться

либеральной. Таким образом, понятие «российский либерализм», начиная с середины XIX в., идентично понятию «российское западничество». Правительство не приняло либерализма в виду необходимости ограничения его власти и полномочий; с середины XIX в., со времени зарождения российского либерализма, западничество превращается из официальной правительственной в оппозиционную общественную идеологию.

Либерализация России, в связи с этим, вынужденно (благодаря неуступчивости консервативного правительства и традиционалистски настроенного большинства народа и интеллигенции) носила насильственный характер и совершилась через проигранные войны (Крымскую, Русско-японскую, Первую мировую и Холодную) и три кровавые революции (1905–1907 гг., февральскую и 1991–1993 гг.). Последняя либеральная революция могла бы показаться бескровной (по сравнению с предыдущими российскими революциями), но опровержением этому служат три момента: множество межнациональных конфликтов на территории бывших Российской Империи и СССР, невероятный разгул преступности и огромная смертность населения в 1990-ые годы. Все эти события непосредственно связаны с революцией (поэтому их часто ставят в вину либералам, называя это «тем, что принес России либерализм»), но виноваты в них не либералы, а «не-либералы», которые на протяжении двух веков отчаянно сопротивлялись приходу либерализма и наконец довели страну до того, что Мировая Либеральная революция проявилась в России именно таким, крайне неприятным образом.

О.О. Алейников, аспирант

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена русско-английским отношениям накануне крымской войны. В статье рассматривается деятельность английского кабинета и дипломатических миссий и ее освещение прессой.

К середине XIX века на Ближнем Востоке резко изменилось отношение Англии и Франции к политике России в отношении Турции. Однако пока дело шло лишь о борьбе на почве признания неприкосновенности Турецкой империи, Россия еще с выгодой могла использовать те противоречия, какие существовали между интересами Франции и Англии во владениях султана. Находясь с визитом в Англии, в июне 1844 года Николай I предложил программу совместных действий в Турции на случай, если «этот больной человек Европы скончается»¹. Вниманию был предоставлен специальный меморандум, учитывавший интересы сторон.

¹ Термин вошел в употребление в середине XIX века применительно к Османской империи.

Министры Ее Величества ознакомились с документом и на словах выразили одобрение. Но никаких соглашений с Россией в Лондоне заключать не собирались, воспринимая инициативу Николая I как «простой обмен мнениями».

Но как только Николай I серьезно поставил вопрос о политическом разрушении или хотя бы о «первом разделе» Турции, тотчас же выяснилось, что Англия и Франция выступают против царя единым фронтом.

В то время, когда подготовка к войне только начиналась, печать каждой из стран, заинтересованных в разрешении восточного конфликта, сообщала, что правительство данного государства против войны, что война — это крайняя мера, на которую оно вынуждено будет пойти, если только не будет достигнуто разрешение конфликта путем уступок и договоренностей.

Вплоть до начала войны 1853 года и особенно после подавления венгерского восстания в Европе в западноевропейской печати утверждалось, что Россия обладает «подавляющей военной силой». Это признал именно в таких выражениях и английский министр иностранных дел лорд Кларендон, тут же и утешивший слушавшую его палату лордов именно тем, что начавшаяся война этот престиж разрушила¹. Но это утешение относилось к 1854 году, а в 1852 году авторитет и сила Николая I признавались официальной Англией даже не в полной мере, а свыше всякой меры. Английские газеты, прежде всего «The Times», в канун Крымской войны чуть ли не до последнего дня проповедовали максимальную «осторожность» и «благоразумие» в отношениях с Россией (поскольку еще действовала инерция курса на всемерное поддержание «стабильности» на континенте, чтобы не подорвать выгодную для определенных кругов торговую конъюнктуру). «The Times» показывала, что Англия в деле обеспечения продовольствием зависит от России и потому должна молчаливо склониться перед географическими воззрениями царя. Ушедший в этот момент с поста министра иностранных дел лорд Рассел даже обвинил издателей «The Times», что они работают на Россию.

В феврале—марте 1853 года, когда в Константинополе русские вели переговоры, пытаясь заставить султана пойти на уступки, в «The Times» появляется ряд статей, указывающих на то, что пришло время расчлнить Османскую империю. В этих статьях говорилось об упадке и развале Турции и невозможности ее дальнейшего существования в Европе, а это, по мнению «The Times», является решающим аргументом в пользу того, что Россия в настоящее время должна стать душеприказчиком и наследником этой империи. Тревожное настроение общественного мнения Европы начало проявляться по мере распространения в европейской прессе легенд о невероятно грубом поведении нашего чрезвычайного посла не только по отношению к турецким министрам, но и перед лицом султана, все в более яркой и резкой форме. Оно, возбужденное этими легендами, обратилось против России и ее правительства, которым

¹ Тарле Е. В. Крымская война. М.-Л.: АН СССР, 1944. С. 108

ставило в вину, с одной стороны, завоевательные замыслы, имеющие целью создать угрожающую безопасности всей Европы силу, а с другой — скрытность и лицемерие, будто бы проявленные в том, что истинная цель миссии князя Меншикова не была сообщена европейским кабинетам. Европейская пресса постепенно создала образ русского засилья, который угнетал умы и вызывал в них естественное желание дать отпор надвигающейся грозе¹.

Известие о прерванных князем Меншиковым переговорах и об его отъезде из Константинополя со всем составом посольства вызвало в крупных политических центрах Запаदा встревоженное настроение. Безрезультатность миссии чрезвычайного посла показала, что роковая минута приближалась, хотя упорство Порты у нас чуть ли не исключительно приписывалось интригам лорда Редклифа, который будто бы действовал на свой личный страх и риск. Барон Бруннов уверял в письме к кн. Меншикову от 5 (17) мая 1853 г., что английское правительство «остается в совершенной неизвестности насчет того окончательного решения, к какому приведут действия ее посла» и что в сущности английские министры и даже лорд Редклиф более заботятся о том, чтобы наша конвенция с Турцией произвела выгодное впечатление на английскую публику, и всего менее о том, какой вред конвенция нанесет Турции².

В Англии и при Грее, и при Дерби, и при Роберте Пиле, и при лорде Расселе пресса была враждебна к Николаю I, но сомнений в его могуществе вплоть до 1853 года почти никогда не выражалось. А в Англии временами, при Пиле и Эбердине, даже и с обычно враждебными органами общественного мнения случались мимолетные припадки самой царедворческой лести. К 1853 году все это было налицо. Поэтому печать, поддерживавшая сторонников Пальмерстона, приписывала всю вину в войне русской агрессии; замысел царя — полное покорение Турции — можно остановить только упорной войной. С первыми победами русских войск флота в войне с Турцией на сторону пальмерстоновской прессы переходит почти вся печать Англии.³ Это было видно на примере «The Times»: чем больше интересы Англии на Востоке не совпадали с ходом событий в этом регионе, тем заметнее меняется тон ее передовых статей.

Однако следует заметить, что мнение английской печати по отношению к России и ее царю не было однозначным. Оппозиция главы английского правительства, которую возглавлял лорд Пальмерстон, давно работала над подготовкой такого столкновения на Востоке, когда у Англии был бы сильный и надежный союзник, без которого Англия против России воевать не могла. Игра британского кабинета в течение всего пребывания Меншикова в Константинополе была очень сложная. С одной стороны, нужно было всячески поддерживать сопротивление Турции, обещая ей помощь и покровительство, и вести - и в английской прессе, и в европейских дипломатических кругах - деятельную

¹ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856. СПб.: «Полигон», 2002. Т. 2. С. 6.

² Там же.

³ Волковский Н.Л. История информационных войн. СПб.: «Полигон», 2003. Ч.1. С. 298.

агитацию. А с другой стороны, необходимо было сбивать Бруннова в Лондоне с пути верного понимания действительности, внушая ему разными способами мысль, что на самом-то деле английский кабинет ни за что из-за Турции не возьмется за оружие. Первую функцию взяли на себя министр иностранных дел Кларендон, ставший орудием министра внутренних дел Пальмерстона, и лорд Стрэтфорд-Рэдклиф. Вторую функцию невольно выполнял, прежде всего, конечно, премьер лорд Эбердин, который сначала, правда, хотел достигнуть дипломатического поражения Николая без войны, а уж потом перестал противиться Пальмерстону. Во всяком случае, объективно Эбердин делал в 1853 г. дело, нужное Пальмерстону: он внушал царю уверенность, что Англия не выступит на защиту Турции, и это толкало Николая на новые и новые непоправимые шаги.

Выдающийся дипломат, английский посол в Берлине лорд Лофтус, прямо утверждает по поводу перехода русскими войсками 4 июля 1853 г. реки Прут и вступления их в Дунайские княжества: «Если бы четыре державы коллективно объявили императору Николаю, что они посмотрят на переход через Прут как на *casus belli*, то, наверно (*very certain*), император не перешел бы через Прут и, по всей вероятности, война была бы предотвращена»¹. Лорд Лофтус перечисляет при этом тех, кто сбивал Николая с толку. Император был введен в заблуждение донесениями, которые он получал от барона Бруннова из Лондона и от графа Киселева из Парижа, которые оба выражали мнение, что союз между Англией и Францией не состоится. Княгиня Ливен, которая была в переписке с лордом Эбердином, также писала царю, утверждая, что Англия не вяжется в войну. И эти донесения, подкрепленные делегацией английских квакеров, которые представляли собой «Манчестерское общество мира» и были приняты царем в Петербурге перед его поездкой в Германию, оказали большое влияние на императора и таким образом поощрили его к тому, чтобы прибегнуть к последнему доводу королей. Лорд Лофтус был бы совершенно точен, если бы еще прибавил, что не только Эбердин, но и сам Пальмерстон в течение всего этого подготовительного периода к войне умышленно и очень искусно усыплял беспокойство Николая и притуплял его бдительность. Ни у Бруннова, ни у княгини Ливен не хватило тонкости и дипломатической ловкости разгадать эту игру.

¹ Тарле Е. В. Ук. соч. С.215.

А. А. Писарев, студент
Томский государственный университет

КУЛЬТУРНО-ДУХОВНОЕ ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА СИБИРСКУЮ ЖИЗНЬ ПЕРИОДА КОН. XIX – НАЧ. XX вв.

Статья характеризует процесс культурного освоения города Томска элитой Центральной России. При этом прослеживаются параллели с современным состоянием города.

Сибирский край, далекий от Центрального региона России, долгое время метко назывался «Богом забытой страной». Сибирь использовалась прежде всего для неугодных правительству личностей: ссыльных, каторжан, военнопленных. В то же время богатый природными богатствами край использовался и в качестве сырьевого придатка, источника пушнины, ценных металлов, сельскохозяйственной продукции.

Под обозначенным в заголовке термином «интеллигенция» подразумеваются наиболее образованные слои общества, прежде всего представители власти и лица научно-творческого труда. Таким центром сосредоточения интеллигенции, выдвинулся г. Иркутск, приобретая, по выражению А.В. Луначарского, статус «Сибирские Афины». Томск же еще долго оставался городом обывателей торгового значения, сравнимый с огромным постоялым двором, но не особо выделяющийся культурой и наукой. Среди чиновничьего мира, который формально назывался «грамотной Сибирью», не только не проявлялось стремления к образованию и культурному развитию ради служения родной окраине, но и не предвиделся призыв к такому поиску даже в своих личных интересах, для достижения более крупного вознаграждения за свой труд¹.

Чиновники прежде всего стремились в Сибирь ради наживы и выслуги лет, а после осуществления данной цели возвращались в более благоприятные регионы. Демократическая печать XIX в. в своих очерках передавала зарисовки многогородных социальных типов русского общества. В частности, в сибирских заметках представлена целая галерея колоритных чиновников, купцов, крестьян. На страницах прессы систематически разоблачались проявления самодержавия – полицейского произвола, бесправия и насилия во всех областях русской общественной жизни. Критика самодержавия как главной причины царившего в стране беззакония наполняла страницы демократической печати. В Сибири чиновничья демократия отмечала, что оно «всероссийского происхождения, внутренних связей с страной не имеет» и что «каждый генерал-губернатор, отправляясь в Сибирь, так мало знал эту страну, что воображал, что в природных

¹Томский политехник. №2. 1996. С. 12.

жителях Сибири встретит нечто вроде племен, ссыльных и каторжников, и главной миссией смирение ее». Герценовские статьи в «Колоколе» в наибольшей степени характеризовали полный произвол и бесконтрольность сибирской бюрократии, отмечая, что «чиновничество царит в северо-восточных губерниях Руси и Сибири; тут раскинулось беспрепятствие, без «оглядки» ввиду дальности расположения от центра». Чиновничество выступало как крепостник-грабитель, самым беспощадным образом взыскивающий недоимки вплоть до продажи имущества. В Центре чиновничья бюрократия вынужденно делила власть с помещиками, а в Сибири, где дворянства практически не было, их «власть проявлялась в полной силе своих качеств, неограниченного произвола, безграничного лихоимства». Н.Г. Чернышевский подчеркивал, что «чиновник наш подлежит одному только контролю начальства, а ни общества, ни товарищей, ни подчиненных. Он безответствен перед всеми на свете, кроме начальства; это перед начальством он беззащитен»¹.

Тем не менее, рассматривая отрицательные стороны столичной элиты, можно выделить и положительные моменты. Власть наилучшим образом осознавала проблему развития просвещения в крае, осуществляя посильные шаги в этом направлении. В некоторых случаях чиновники, сообразуясь с собственными понятиями о благе вверенного им региона, нарушали даже установленные предписания и инструкции вышестоящего начальства. Так, понимая недостаток квалифицированных научных кадров, представители сибирской администрации нарушали «Положения о политическом надзоре 1881 г.», запрещающего политическим ссыльным любой вид общественной деятельности, в том числе и членство в научных обществах, допуская их туда даже в качестве руководителей².

Высшие представители власти являлись также меценатами наиболее авторитетных научных обществ. Одному из таких культурных вкладов послужило ходатайство генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, первой заботой которого была постановка дела народного образования в более благоприятных условиях, чему и способствовало открытие в Томске реального училища, женских гимназий, основание университета, повышение заработной платы учителям. При его же содействии организуются экспедиции в Монголию и на юг Томской губернии.

С открытием Императорского университета (ныне Государственный) в 1888 г. и технологического института (ныне политехнический университет) в 1896 г. в Томск приезжает много высокообразованных, талантливых людей, для которых искусство было неотъемлемой частью жизни. Многие имели художественное и музыкальное образование, полученное в Москве, Петербурге и других европейских учебных заведениях высокого уровня³. Поскольку вплоть до 1918 г.

¹Томский политехник. №2. 1996. С. 22.

²Город Томск. 1912. Томск.: Сибирское Тов-во Печатного дела, 1912. С.54.

³Город Томск. 1912. С.54.

Томск оставался единственным в Сибири городом, имеющим вузы, преподаватели которых стремились играть важную роль в культурной и общественной жизни Томска. Так, помимо преподавания рисования в гимназиях, училищах и частных учебных заведениях художники активно занимались просветительской деятельностью: читали перед населением лекции об искусстве, участвовали и организовывали выставки, принимали участие в музыкальных и других культурных мероприятиях. На таком благоприятном для развития искусства фоне подрастали и местные художники, музыканты, писатели, поэты с выработкой собственного творческого таланта, реализующегося и в прикладном искусстве. Народные умельцы начинают развивать пимокатную, кузнечную деятельность, выделку кож и войлочных шляп, экипажное, дужное дело, производство плетеной мебели и других предметов¹. У инженеров, составлявших первые преподавательские кадры института, было обязательным архитектурное образование, следовательно, параллельно с художественным искусством интенсивно развивалась и каменная архитектура². По заказам местной власти и частных магнатов архитекторы разрабатывали здания и сооружения по европейскому образцу, многие уцелевшие из которых и сейчас сохраняют свою изящность, неповторимость и четкость вписывания в городской быт.

В конце 1880-х музыкальная жизнь в Томске еще довольно редко выходила за рамки домашнего музицирования, семейных литературно-музыкальных вечеров. Талант преподавателей и студентов позволял им участвовать в разнообразных публичных концертах, многие из них выступали с лекциями, сбор от которых поступал в пользу различных фондов на развитие литературных и музыкальных кружков³. Трагические события 1905 г. резко повлияли на развитие искусства, когда большинство деятелей томской музыкальной интеллигенции, опасаясь репрессивных мер со стороны властей, свернули свою активную деятельность. Однако одновременно в городе появляются новые, молодые творческие силы, среди которых были учащиеся столичных консерваторий, надеявшиеся найти в Томске спасение от черносотенных погромов Петербурга и Москвы. Некоторые из них быстро сошлись с местными музыкантами и приняли деятельное участие в создании и развитии новых форм музыкальной культуры Томска.

Все вышесказанное еще раз убеждает, что сибирская наука и в большинстве своем искусство, развивались не без влияния Центральной России. Томск, как один из провинциальных городков, постепенно впитывал в себя то, что получало широкое распространение на всей территории России. Это обстоятельство сыграло огромную роль в жизни Томска, который ускоренными

¹ Там же. С.68.

² Васильев В.А. Томский политехнический университет. Томск: Красное знамя, 1987. С. 91.

³ История ТТИ в документах 1896 – 1917. Томск, 1975. Т. 1. С.24.

темпами переместился из разряда торговых в крупный научный центр, сохраняющий и развивающий свою инновационную деятельность и сегодня. Новые поколения студентов активно принимают участие в культурной, спортивной и общественной жизни Томска и регионов, среди которых кандидаты, мастера спорта и Чемпионы России. Молодежные движения направлены на воссоздание былого прошлого, защиту памятников архитектуры и культурного наследия. Проводятся карнавальные шествия, одни из немногих организуемых в нашей стране, приуроченные к Дням города и рождения Томского государственного университета. Таким образом, Томск, приобретя широкомасштабный культурно-научный потенциал, продолжает играть важную роль не только в качестве сырьевого придатка, но и, сохраняя традиции России, совершенствуясь и преобразуясь, приносит важное значение и в общественную жизнь страны. Это обстоятельство резко меняет положение Томска, забрав иркутскую «пальму первенства», повысив его с рубежа XIX - XX вв. до уровня одного из самых просвещенных и культурных городов Азиатской части России.

А. М. Назаров, к.и.н.

МОУ СОШ с. Тимофеевка Ставропольского района Самарской области

АДМИНИСТРАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется государственная политика Российской империи в сфере привлечения зарубежных инвестиций и законодательного регулирования прав иностранных предпринимателей в конце XIX – начале XX века.

В конце XIX – начале XX века Россия встала на путь модернизации страны, преодоления становившегося все более опасным общего отставания от Запада. На этом пути Российская империя сразу же ощутила острую необходимость привлечения иностранного капитала в производство страны вследствие острой нехватки внутренних накоплений. Эта проблема заставляла российское правительство решать и взаимосвязанные с ней вопросы о таможенном тарифе, денежном обращении и законодательстве в отношении иностранных предпринимателей.

Среди министерств российского правительства наиболее значимой при рассмотрении вопроса о государственной политике по привлечению зарубежного капитала являлась позиция Министерства финансов. Министры, возглавлявшие это ведомство (И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов), являлись

сторонниками увеличения притока заграничных инвестиций в народное хозяйство страны.

И.А. Вышнеградский считал, что привлечение зарубежного капитала является «одним из необходимых условий для развития отечественной промышленности»¹. Как следствие, он придерживался мнения, что правительство должно облегчить доступ иностранным компаниям к деятельности на территории Российской империи. При нем был разработан и принят протекционистский таможенный тариф 1891 г., основным принципом которого являлось последовательное покровительство всем отраслям промышленности страны. Все, что в России производилось или могло производиться, имело право рассчитывать на таможенную охрану. Кроме покровительственных целей введения тарифа 1891 г. правительством преследовались фискальные соображения и стремление поддерживать благоприятный внешнеторговый баланс. Но для нас более важно следующее серьезное последствие протекционистской системы: ограждение молодой отечественной промышленности от ценовой конкуренции иностранных товаров при помощи высоких таможенных тарифов стимулировало западных инвесторов на перенос производства в Россию.

Наиболее законченный вид программа привлечения иностранного капитала в российскую экономику приобрела во Всеподданнейших докладах министра финансов С.Ю. Витте «О необходимости установить и затем непреклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи» (февраль 1899 г.) и «О положении нашей промышленности» (февраль 1900 г.)². Витте считал, что умелое использование опыта и капиталов иностранных предпринимателей является важным условием ускорения развития национальной промышленности и превращения России в течение короткого времени в равную европейским соседям державу. Он уверял, что в привлечении зарубежных капиталов нет никакой опасности для самобытности страны.

Эта позиция Витте встретила активное сопротивление в лице многих ведущих российских политических и общественных деятелей: И.Н. Дурново, В.К. Плеве, П.Л. Лобко, Д.А. Толстой, А.Г. Щербатова, В.П. Мещерского, В.А. Гринмута. Неформальным лидером, сплотившим вокруг себя противников привлечения иностранного капитала, являлся шурин императора, великий князь

¹ Цит. по: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л.: Наука, 1973. С. 127-128.

² Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «О необходимости установить и затем непреклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи», не позднее февраля 1899 г. // Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 173-195; Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «О положении нашей промышленности», февраль 1900 г. // Историк-марксист. М., 1935. № 2-3 (42-43). С. 130-139.

Александр Михайлович. Под влиянием этой группы долгое время находился и сам Николай II¹.

Оппозиция остро критиковала политику Витте за долговую зависимость от европейского денежного рынка. Так, князь А.Г. Щербатов заявлял, что «главный враг России – иностранный капитал... Перед иностранным капиталом заискивают русские государственные люди; ездят к нему на поклон в иностранные финансовые центры, как в былые времена русские князья ездили в Орду, представителей его встречают, чуть ли не с царским почетом»². По его мнению, самостоятельность Российского государства была только кажущейся, и он предсказывал, что вскоре вся отечественная промышленность будет в руках у иностранцев. Представители правой экономической мысли России, В.И. Гурко и Л.В. Воронов, считали, что иностранцы только эксплуатируют Россию, не внося в ее экономику какого-либо значимого вклада. Они отмечали, что большинство иностранных предприятий отличаются спекулятивным характером и рассчитывают только на высокооплачиваемые казенные заказы и монопольно высокие цены на рынке³.

В ходе острой дискуссии с противниками привлечения заграничных инвестиций С.Ю. Витте удалось добиться одобрения своего курса в высших правительственных кругах. Активную поддержку в этом ему оказали председатель правления Петербургского Международного банка А.Ю. Ротштейн, великий ученый Д.И. Менделеев и многие члены министерства финансов (И.П. Шипов, В.И. Ковалевский и др.).

В конце XIX – начале XX века российское правительство провело ряд реформ, которые оказали значительное влияние на увеличение притока иностранных капиталовложений. В таможенной сфере, как уже отмечалось ранее, был выбран протекционистский курс. Очень важным для привлечения зарубежного капитала являлось введение в 1897 г. золотого стандарта, так как полная конвертируемость рубля значительно упрощала для иностранных предпринимателей механизм вывоза прибыли. Эти реформы, а также ряд других, давали понять западным инвесторам, что Россия намерена твердо придерживаться политики поощрения зарубежных инвестиций в свою экономику.

В рассматриваемый нами период также произошли значительные изменения в сфере законодательного регулирования прав иностранных предпринимателей. К началу XX века можно говорить о том, что в определенном отношении установился принцип равноправия русских и иностранных подданных в занятиях торговлей и промышленностью в Российской империи. В качестве иллюстрации

¹ С.Ю. Витте отмечал в своих мемуарах, что Николай II «всегда как будто не сочувствовал этой идее», то есть инвестированию иностранных капиталов в Россию. (Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Наука, 1960. Т. 2. С. 253.)

² Щербатов А.Г. Государственная оборона России. М., 1912. С. 22.

³ См.: Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. СПб., 1902. С. 78-79; Воронов Л.Н. Иностранные капиталы в России. М., 1901. С. 53-54.

можно привести ряд примеров. Статья 177 Устава о промышленности разрешала иностранцам «устраивать фабрики и заводы без вступления в подданство», а также «получать права на привилегии», то есть патент на изобретение с вытекающими отсюда льготами¹.

В Своде законов о состояниях за иностранцами было признано право на владение недвижимостью, в том числе землей, что, несомненно, создавало благоприятные условия для предпринимательской инициативы².

Хотя утверждение о равноправии русских и иностранных подданных вступает в противоречие с фактом существования ряда ограничений на правоспособность иностранцев в приграничных районах империи и на занятия отдельными видами предпринимательской деятельности, мы считаем это противоречие лишь кажущимся. Во-первых, ограничение на деятельность зарубежных предпринимателей было типичным явлением в правовой практике западных стран того времени, так как диктовалось государственными интересами. Во-вторых, на рубеже XIX-XX веков произошла значительная либерализация российского законодательства, что выразилось в отмене многих ограничительных статей для иностранных инвесторов.

Таким образом, российское правительство энергично проводило политику, направленную на привлечение иностранных капиталов в экономику страны. Заграничные инвестиции сыграли первостепенную роль в осуществлении широкомасштабной программы строительства железных дорог в России, послужившей мощным двигателем индустриального подъема страны, и в становлении капиталоемких отраслей промышленного производства: горно-металлургической, нефтяной, химической, машиностроительной и электротехнической. Кроме того, они способствовали развитию российского бизнес-сообщества, которое активно сотрудничало с зарубежными инвесторами, участвовало в организации совместных предприятий и приобщалось к передовым формам и методам ведения торгово-промышленных предприятий.

У.И. Кулянина, преподаватель
Самарский государственный технический университет (Сызранский филиал)

ЦЕНзуРА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1905-1914 гг.

В статье рассматриваются особенности цензуры периодических изданий уездных центров Среднего Поволжья в начале XX века. Особое внимание в работе уделено механизмам, которыми регулировался порядок

¹ Устав о промышленности. Ст. 177. // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. СПб., 1893.

² Законы о состояниях. Ст. 830. // Там же. Т. IX. СПб., 1899.

функционирования повременных изданий в 1905-1914 годах, а также практикам местных издателей и редакторов по преодолению административных барьеров.

Во все времена цензура использовалась властью в качестве мощного средства воздействия на общественное мнение и контроля поступающей в общество информации, выполняя функции информационного фильтра.

В период первой русской революции уездная пресса переживает крупный количественный и качественный рост. «На основании данных главного управления по делам печати «Правительственный вестник» сопоставляет число периодических изданий, вышедших в России в 1904 и 1906 гг., т. е. «до и после значительных событий 1905 года». Эти «значительные» события дали могущественный толчок печати, и общее число газет и журналов поднялось за указанный период с 1350 до 2418».¹

17 октября 1905 г. был обнародован Высочайший манифест, по которому населению «даровались незыблемые свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов».² Манифест послужил основой для выработки «Временных правил о печати». Они отменяли «предварительную как общую, так и духовную цензуры» газет и журналов, вышедших в городах, оставляя ее «в отношении изданий, вышедших вне городов». Отменялись постановления об административных взысканиях, правила о залогах, статья 140, дающая праву министру внутренних дел запрещать оглашение или обсуждение в печати каких-либо вопросов государственной важности. «Ответственность за преступные деяния, учиненные посредством печати в повременных изданиях» впредь определялась в судебном порядке. По суду издание могло быть запрещено, приостановлено или арестовано, нарушители закона штрафовались (до 500 руб.), арестовывались (до 3 месяцев), заключались в тюрьму (на срок от 2 до 16 месяцев) или исправительный дом, ссылались на поселение.

Правила были составлены таким образом, что основанная явочным порядком газета, не подвергаясь никакой цензуре, могла никогда не выйти в свет. Для этого было вполне достаточно некоторой «распорядительности» чиновника, который был обязан в двухнедельный срок выдать свидетельство каждому желающему издавать газету или журнал. Часто в выдаче данного свидетельства губернатор отказывал, предполагая, что редактор может быть подставным лицом. Так произошло с ходатайством о выпуске газеты «Сызранские вести» крестьянина П.И. Беспятова³ или газеты «Эхо Сызрани» дворянки В.П. Поповой.¹

¹ Сызранское утро. 17 февраля 1908 г. №40. С. 2.

² Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3 собрание. СПб., 1907. Т. 25. №26803. С. 754.

³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. О. 1. Ед. хр. 1091. Л. 7.

Вместе с тем, в случае, если действительным руководителем газеты предполагался человек «образа жизни и нравственных качеств хороших и в политическом отношении благонадежный»,² то разрешение на издание газеты выдавалось, несмотря на подставного редактора, как произошло с прошением А.А. Вельц на издание газеты «Утро Сызрани».³

Заметим, что подлог действительно часто имел место. Так, в рапорте полицмейстера Попова симбирскому губернатору утверждается, что после объявления редактору-издателю газеты «Сызранское утро» К.Н. Добронравиной постановления, каковым она была оштрафована на 200 рублей, она явилась в канцелярию и жаловалась на свое безвыходное положение, ибо она не редактор газеты, а лишь наемное лицо, подписывающее выходы газеты за плату.⁴

Также Временные правила о повременных изданиях давали право чиновнику-администратору «наложить арест» на первый же номер газеты, отобрать все предназначенные к распространению экземпляры издания. Например, в рапорте симбирскому губернатору сызранский полицмейстер пишет о газете «Сызранский труженик», вышедшей в г. Сызрани под редакцией помощника присяжного поверенного Вовк-Россохо в конце 1910 г. Уже №1 «Сызранского труженика» подвергся конфискации, и газета больше не выходила.⁵ «Сделав это с первым номером, должностное лицо могло безнаказанно производить ту же самую операцию и со всеми последующими выпусками. Для этого ему вполне было достаточно объявить, и такие случаи не были единичными, что в «содержании таковых номеров заключаются признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного». Таким образом, должностному лицу по делам печати предоставлялись большие возможности для ареста газетного или журнального номера, тем более что за неправильный арест газетного номера взыскания не предполагалось».⁶

18 марта 1906 г. последовал Именной указ «Дополнения временных правил о повременных изданиях»,⁷ ужесточающий цензурный гнет.

В 1906 г. и в последующие годы определенные изменения претерпело и Уложение о наказаниях, отдельные статьи которого относились к законодательству о печати. Состав преступлений, за которые несло ответственность повременное издание, главным образом в лице своего ответственного редактора, был предусмотрен статьями 1012(2), 1012(3), 1013, 1014, 1024 и 1029 - 1047(1) включительно. Эти статьи в подавляющем

¹ ГАУО. Ф. 76. О. 1. Ед. хр. 1216. Л. 6.

² ГАУО. Ф. 76. О. 1. Ед. хр. 1174. Л. 8.

³ Там же. Л. 12.

⁴ ГАУО. Ф. 76. О. 2. Ед. хр. 1734. Л. 1.

⁵ ГАУО. Ф. 76. О. 1. Ед. хр. 1008. Л. 25 Об.

⁶ Розенберг В. Летопись русской печати. 1907 - 1914 гг. М., 1914. С.6.

⁷ Указ об изменении и дополнении временных правил о периодической печати от 18 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. С. 281.

большинстве на протяжении 1905 - 1914 гг. развивали те положения, которые были зафиксированы в Уставе о цензуре и печати и во «Временных правилах» 24 ноября 1905 г.

Так, статья 1012(2), развивая положения «Устава», наказывала денежным взысканием от 50 до 300 руб., а в случае повторения любого из указанных в статье нарушений – денежным взысканием от 300 до 1000 руб. виновного: 1) в выпуске в свет повременного издания до получения установленного свидетельства; 2) в непредставлении экземпляров периодического издания «в установление» или должностному лицу по делам печати; 3) в выпуске в свет номера газеты или журнала без подписи ответственного редактора или издателя или без обозначения адреса типографии, в которой печаталось издание; 4) в наборе или печатании повременного издания без получения установленного свидетельства;¹ 5) в выпуске из типографии номера периодического издания, содержащего эстампы, рисунки или другие изображения, с текстом или без текста, до истечения срока, установленного законом, т.е. за 24 часа до выпуска номера из типографии. За повторное подобное нарушение суд имел право закрыть типографию на срок до 6 месяцев и лишить виновного права содержать типографию в течение того же срока.

Наиболее часто судебное преследование против редактора периодического издания возбуждалось по статье 1034(4). Она соответствовала пункту 5 ст. VIII временных правил о повременных изданиях 24 ноября 1905 г.² Некоторые пункты данной статьи имели такую формулировку, которая позволяла их толковать довольно широко. Например, «распространение посредством печати заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение» или «распространение посредством печати заведомо ложного, возбуждающего общественную тревогу о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии».

Весьма характерным явлением был и тот факт, что в подавляющем большинстве случаев судебным решением являлось прекращение уголовного

¹ На практике данную статью часто применяли, если свидетельство по каким-то причинам утратило силу. Например, был увеличен тираж или изменена подписная цена, а также прошло время, установленное для выхода первого номера с момента выдачи свидетельства (1 год). Так, именно из-за просрочки выхода №1 газеты «Зеркало Сызрани» были привлечены к ответственности редактор Н.И. Смирнова и заведующий типографией «Польза» Н.И. Батраков // Рапорт полицмейстера Попова наблюдающему за печатью в Симбирской губернии от 8 матра 1914 г. № 46. ГАУО. Ф. 88. О. 1. Ед. хр. 2011. Л. 3.

² Так, по данной статье бузулукский уездный исправник привлек к ответственности редактора-издателя «Бузулукского справочного вестника» Жаринова за напечатание в №23 от 1906 г. известия о вооруженном столкновении, произошедшем 21 июля 1906 г. между крестьянами села Воронцовки и отрядом стражников под командой пристава 6-го стана Андреева // Донесение бузулукского уездного исправника от 9 августа 1906 г. №3134. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 1. О. 1. Ед. хр. 6027.

преследования за отсутствием состава преступления, а арест на номер этого периодического издания отменялся. Так, Саратовской судебной палатой были прекращены судебные преследования против редактора «Бугульминской газеты» Я.А. Рыжакова¹ или редактора «Самарской Луки» Я.А. Журавлева.²

Уложение о наказаниях строго следило за сохранением «доброго имени» не только должностных лиц или общества, но и любого частного лица. Если в издании появлялись сообщения, которые могли повредить «их чести, достоинству или доброму имени», то редактор наказывался денежным штрафом до 500 руб. и заключением в тюрьме на срок от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев или, по усмотрению суда, одним из этих видов наказаний - ст. 1039. Если подсудимый предоставлял суду неопровержимые доказательства справедливости опубликованных материалов, то он освобождался от ответственности по указанной статье. Тем не менее он мог быть подвергнут взысканию по статье 1040 в случае, если суд в форме преследуемого сочинения или в способе его распространения и других обстоятельствах усматривал «явный умысел нанести должностному лицу или установлению оскорбление».³ Таким образом, подвергнуть в периодической печати жесткой критике чиновника было практически невозможно. Например, широкую огласку в г. Сызрани получило «дело Я.А. Журавлева»: 9 сентября 1908 г. редактор-издатель газеты «Сызрань» по частной жалобе помощника сызранского исправника Иванова был приговорен Симбирским окружным судом к аресту. Дело было обжаловано в Судебной палате и Сенате, однако решение суда обоими высшими инстанциями было утверждено.⁴

Наконец, в 1905-1914 гг. продолжали сохранять свое значение ряд постановлений уголовного уложения 1903 г. Так, статья 132 предусматривала наказание за «составление и размножение», а 129 за распространение сочинений, «возбуждающих»: «1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону...; 4) к учинению тяжкого... преступления; 5) к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы; и 6) вражду между отдельными частями или классами населения, между сословиями, или между хозяевами и рабочими». При этом статьи были так отредактированы, что под них можно было подвести «деяния», по существу ничего преступного и революционного в себе не

¹ Рапорт бугульминского уездного исправника от 15 апреля 1906 г. №951. ГАСО. Ф. 1. О. 1. Ед. хр. 6027.

² Письмо прокурора Самарского окружного суда вице-губернатору Самарской губернии от 12 февраля 1907 г. №1742. ГАСО. Ф. 1. О. 1. Ед. хр. 6027.

³ Свод законов Российской империи. СПб., б/г. Т. 15. С. 64.

⁴ Сызрань. 4 апреля 1910 г. № 75. С. 2.

заклучавшие.¹ Примеров использования данных законодательных актов против редакторов временных изданий достаточно. Так, начальник Главного управления по делам печати в письме симбирскому губернатору №7971 от 16 августа 1906 указывает на то, что «в издающейся в г. Сызрани газете «Сызрань» помещаются статьи, не оставляющие сомнения в том, что эта газета имеет целью склонить все слои населения присоединиться к революционному движению». ... «Все эти статьи, как заключающие в себе признаки преступлений, предусмотренных п.п. 1, 2, 3 и 5 ст. 129 Уголовного уложения, должны служить бесспорным основанием к привлечению редактора названной газеты к уголовной ответственности».² Примечательно, что на данный момент редактор газеты «Сызрань» Я.А. Журавлев находился под особым надзором полиции по месту жительства, ввиду возбуждения против него преследования по данной статье за призыв требовать от власти увольнения всего Совета министров, опубликованное в газете «Сызрань» 15 мая 1906 года.³

После роспуска 3 июня 1907 г. II Государственной думы в тот же день на территории Империи были изданы в порядке чрезвычайной и усиленной охраны обязательные постановления о печати, которыми периодическая печать фактически была переведена «на штрафное положение».⁴

Первый пункт всех постановлений о печати гласил: «... Воспрещается оглашение или публичное восхваление каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству». Запрещалось распространять произведения печати, подвергнутые аресту установленным в законе порядком. Далее следовал ряд более специальных запретов. Так, например, запрещалось «восхваление преступлений», распространение «ложных, возбуждающих тревогу слухов» о чем бы то ни было». Уже 8 июня 1907 года Постановлением симбирского губернатора №5772 редактор-издатель газеты «Сызранское утро» С.И. Журавлева была подвергнута денежному штрафу в размере 500 рублей, а в случае невзноса этой суммы, аресту на три месяца;⁵ постановлением от 25 августа 1910 г. она же за помещенные в газете «Сызрань» корреспонденции под заглавием «Холера» подвергнута денежному штрафу в размере 200 рублей.⁶ Наконец, согласно п. 14 ст. 19 правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении, начальнику губернии предоставлялось право приостанавливать, т.е. фактически закрывать, периодические издания на все время объявленного военного положения.⁷

¹ Горбунов А. Действующее законодательство о печати // Свобода печати при оглашенном строе. СПб., 1912. С. 77.

² ГАУО. Ф. 76. О. 1. Ед. хр. 718. Л. 10-11.

³ ГАУО. Ф. 855. О. 1. Ед. хр. 596. Л. 8.

⁴ Розенберг В. Указ. соч. С. 38.

⁵ ГАУО. Ф. 76. О. 5. Ед. хр. 300. Л. 11.

⁶ ГАУО. Ф. 76. О. 1. Ед. хр. 956. Л. 1.

⁷ Свод законов Российской империи. СПб., б/г. Т. 2. С. 173.

Несмотря на это, в периодике на протяжении всего времени до I мировой войны продолжилось обсуждение вопросов управления государством, парламентаризма, конституционности, прав человека, свободы слова и печати и т.д. Вопрос цензуры и штрафных санкций к повременным изданиям в принципе приковывает внимание периодики. «Какую бы вы газету не взяли, вы всегда найдете там сообщение: оштрафован редактор на 500р», писала газета «Деловой день».¹ Например, в газете «Сызрань» №282 за 1910 г. опубликовано сразу три известия: о штрафе в размере 200 рублей «Северокавказской газеты» г. Ставрополя за опубликованный судебный отчет и фельетон; о штрафе в размере 500 рублей, наложенном на издателя газеты «Дубовский листок» за статью «Нива народная», с заменой в случае несостоятельности арестом на три месяца; об изъятии тамбовским губернатором подписки у содержателей гостиниц, кинематографов, трактиров и клубов с обязательством не выписывать «Русского слова», «Речи», «Копейки», «Биржевых ведомостей» и «других прогрессивных газет».²

Следующим этапом усиления цензуры периодических изданий стало начало I мировой войны. 20 июля 1914 г. было введено «Временное положение о военной цензуре».³ Под запрет попадали любые темы, даже не касающиеся военных действий.

Таким образом, рядом законодательных актов и нормативных документов, которыми регулировался порядок функционирования повременных изданий накануне Первой мировой войны, периодика была поставлена в жесткие рамки, трудно совместимые с декларированными в Манифесте 17 октября 1905 г. буржуазными свободами.

У.И. Кулянина, преподаватель
Самарский государственный технический университет (Сызранский филиал)

ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСОВ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УЕЗДНОЙ ПЕРИОДИКЕ 1905-1907 гг.

В статье рассматривается освещение отдельных аспектов внутренней политики Российской Империи, Первой русской революции, деятельности I и II Государственных Дум на страницах периодических изданий крупных уездных центров Среднего Поволжья (по материалам Симбирской, Самарской и Пензенской губерний).

Жестко ограниченная законодательством, уездная периодика конца XIX

¹ Деловой день. 21 августа 1909 г. №141. С. 2.

² Сызрань. 18 декабря 1910 г. №282. С. 3.

³ Временное положение о военной цензуре. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1914. 20 июля. № 191. С. 3015.

в. была представлена изданиями органов местного самоуправления, отчетами общественных организаций, частными справочными газетами, а также изданиями телеграмм «Санкт-Петербургского Телеграфного Агентства» и формировала общественное мнение в весьма ограниченном сегменте экономической жизни. Появившаяся после 1905 года в России общественно-политическая пресса уже не только обслуживала нужды предпринимателей, но и отражала чаяния общества, стремилась изобличать пороки местных чиновников, выступала с активной критикой органов местного самоуправления и государственного управления. Учитывая, что уездная периодика была исключительно частной, функция идеологического воздействия государства если и реализовывалась, то крайне неэффективно.

Уездные издания сложно разделить по направленности. Повторяя традиции, сложившиеся в частной губернской прессе десятилетней давности, издатели стремились сделать их универсальными, реже – информационными. Часто являясь единственным доступным оперативным средством массовой информации в своем уезде, газеты вмещали в себя материалы самой различной тематики.

Универсальные газеты уездов освещали деятельность местной и общероссийской власти, информировали о новостях в области образования, благотворительности, культуры, о развитии промышленности и сельского хозяйства, помещали материалы, отражающие быт и нравы местного населения, публиковали рецензии, обзоры, художественные тексты авторов (в том числе местных). Области информационного внимания соответствовала внутренняя структура изданий. Среди постоянных были отделы: «Телеграммы», «Фельетон», «За границей», «По России», «Корреспонденции», «Обзор печати», «Судебная хроника», «Маленький фельетон», «Местная хроника» и др. Широта целевого назначения и области информационного внимания обусловила обширный набор жанров (от информационных до публицистических) и предполагала «большой» формат издания, однако местные типографии не всегда обладали техническими возможностями для тиражирования номеров такого размера. Тем не менее в начале XX века универсальные газеты практически повсеместно выходили крупноформатными, а информационные – малоформатными.

Наибольшее распространение получили общественно-политические издания (59,6% от общего числа уездных изданий), транслирующие свою точку зрения на развитие различных сторон жизни государства и общества, широко освещающие местные события. Информационные издания (28,7% от общего числа уездных изданий) были широко представлены публикациями телеграмм «Санкт-Петербургского телеграфного агентства» и служили механизмом оперативного информирования жителей уездов о событиях в стране и мире. Типологическая разница между ними заключалась, прежде всего, в сужении в информационных газетах, по сравнению с универсальными, области информационного внимания, набора реализуемых функций и жанровых форм

публикаций. Экономические, литературно-художественные, церковные и прочие газеты и журналы в уездной печати встречаются редко и в сумме не превышают 11,7% общего числа уездных изданий.

В уездных периодических изданиях были широко представлены три основных тематических сегмента: события в мире, в России и в провинции. Данная тенденция характерна для всех общественно-политических периодических изданий Среднего Поволжья, выходивших в 1905-1907 годах. Об этом свидетельствуют перечни разделов газет, заявленные издателями в программах периодических изданий.

События в мире и российские новости были представлены, как правило, перепечатками правительственной информации (телеграмм «Санкт-Петербургского телеграфного агентства») и статей из других средств массовой информации о крупных внешнеполитических событиях, неординарных или курьезных случаях из зарубежной общественной жизни. Данная информация дополнялась сведениями о деятельности местных функционеров за пределами Среднего Поволжья, письмами читателей и путевыми заметками. Местная тематика отражалась в передовых статьях, отчетах о заседаниях земских собраний и городских дум, материалах собственных корреспондентов, полемических заметках, информации о событиях дня, сообщениях справочного отдела, письмах читателей.

Статьи, отражающие социально-политические вопросы и общественную жизнь Российской Империи и провинции, в свою очередь, делились по тематике на: 1) политические процессы в России; 2) отражение военных действий; 3) вопросы экономической жизни; 4) медицинские и эпидемиологические известия; 5) правопорядок, правонарушения и судебные разбирательства; 6) клерикальные аспекты; 7) новости культуры; 8) вопросы образования; 9) выдающиеся и курьезные происшествия. Все данные темы были представлены как официальной информацией, так и аналитическими, полемическими заметками, письмами и фельетонами.

Как уже отмечалось выше, после Манифеста 17 октября 1905 года в уездных городах наблюдался значительный рост частной периодики. Вместе с тем, проявилась и новая черта прессы российской провинции – ее значительная политизация. Новые издания, как правило, не определяли свои политические пристрастия. Не объявляя себя органами партийными, местные газеты начали активно представлять интересы различных политических образований. В условиях политизации общества частная уездная общественно-политическая газета, осознавая «ответственную задачу политического воспитания народа», проявила себя как агент формирования общественного мнения по актуальным общественно-политическим вопросам: политика сразу стала главной темой провинциальных газет.

Появившаяся в ходе первой русской революции либеральная периодика стала оппозицией официальной Российской печати, стремившейся «замолчать»

большую часть событий или дать им выгодное власти освещение и толкование. Именно в заполнении информационного вакуума, остро чувствовавшегося в российской глубинке, видели предназначение газет большинство местных издателей.

Так, в передовой статье первого выпуска «Бугульминской газеты» редактор отмечает, что «...все, без различия сословий, классов и национальностей, все стремятся узнать достоверные сведения, правдивые известия, а приходится вместо того довольствоваться слухами, случайными пересказами, часто ошибочными и нередко лживыми. Все ... хорошо знают, как редко и с каким трудом доходит каждое известие извне к нам в наши далекие деревни, где тоже живут ведь живые люди, которые тоже хотят, наконец, знать правду и следить за жизнью»¹. С аналогичными заявлениями выступили и иные издания.

Во всех местных изданиях в обязательном порядке публиковались телеграммы «Санкт-Петербургского телеграфного агентства»². Первое государственное телеграфное агентство в России – «Торгово-телеграфное агентство» – было создано в 1902 г. по предложению министра финансов С.Ю. Витте. В его задачи входило «обеспечить отвечающую видам правительства» осведомленность за границей о событиях в России и своевременное информирование русских промышленников и торговцев о событиях за рубежом. В 1904 году по инициативе Министерства финансов, Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел «Торгово-телеграфное агентство» было преобразовано в «Санкт-Петербургское телеграфное агентство» (СПТА)³.

Однако материалы Агентства занимали в газетах весьма скромное место: от 2 до 5 процентов газетной площади и выполняли вспомогательную функцию⁴. Опубликованные телеграммы в подавляющем большинстве были посвящены различным аспектам деятельности Государственной Думы и ее членов⁵, законам, постановлениям, циркулярам правительства¹ или его

¹ Бугульминская газета. 1906. №1. С. 1.

² Кроме газеты «Сызранский листок объявлений», в которой публиковалась исключительно реклама и справочная информация.

³ Могилевская Э.В. Типологические признаки информационных агентств в Интернете // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика. Воронеж, 2008. №1. С. 207.

⁴ Для сравнения: газета «Ежедневные телеграммы Российского телеграфного агентства в Сызрани», выходившая в г. Сызрани в 1904 году, состояла только из официальных телеграмм. Данная газета была единственным в Среднем Поволжье новостным изданием до 1905 года и появилась во многом благодаря тому, что ее издатель - Е.М. Синавский - являлся агентом «Российского телеграфного агентства по г. Сызрани».

⁵ См., напр.: Об образовании парламентской фракции еврейских депутатов // Сызрань. 1906. №104. С. 2.; О заседании отделов Думы для проверки полномочий членов Думы // Сызрань. 1906. №104. С. 3.; О заседании парламентской фракции партии народной

деятельности² и представляли сугубо официальную информацию. Материалы, посвященные революционным событиям, практически отсутствовали. К тому же, издатели весьма скептически относились к достоверности самих «телеграмм». В газете «Бугульmineц» была помещена статья «Родные картинки», в которой автор критикует Агентство, которое «слишком очевидно впадает в предвыборные излишества, ... лишь бы сохранить за собой казенное содержание»³. Данное обстоятельство объясняет отсутствие у издателей интереса к услугам Агентства, так как они, при всей дороговизне услуг, не в полной мере удовлетворяли задачу информирования населения о политических событиях в стране и мире.

Чтобы восполнить дефицит актуальных сведений, местная периодика активно обращалась к другим частным российским изданиям, как центральным, так и провинциальным, перепечатывая опубликованные в них материалы. Статьи, объединенные под заголовком «Из газет», занимают в изданиях уже куда больший объем: под них отводится от 5 до 15 процентов площади изданий. Столько же издатели отдают для размещения сообщений собственных корреспондентов.

В них большое место занимает описание уже именно революционных событий. Например, уездные газеты писали о забастовке на Владикавказской железной дороге⁴, об образовании в г. Симбирске союза 19 суконных фабрик с целью урегулирования трудовых отношений⁵ или участвовавших в Киевской губернии поджогах помещичьих усадеб⁶, аграрных волнениях в Харькове, о политических убийствах⁷, о пропаганде и агитации в армейских частях⁸, о мерах, предпринимаемых общественностью с целью поддержки Государственной Думы⁹,

свободы // Сызрань. 1906. №115. С. 2.; О посещении заседания Думы лидером североамериканских демократов Вильямом Брайном // Сызрань. 1906. №121. С. 1 и др.

¹ См., напр.: Телеграммы министра внутренних дел по вступлении законоположений 15 декабря 1906 г. о нормальном отдыхе служащих торговых ремесленных заведений в законную силу и о перевозке хлеба по Сибирской железной дороге // Бугульmineц. 1907. №1. С. 1.; О вынесения в Думу законопроекта о реорганизации местного управления // Сызрань. 1906. №104. С. 3.; О выражении верноподданнических чувств Съездом уполномоченных объединенного российского дворянства // Сызрань. 1906. №115. С. 2. и др.

² См.: О назначении Протопопова начальником главного управления казачих войск по военной части // Бузулукский вестник. 1906. №18. С. 1.; Выступление председателя совета министров в Государственной думе и совете // Бузулукский вестник. 1906. №№19, 20. С. 1.

³ Бугульmineц. 1907. №1. С. 2.

⁴ Бугульминская газета. 1906. №1. С. 3.

⁵ Там же. 1907. №101. С. 1.

⁶ Сызранское утро. 1907. №145. С. 1.

⁷ Мужик. 1907. №19. С. 3.; №11. С. 4.

⁸ Сызрань. 1906. №135. С. 2, 3.

⁹ Там же. 1906. №110. С. 3.

о реакционной деятельности властей: арестах¹ и обысках², приговорах³ и казнях⁴. Отдельное внимание издатели уделяли вопросам печати и цензуре: без сообщений о наложениях взыскания на редакторов газет и журналов, арестов и конфискации отдельных номеров не обходился практически ни один выпуск⁵.

В отличие от «телеграмм», в журналистских материалах авторы не только констатировали факты, но и анализировали происходящие события. Например, в помещенной в газете «Сызрань» статье, перепечатанной из московской газеты «Путь», в весьма резких выражениях («...реакционная, запятнавшая себя русской кровью, бюрократия», «воры») давалась оценка деятельности Государственного совета⁶.

Но наибольшее внимание в 1905-1907 годах было приковано к Государственной Думе. «Телеграммы» и газетные перепечатки на эту тему дополнялись местными авторскими материалами. На страницах газет был напечатан Указ от 11 декабря 1905 года, вносивший изменения в Положение о Государственной Думе⁷ и даны комментарии к нему⁸.

С началом предвыборной кампании частная пресса подвергала детальной критике Булыгинскую Думу и политические платформы «Союза 17 октября»⁹, идеи конституционных демократов¹⁰ и взгляды «черносотенцев»¹¹. Нападки на кадетов продолжились и во время работы Думы¹². Например, в статье «Урок жизни» автор призывал их «либо порвать с иллюзиями примиренчества, перестать делать глазки наверх и вправо, а зато обратить серьезный взгляд вниз и налево, либо всецело встать на почву «реальной политики»¹³.

На страницах периодики в дискуссии по поводу аграрного вопроса сходились левые партии – социал-демократы и социалисты-революционеры¹⁴. Земельная тема вообще активно обсуждалась в печати¹⁵, как и

¹ Сызранское утро. 1907. №143. С. 1.

² Там же. 1907. №17. С. 2., №24. С. 2.

³ Сызрань. 1907. №41. С. 1.; Сызранское утро. 1907. №39. С. 2.

⁴ Сызрань. 1906. №104. С. 2., №110. С. 3.

⁵ Там же. 1906. №108. С. 3.; Там же. 1907. №41. С. 1.; Сызранское утро. 1907. №24. С. 1, 2.; Там же. 1907. №39. С. 2.; Там же. 1907. №101. С. 1.

⁶ Сызрань. 1906. №110. С. 3.

⁷ Бугульминская газета. 1906. №1. С. 3.

⁸ Там же. 1906. № 9. С. 1.

⁹ Бугульминская газета. 1906. №9. С. 3.

¹⁰ Мирный путь. 1906. №19. С. 3.

¹¹ Сызрань. 1906. №121. С. 1.

¹² Там же. 1906. 3125. С. 3.

¹³ Там же. 1906. №108. С. 3.

¹⁴ Там же. 1906. №112. С. 2, 3.; №137. С. 3.

¹⁵ Бугульминская газета. 1906. №1. С. 2.

продовольственный вопрос¹, и долгожданная амнистия².

С самого начала работы I Думы публиковались протоколы заседаний³, крестьянские приговоры, направленные членам Думы⁴, телеграммы одобрения и поддержки. Вместе с тем, уже в мае 1906 года начали встречаться материалы, оценивающие критически государственную политику и деятельность, а точнее – бездеятельность самой Думы⁵.

Периодика охотно освещала местные события, так или иначе связанные с Думой. Например, 22 мая в один из центров уездной печати – г. Сызрань – прибыл прах умершего депутата Государственной Думы А.П. Андреянова (трудовик, бывший участник крестьянского съезда), и вокруг имени покойного сразу разгорелись политические страсти. Ареной дебатов стали даже похороны Андреянова в селе Томышово Сызранского уезда, которые превратились в митинг с пением «Марсельезы», что на несколько недель заняло лидирующие позиции по важности для сызранских журналистов⁶.

К началу кампании по выборам во II Государственную Думу взгляды газетчиков изменились: «Мы знаем, что в I Государственной Думе не все беспартийные примкнули к прогрессивным партиям. Если выборы беспартийного можно было, скрепя сердце, допустить в Первую Государственную Думу, руководствуясь лишь девизом: «честный, хороший человек», то сейчас, когда правительство ни перед чем не останавливается, лишь бы собрать угодную ему Думу – одной честности от депутата не достаточно, надо, чтобы желающий выставить свою кандидатуру в выборщики сказал нам, к какой партии он принадлежит»⁷, «... подходите смело к избирательным урнам, подавайте ваши голоса за кандидатов, отмеченных прогрессивной партией»⁸, писала пресса.

И призывы печати были услышаны. Анализируя итоги выборов, сызранские газеты отмечали, что «в течение года в настроении народа произошло серьезное изменение, и в результате от Сызрани в Симбирское губернское избирательное собрание поедут четыре кадета и пять левых. Отрадный признак для нас и нравоучительный для тех, кто нагайкой, штыком и тюрьмой думает успокоить проснувшиеся умы»⁹. Списки выборщиков были опубликованы во всех уездах, имеющих собственную печать¹⁰.

¹ Сызрань. 1906. №144. С. 3.

² Там же. 1906. №104. С. 1.; Мужик. 1907. №19. С. 1.

³ Бузулукский вестник. 1906. №18. С. 1, 2.; Там же. 1906. №20. С. 1, 2.; Сызрань. 1906. №112. С. 1, 2.

⁴ Сызрань. 1906. №120. С. 3.; Мужик. 1907. №21. С. 3, 4.

⁵ Сызрань. 1906. №104. С. 2, 3.

⁶ Там же. 1906. №112. С. 2.; №115. С. 3. и др.

⁷ Сызрань. 1907. №5. С. 1.

⁸ Там же. 1907. №8. С. 1.

⁹ Там же. 1907. №10. С. 1.

¹⁰ См. например: Бугульmineц. 1907. №1. С. 4.; Мужик. 1907. №11. С. 4.

Еще до начала работы II Государственной Думы в ряде газет были опубликованы статьи, ставящие под сомнение ее долговечность¹. В качестве гаранта работы российского парламента саранский издатель Бажанов видел только народ. «Теперь мы, видевшие разгон Первой Думы, не имеем никакого основания надеяться, что Вторая Дума просуществует дольше. Поэтому мы должны заранее готовиться к этому, должны заранее принять все меры к тому, чтобы разгон второй Думы не застал нас врасплох». Владимир Васильевич призывал широкие народные массы объединяться и взять «своих избранных под защиту»².

Один из первых вопросов, рассматриваемых II Думой, был законопроект о контингенте новобранцев. Распространился слух, что у Столыпина имелся подписанный указ о роспуске Думы в случае неутверждения третьего набора рекрутов. В связи с этим, газета «Сызранское утро» подчеркивала, что «Дума должна быть непримирима по аграрному вопросу и реформе местного самоуправления, избирательного права и утверждения свобод Манифеста 17 октября. Но по другим вопросам ей следует поступить сдержанно ради самосохранения»³. (Что, впрочем, нисколько не помешало той же газете через несколько номеров выступить с критикой раздутого в четверть всех расходов государства финансирования армии, «крупная доля которых падает на содержание высшего военного начальства – всякого рода генералов»⁴).

Газетные полосы вновь наполнились заявлениями различных партий о выбранной их депутатами тактике⁵, разъяснениями, главным образом, для крестьян, о сущности тех или иных политических союзов⁶, критикой «октябристов»⁷ и «черносотенцев»⁸. В апреле появились публикации о слухах по поводу скорого роспуска II Государственной Думы⁹.

В условиях Третьеиюньской системы бурная политическая жизнь резко снизилась. Это затишье и растерянность в печати и в партиях после роспуска II Думы хорошо отразил в своем сатирическом стихотворении Саша Черный:

«По притихшим редакциям,	Несется испуганный вой:
По растерзанным фракциям,	Отбой, отбой,
По рутинным гостиным,	Окончен бой,
За молчанье себя награждая с лихвой,	Под стол гурьбой!» ¹⁰

¹ Бугульmineц. 1907. №1. С. 3.

² Мужик. 1907. №11. С. 2.

³ Сызранское утро. 1907. №14. С. 1.; Там же. 1907. №24. С. 2.

⁴ Сызранское утро. 1907. №17. С. 1, 2.

⁵ Мужик. 1907. №19. С. 2.

⁶ Там же. №22. С. 1, 2.; Сызранское утро. 1907. №3. С. 2.

⁷ Бугульmineц. 1907. №1. С. 1.

⁸ Сызрань. 1907. №3. С. 2.

⁹ Сызранское утро. 1907. №17. С. 1.; Мужик. 1907. №21. С. 1.

¹⁰ Саша Черный. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. М., 1996. С. 57-58.

Как следствие, предвыборная агитация практически исчезла со страниц периодики. Например, в г. Сызрани обеспокоенные читатели тщетно обращались в редакцию «Сызранского утра» с вопросом, «кто намечены кандидатами от второго съезда городских избирателей и будут ли предвыборные собрания»¹. В итоге, газета ограничилась только опубликованием итогов выборов по близлежащим уездам². Анализ же выборов коснулся лишь количественных показателей, свидетельствующих о снижении избирательной активности на 7 процентов. «Пропал интерес к политическим вопросам, пропал интерес к Думе, к выборам. Не хватают, как бывало раньше, газету, не спорят с ожесточением о партиях, программах, тактике и т. д., не бегут на собрания. Все прошло и кажется каким-то далеким, далеким. ... И погружается человек в тину. Засасывает его болото обыденщины», резюмирует автор³.

Впредь газеты довольствовались сокращенными стенограммами заседаний III Государственной Думы⁴ и публикацией списка рассматриваемых вопросов⁵. Констатируя отношение провинции к Думе, газета «Сызрань» приводила слова депутата Челышева: «Стыдно и признаться, что я – депутат. Насколько прежде относились с уважением, настолько теперь служишь мишенью для самых жестоких насмешек»⁶.

Не большее внимание уездная пресса уделила и выборам в IV Государственную Думу, снова ограничившись статистикой, ибо: «Земледельческие выборы не интересны. Уже потому не интересны, что больше полгода тому назад были известны избранные, и съезжались избиратели только затем, чтобы отбыть скучную формальность – покатать шарики»⁷.

Подводя итог, можно утверждать, что, несмотря на свидетельства журналистов начала XX века, сокрушающихся о недостатке «свободы слова» и засилии царской цензуры, уездная периодика, да и любая частная периодика 1905-1907 годов по своей идейно-содержательной компоненте, степени освещения актуальных общественных вопросов, по своей организационной свободе от властных структур была наиболее независимой за все время существования периодической печати.

¹ Сызранское утро. 1907. №138. С. 1.

² Там же. 1907. №145. С. 1.

³ Там же. 1907. №143. С. 1.

⁴ Сызрань. 1909. №4. С. 2.; Сызранская жизнь. 1909. №1. С. 1, 2; Там же. №2. С. 1, 2. и др.

⁵ Сызранское утро. 1908. №40. С. 2.; Деловой день. 1909. №16. С. 1.; Там же. №22. С. 2.; Там же. №74. С. 2.; Сызрань. 1910. №72. С. 1. и др.

⁶ Сызрань. 1910. №28. С. 1.

⁷ Сызранское утро. 1901. №224. С. 2.

Я.А. Голубинов, к.и.н.

Самарский государственный медицинский университет

ОСОБЕННОСТИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В XX ВЕКЕ

В статье рассматриваются особенности мемориальной политики государства в России в течение XX века. Затрагиваются проблемы восприятия исторических событий в связи с функционированием механизмов меморизации в общественном сознании.

Одной из главных особенностей человека и общества является способность хранить информацию о давно прошедших временах, аккумулировать исторический опыт и, главное, в нужный момент актуализировать эти знания и умения. Но если индивидуальная память и ее свойства относятся главным образом к сфере медицины, то социальная память уже давно является предметом рассмотрения таких наук, как история, социология, культурология, философия¹. Под общественной памятью подразумевается, здесь мы воспользуемся определением Н. Оффенштадта, прежде всего «субъективно искаженное и зависящее от взглядов ее носителей присутствие прошлого в том или ином виде в обществе, в представлениях социальных групп и индивидов»².

Память о прошлом, однако, присутствует в обществе не только в виде «воспоминания», то есть простого обращения к опыту прошлого. Ян Ассман указывает на еще два важных проблемных поля – «идентичность» и «культурную преемственность»³. Без сомнения, эти аспекты памяти напрямую связаны с политической деятельностью, поскольку власть так или иначе занимается вопросами самоидентификации граждан (как подданных одного монарха, представителей одной нации или группы, придерживающихся одной идеологии или религии) и поддержания легитимности государственного строя. В последнем случае это происходит либо посредством обращения к прошлому, то есть культуре предков, либо через его отрицание, частичное или тотальное (правящая элита стремится построить нечто новое путем уничтожения или замалчивания всего старого).

Поскольку речь идет о влиянии государства на память общества, то необходимо, на наш взгляд, вообще говорить о двух типах (модусах) памяти:

¹ Подробней см. Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: «Владимир Даль», 2003. С. 33 и сл.

² Память // Словарь историка / Под ред. Н. Оффенштадта; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 119.

³ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 15.

общественной и государственной. Они находятся в теснейшей взаимосвязи, но все же функционируют по-разному. Первая удерживает лишь то, что произвело наибольшее впечатление на общество и стало частью его мировоззрения¹. Вторая же является продуктом деятельности власти, необходимым для реализации той или иной политики внутри или вне государства.

Это разделение в чем-то сходно с концепцией известного французского исследователя Пьера Нора о «памяти» и «истории». Первая – это «жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления»². Вторая – это история, «всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет», которая изгоняет воспоминание из священного, делает его прозаическим, вызывает к интеллектуальному и критическому дискурсу.

Таким образом, видно, что память не является чем-то раз и навсегда закрепленным. Она подвержена различным изменениям как снизу, со стороны общества, так и сверху, со стороны государства. Государственная память тотальна не в том смысле, что сохраняет в себе все ушедшее, но в том, что стремится навязать свою картину прошлого всем без исключения, используя механизмы принуждения и пропаганды. Однако существование в обществе различных групп, как оппозиционных, так и лояльных власти, порождает феномен множественности памяти.

Целью данной работы является рассмотрение особенностей взаимодействия двух модусов российской памяти, государственной и общественной, по трем аспектам (воспоминание, идентификация и культурная преемственность) на протяжении XX века. Это взаимодействие легче всего проследить в сфере мемориальной политики, то есть целенаправленных действий власти по увековечиванию того или иного события. Эта задача, без сомнения, требует громадного напряжения сил и слишком велика для данной статьи, поскольку охватить весь доступный материал представляется мало осуществимым. Потому необходимо ограничиться лишь кратким освещением одного сюжета (Первая мировая война и воспоминания о ней), который, как мы полагаем, вполне способен осветить все перипетии мемориальной политики России в XX столетии.

В начале прошлого века российское общество, в недрах которого уже начались модернизационные процессы, в массе своей оставалось довольно

¹ Подробней см. Сенявская Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 326.

² Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Летний сад, 1999. С. 20.

традиционным. Крестьянское население, подавляющее число представителей которого было необразованным и даже неграмотным (а значит и не попавшим под влияние «истории»), оставалось во власти старой «памяти», главное место в которой занимала фигура царя¹. Потому народный энтузиазм, готовность пойти на фронт по зову монарха в начале Первой мировой войны (несмотря на все эксцессы во время мобилизации) был, хотя бы отчасти, искренним. Но уже в это время по всей России были отмечены случаи неповиновения властям, потасовок с полицией, бунтов призывников, и списать их на простое желание крестьянских и рабочих парней подебосирить перед отправкой на фронт нельзя².

Государство всеми силами старалось укрепить подобные настроения. В этом отношении деятельность власти и народное сознание шли рука об руку. Стоит вспомнить, что Россия непосредственно перед Первой мировой войной пережила настоящий мемориальный бум: последовательно прошли празднества в честь пятидесятилетия отмены крепостного права, столетия победы в Отечественной войне 1812 г. и трехсотлетия дома Романовых. Эти мероприятия должны были утвердить среди подданных Империи идею нерушимости власти правящего дома, показать приверженность царствующего монарха заветам предков, а также затушевать события неудачной Русско-японской войны. Этим же целям отвечала созданная в 1913 г. Государева Ратная палата в Царском Селе, которая была призвана увековечить подвиги русских солдат с самых древних времен.

Однако сама Первая мировая война принесла лишь разочарования³. Связано это было с несколькими факторами, главным из которых было непонимание населением целей России в этой войне. Все остальное – трудности со снабжением фронта и тыла, дороговизна продуктов, острая нужда в работниках из-за мобилизации, тяготы фронтовой жизни и т.п. – было вторичным⁴. Важно было и то, что Николай II как политический деятель успел заработать себе отрицательную репутацию среди представителей всех слоев населения, а образ монарха из-за связанных с ним скандалов медленно и верно утрачивал сакральные черты, что автоматически лишало его легитимности⁵.

¹ Отношение крестьян к власти претерпело сильную трансформацию в XX веке. См. Кознова Н.В. Власть в памяти российского крестьянства // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 116-122.

² Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного colloquium) / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 209.

³ См. Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Там же. С. 160-171.

⁴ Так, по мнению В.П. Булдакова, будь обмундирование добротным, а питание всегда обильным, то солдат исправно нес бы тяготы войны (Булдаков В.П. Красная смута. М.: РОССПЭН, 1999. С. 27).

⁵ Подробней см. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2010.

Усилия власти по меморизации войны как великого события, Второй Отечественной войны, были безрезультатны. Попытки нащупать верный тон в разговоре с народом о войне (например, лубки с их героями-казаками, побивавшими толпы врагов одним махом) не удались¹. Немногочисленные отклики литераторов на войну показали, что творческая интеллигенция скорее старалась сделать вид, что войны нет². Только Н.С. Гумилев и смог написать, что «воистину светло и свято // Дело величавое войны»³. Захваченные поначалу общим энтузиазмом художники, писатели и поэты довольно быстро охладели к ней.

Дальнейшее разрушение памяти о войне связано с несколькими причинами. Во-первых, в России произошел упадок народной «памяти» (в понимании Нора), связанный с крушением традиционного общества во время преобразований 1920-1930-х гг., а также навязыванием всеобщей модели истории (наиболее полное отражение получившей в 1938 г. в «Кратком курсе истории ВКП(б)») через систему школьного образования. Во-вторых, воспоминания (один из упоминавшихся выше аспектов) о Первой мировой остались лишь в общественном модусе российской памяти (да и то в сильно размытом виде), тогда как государственный модус последовательно игнорировал или вычеркивал упоминания о событиях 1914-1918 гг.⁴ Эти усилия новой власти полностью понятны, поскольку сама цель ее существования заключалась в отрицании старого и построении абсолютно нового общества.

Обращение к событиям прошлого происходило прежде всего в мемуарной и художественной, а также научной литературе⁵. Однако литература сильно зависела от цензуры, а научные исследования шли обычно в русле поощряемых властью тем, что, конечно, сильно затрудняло работу ученых и писателей. Показательны в этом отношении переводы художественных произведений о Первой мировой войне на русский язык. Лишь антивоенные повести и романы, такие как «Прощай, оружие!» или «На Западном фронте без перемен», пользовались благосклонностью государства и были допущены к тиражированию (но даже и им не удалось избежать цензурной правки). Произведения, подобные «В стальных грозах» Эрнста Юнгера, не имели шанса в советских издательствах. Наряду с реализмом военных сцен требовалось

¹ Хеллман Бен. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война. С. 312.

² Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война. С. 61.

³ Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. М.Д. Эльзона. – Л.: Сов. писатель, 1988. С. 213.

⁴ В этом отношении особенно показательна деятельность советской цензуры. См. Petrone K. The Great War in Russia Memory. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2011. P. 200.

⁵ Petrone K. Ibid. P. 245-281.

показать постепенный путь героев к мысли о бессмысленности войны и, желательно, о необходимости борьбы с ней под знаменем коммунистического движения, как это случилось, например, с главным героем романа Матэ Залки «Добердо». Подобные мотивы можно легко отыскать и в наиболее известных советских романах: «Тихом Доне» Шолохова, «Хождении по мукам» Толстого или серии произведений Сергеева-Ценского о Первой мировой войне.

Впоследствии только в нескольких книгах Валентина Пикуля произошла своеобразная реабилитация этой темы. Грандиозное же «Красное колесо» Солженицына осталось практически незамеченным читателями и не смогло стать своеобразной версией «Войны и мира» XX века.

Вопросы национальной идентификации также связаны с мемориальной политикой. Первая мировая четко поставила вопрос о национальной принадлежности солдат, поскольку война велась уже именно как война наций, а не монархов, хотя они стояли во главе большинства воюющих стран. Именно в недостатке патриотизма, пристекавшем из нечеткого национального самосознания, некоторые авторы усматривают причину слабого боевого духа русских солдат¹. В отличие от Европы, где Первая мировая война заставила многих определиться со своей национальной принадлежностью во время или после военных действий, в России такого не произошло. В Советском Союзе в 1920-ые гг. утверждалась новая концепция народа-пролетариата, которому чужд буржуазный национализм, а потому чувство сопричастности к нации скорее отталкивало. Лишь в 1930-ые гг. произошло формирование новой национальной политики, в рамках которой и события Первой мировой войны, героизм солдат и офицеров получили определенное признание и оправдание.

Первая мировая война дала колоссальный опыт всем странам, в ней участвовавшим. Без сомнения, идея тотального государства, подчиненного одной цели, родилась на полях сражений Великой войны. И коммунистический СССР, и фашистские Италия и Германия, и демократические Англия и Франция многим обязаны этой войне. Однако мы видим диаметрально противоположное отношение к памяти о ней в этих государствах². Даже исследования некоторых аспектов войны начались в СССР с некоторым опозданием, тогда как в Европе и Америке гигантский опыт регулирования хозяйства, жизни тыла, мобилизации промышленности был осмыслен в огромной серии монографий, напечатанных по инициативе Фонда Карнеги³. Все, что можно было противопоставить им, это лишь

¹ Санборн Дж. Ук. соч. С. 206.

² Cohen Aaron J. Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // *Slavic Review*. Spring 2003. Vol. 62. No. 1. P. 70.

³ Chatriot A. Une véritable encyclopédie économique et sociale de la guerre // *L'Atelier du Centre de recherches historiques*. 03.01.2009. [En ligne], mis en ligne le 23 novembre 2008. URL: <http://acrh.revues.org/index413.html>. (дата обращения 07.11.2011).

серию военных очерков, подготовленных группой бывших царских офицеров, и книгу Я.М. Букшпана об экономическом регулировании во время войны¹.

В 1941-1945 гг. патриотические чувства были настолько сильны, что тематика Первой мировой войны вновь обрела популярность. Но Великая Отечественная война сыграла со своей предшественницей дурную шутку, полностью заслонив ее в народной памяти.

Мемориальную политику государства в СССР отличала некоторая двойственность. С одной стороны, власть в лице партии большевиков руководствовалась идеологическими императивами и без колебаний вычеркивала события и людей из истории. С другой стороны, совсем скрыть некоторые факты прошлого она не могла. И здесь у власти было два пути: либо замолчать что-либо, просто не обращать внимание на эти факты, либо использовать их в своей пропаганде. В последнем случае использование могло быть как позитивным, так и негативным. При этом обыкновенно критика преобладала. Этому способствовали как общее представление (сформировавшееся, кстати, в среде русской левой интеллигенции еще до 1917 г.) о дореволюционной России как об отсталом, деспотическом государстве во главе с неумелыми царями, министрами и генералами, так и действительные промахи царского правительства и военного командования.

После 1991 г., в условиях полной гласности, исследования и изображения Первой мировой войны обрели ту свободу, о которой так вроде бы долго мечтали. Однако скоро выяснилось, что не вся «Россия, которую мы потеряли» привлекает внимание людей. Новые размышления о революциях начала XX века, реформах Столыпина, деятельности политических партий оказались востребованными обществом, тогда как темы, связанные с Первой мировой войной, стали уделом кучки энтузиастов. По-видимому, отсутствие личной близости к событиям той эпохи делает их малоинтересными (это сейчас происходит с памятью о Великой Отечественной войне).

Для государственной памяти, таким образом, характерны следующие периоды: 1) игнорирование в 1920-ые – 1930-ые гг. Первой мировой войны как несправедливой и империалистической (война лишь один из симптомов агонии капиталистического мира); 2) некоторое возрождение интереса к сюжетам и лицам, связанным с Первой мировой войной, в 1941-1945 гг.; 3) наблюдение за научными спорами об отдельных моментах истории, касающихся прежде всего Первой мировой войны как причины или предпосылки революции 1917 г.; 4) полное игнорирование тем, связанных с Первой мировой войной, как не представляющих интереса (что развязало ученым руки).

И можно говорить о нескольких этапах для общественной памяти: 1) непосредственное восприятие войны и фиксирование самых ее отталкивающих

¹ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. В 7 частях. М., 1922; Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства во время мировой войны 1914-1918 гг. М.-Л.: Госиздат, 1929.

моментов (1914 – начало 1917 г.); 2) борьба между памятьми (1917 – 1930-ые гг.); 3) вытеснение из народной памяти событий 1914 - 1916 гг. после Великой Отечественной войны; 4) возрождение некоторого интереса к событиям 1914 - 1916 гг. в связи с вниманием к дореволюционной тематике после 1991 г. Разумеется, следует также принять во внимание региональные особенности процесса меморизации. Фронтовые и тыловые губернии с разной интенсивностью переживали события войны. Кроме того происходило формирование коллективной памяти беженцев, военнопленных и других маргинальных групп, положение которых полностью было перевернуто войной¹. Также особое отношение к Первой мировой войне можно видеть в среде русской эмиграции².

В.В. Тишин, студент
Владимирский государственный университет

ТЮРКИЗМ И ПРОБЛЕМА НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ТУРЦИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматривается проблема формирования национальной исторической концепции в период становления молодой турецкой республики в 20-е – 30-е гг. XX в. и оценки тюркизма в историографии.

Начиная с еще досоветского периода, в российской историографии тюркизм принято рассматривать исключительно с отрицательных сторон, поэтому сегодня сам этот термин приобрел в ней негативный оттенок. Сегодняшняя Россия унаследовала такое восприятие тюркизма от Советского Союза вместе с геополитическими интересами.

История, как известно, всегда была политизированна и служила для укрепления среди населения государства идеологии его правительства. Факт истории всегда эксплуатировался в интересах правящих кругов, а исторический факт представлял собой орудие массовой пропаганды этих интересов. В Советском Союзе это было особенно заметно.

В стремлении не допустить какого-либо национального или регионального сепаратизма советское правительство одаривало республиканскую элиту различными привилегиями, а чтобы удержать от вредного для официального курса мышления простой народ, для него сочинялась история, связывавшая его с занимаемой территорией и рисовавшая естественное стремление к «братскому» русскому народу, которому отдавалась роль покровителя. Опасность тюркизма была явно преувеличена в Советском Союзе. Пожалуй, это обстоятельство было

¹ Gatrell P. *Whole Empire Walking*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2005. P. 206.

² Cohen Aaron J. *Ibid*. P. 74.

более обусловлено нестабильностью собственных позиций советского руководства, нежели действительным опасением влияния из Стамбула.

В 20-е – 30-е гг. XX в. тюркизм давно уже не представлял собой угрозы геополитическим интересам сменившего Россию СССР, по крайней мере, исходила она не от самой Турции. Характерно, что наиболее яростными противниками России в лице Советов были, в основном, бывшие политические оппозиционеры, имевшие с большевиками свои счёты (А.З. Валиди Тоған, М. Шокай-оглы, С. Арсал Максуди и др.). С распадом Османской империи и установлением республики Мустафа Кемаль Ататюрк отказался от широких политических авантюристских планов, сосредоточившись на проблемах собственно Турции. Разумеется, среди них молодое правительство столкнулось также с актуальной задачей необходимости формирования новой идеологии.

Светская республика нуждалась в светской же исторической концепции, рисовавшей бы не историю верховной власти, а тюркского, в частности, турецкого народа. Так, Советский Союз довольно быстро сумел сформировать русскоцентристскую историческую концепцию, успешно служившую его идеологии. Однако облегчалось дело тем, что историю центрального, русского народа, как политическую, так и этническую, можно было довольно легко связать с его древней территорией, назвав ее «исконной», а его принадлежность к славянской языковой группе помогла довольно быстро избавиться от возможных проблем, связанных с этногенезом, очертившись несколькими, в больших масштабах не сильно разнящимися друг с другом теориями. Для других народов, для которых установить протекание этно- и глоттогенеза было сложнее, Советы придумали концепции автохтонного характера, чтобы также связать историю определенного народа с занятой им территорией. Перед молодым турецким государством стояла подобная же задача разработать историческую концепцию, которая обосновывала бы историчность турецкого народа, права на его суверенитет и территорию, и этим самым пресечь претенциозные стремления соседних государств¹.

Турция была фактически одноплеменным государством, но проблема связи народа с территорией для нее была куда сложнее. С одной стороны, Турция была прямым наследником османов, пришедших на земли Малой Азии, где до них были сельджуки. Но последние пришли на территорию Малой Азии в кон. XI в., и ее население тогда отнюдь не было тюркоязычным. В разные времена она населялась самыми разными по происхождению народами, принадлежащими, однако, к индоевропейской языковой семье: хетты, фригийцы, лидийцы, греки, армяне и т.д. Сами же сельджуки являлись группой из конгломерата туркмено-огузских племен, населявших Среднюю Азию. Вопросы

¹ См.: Öztaş S. Ataturk Dönemi Tarih Anlayışı ve Tarih Öğretimi // Adıyapa Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. Sayı 2. Haziran 2009. S. 95–96; Çencen N., Arıdil Ş. Ataturk'ün Tarih Anlayışı // Gazi Üniversitesi Ticaret ve Turizm Eğitim Fakültesi, 2009. Cilt 29. Sayı 5. S. 1456–1459.

политической и этнической истории огузов к 20-м гг. XX в. были изучены недостаточно, их связь с огузами Центральной Азии – также не ясна, происхождение последних – аналогично. Вспомнить хотя бы вышедшие в 1925 г. двенадцать лекций одного из ведущих востоковедов того времени В.В. Бартольда, где история тюркских народов излагается в едином контексте, прежде всего, языковом, но содержит множество пробелов и неясностей¹.

История государства, как правило, привязана более к территории, чем к занимающему ее народу. Историк зачастую – человек подневольный и пишет так, как устраивает официальную власть. Большая удача для него, если история территории и населяющего ее в современный ему этап народа сливаются в единую с давних, незапамятных, плохо освещенных источниками времен. Это во многом облегчает работу по подгонке толкования исторических фактов под стандарты действующей власти. Понятно, что новоиспеченные турецкие историки не могли себе позволить такую роскошь как объявление концепции об автохтонном происхождении анатолийских тюрков, т.е. турок. К тому же имя «түрк» было достаточно славным в истории, чтобы отказываться от связанных с ним великих страниц.

Еще одну проблему для понимания турецкой исторической концепции в российской историографии, носящую исключительно искусственный характер, создает разное восприятие и путаница в употреблении термина «түрк». Он имеет четыре значения: (1) название одного из тюркоязычных, но не имевших прежде политического единства и общего имени племен, вышедшего в сер. VI в. с предгорий Саяно-Алтая и создавшего Великий каганат, объединивший все эти племена, ввиду чего название одного, главного племени, т.е. этноним, превратился фактически в (2) политоним для всех народов, населявших территории каганата 551–744 гг.; (3) название языковой группы; (4) самоназвание населения Турецкой республики, только в русском языке превратившееся в искусственное «турок»².

Для любого жителя турецкой республики название его народа созвучно и само собой ассоциируется с названием древнего центральноазиатского племени. Естественно, что это – прекрасная почва для построения исторической концепции о непосредственном преемстве и, следовательно, единстве истории: от Бумына до Ататюрка. Единственный способ разобраться с возникающими неясностями и противоречиями – это вплести среднеазиатские тюркские государства, существовавшие в период между падением каганата и становлением Османской империи в эту единую концепцию. Однако Ататюрк хотя и признавал государство древних тюрков общей исходной точкой для всех тюркских народов, никогда не

¹ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Соч.: в 9 т. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 19–192.

² О соотношении терминов «турок» и «тюрк» в российской историографии см.: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л.: Наука, 1982. С. 14–15.

выдвигал каких-либо идеологических претензий, ограничиваясь тем, что называл их «братскими государствами и народами»¹.

Следующие две проблемы вытекают из самого понимания истории как непрерывного процесса развития. Во-первых, у каждого народа должен быть период зарождения, начала истории. На роль предшественников тюрков были выбраны жившие до них в Центральной Азии хунны, несмотря на то, что их языковая принадлежность также не была известна. Во-вторых, в те времена учеными еще не было установлено, что кочевники, в основном, статичны в своем натуральном социальном и технологическом развитии, а в целом в науке господствовало мнение о единстве закономерностей социального развития народов, хотя сами его механизмы не рассматривались. Поэтому ход времени от кочевых язычников-хуннов до оседлых горожан-мусульман османов рассматривался как очевидная, естественная, закономерная поступательная модернизация. Позже в эту эволюционную цепочку в качестве более ранних звеньев были автоматически включены носители южно-сибирских археологических культур: андроновской, афанасьевской, карасукской, тагарской, таштыкской, пазырыкской².

Нельзя упрекать турецких историков начального периода существования республики в субъективизме. Они действовали согласно современным им условиям: политической обстановке и широте методологических средств. Вплоть до своей смерти в 1938 г. Ататюрк вел грамотную политику. Строя национальное республиканское государство, он не играл по правилам крупных держав и избегал осложнений на международной арене. Турецкое правительство сохраняло нейтралитет и в сложный период международных отношений в сер. 30-х – сер. 40-х гг. XX в., занимаясь лишь проблемами собственного государства. Уже в более поздний период, с расколом мира на два противоборствующих лагеря, в одном из которых Турция заняла свою позицию, исторические концепции турецких историков получили более яркий односторонний окрас. Но важно понимать, что их базой были наработки 20-х – 30-х гг. XX в. С началом холодной войны Турция и Россия в лице СССР вновь оказались потенциальными противниками, поэтому различные выпады друг против друга в историографии и публицистике опять же оказались оправданными.

Как мы видим, приверженность линии тюркизма оказалась единственным адекватным вариантом создания концепции истории турецкого народа в период становления республики, а вовсе не следствием якобы реакционных имперско-шовинистских устремлений турецкого правительства, как это принято было представлять в советской историографии.

¹ Цит. по: Eroğlu H. Mustafa Kemal Atatürk'ün Tarih Anlayışı İle İlgili Bazı Görüşler // Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi. Sayı 29–30. Mayıs-Kasım 2002. S. 80.

² См.: Ögel B. Türk Kılıcının Menşeve Tekamülü Hakkında. Ankara, 1948. Cilt. 6. S. 431–460.

И. В. Пономаренко, студент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧАПАЕВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме функционирования военно-промышленных объектов города Чапаевска в годы Великой Отечественной войны. В статье освещаются различные трудности, которые должны были преодолеть руководители и рабочие предприятий в ходе выполнения оборонных заказов.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений: ставшая в последние годы открытой информация о деятельности оборонных заводов в годы войны нуждается во всестороннем анализе; нерешенные вопросы, присутствующие в исследовании региональных тыловых городов, связаны не всегда с объективным и всесторонним анализом конкретной российской действительности периода ВОВ. Именно всестороннее изучение тылового города, на примере Чапаевска, позволит внести лишь малую долю к объективному пониманию значения героической и трагической страницы прифронтовых зон в период войны.

В ходе исследования были привлечены следующие группы источников: законодательные и нормативные акты. Они позволили выявить аспекты по изучению особенностей правового климата в производственной сфере на предприятиях, делопроизводственные документы, извлеченные из двух местных архивов (Государственный архив Самарской области, Самарский областной государственный архив социально-политической истории, где особенно большое значение имели следующие фонды: Чапаевский горком КП РСФСР и ВЛКСМ, парторганизация Чапаевского горкома КПСС, партком Чапаевского завода «Полимер», «Металист», «Химических удобрений» и Чапаевский Механический завод). Именно в данных источниках, в которых автор нашел огромную информацию о героизме тружеников тыла г. Чапаевска, дается материал о характеристике производства, рационализаторских предложениях, социалистических соревнованиях ит.д. Также огромное значение имели опубликованные сборники документов под редакцией Л.В. Храмова, В.П.Чистякова, К.Я. Няякшина, С.А. Хропова, в которых сосредоточены материалы по деятельности местных заводов в годы ВОВ.

В июне 1941 года война неожиданно вошла в нашу жизнь. В результате стратегических просчетов, допущенных советским командованием, войска фашистской Германии уже через три с половиной месяца оказались у самой Москвы, захватив огромную территорию страны с большим людским и промышленным потенциалом. В западных районах страны выбыло из строя более 300 предприятий боеприпасной промышленности, ежемесячный выпуск которых составлял 8,4 млн. корпусов снарядов; 4,7 млн. корпусов мин и

авиабомб; 7,9 млн. взрывателей; более 5 млн. гильз; свыше 65 % производственных мощностей потеряла промышленность, выпускающая порох.¹

На фронтах стал резко ощущаться недостаток боеприпасов. Эвакуируемые на восток предприятия находились на «колесах» или в стадии становления на новом месте и продукции еще не выпускали. Необходимо было срочно ликвидировать кризис в боеприпасной отрасли, так как он оказывал непосредственное влияние на ход боевых действий.²

В первый год войны Чапаевские заводы оставались единственными в стране по изготовлению некоторых изделий боеприпасов. Производство взрывчатых веществ в городе имело огромное значение.³ Не считаясь со временем, специалисты военных предприятий выполняли срочные задания по вводу новых производственных мощностей оборонного назначения. Организаторами и руководителями этих работ были С. А. Щекотихин (завод № 15) и А. П. Мосенков (завод № 309).⁴ Например, на заводе № 15 предстояло осуществить изготовление 63-х номенклатур против 26 в мирное время, при этом двадцать наименований являлись новыми, мощностей для которых не создавалось.⁵ Строить капитально уже не было времени, а фронт испытывал острую нужду в боеприпасах. В этой ситуации более десятка небольших зданий были приспособлены для организации производства.⁶ На заводе № 309 монтаж резервного оборудования, оборудования собственного изготовления и поступающего с эвакуированных заводов производился круглосуточно.⁷

Чапаевский испытательный полигон разместил на своих производственных площадях мастерскую тульского завода № 178 по сборке 20 и 23-мм авиационных патронов. Сборка патронов и отправка их на фронт осуществлялись до 1944 года. С мая 1943 г. предприятие производило сборку 82-мм ракетных снарядов к установкам БМ-8 «Катюша». В конце 1941 года в Чапаевск эвакуировался Крымский авиационный полигон с материальной частью и обслуживающим персоналом во главе с начальником полигона полковником Д.А. Ивановым, который, как старший по званию, возглавил Чапаевский артиллерийский полигон. На правой границе полигона срочно был построен полевой аэродром, и полигон

¹ Зверев Б.И. Оружие–фронту // Отечественная история. М., 1995. № 3. С.59 – 68.

² Куйбышевская область: Историко-экономический очерк. Куйбышев: Кн. изд-во, 1983. С.137.

³ Храмов Л.В. Военно-промышленный комплекс Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Вестник СамГУ. 2007. №5/3(55). URL: <http://vestnik.ssu.samara.ru/gum/2007web53/hist/200753062010.pdf>. (дата обращения: 05.11.2011).

⁴ Город Чапаевск. Историко-экономический очерк. Куйбышев, 1988. С.108.

⁵ Здесь тыл был фронтом // Чапаевцы – труженики тыла / Сост. Г.А Борисова. – Чапаевск, 2004. С.3

⁶ Дорога к Победе (1941 – 1945 гг.). Чапаевск, 1995. С.7.

⁷ Взрывчатые вещества, пиротехника, средства инициирования в послевоенный период. Люди, наука, производство. М.-СПб: Гуманистика, 2002. С.42.

приступил к испытаниям авиабомб и взрывателей к ним. Полигон располагал самолетами ДБ-3, СБ-3, ИЛ-2, У-2.¹ Увеличились номенклатура и количество испытываемых изделий. Как отмечалось в справке Чапаевского артиллерийского полигона в Куйбышевский обком ВКП(б) о работе 1941-1944 гг., мощность испытаний предприятия увеличилась с 75 заводов в мирное время до 176 в период войны.² Учитывая, что в начальный период войны три полигона, производивших испытания боеприпасов заводов, расположенных в центральной части России, Украины и Белоруссии, были эвакуированы, вся тяжесть по испытаниям легла на Чапаевский, Уральский и Новосибирский полигоны.³

В период войны наиболее острой была проблема обеспечения оборонных предприятий города Чапаевска рабочей силой. Мобилизации военнообязанных, расширяющееся военное производство требовали огромного количества рабочих рук. Так, на заводе №102 количество рабочих рук за год войны возросло с 1672 до 2379 человек.⁴ В эти дни родился почин заменить ушедших на фронт мужчин женщинами. Его инициаторами стали работницы швейной фабрики и хлебозавода. К станкам, аппаратам, прессам вместо мужчин встали женщины, в том числе и прибывшие в город в порядке эвакуации из западных районов страны.⁵ Уже к концу 1941 года более 70 % всех работающих составляли женщины. В период боев под Москвой, для помощи заводу в выполнении задания правительства, с ноября 1941 года на заводы № 15 и 309 направляются студенты заводского техникума, а также студенты спецфакультета Куйбышевского индустриального института.⁶ Увеличилось количество работающей молодежи допризывного возраста за счет учащихся старших классов общеобразовательных школ, которые встали на рабочие места в мастерских предприятий, а также студентов техникума, переведенных на гибкий график сочетания производственной работы с обучением. Специальность молодые люди приобретали непосредственно на предприятиях, где широко развернулось соревнование за обучение молодых рабочих. Например, Николай Голик подготовил за короткое время более десяти подростков и создал бригаду, завоевавшую позже звание фронтовой.⁷ Одним из способов решения кадровой

¹ Ерсак Л. Создание полигона. К 70-летию Чапаевского опытного завода измерительных приборов // Чапаевский рабочий. 2004. 21 мая.

² Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сборник документов и материалов / Науч. ред. Л.В. Храмов. Самара: ФГУП "Самарский Дом печати", 2005. С.149

³ Чапаевский опытный завод измерительных приборов. 1934-1999. Чапаевск, 1999. С.16

⁴ Чигренев М. В тылу как на фронте // Чапаевский рабочий. 2003. 25 апреля.

⁵ Самарская область. География и история, экономика и культура / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: Самарский Дом Печати, 1999. С. 132.

⁶ Есть у биографии начало, нет у биографии конца. (История Сергиевского завода взрывчатых веществ). Историко-экономический очерк. Чапаевск, 2001. С.147

⁷ Чапаевск-фронту // Чапаевский рабочий. 1985. 19 марта.

проблемы были трудовые мобилизации. Как отмечалось в докладной записке уполномоченного Государственного Комитета Оборона Докторов в ЦК ВКП (б), в порядке мобилизации только в сентябре – октябре 1941 г. завод № 15 получил 1398 человек, завод № 309 – 2400 человек, а затем дополнительно еще 3968 человек.¹ Работники военных производств подвергались строгой проверке отделами найма заводов и горотдела НКВД.

Условия труда на оборонных предприятиях города были чрезвычайно тяжелыми. Преобладал ручной труд при 10-ти – 12-ти часовом рабочем дне, без выходных и праздничных дней. “Нередко мы сутками не покидали свои цеха, вспоминала работница одного из военных заводов М.Т. Кондратьева. - Прикорнем на 3-4 часа и снова на работу”.² В мастерских отсутствовали элементарные бытовые удобства, а в некоторых и вентиляционные системы. Порою не хватало питьевой воды. Особенно проблема наблюдалась в летнее время.³ Учащиеся Чапаевской школы №2 порой не выдерживали график работы и убежали.⁴ Именно по этой причине даже в условиях военного времени руководство цехов и заводов нередко сталкивалось с фактом невыхода на работу отдельных членов бригад или всей бригады. Значительная часть рабочих, прибывших на заводы, не приступая к работе или проработав 10 – 15 дней, возвращалась к месту жительства.

Технологические ошибки сопровождались авариями. За годы Великой Отечественной войны на оборонных предприятиях произошло пять крупных взрывов, в результате которых погибло 108 человек.⁵ “В те годы взрывы бывали на наших заводах, ведь люди работали на износ, нередко игнорируя правила техники безопасности”, - отмечал работник завода № 309 В.И. Колотилин в своих воспоминаниях. Одна из самых страшных аварий, истинные причины которой так и остались невыясненными, произошла 16 февраля 1944 года. Ее жертвами стали 84 человека (работники заводов № 15 и 309, пожарные ОВПО НКВД завода № 15).⁶ В 19 часов 45 минут в нитрационных мастерских цеха № 7 завода № 15, находившихся почти в самом центре Чапаевска, прогремел взрыв огромной разрушительной силы. Через 4, 5 минуты за ним последовал второй. Очевидцы рассказывали, что во многих домах осыпались оконные стекла, вылетели рамы,

¹ Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Документы материалы / сост. Ю.Е.Рыбалко, А.А.Буданова. Самара: Издательство «Самарский дом печати», 1995. С. 64-65.

² Чапаевск-фронту // Чапаевский рабочий. 1985. 16 апреля.

³ Пожилаева. Вода в цехах необходима // Коллективный организатор. 1942. 21 мая (№19).

⁴ Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы / Сост. Храмов Л.В. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С.380.

⁵ Дорога к Победе (1941 – 1945 гг.). Чапаевск, 1995. С.9

⁶ Слухов, О. Благодарная память (к 60-летию взрыва нитрационных мастерских цеха №7 завода № 15) // Чапаевский рабочий. 2004. 13 февраля.

над заводом стояло огненное зарево, а территория вокруг него была усеяна обломками оборудования. Ударная волна от взрыва дошла до населенных пунктов в радиусе 25 километров. На месте кирпичных зданий на территории завода образовались воронки глубиной до 9 метров. В результате аварии возникло 18 вторичных очагов пожаров, продолжавшихся около пяти часов. Помимо взорвавшихся мастерских были полностью или частично разрушены 52 производственных здания. «Очень сложно было работать на заводе, так как дисциплина была военная, режим работы -жестокий», - вспоминает М.Б. Соколов.¹

Ужасными были и условия проживания рабочих. Например, в 1942 году для размещения работников Чапаевского полигона были построены шлакоблочные бараки – деревянные, засыпные, коридорного типа, с печным отоплением. Санитарные условия были ужасные, везде грязь, пыль.² Электричество подавалось в них на два часа утром и на три часа вечером, пользоваться электронагревательными приборами не разрешалось. По воспоминаниям одного из работников полигона, «в первые дни войны из-за нехватки жилья эвакуированных размещали по 2 - 3 человека на койку. В ночное время света не было, найти свою койку можно было на ощупь или по голосу. На весь барак имелись две печки, что очень затрудняло приготовление пищи».³

Суровую ответственность несли директора оборонных предприятий, не справившихся с выполнением производственных заданий ГКО. Они освобождались от занимаемых должностей, их дела передавались в следственные органы НКВД. Такова, например, судьба директора завода № 15 С.А. Щекотихина, снятого с должности по распоряжению наркома боеприпасов Б.Л. Ванникова весной 1942 г.

К декабрю 1941 г. кризис в боеприпасной отрасли удалось остановить. Если в 1941 г. промышленность выпустила 67 млн. снарядов и мин, то в 1942 г. – 127 млн., 1943 г. – 161 млн. Общий объем боеприпасной продукции за войну составил более 10 млн. тонн.⁴ Уже в первые месяцы войны оперативные задания ГКО работники чапаевской «оборонки» выполняли с честью. Как отмечалось в докладной записке Куйбышевского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б), уже к концу 1941 г. рост объемов промышленного производства чапаевских заводов в 2,5 раза

¹ Война и дети (Они заменили взрослых ушедших на фронт, и выстояли) / И Ш. Цирин, И. А. Рамзайцев, Н. А. Тюрикова и др., Под общей редакцией И. Ш. Цирин. - Самара: Самар. отд-ние Литфонд, 2005. С. 142.

² Черников. Кончатся ли безобразия // Коллективный организатор. 1942. 27 февраля (№9).

³ Чапаевский опытный завод измерительных приборов (1934-1999). Чапаевск, 1999. С.16

⁴ Зверев Б. И. Оружие – фронту // Отечественная история. М, 1995. № 3. С.59-68.

превысил довоенные. Количество работающих на них выросло на 40 – 45 % и составило к началу 1942 г. 30 тысяч человек.¹

За успешное выполнение заданий правительства оборонные предприятия города неоднократно представлялись к различным наградам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 января 1942 г. завод № 15 был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а большая группа передовиков производства – орденами и медалями.² Патриотический подъем трудящихся города и области, их героический труд и самоотверженность создали все условия для превращения нашего региона в мощный военно-промышленный арсенал. Люди фронта и тыла жили одной жизнью во имя великой цели – победы над фашизмом.

Д.В. Янчарук, к.и.н.

Тольяттинский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОИЗВОДСТВА СИНТЕТИЧЕСКОГО КАУЧУКА В ПОВОЛЖЬЕ

В статье анализируются тенденции историографии химической промышленности СССР и производства синтетического каучука в Поволжье.

Превращаясь Великой Отечественной войной индустриализация многих отраслей советской экономики с новой силой возродилась в послевоенные годы. Завершив к началу 1950-х гг. восстановление народного хозяйства, страна вступила в новый этап своего индустриального развития. Его первоочередными задачами стали дальнейшее развитие черной и цветной металлургии, нефтяной, угольной и химической промышленности, обеспечение быстрых темпов строительства электростанций и предприятий машиностроения. Создание новых предприятий диктовалось потребностями динамично развивающейся экономики СССР, особенно перспективными ее отраслями – машиностроением и нефтехимией. Одним из центров нефтехимии в послевоенном СССР стало Поволжье, что было связано со стремительным развитием нефтедобывающей отрасли в регионе с середины 1940-х гг. Создание сырьевой базы позволило со второй половины 1950-х гг. начать строительство различных химических и нефтехимических производств. Лидирующее положение в их структуре с конца

¹ Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Документы материалы / сост. Ю.Е.Рыбалко, А.А.Буданова. - Самара: Издательство «Самарский дом печати». 1995. С. 64-65

² Шли через проходную как через линию фронта // Чапаевский рабочий. 2010. 26 февраля.

1960-х гг. заняло производство синтетического каучука. При всем при этом, история производства синтетического каучука в регионе все еще не стала предметом специального изучения: затрагивались лишь некоторые ее аспекты. Учитывая значение данного производства для экономики Поволжья и страны в целом, было бы целесообразно как с научной, так и с практической точек зрения показать процесс его становления и развития, поскольку в этом случае улучшится наше понимание тенденций развития нефтехимической промышленности региона. Заслуживает внимание и продолжение работы по изучению истории фабрик и заводов, проводившейся в СССР с 1930-х гг. В условиях начавшегося восстановления российской промышленности исследование этой тематики вновь становится актуальным.

Историография химической промышленности получила существенное развитие с конца 1950-х гг. Она неоднородна по своему содержанию и может быть разделена на несколько тематических блоков: работы по истории советской химической промышленности в целом, публикации по истории заводов и производств, краеведческая литература. Историография предприятий «большой химии» появилась как реакция научной общественности на изменение приоритетов правительства в области промышленной политики. Выходившие по заказу общества «Знание», издания распространялись в сети политического просвещения. Они легли в основу историографии советской химической промышленности на начальном этапе¹. В середине 1960-х гг. появляются работы, освещающие региональные аспекты становления «большой химии»². На первом этапе развития историографии химической промышленности предпринималось несколько попыток комплексно осветить становление «большой химии». К числу наиболее успешных можно отнести работы В. М. Бушуева, Б. Д. Изюмова, С. В. Маркевича, Б. И. Тимина³. Издания представляют собой серию очерков о крупных предприятиях и стройках химической промышленности, тематически объединенных идеей реализации семилетнего плана. С окончанием «семилетки большой химии» и переключением внимания правительства на развитие машиностроения и сельского хозяйства, количество исследований сократилось⁴.

¹ См.: Авербух А. Я. Химия дает чудесные материалы. Л., 1964; Леонов Н. М. Синтетические материалы в народном хозяйстве. Свердловск, 1963; Лубан Л. Л. Чудеса входят в жизнь. М., 1963; Некрасов Н. Н. Химия в народном хозяйстве. М., 1958; Страхова Л. П. Химия и технический прогресс. М., 1963; Федоренко Н. П. Основные направления химизации народного хозяйства. М., 1964 и др.

² См.: Гудин Н. Н. Химия и технический прогресс. Казань, 1964; Фельдман И. Х. Пути химизации народного хозяйства Восточносибирского экономического района. Иркутск, 1964; Химизация промышленного производства в Белоруссии. Минск, 1965 и др.

³ См.: Бушуев В. М. Советская химическая промышленность в текущем семилетии. М., 1962; Маркевич С. В. Большая химия. 2-е изд. Минск, 1964; Тимин Б. И. Большая химия. Свердловск, 1961.

⁴ См.: Бушуев В. М. Химическая индустрия в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1973; Казарян П. Е. Химизация народного хозяйства и ее экономическая эффективность.

Со второй половины 1960-х гг. утверждается канон для публикаций подобного рода. Исследование начиналось с описания тенденций развития отрасли в разрезе текущего пятилетнего плана. Указывались крупные достижения предыдущих лет и проблемы, стоящие перед отраслью в настоящий момент. Далее авторы показывали ближайшие цели развития химической промышленности и пути, следуя по которым, правительство намеревалось достичь поставленных целей.

Некоторый интерес к истории химической промышленности проявили и профессиональные историки. В 1964 г. специалист в области истории индустриализации СССР В. С. Лельчук издает монографию «Создание химической промышленности СССР». Позднее появляется монография Г. А. Волкова «В. И. Ленин и развитие химической промышленности СССР»¹. Они представляют собой попытку описать влияние процессов индустриализации на химический комплекс страны.

Центральной темой публикаций 1970-х гг. выступает научно-технический прогресс в отрасли. Работы, популярно освещающие развитие химической промышленности, с начала 1970-х гг. начинают отличаться все более высоким уровнем научности. Из пропагандистских изданий, рисующих красочные картины успехов «большой химии», они эволюционируют в издания информационного характера, дающие достаточно взвешенную оценку ситуации в отрасли. Складывается постоянная группа специалистов, освещающих вопросы развития химической промышленности, таких как А. Я. Авербух, В. М. Бушуев, Л. А. Костанов, Н. П. Федоренко и др.

Появляются и научные исследования. Переломными в этом отношении стали 1966–1967 гг. К пятидесятилетию установления советской власти министерства и ведомства начали публикацию работ, освещающих достижения отраслей народного хозяйства за истекшие полвека. Появляются обзорные очерки истории советской химической промышленности. В 1967 г. выходит коллективная монография «50 лет. Советская химическая наука и промышленность», написанная под редакцией министра химической промышленности Л. А. Костанова². В дополнение к ней издается монография «Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность СССР. К 50-

Л., 1975; Киссин Ю. В. Химия и новые виды сырья. М., 1975; Костанов Л. А. Научно-технический прогресс в химической промышленности. М., 1971.; Чочетков Л. М. Химия в народном хозяйстве. М., 1971; Федоренко Н. П. Комплексная программа химизации и экономика. М., 1975 и др.

¹ См.: Лельчук В. С. Создание химической промышленности СССР. М., 1964. Волков Г. А. В.И. Ленин и развитие химической промышленности СССР. М., 1975.

² См.: 50 лет. Советская химическая наука и промышленность / Ред. Л. А. Костанов. М., 1967.

летию Октября»¹. В работах были подведены итоги полувекового развития советской химической индустрии. Исследования имели одно примечательное достоинство: в них впервые на научном уровне затрагивались проблемы отдельных отраслей химической промышленности и давались подробные очерки их истории.

На вторую половину 1960-х и 1970-е гг. пришелся расцвет экономических исследований в области химической промышленности². В трудах Г. Ф. Борисовича, М. Г. Васильева, Л. М. Гатовского, В. Л. Клименко рассматривались проблемы перспективного планирования для химической промышленности и ее отраслей, поиска механизмов оптимизации их развития. Но в них затрагивались и вопросы истории промышленности, поэтому указанные работы можно отнести по содержанию к историко-экономическим. Они писались по тому же канону, что и популярные издания, с той разницей, что их научный уровень был несравнимо выше. Крупный комплекс исследований освещал технико-экономические вопросы размещения химической индустрии³.

Заслуживают внимания работы авторского коллектива во главе с Г. Ф. Борисовичем – крупнейшим специалистом в области экономики производства синтетического каучука в СССР. Им были созданы лучшие обзорные очерки состояния советской химической промышленности в 1970-е гг. В трудах Г. Ф. Борисовича предпринимается попытка на основе статистических данных и знания технологии спрогнозировать развитие производства. Ученый предполагал дальнейшую концентрацию производства синтетического каучука и кооперирование заводов с целью максимально полной обработки сырья⁴.

На общем фоне научных работ особенно выделяется исследование Э. С. Савинского⁵.

Ученый предложил периодизацию развития производства синтетического каучука в СССР.

¹ См.: Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность СССР. К 50-летию Октября. М., 1967.

² См.: Борисович Г. Ф., Васильев М. Г., Дедов А. Г. Девятая пятилетка химической промышленности. Экономические проблемы. М., 1973; Борисович Г. Ф., Васильев М. Г. Научно-технический прогресс и экономика химической промышленности. М., 1977; Клименко В. Л., Садчиков И. А. Экономические проблемы научно-технического прогресса в нефтехимической промышленности. М.–Л., 1976. Рабкина А.Л. Экономические проблемы перспективного развития нефтехимической промышленности. М., 1973 и др.

³ См.: Алисов Н. В. География химической промышленности. М., 1967; Грамотеева Л. И. Технико-экономические проблемы размещения важнейших отраслей химической промышленности. М., 1970 и др.

⁴ См.: Борисович Г. Ф., Васильев М. Г., Дедов А. Г. Девятая пятилетка химической промышленности. Экономические проблемы. М., 1973. С. 115.

⁵ См.: Савинский, Э. С. Химизация народного хозяйства и развитие химической промышленности. – 2-е изд., перераб. – М., 1978.

– На первом этапе, который пришелся на 1932 – 1941 гг., были заложены основы производства синтетического каучука, созданы первые заводы на основе отечественных технологий в Воронеже, Ереване, Ефремове, Казани и Ярославле.

– Второй этап отнесен на 1946 – 1960 гг. На послевоенный период пришлось восстановление разрушенных в ходе войны производств и существенное увеличение выпуска продукции. Производство синтетического каучука за 15 лет увеличилось в 8,6 раза. Изменяется сырьевая база производства

– Третий этап пришелся на 1960-е – 1970-е гг. Основным его содержанием стало изменение структуры производства продукции, выразившееся в увеличении доли новых марок синтетического каучука и постепенном вытеснении старых марок, освоенных еще в довоенный период. Вновь изменяется сырьевая база производств: нефтегазовое сырье начинает вытеснять синтетический спирт. На третий этап приходится создание принципиально новых, особо крупных производств¹.

Периодизация, предложенная Савинским, стала в науке общепринятой.

Третий этап историографии химической промышленности начался в середине 1980-х гг. На него пришлось обобщение имеющихся знаний по истории химической промышленности СССР. В 1984 г. вышла в свет работа «Развитие химической промышленности в СССР (1917–1980 гг.)»². Данная коллективная монография остается единственным исследованием, где комплексно рассматриваются вопросы становления химической промышленности, ее территориального размещения, управления предприятиями и проблемы научно-технического прогресса в отрасли. Во втором томе исследования приводится объемный очерк истории производства синтетического каучука в СССР. Основное внимание в нем авторы обратили на довоенное развитие производства и разработки ученых в области синтеза каучуков³. В конце 1980-х гг. вышли очерки истории советской нефтехимии⁴. Это было одно из последних изданий по истории развития химической промышленности. Изложение истории успехов отрасли в нем доведено до середины 1980-х гг. В целом, очерки мало чем отличаются от публикаций, появлявшихся ранее. Единственным отличием являются несколько более выраженные прогнозы развития химии на будущее.

В начале 1990-х гг. история химической промышленности практически перестала привлекать внимание ученых. Причинами падения внимания стали

¹ Савинский, Э. С. Химизация народного хозяйства и развитие химической промышленности. – 2-е изд., перераб. М., 1978. С. 202–203.

² См.: Развитие химической промышленности СССР. 1917–1980. / Ред. Л. А. Костандов, Н. М. Жаворонков. Т. 1–2. М., 1984.

³ Там же. Т. 2. С. 261–263.

⁴ См.: Нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность СССР. М., 1987.

ликвидация правительственного заказа на проведение исследований и недофинансирование науки в целом.

Изучением развития нефтехимии серьезно интересовались ведомства, ответственные за развитие производств и сами предприятия. На начальном этапе издания по истории заводов представляли из себя красочные брошюры, в которых приводилась краткая справка по истории предприятия, а дальше шло описание его продукции. В дальнейшем начали появляться более серьезные издания. Так, по заданию руководства Нижнекамского нефтехимического комбината, историки Казани в 1985 г. подготовили официальную историю комбината¹. Через полтора десятилетия более обширная работа была издана летописцем предприятия – В. Лексиним². В первой книге дается описание пути трудового коллектива предприятия, истории социалистического соревнования на производствах. Второе издание носит выраженный рекламный характер и является приложением к собственно рекламной продукции предприятия. В 1986 г. издается официальная история Казанского завода³. История других заводов синтетического каучука в Поволжье практически не изучалась. В лучшем случае, выпускались хроники, содержащие основные даты из истории предприятий⁴.

Отдельные очерки и статьи по истории производства синтетического каучука, с 1960-х гг. появились на страницах ведомственного журнала «Каучук и резина»⁵. Журнал имел преимущественно технический профиль. Публиковались материалы о текущем состоянии производства и отдельных заводов, а также обзорные статьи с характеристикой истории каучуковой промышленности. Наиболее ценную часть ведомственных публикаций представляют обзорные статьи о достижениях каучуковой промышленности. Они печатались в основном к юбилейным датам истории СССР. В статьях, на богатом фактическом материале,

¹ См.: Белялов У. Б., Лифшиц, И. М., Дрягилев, Л. А., Бадыгов, Р. А. и др. Серебро колонн над Камой: очерк истории Ордена Ленина производственного объединения «Нижнекамскнефтехим». Казань, 1986.

² См.: Лексин, В. Г. Нижнекамскнефтехим / В. Г. Лексин. – Казань, 2002.

³ См.: Зрелость: Страницы истории Казанского завода СК им. С. М. Кирова. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 262 с., ил.

⁴ См.: Хроника истории ООО «Тольяттикаучук» Тольятти: Б. и. 2003.

⁵ См.: Баденков П. Ф. О некоторых важнейших итогах работы и задачах дальнейшего развития шинной промышленности // Каучук и резина. – 1964. – № 3. – С. 1–4; Гармонов И. В., Пиотровский К. Б. Результаты исследований в области синтетического каучука, проведенных за период с XX по XXII съезд КПСС // Каучук и резина. – 1961. – № 10. – С. 1–6; Кулькова М. И., Левина С. Р. Строительство первых заводов синтетического каучука в СССР // Каучук и резина. – 1967. – № 9. – С. 2–4; Некоторые задачи технического прогресса в промышленности СК и резиновой (редакционная статья) // Каучук и резина. – 1968. – № 1. – С. 2–3; Елпатьевская Е. Ф. О некоторых задачах Казанского завода синтетического каучука в новой пятилетке // Каучук и резина. – 1971. – № 8. – С. 1–2; Хорьков В. Г. О подготовке специалистов для промышленности СК и резиновой промышленности за годы Советской власти // Каучук и резина. – 1967. – № 11. – С. 33–37.

давались очерки истории производства синтетического каучука, смежных производств, показывались основные достижения советских ученых в области синтеза каучуков. Публикации вводят в научный оборот большое количество неизвестных данных, отражающих развитие производства¹.

Комплекс краеведческих изданий по теме весьма невелик. Эпизодические упоминания о заводах синтетического каучука содержатся в изданиях по истории экономики региона. Но эти данные настолько фрагментарны, что практически не представляют ценности для исследования². Еще меньшее количество информации содержится в исследованиях по истории региона. Чаще всего о производствах встречаются простые упоминания в разделах, посвященных экономическому развитию. Единственной комплексной работой по истории нефтехимического комплекса региона, является исследование С. Л. Князева, долгие годы ответственного за развитие нефтедобычи и нефтепереработки в Татарстане³. Исследования по истории нефтехимической промышленности были продолжены с конца 1990-х гг.⁴

Подводя итог обзору историографии «большой химии» СССР стоит отметить, что за полвека, прошедшие с момента ее становления, она получила значительное развитие: появилось большое количество исследований по истории химической промышленности страны, ее отраслей, региональных сегментов и отдельных предприятий. Но видимое обилие публикаций скрывает существенный недостаток значимой информации. Историография производства синтетического каучука представлена небольшими аналитическими обзорами состояния отрасли за разные годы (преимущественно, за пятилетия), включенными в комплексные экономические исследования. Такие обзоры носили описательный характер. Пожалуй, наибольшим недостатком в исследованиях, отражающих историю

¹ См.: Гармонов И. В., Пиотровский К. Б. Пятьдесят лет исследований советских ученых в области синтеза каучука // Каучук и резина. – 1967. – № 11. – С. 7–15; Зверев А. Г., Южелевская М. В. Промышленность СК к пятидесятилетию образования СССР. // Каучук и резина. – 1972. – № 12. – С. 9–11; Парфенов М. П. Шинная промышленность к пятидесятилетию образования СССР // Каучук и резина. – 1972. – № 12. – С. 5–9; Соболев В. М. Промышленность синтетического каучука к пятидесятилетию советской власти // Каучук и резина. – 1967. – № 10. – С. 2–6; Федоров В. С. Сорок лет промышленности синтетического каучука // Каучук и резина. 1972. – № 7. – С. 1–4 и др.

² См.: Куйбышевская область – район большой химии. Куйбышев, 1964. – 17 л. [рукопись]; Афанасьев А. И., Гильманова Р. Г., Кирилов, С. И. Советская Татария в девятой пятилетке. Казань, 1975; Латыпов М. М. Руководство партийной организации Татарии развитием промышленности. 1966–1970. Казань, 1981; Табеев Ф. А. Экономика Татарии: Итоги и перспективы. Казань, 1972 и др.

³ См.: Князев С. Л. Нефть Татарии: рубежи, взгляд сквозь годы. Казань, 1990.

⁴ См.: Губаев Ш. Ш. Нефтегазохимический комплекс Татарстана. Стратегическое управление. Конкуренция. Инвестиции, 1998; Гумерова Г. И. Проблемы экономики инновационного развития нефтехимического комплекса региона. Казань, 2006; Хузина А. Ф. Нижнекамский промышленный район: годы становления. Нижнекамск, 2003.

производства синтетического каучука, выступает отсутствие специальных работ, посвященных изучению региональных производственных комплексов. В результате, вплоть до настоящего времени не создано «среднее звено», способное связать исследования по истории отрасли с исследованиями по истории конкретных предприятий.

Д.А. Винокуров, аспирант

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КЛИБАНОВА: 1950 – 1960-е гг.

Статья посвящена некоторым проблемам развития советской гуманитарной мысли в период «Оттепели» (1954 – 1964). Разбираются дискуссионные вопросы генезиса и сущности исследовательской методологии А.И. Клибанова – ученого, труды которого во многом определили особенности постсталинской историографии. Показывается, что в его оригинальном творчестве нашли отражение различные социально-политические и идеологические «знаки времени».

Завершение сталинской эпохи сопровождалось масштабной ревизией концептуальных подходов к изучению отечественного прошлого. Новый курс, взятый Н.С. Хрущевым в области атеистической пропаганды и отношений с РПЦ¹, сопровождался масштабными изменениями вектора оценки деятельности православной церкви XV – XVI вв. Под флагом критики сталинской схемы истории XV – XVI веков укреплялись и развивались более традиционные схемы, вписывающиеся в марксистскую социологию религии. Наследие классиков марксизма-ленинизма получало однозначный приоритет перед достаточно специфическими сталинскими приемами интерпретации марксизма. Середина и вторая половина 1950-х гг., а также 1960 г. с их мощным «импульсом нового», расширением исследовательской тематики в области изучения отечественного Средневековья², а также углубляющейся атеистической кампанией, заставляли исследователей дать новые ответы о роли РПЦ в российском историческом процессе. Непосредственное влияние на формирование нового – постсталинского образа прошлого истории русской церкви периода образования единого Русского государства оказали постановления ЦК КПСС «О крупных

¹ Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения хрущевского периода // VITTORIO. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М.: Три квадрата, 2005. С. 294.

² Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 56.

недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября того же года. Первое постановление ставило, в частности, задачу развертывания масштабной кампании по изданию научно-атеистической литературы вкупе с переизданием атеистических работ «классиков марксизма-ленинизма» и художественной литературы, пропагандирующей атеистические воззрения¹. Второе постановление, выдвигая науку в качестве единственно верного способа борьбы с религиозным мировоззрением, нормативно устанавливало вектор оценки исторического прошлого русской церкви как организации, которая в «царской России...верно служила самодержавию, помещикам и капиталистам, оправдывала жестокую эксплуатацию народных масс, поддерживала эксплуататоров в борьбе против трудящихся»². Именно на это время приходится начало расцвета деятельности нового поколения историков, для которых изучение источников по истории русской церкви стало в значительной степени средством профессиональной самоидентификации.

Середина 1950 – первой половины 1960-х гг. – это период, в который в результате напряженного исследовательского полилога А.А. Зимина, Я.С. Лурье, А.И. Клибанова, Н.А. Казаковой и некоторых других исследователей сформировалась картина развития отечественной общественной мысли эпохи образования и укрепления единого Русского государства, ряд элементов которой сохраняет свое значение и в современной исторической науке. При этом, несмотря на выдающееся значение указанных исследователей для отечественной медиевистики, мы до сих пор не имеем ни опытов построения их комплексной интеллектуальной биографии, ни даже сколько-нибудь развернутых очерков генезиса и развития общих методологических и историософских воззрений. И если в отношении А.А. Зимина такая работа ведется, то взгляды других ученых, трудящихся в 1950 – 1960-е гг. в том же проблемном поле, остаются неизученными. В данной статье делается попытка поставить ряд вопросов, связанных с наследием одного из крупнейших ученых-религиоведов СССР/России Александра Ильича Клибанова (1910 – 1994).

А.И. Клибанов является одним из пионеров комплексного изучения еретических движений на Руси XIV – XVI вв. Хотя данная тема является лишь одной из граней того творческого наследия, которое оставил ученый³, объем и

¹ Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 8. 1946–1955. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. С. 431-432.

² Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» // Там же. С. 448.

³ Буганов В.И. А.И. Клибанов – историк русской общественной мысли // Вопросы истории. М, 1995. № 2. С. 148-155.

оригинальность проделанной им работы позволяют назвать его труды «хрущевского» периода одним из краеугольных камней, на которых базировалась упомянутая выше картина развития древнерусской мысли, принятая в советской науке.

Вопрос о фундаментальных основах творчества А.И. Клибанова, который лишь штрихами отмечен в историографии, закономерно включает в себя проблему отношения исследователя к марксистской методологии. Подходя в 1930-х гг. к проблеме русских средневековых еретических движений, А.И. Клибанов, по собственным словам, придерживался такой программы, изложенной Б.Д. Грекову: «повторить на русском материале опыт Энгельса, исследовавшего Крестьянскую войну в Германии»¹. В этой программе можно увидеть схему приложения марксистской теории к истории идейно-религиозной жизни России XV – XVI вв., которая заявила о себе в 1930-е гг.², но позднее была свернута, в связи с произошедшими в годы войны идеологическими трансформациями. Последовавшее заключение (ГУЛАГ и ссылка) не позволило ученому высказать в печати свои взгляды во время позднего сталинизма. Концепция А.И. Клибанова – яркая, авторская, о которой Д. Филд сказал, что она выгодно отличает его труды от большинства советских работ по истории церкви, которые «воспринимаются читающим так, как если бы они были написаны партийными ячейками, если не машинами»³, явно не «вписывалась» в реалии историографии последнего сталинского восьмилетия. Тем не менее очевидно, что процесс «вызревания» концептуальных основ изучения русских ересей был завершён А.И. Клибановым в 1940-х гг. Так, в частности, слова Н.П. Сидорова, нашедшего основную идею труда Клибанова по истории русских ересей в том, чтобы «показать, что у русских людей была голова на плечах, и не только для вопросов практических»⁴, указывают на то, что автор уже в это время придерживался взглядов о выдающемся вкладе представителей еретических течений в идейно-теоретическое наследие русского средневековья. Только во второй половине 1950-х гг. в историографии создался необычайно плодотворный климат для завершения дел, начатых в 1930-х гг. Отход от сталинского видения проблемы, которое Клибанов характеризовал как «дилетантское изложение марксизма»⁵,

¹ Клибанов А.И. Высокие уроки // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М.: Наука, 1982. С. 93.

² См.: Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI века // Антирелигиозник. М, 1934. № 3-4. С. 21-31.

³ Field D. A Far-Off Abode of Work and Pure Pleasures // Russian Review. Lawrence, 1980. Vol. 39. № 3. P. 351.

⁴ [Письмо Н.П. Сидорова А.И. Клибанову от 20 декабря 1947 г.] / Клибанов А.И. Встречи и переписка с Н.П. Сидоровым // Записки ОР ГБЛ. Вып. 38. М.: Книга, 1977. С. 234.

⁵ Клибанов А.И., Митрохин Л.Н. Религия как предмет науки // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1987. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. С. 29.

создавал должную платформу для укрепления точек зрения, которые, внося «верное» приложение марксистской социологии к историческим задачам, создавали, по сути, новый гнозис. В «оттепельный» историографический контекст (1955) А.И. Клибанов входит уже с вполне определившимися концептуальными воззрениями.

Вместе с тем, существенно прояснить вопрос об отношении ученого к марксизму может анализ научной и общественной деятельности А.И. Клибанова. Его положение среди элиты отечественной исторической науки (Лауреат Государственной премии СССР) в 1970 – 1980-х гг., несомненно, накладывало отпечаток на характер оценок ученым событий истории русской церкви. Наряду с плодотворной научной активностью, Клибанов неоднократно выполнял редакторские функции в различных «научно-популярных» изданиях по истории русской церкви (1962, 1964, 1975, 1978), выступал в печати с обобщающими статьями об атеизме и перспективах религии в социалистическом обществе. Оценки, даваемые им аспектам средневековой истории русской церкви, до второй половины 1980-х гг. как минимум не противоречили духу и букве текущего партийного курса в области религии. Понимание церкви как реакционного общественного института, проповедующего «мрачную, отрешенную, аскетическую культуру» в противовес некоей «поющей, смеющейся, веселой»¹ народной Руси, приводило советских исследователей творчества Клибанова к мысли о том, что историку было свойственно определять ее деятельность как «ксенофобную»² и т.д. Показательным в этом отношении может служить состав сборника «Русское православие: веки истории», изданного уже в реалиях т.н. «Перестройки». В заметке «От редактора» А.И. Клибанов, с одной стороны, считает, что авторы «...стремились очистить историческую действительность от искажений, поверхностных суждений и нарочито «обличительной» тональности»³, в то время как раздел «Церковь в обществе развитого феодализма (XIV – XVI вв.)» в описании, в частности, иосифлянства текстуально совпадает с соответствующим разделом издания «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.)» (1967), конечно же, сохраняя в неприкосновенности как соответствующую тональность, так и оценки. Таким образом, у историографа нет оснований утверждать, что А.И. Клибанов в своей *профессиональной* деятельности в 1955 – 1980-е гг. осуществлял действенные попытки выйти за рамки марксистской идеологии. Исследовательская практика А.И. Клибанова лежала, с нашей точки

¹ Клибанов А.И. О методологии изучения религиозного сознания // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. Психология и религия. М.: Мысль, 1971. С. 98.

² Логашева Б.Р. Русское народное свободомыслие в трудах А.И. Клибанова // Религия мира. История и современность. Ежегодник. 1982. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 261.

³ Клибанов А.И. От редактора // Русское православие: веки истории. М.: Политиздат, 1989. С. 9.

зрения, в русле «реставрированного» постсталинского понимания марксизма, развивалась в его рамках.

Основным предметом исследования ученого в 1955 – 1965 гг. являлось изучение идеологии русских еретических течений XIV–XVI вв. В серии статей, начатой в 1955 г. и увенчанной в 1960 г. фундаментальным исследованием «Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв.», защищенным в качестве докторской диссертации, А.И. Клибанов представил свое видение развития русской общественной мысли, осмысленной в рамках противостояния «реформаторов» и «клерикалов».

А.А. Зимин метко охарактеризовал исследовательский подход А.И. Клибанова как «вертикальный разрез истории реформационного движения»¹, заключающийся в восстановлении социальных, философских, политических воззрений русских еретиков на основе изучения максимально полного корпуса памятников «еретической» книжности. А.И. Клибановым были изучены памятники еретической идеологии, из которых основное значение отводится им т.н. «Книгам Ивана Черного» («Пермским глоссам» и пр.), «Лаодикийскому посланию» и «Написанию о грамоте» Ф. Курицына, а также ряду «еретических» списков библейских и святоотеческих книг. Собственно, сам принцип отбора источников являлся в определенном смысле слова «побегом» от старой дореволюционной схемы изучения еретических движений, принятой в церковно-исторической науке того времени. Уже в первой своей статье, опубликованной в 1955 г., ученый указывает, что опора на «противоеретические» источники по истории ереси жидовствующих, вышедшие из иосифлянского лагеря, «тяготела над большинством исследователей и связывала их критическую инициативу»². К тому же, как неоднократно отмечает историк, подлинная картина вещей была совершенно невыгодна представителям «старой историографии», которая «имела достаточно оснований замалчивать размах и значение»³ еретического движения. Таким образом, А.И. Клибанов усматривал в историографии ереси сильный неакадемический оттенок. Подавляющее большинство источников не давали знания о ереси в «чистом виде», поэтому при их изучении чрезвычайно усиливалась эвристическая роль исследователя. Как отметил В.И. Буганов, «умение «разговорить» источник, пользуясь остроумными методиками, в частности, выявлением и объяснением наличествующих в них «фигур

¹ Зимин А.А. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV – XVI вв. // История, фольклор и искусство славянских народов. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 92.

² Клибанов А.И. «Написание о грамоте» (Опыт исследования просветительско-реформационного памятника конца XV – половины XVI века) // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. III. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 326.

³ Там же. С. 372.

умолчания»¹ является яркой индивидуальной чертой А.И. Клибанова – исследователя.

Ключевой идеей, положенной А.И. Клибановым в основу картины развития еретических движений на Руси в XIV – XVI веках, является признание их типологическим аналогом реформационных движений, разворачивающихся в это время в странах Западной Европы. Подобная идея, отражая более ранние взгляды исследователя, была в то же время чрезвычайно созвучна новым политическим и историографическим веяниям, развернувшимся во второй половине 1950-х годов. Высказанная и обоснованная впервые именно А.И. Клибановым, она, несомненно, явилась для историографии первого послесталинского десятилетия «революционирующим тезисом»², вводящим исследование по истории русских еретических движений в круг крупных проблем марксистско-ленинской теории исторического процесса.

В частности, был поставлен масштабный вопрос о сходстве исторических типов развития Западной и Восточной Европы в период, когда формировался облик раннекапиталистического Запада. Западноевропейская и американская историографии, в которых только что отгремели бурные дискуссии о «византийском» наследии России, определившем ее вековые имперские притязания (прошедшие путь от монархической до коммунистической оболочек) и коренные отличия от исторического пути Западной Европы, восприняли такую постановку вопроса весьма настороженно³. В свою очередь А.И. Клибанов, верно уловивший акценты разгорающейся «холодной войны» буржуазной и марксистской историографий⁴, объявил о развенчании постулатов «злонамеренной наукообразной пропаганды» того, что «Россия навсегда осталась чуждой идеям свободы и уважения к человеку»⁵. При этом следует отметить, что тезис о типологическом сходстве процессов идейного развития Западной Европы и России не перерастал в концепции А.И. Клибанова в тезис об

¹ Буганов В.И. К 80-летию со дня рождения А.И. Клибанова // Археографический ежегодник за 1990 год. М.: Наука, 1992. С. 167.

² Дмитриев М.В. Научное наследие А.И. Клибанова и перспективы сравнительно-исторического изучения истории христианства в России // Отечественная история. М, 1997. № 1. С. 78.

³ См.: Hösch E. Sowjetische Forschungen zur Häresiengeschichte Altrußlands // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 18. H. 2. S. 284-285.

⁴ См. характерные формулировки искусственного сечения мирового историографического субстрата в: Предисловие // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 3-6.

⁵ Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. – М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 4.

их идентичности, ввиду «известной отсталости в социально-экономическом и культурном развитии русских земель»¹.

Попытаемся в тезисной форме обозначить основные черты идеологии ереси жидовствующих в том виде, как она понималась исследователем. Еретики выступают как носители светлых гуманистических идеалов Реформации и Гуманизма в качестве, так сказать, «идеальных людей» русского средневековья и даже своеобразного идеологического мостика между архетипом «передового» человека русского средневековья и «строителя коммунизма» хрущевской эпохи. Еретикам присваиваются следующие качества: интернационализм², неприятие реакционных общественных институтов (феодалного государства, церкви), борьба с ними, рационализм³, гуманистическая по природе мораль, «социалистическая» трудовая этика⁴, стремление к социальной справедливости, гражданское мужество⁵ и даже некоторые начала атеизма⁶. Собственно, историк историк отошел даже от традиционного именованя новгородско-московской ереси «ересь жидовствующих»: это движение, с его точки зрения, не было «ни «жидовствующим», ни сектантским»⁷. Отмечая серьезное общественное недовольство русского общества современной ему церковью, Клибанов подводит читателя к мысли, что сам термин «еретик» не совсем подходит для обозначения представителей «народной реформации»⁸. Образ еретиков – своеобразных «революционеров» XV – XVI веков, борющихся с темными, реакционными

¹ Буганов В.И. Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А.И. Клибанова // Исторические записки. Т. 98. М.: Наука, 1977. С. 259.

² Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 4.

³ Клибанов А.И. Идея свободы человека в учениях русских еретиков конца XV – первой половины XVI в. // Средние века. Вып. 25. М.: Наука, 1964. С. 222; Клибанов А.И. Книги Ивана Черного (К характеристике мировоззрения новгородско-московских еретиков) // Исторические записки. Т. 62. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 211.

⁴ Наиболее показательным примером этого является, очевидно, интерпретация пометки Ивана Черного «зри», стоящей напротив одной из притч Соломоновых о муравье и пчеле: «Муравей, по притче, – труженик, трудящийся для себя самого и довольствующийся созданным себе достатком. Труд пчелы, по притче, является общественно-полезным. От его плодов питаются «во здравие» и цари, и простые люди. Иван Черный отличает труд, имеющий целью накопление для себя, от труда, результатом которого пользуются все люди» и т.д. См.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 241.

⁵ Там же. С. 203.

⁶ Клибанов А.И. «Самобытная ересь» (Из истории русского свободомыслия конца XV – половины XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. IV. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 211.

⁷ Клибанов А.И. «Написание о грамоте» (Опыт исследования просветительско-реформационного памятника конца XV – половины XVI века) // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. III. М.: Издательство АН СССР, 1955. С.372.

⁸ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 215, 290.

силами, ведущими Русь к культурной и политической деградации – в описаниях А.И. Клибанова не лишен некоторой художественности: «Для русских горожан-ремесленников, мелких торговцев, рядового и низшего духовенства, крестьян...позади лежал ад вековой зависимости от светских и церковных феодалов... Их рай лежал впереди, это было «царство божие» здесь, на той земле, на которой они трудились и жили»¹.

При таком подходе к ереси, изложение истории идейно-теоретических движений в рамках «официальной» церковной организации (иосифлянство и нестяжательство), неизбежно приобретало в трудах Клибанова контрастные оттенки. Послания новгородского архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого, посвященные полемике с ересью, А.И. Клибанов обозначил как «мутную взвесь»², лишенную всякой достоверности в тех сведениях, которые они сообщали о идейной сущности еретического течения. Преследуя корпоративные экономические и политические интересы, церковь, по мнению А.И. Клибанова, «стяжала ненависть широких кругов общества»³. А.И. Клибанов полностью (как и А.А. Зимин) отошел от историографического наследия эпохи «великодержавного сталинизма» в том, что полагал церковь структурой, серьезно тормозящей процесс образования единого государства. Свообразным венцом рассуждений Клибанова следует признать мысль о том, что к концу XV века «...не было ни одного класса и почти ни одной общественной группы, где бы церковь не имела противников»⁴. Государство же, в лице Ивана III, играло в тонкую игру как с церковью, так и с представителями «реформационных течений», сотрудничество с которыми, однако, никогда не выходило за рамки временных контактов.

Иосифлянство в работе А.И. Клибанова представлено как течение, отражающее интересы наиболее реакционных церковных кругов в борьбе как с притязаниями государства (этапами борьбы церкви и государства в работе Клибанова выступают соборы 1490 и 1503 гг.), так и с ересью. Если от православия Ивана III иосифляне требовали «капитуляции перед церковью», «сколачивая блок реакционных иерархов против «нечистого» царя» и запугивая Ивана III возможностью объединения усилий в защите земельных богатств и в борьбе против ереси с католической церковью, то относительно ереси к 1490-м годам была сформулирована непримиримая инквизиторская позиция⁵. Позиция Ивана III была всецело определяема его классовой принадлежностью – глава феодального государства не мог кооперироваться с социально-чуждыми ему элементами, а 1490 и 1503 гг. стали вехами оформления новой церковно-политической данности, в которой не было места каким-либо компромиссам в «еретическом» вопросе.

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 250.

² Там же. С. 228.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Там же. С. 196.

Иосиф Волоцкий сыграл в оформлении этой данности ключевую роль, став к 1504 г. «признанным идейным вождем клерикалов»¹, перехватив пальму первенства у архиепископа Геннадия. В этом плане интересно наблюдение А.И. Клибанова о том, что именно черное духовенство, вождем которого был Иосиф Волоцкий, составляло, как и в странах Западной Европы, «наиболее организованную силу в борьбе с реформационным движением». Именно союз черного духовенства и светских феодалов, созданный на основе, с одной стороны, боязни «народной реформации» и светской секуляризации, а с другой – стремлением инкорпорировать церковь в государственные рамки, подчинить ее политический курс великокняжеским задачам, привели после 1504 г. к «медовому месяцу»² светской и духовной властей.

В вопросе о соотношении иосифлянства и нестяжательства историк выступил с поддержкой положений либеральной историографии XIX века о коренной противоположности иосифлянства и нестяжательства. Однако все позитивные стороны учения нестяжателей сводились Клибановым лишь к тому, в чем они выступали «попутчиками реформаторов»³ (еретиков), оставаясь, по сути, внутрифеодальной группировкой. Позднее, уже после краха советской системы, Клибанов отметил, что еще в 1960-е гг. являлся сторонником схемы взаимоотношения иосифлян и нестяжателей, предложенной эмигрантским философом и историком Г.П. Федотовым⁴. Однако в его монографии 1960 г. можно лишь отметить частичную поддержку выводов либеральной историографии XIX – начала XX веков, ставшей одним из источников построений Г.П. Федотова. Ни в какой – ни в прямой, ни в косвенной формах – признания концепция Г.П. Федотова в монографии 1960 г. не получила. Наоборот, в монографии содержится четкая формулировка: «Судьба идеалов подлинной гуманности прослеживается вне нестяжательского движения, вне церкви и в нехарактерной для нестяжателей социальной среде. В русских городских реформационных движениях второй половины XV – первой половины XVI в. гуманность постепенно раскрывается как гуманизм, как утверждение суверенного, свободного человека»⁵. Еретики, а не нестяжатели выступали в концепции Клибанова носителями идеалов гуманизма.

Сущность идеологии иосифлянства определялась Клибановым как совокупность наиболее реакционных идей, могущих только появиться в русском обществе XV – XVI вв. Развиваясь как «воинствующее православие»⁶, она была нетерпимой (инквизиторской), по социальному происхождению – реакционной, с

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 210.

² Там же. С. 252.

³ Там же. С. 262.

⁴ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 102-103.

⁵ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 341.

⁶ Там же. С. 211.

точки зрения культуры – откровенно уступавшей еретическим движениям¹. Иосиф Волоцкий выступил сторонником понимания свободы как права «господ на произвол, своеволие, самоуправство, на самовластие по отношению к низестоящим»². Все проявления социальных воззрений Иосифа Волоцкого, которые могли быть истолкованы как рекомендации к ограничению феодального самоуправления, были подведены Клибановым под «демагогические призывы»³. Впрочем, все эти черты не были какими-то специфическими и самодовлеющими именно в иосифлянстве – согласно хронологии развития общественной мысли на Руси в Средние века, по мнению Клибанова, «...узел основных противоречий между церковью и народом стянулся еще в конце XIII – начале XIV века»⁴.

Исследование текстологической истории и содержания еретических памятников, некоторые из которых Клибанов опубликовал⁵, было подкреплено наблюдениями над полемической иосифлянской книжностью. Весьма интересными явились мысли А.И. Клибанова о том, что интенции «Послания вельможе Иоанну» связаны с антиеретической деятельностью удельного князя Бориса Волоцкого, что «Послание о Троице» Иосифа Волоцкого, посланное тверскому архиепископу свидетельствует о сохранении в Твери сильной традиции религиозного разномыслия⁶. Две редакции «Послания к Нифонту Суздальскому», одного из важнейших источников по истории ереси жидовствующих, по предположению Клибанова, могли выполнять две различные функции: если краткая редакция была предложена для ознакомления всем желающим принять участие в противоеретической борьбе, то Пространная редакция была создана только для адресата, так как в ней излагался план борьбы с потворствующим ереси митрополитом Зосимой. «Слово кратко» Клибанов считал памятником, написанным к Собору 1503 г., в котором

¹ См., например, утверждение А.И. Клибанова о том, что труды Иосифа Волоцкого являются наиболее показательным примером борьбы с античным наследием в русской книжности: Клибанов А.И. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XIII. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. С. 162.

² Клибанов А.И. «Самобытная ересь»... С. 229.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 262.

⁴ Клибанов А.И. К изучению генезиса еретических движений в России // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. VII. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 217.

⁵ См.: Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М., Л.: Издательство АН СССР, 1955. С. 277-304; Клибанов А.И. «Слово о лживых учителях» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 300-312.

⁶ Клибанов А.И. Свободомыслие в Твери в XIV – XV вв. // Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. Т. VI. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 248-250.

постулировалась идея «вернуть церкви и ее иерархам отобранное» в ходе секуляризаций Ивана III¹.

Монография А.И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв.», отличающаяся оригинальностью и заостренностью постановки вопроса о сущности идеологической составляющей русских ересей и их отношений с официальной церковью Древней Руси, вызвала серьезный историографический резонанс. Позитивная оценка научной составляющей труда, признание выдающегося вклада автора в расширение источниковых рамок исследования русского средневекового вольномыслия, являлись общими для откликов советской научной общественности. Однако в общем хоре голосов, оценивающих работу, можно выделить, как нам представляется, три группы оценок: «апологетическую», критическую и «пропагандистскую».

К первой группе можно отнести отклик на книгу А.А. Зимина. Предельно жесткие оценки идеологии официальной церкви и, в частности, деятельности Иосифа Волоцкого, а также пафос «антифеодалного», «народного» характера еретического движения, представленные в работе, безусловно, совпадали со взглядами А.А. Зимина. Как отметил А.М. Дубровский², изучивший неопубликованные автобиографические рукописи А.А. Зимина, его воззрения испытали на себе влияние взглядов А.И. Клибанова еще в 1940-е гг. Конкретные механизмы такого взаимовлияния еще не ясны, однако можно смело утверждать, что единство подходов к проблеме соотношения (и оценки) иосифлянства, с одной стороны, и еретического вольнодумия – с другой, сложилось у исследователей к середине 1950-х гг. Назвав монографию А.И. Клибанова «фундаментальным трудом», он посчитал одним из важнейших результатов исследования то, что «наша наука обогатилась целым комплексом новых произведений, содержащих яркие антицерковные высказывания»³. В качестве недостатков работы Зимин отметил отсутствие какого-либо критерия верифицируемости данных о ереси, представляемых архиепископом Геннадием и Иосифом Волоцким: ведь советскому «читателю книги» необходимо знать, «какие приемы следует применять для критики пасквилей, вышедших из-под пера Геннадия и Иосифа Волоцкого»⁴. Воспринял основные элементы картины развития русской общественной мысли в XIV – XVI и Н.К. Гудзий. Его, как и Зимина, однако, несколько смутили авторские выводы относительно присутствия

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 225.

² Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского госуд. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. С. 716.

³ Зимин А.А. Рец.: А.И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960 // Византийский временник. Т. XXI. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 226.

⁴ Там же. С. 228.

«антицерковной идеологии» в некоторых литературных трудах русского Средневековья. Так, выводы исследователя о том, что в т.н. «Трифоновском сборнике» (XIV – XV вв.) содержались элементы «шаржа на монастырскую жизнь», Гудзий считает примером «психологической и литературной модернизации древнерусского произведения»¹.

Более критичную позицию по более общим вопросам истории русской общественной мысли конца XV – начала XVI вв., затронутым А.И. Клибановым, можно обнаружить в отзывах А.Л. Хорошкевич, М.Н. Тихомирова, В.И. Кириллова и, особенно, Л.В. Даниловой.

Основные возражения этой группы исследователей сводились к двум большим проблемам: во-первых, для них было очевидным, что представленная Клибановым хронология своеобразной постепенной «секуляризации» русского общества, отпадания его от церковно-православного мировоззрения, согласно которой уже в XIV в. полным ходом шли процессы размежевания светской и религиозной идеологий, являлись в значительной степени логической авторской схемой, «сильным преувеличением»², как ее охарактеризовала А.Л. Хорошкевич. С другой стороны, вызвало многочисленные возражения желание А.И. Клибанова максимально расширить круг явлений, которые можно было бы считать «реформационно-гуманистическими» на протяжении русского средневековья. М.Н. Тихомиров в отзыве на докторскую диссертацию А.И. Клибанова подробно остановился на вопросе, обоснованно ли считать русские ереси XIV – XVI вв. «реформационными». В России, по мнению М.Н. Тихомирова, действительно имелись «реформационные движения», но их появление на русской почве датируется никак не раньше XVI в. Те же «движения», которые Клибанов именует «реформационными», были на деле не более чем проявлениями «вольнодумия», свойственного любому обществу³. Отверг М.Н. Тихомиров и «антифеодальный характер» названных Клибановым движений XIV – XVI вв. М.Н. Тихомиров отнес стремление видеть «антифеодальную» направленность русских ересей и «атеизм» их идеологии к слабым сторонам авторской концепции⁴. Хотя основным лейтмотивом критики была подразумеваемая неверная трактовка Клибановым известного положения Ф. Энгельса о «прогрессивных» и «реакционных» средневековых ересьях, оппонент не стал по каким-то причинам заострять на этом внимание. Я.С. Лурье в своей критике сосредоточился на источниковедческих

¹ Гудзий Н.К. Рец.: А.И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960 // Известия отделения литературы и языка АН СССР. Т. XX. Вып. 6. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 529.

² Хорошкевич А.Л. Рец.: А.И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960 // История СССР. М., 1961. № 4. С. 201.

³ Тихомиров М.Н. Отзыв о докторской диссертации А.И. Клибанова «Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в.» // Тихомиров М.Н. Российское государство XV – XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 302.

⁴ Там же.

аспектах работы А.И. Клибанова, поставив вопрос о чрезвычайно малой продуктивности методики работы с т.н. «пермскими глоссами» как источником по истории ереси жидовствующих¹.

Максимально жесткую и принципиальную критику понимания Клибановым русских ересей как «реформационных движений» представила Л.В. Данилова. Эту проблему она закономерно поставила в широком историко-социологическом ключе. Определив, что Реформация – это «общественно-политическое движение, возглавляемое поднимающейся, формирующейся как класс буржуазией...движение, направленное на сокрушение феодализма», возникающее в капитализирующемся обществе, Данилова отметила, что на Руси XIV – XVI вв. «буржуазного развития не наблюдалось»². Исходя из этого, Данилова объявила научным нонсенсом формирование «буржуазных» идей в русском обществе в отсутствие самих носителей идей. Естественным выводом Даниловой стал тезис о том, что «все изученные А.И. Клибановым ереси...по существу своему целиком остаются в рамках феодальной идеологии»³ и содержали в себе лишь «отдельные, неоформленные» элементы гуманистических и реформационных идей. В 1965 году В.И. Кириллов, поддержав выводы М.Н. Тихомирова и Л.В. Даниловой, выдвинул генерализирующий тезис о том, что «...термин «Реформация» в применении к Русскому государству XIV – XVI вв. носит в известной степени условный характер»⁴. Естественно, отрицание Реформации на Руси в начале XVI в. по факту ставило следующий вопрос: к какому же течению в рамках марксистской социологии религии следует отнести «контрреформаторов», борющихся с несуществующей Реформацией? Хотя термин «Реформация» в 1960 – 1980-х гг. применительно к русским землям конца XV – начала XVI вв. стал применяться реже, определение еретических движений как «антифеодальных» и «гуманистических» прочно оставалось одним из важнейших постулатов советской историографии. Антитеза же еретикам была найдена в лице представителя «реакционного» феодального лагеря Иосифа Волоцкого и его преемников (иосифлян).

Исследование А.И. Клибанова вызвало к жизни и такие отзывы, в которых подчеркивалась возможность «практического» использования материалов, полученных автором. В.И. Корецкий в восторженной рецензии отметил, что исследование Клибанова имеет не только научное, но и общественно-политическое значение, поможет в практике «работникам и

¹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960 С. 93.

² Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сборник статей. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 79.

³ Там же.

⁴ Кириллов В.И. Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России (XI – XVIII вв.) // Вопросы истории. М, 1965. № 3. С. 130.

пропагандистам, занимающимся вопросами религии и атеизма», а собранные исследователем факты «вооружат лектора... в борьбе с...современными буржуазными пропагандистами», доказывающими отстраненность России от процессов развития «идей свободы и уважения к человеческой личности»¹. Еще более дух времени отражает рецензия А. Горелова, опубликованная на страницах литературного журнала «Нева». Горелов настолько проникся историческими параллелями, которые нарисовались в его воображении при сравнении образа действий представителей ереси жидовствующих и современной советской борьбой с религией, что к проявлениям «неотвратимого процесса умственного обновления», связанного с деятельностью еретиков, он отнес свидетельство о том, что «какой-нибудь озорник-подъячий, не страшась кары господней, доказывал бессилие икон, «спуская» на них «скверную воду»². Именно в XV – XVI вв., по мнению Горелова, появился человек «внецерковной формации», которому «принадлежит создание вершинных произведений русского средневекового искусства»³.

Наличие в монографии А.И. Клибанова точек соприкосновения с актуальными задачами культурного и политического строительства являются, безусловно, своеобразными маяками, показывающими специфику переживаемого страной исторического момента, отразившегося и на историографической ситуации. Если можно так выразиться, труд Клибанова занял «крайне левый фланг» в историографии иосифлянства и ереси жидовствующих. Отточенные формулировки, емкие характеристики и своеобразный пафос, проявившиеся в трудах историка, были, в основном, приняты советской историографией. Во введении к своей книге А.И. Клибанов выражал надежду, что монография «...лишь начинает изучение сложной и важной культурно-исторической проблемы»⁴, однако реальность сложилась таким образом, что с приходом новой исторической реальности – «застойного» периода, масштабные исследования по истории церковной и противощерковной мысли в период конца XV – начала XVI вв. были приостановлены⁵. Схема же, предложенная А.И. Клибановым и являющаяся, на наш взгляд, самым ярким и последовательным проведением «наступательного» марксизма в большой науке советского периода, стала объектом эксплуатации научно-популярной литературы «застойного» периода. Наследие А.И. Клибанова органично вошло в советскую систему, не противоречило ей, а укрепляло ее основы. Проблемными остаются в историографии вопросы о генезисе взглядов исследователя, их

¹ Корецкий В.И. Русские вольнодумцы // Наука и религия. М., 1961. № 5. С. 94.

² Горелов А. Крылья древней Руси (А.И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960) // Нева. Л., 1961. № 1. С. 210.

³ Там же.

⁴ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 10.

⁵ Дмитриев М.В. История отечественной духовной культуры в исследованиях А.И. Клибанова // История СССР. М., 1990. № 6. С. 125.

эволюции после написания основной монографии (в 1970 – 1980-х гг. А.И. Клибанов практически перестал публиковать статьи по вопросам истории ереси жидовствующих и иосифлянства), а также об объеме влияния марксистской идеологии на формирование концепции «типологического сходства» процессов в Западной Европе и России.

А.П. Куропаткин, аспирант

Московский городской педагогический университет (Самарский филиал)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕДАЧ ВСЕСОЮЗНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ с 1953 по 1956 гг.

В статье рассмотрены основные направления процесса трансформации идеологической пропаганды и их отражение на материалах передач центрального радиовещания СССР.

Смерть И.В. Сталина сделала возможным процесс трансформации идеологической пропаганды, заложенный еще решениями октябрьского пленума ЦК 1952 года, провозгласившим коллективно-коллегиальную форму управления страной¹. Дальнейшее сохранение существовавшей практики культа личности не только противоречило этому решению, но и мешало установившемуся хрупкому равновесию среди членов коллективного руководства, поделивших власть за час до смерти вождя². Эти обстоятельства сделали процесс трансформации идеологической пропаганды неизбежным. Началом послужили решения, принятые на заседании Президиума ЦК 10 и 13 марта 1953 года и требовавшие прекратить линию культа личности, в том числе материалах, посвященных памяти И. В. Сталина³. В обоих случаях был назначен ответственный за исполнения принятых решений – П.Н. Поспелов и Н.С. Хрущев, что свидетельствует о важности принятых решений.

Процесс преобразований содержания идеологической пропаганды повлиял не только на периодические издания, но и на эфиры передач центрального радиовещания. Так, согласно статистической справке, в 1954 году в СССР было зарегистрировано 20 875400 радиоустановок. Центральное радиовещание для населения велось по трем программам. Общий объем эфира

¹ Ефремов Л.Н. «В чьи руки вручим эстафету нашего великого дела?» Неопубликованная речь И. В. Сталина на пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года (по записи Л. Н. Ефремова) // Советская Россия. - 2000. - 13 января.

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.83 (Г. М. Маленков). Оп. . Д.3. Л.5.

³ РГАСПИ. Ф.629 (П.Н. Поспелов). Оп. 1. Д. 54. Л. 68-69

составлял около 49 часов, не считая в автономных республиках, краях, областях и национальных округах, а также в 578 городах и районах¹. В структуру центрального радиовещания входило несколько отделов, освещавших различные сферы жизнедеятельности: отдел последних известий, сельскохозяйственный, научно-технический, отдел пропаганды, на материалы которого в значительной степени и повлиял процесс трансформации.

Процесс преобразований шел в двух направлениях: в освещении вопроса культа личности и поиска нового образа вождя. В освещении вопроса культа личности можно выделить два этапа: первый можно условно охарактеризовать как борьбу с практикой культа с марта по июль 1953 года; второй этап – это процесс возрождения ленинского культа, прошедший с июля 1953 по февраль 1956 гг.

На первом этапе осуществления процесс борьбы с практикой культа личности относился как к личности Сталина, так и Ленина и Маленкова. С марта по июль 1953 года количество упоминаний их имен в передачах, подготовленных отделом пропаганды неумолимо сокращается. Имя Маленкова за все три месяца в эфирах передач прозвучало всего один раз в передаче «В нашем цехе» 4 апреля 1953 года². Важно подчеркнуть, что в текстах передач личность нового Председателя Совмина упоминалась неоднократно, но была вычеркнута редактором. Количество упоминаний имени Сталина также сокращалось. Если за половину марта 1953 года оно прозвучало в радиопередачах 70 раз, то в апреле - 52, в мае - 5, а уже в июне - ни разу, хотя в первоначальных вариантах текста оно было.

За три с половиной месяца после похорон Сталина отдел пропаганды союзного радиовещания выпустил 27 передач, из которых только 4 были посвящены вождю. Передачи вышли в апреле в эфире первой программы 2-го, повтор 4-го, 16-го, повтор 21-го³.

После июльского пленума 1953 года, осудившего преступные действия Л.П. Берии, начался второй этап, – возрождение ленинского культа. Если в первые три месяца после похорон И.В. Сталина имя В.И. Ленина в материалах передач, подготовленных отделом пропаганды, упоминалось 23 раза, то после июльского пленума ЦК КПСС и до конца 1953 года его имя прозвучало 103 раза. В содержание передач часто приходилось встречать фразы: «...Вся жизнь и деятельность Коммунистической партии выпестована Лениным...»⁴, «...наш вождь и учитель В.И. Ленин...»⁵, «...на протяжении всей своей истории

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф6903 (Отдел редакции пропаганды). Оп. 1. Д. 458. Л.44.

² ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 236. Л.233.

³ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 236. Л. 209, 236

⁴ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 237. Л. 8

⁵ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 237. Л. 50

коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму...»¹, «...созданная 50 лет назад великим гением революции В.И. Лениным, наша партия...»², «...Борьба Ленина и объединившегося вокруг ленинского руководства ядра большевиков...»³ и др.

В последующие два года количество упоминаний вождя мирового пролетариата продолжает увеличиваться, и уже в 1954 году его имя прозвучало в радиопрограммах 262 раз, а в 1955 году - 595 раз.

После решений июльского пленума ЦК 1953 года произошел процесс реанимации Г.М. Маленкова и И.В. Сталина в материалах СМИ. Но упоминаний о них было на порядок меньше, чем в первый период тотальной борьбы с практикой культа личности. Если за первые три месяца после смерти И.В. Сталина его имя в содержании передач, подготовленных отделом пропаганды, упоминалось 127 раз, то за оставшиеся шесть месяцев 1953 года – всего 28 раз. В 1954 году оно упоминалось около 73 раз, что практически в 3,5 раза меньше, чем количество упоминаний имени В.И. Ленина. А в 1955 году имя И.В. Сталина упоминалось всего 55 раз, что уже в 10 раз меньше количества упоминаний вождя мирового пролетариата.

Подчеркнем и то обстоятельство, что без того редкие упоминания о И.В. Сталине и Г.М. Маленкове обязательно связывались либо с личностью В.И. Ленина, либо шли в связке с Центральным комитетом КПСС.

Что касается вопроса о новом вожде советского народа на пути строительства коммунизма, то здесь прослеживается четкая позиция, направленная на восхваление партии и коллектива. Так, первые свидетельства о смещении акцентов появились в материалах передач уже в марте 1953 года. В радиопередаче «Цель социалистического производства», вышедшей по первой программе 17 марта 1953 года, говорилось, что «...внимание трудящихся капиталистических стран, посещающих СССР, привлекает ...величайшая забота КПСС в социалистическом государстве о советском человеке, об удовлетворении его потребностей.

Советский народ, совершивший под руководством Коммунистической партии Великую Октябрьскую Социалистическую революцию, сбросил с себя ярмо эксплуатации и успешно построил социализм...»⁴.

Замена в одной из передач словосочетания «под мудрым руководством партии Ленина - Сталина» на «под мудрым руководством Коммунистической партии»⁵ демонстрирует перенос в материалах пропаганды акцента с личности на коллектив. Постепенно количество подобных примеров увеличивается, и в содержании передач руководящая роль принадлежит партии.

¹ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 237. Л. 49

² ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 237. Л. 205

³ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 237. Л. 249

⁴ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 236. Л. 148

⁵ ГАРФ Ф.6903 (Радиовещание). Оп. 12. Д. 236. Л. 192

После июльского пленума ЦК 1953 года неперсонифицированная линия пропаганды перешла на более широкий уровень прославления партии. В эфире стали выходить уже специальные передачи, посвященные ей, ее деятельности, истории и др. Всего с 9 июля по 31 декабря 1953 года их вышло 14, то есть получается один или два раза в месяц. Надо отметить, что время выхода в эфир передач, посвященных партии, было выбрано так, чтобы ее могло услышать максимально большее количество населения – с 8.00 до 9.00 вечера.

Именно через цикл радиопередач, посвященных партии, советскому обществу преподносили необходимую информацию, тем самым добиваясь формирования «правильного» общественного мнения.

В содержании этих передач очень часто поднимались вопросы коллективно-коллегиального управления, звучали безадресные призывы к критике и самокритике, обязательно затрагивался вопрос культа личности как чуждого марксизму-ленинизму элемента. Если в эфире июльских программ 1953 года вопрос борьбы с культом личности преподносился как самый актуальный и злободневный, то начиная с августа-сентября 1953 года – как уже решенный и четко оформленной позицией партии отказа от практики культа личности.

Итак, процесс трансформации идеологической пропаганды, прошедший в СССР с марта 1953 по февраль 1956 г., был значительно шире, чем это представлено в современной историографии, что показал анализ материалов радиопередач, подготовленных отделом пропаганды центрального радиовещания. Процесс преобразований в материалах радиовещания, как и в печати, начался в уже в марте 1953 года, но в отличие от периодических изданий не был столь стремителен. Данное обстоятельство объясняется как не столь пристальным вниманием со стороны нового коллектива руководителей на центральное радиовещание в сравнении с печатными СМИ, так и некоторой перестраховкой руководства радио, обусловленной резкими и неожиданными изменениями в пропаганде, вопреки устоявшейся 30-летней традиции.

Июльский пленум ЦК 1953 года выступает своеобразным рубежом в процессе преобразований содержания идеологической пропаганды. Если к июню из материалов передач, подготовленных отделом пропаганды, после редакторских правок имени Маленкова, Сталина и Ленина исчезли, то после пленума появились вновь. Культ последнего вновь начинает набирать силу, а вот упоминания имен Сталина и Маленкова сдержанны и редки и обязательны в связи либо с вождем мирового пролетариата, либо с новым вождем в деле строительства коммунизма - партией.

Обозначившаяся робкими абзацами в первые дни после смерти вождя неперсонифицированная линия идеологической пропаганды после июнь-июльских событий 1953 года получила дальнейшее свое развитие за счет выхода передач, посвященных партии.

Таким образом, процесс трансформации идеологической пропаганды, который отслеживался и корректировался новым руководством страны, повлиял на эфиры радиопередач, подготовленных отделом пропаганды.

А. А. Королев, к.и.н.; **Л. А. Королева**, к.и.н.; **С. Ф. Артемова**, к.и.н.

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

ГОСУДАРСТВО И СОВЕТСКИЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ-БАПТИСТЫ. 1945-1960 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье анализируются основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении евангельских христиан-баптистов на региональном уровне – в Пензенской области в 1945-1960 гг.

В годы Великой Отечественной войны советским властям пришлось пойти на некоторые уступки конфессиям. Для реализации государственно-конфессиональной политики были созданы Совет по делам Русской Православной церкви (1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (1944 г.) при Совете Министров. Свою политику по осуществлению контроля за соблюдением законов о культах на местах Советы осуществляли через представителей – уполномоченных. Работа уполномоченного Совета по делам религиозных культов (затем – религий) по Пензенской области складывалась из двух ключевых направлений: «чтобы не только не допускать незаконной деятельности церковников, но и исключить возможные случаи неправомерных действий в отношении религиозных общин, духовенства и верующих со стороны отдельных должностных лиц местных организаций и тем самым обеспечить предоставленное законом гражданам право на свободное отправление религиозных обрядов»¹.

К середине 1940-х гг. на территории Пензенского региона действовали три зарегистрированных общины евангельских христиан-баптистов с общим количеством верующих 304 чел. – в Пензе, с. Ляча Наровчатского района, с. Калиновка Пачелмского района. Кроме того, уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области располагал сведениями об 11 действующих явочным порядком группах баптистов в Нижнем Ломове, Чембаре, Кузнецке, с. Танеевке, Новикове, Русском Камешкире, Золотаревке, Малой Сердобе, Андреевке, деревне Козловке и т.д., общей численностью около 600 чел.².

Но послевоенный религиозный «ренессанс» не был продолжительным. Уже в середине 1948 г. уполномоченный Совета в своем докладе следующим образом

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 148. Оп. 1. Д. 71. Л. 8-12.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 104, 110.

определяет свои задачи: «По вопросу ехб можно считать, что: а) наличие 3 зарегистрированных общин ехб вполне достаточно, могущее обеспечить удовлетворение религиозных потребностей значительного количества верующих этого культа; б) необходимо принять меры через налоговый аппарат и местные органы власти к привлечению налога, к уплате по ст. 19 руководителей действующих явочным порядком общин и групп верующих ехб, а также лиц, предоставляющих свои квартиры под молитвенные собрания с тем, чтобы на основе этого мероприятия прекратить их организованную деятельность; в) продолжить линию на отказ в регистрации искусственно созданных руководителями религиозных объединений, групп и общин ехб»¹. Кстати, на протяжении всего исследуемого периода в Пензенской области было только 3 общины евангельских христиан-баптистов.

Со второй половины 1950-х гг. разворачивается очередная «красногвардейская атака» на религию. И.о. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Пензенской области в своем плане работы на 1959 г. четко определил в качестве одной из приоритетных задач: «Потребовать от руководителей религиозных объединений и других представителей церковной иерархии,... принять со своей стороны меры, направленные на пресечение незаконной деятельности служителей культов, предупредив их, что если они этого не сделают сами, то советские органы примут строжайшие меры в отношении тех, кто нарушает правила о культах, ...; собрать необходимый фактический материал, касающийся форм и методов религиозной пропаганды и других способов влияния сектантов ... на население и особенно детей, юношества, молодежь»².

Однако осознание значимости политического контроля за деятельностью религиозных формирований не только в теоретическом направлении, но и прикладном, появилось у органов власти Пензенской области не сразу. Вплоть до начала 1950-х гг. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.С. Горбачев испытывал проблемы в общении с работниками облисполкома и райисполкомов, которые расценивали его работу как «ненужную и даже вредную», «не оказывали какой-либо помощи в деле проведения в жизнь стоящих перед ним задач, игнорировали его требования, систематически задерживали исполнение деловых бумаг, нарушали его правовые и материальные права»³. Затем их отношения отличались слаженностью и взаимопомощью. Уполномоченный Совета С.С. Попов отмечал как следствие, с одной стороны, понимания роли атеистической работы и изменения вектора государственно-конфессиональной политики, с другой стороны: «В 1958-1959 гг. партийные, советские и общественные организации области заметно больше стали интересоваться деятельностью религиозников и принимать соответствующие меры идеологической борьбы с ними. Во многих районах и городах области значительно

¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

² ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 60-63.

³ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

улучшилась массово-разъяснительная работа и научно-атеистическая пропаганда среди населения. Более шире и лучше стали использоваться в этих целях: печать, радио, телевидение. В областной и районной печати стало больше помещаться статей, заметок, фельетонов на антирелигиозные темы, разоблачающие деятельность церковников и баптистов»¹. И действительно, в конце 1950-х гг. местные партийные и советские организации усилили идеологическую борьбу с баптистами. В областной газете «Пензенская правда» в 1959 г. были опубликованы «разоблачительные» статьи о евангельских христианах-баптистах и пятидесятниках - «Черная паутина», «Баптизм – яд, отравляющий души» и т.д.².

В конце 1950-х гг. пензенские баптисты стали использовать новые методы для привлечения новых членов в общину: верующие «зазывали на свои моления проходивших мимо молитвенного дома граждан»; «на улице, в магазинах и других общественных местах завязывали беседы на религиозные темы, приветствовали друг друга целованием и допускали другие незаконные действия». Уполномоченный Совета по Пензенской области С.С. Попов при встрече с Г.М. Бузыниным потребовал прекращения подобных действий, иначе встанет вопрос о переводе молитвенного дома общины ЕХБ из центра Пензы на окраину. Угроза была настолько реальна, что пресвитер несколько раз выступал с предупреждениями на молитвенных собраниях; члены объединения ЕХБ решили даже снять с молитвенного дома вывеску³.

До мая 1960 г. в Пензе размещался межобластной религиозный центр евангельских христиан-баптистов, который возглавлял старший пресвитер ЕХБ по областям и автономным республикам Среднего Поволжья и Урала Г.М. Бузынин⁴. Религиозному центру баптистов в Пензе подчинялись действовавшие общины евангельских христиан-баптистов Куйбышевской, Оренбургской, Ульяновской областей, Мордовской, Татарской, Марийской, Чувашской, Удмурдской и Башкирской АССР. Поскольку Г.М. Бузынин был человеком преклонного возраста, то он редко выезжал в религиозные объединения, мало влиял на их деятельность. Его помощник С.Г. Щепетов постоянно проживал в Москве и в Пензенской области почти не появлялся. К концу 1950-х гг. деятельность общин ЕХБ в некоторых областях и автономных республиках Среднего Поволжья и Приуралья настолько ослабла, за 1959 г их численный состав возрос в целом всего лишь на 28 чел. В 1958-1959 гг. в Мордовской, Марийской АССР, Ульяновской области произошел распад некоторых религиозных общин ЕХБ. В связи с этим, ВСЕХБ предпринял ряд попыток укрепить свой центр в Пензе. В 1959 г. ВСЕХБ сместил Г.М. Бузынина с должности старшего пресвитера и назначил более молодого и энергичного баптиста В.И. Ермилова, что, безусловно, способствовало активизации

¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 24. Л. 220.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 5. Л. 143.

³ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 9. Л. 90, 140.

⁴ Там же. Л. 23.

церковников. Но «в государственных интересах» уполномоченный Совета по Пензенской области С.С. Попов через головную структуру добился отмены назначения, и Г.М. Бузынин был восстановлен на своем посту.

Однако ВСЕХБ со своей стороны все же оставил В.И. Ермилова на должности второго помощника старшего пресвитера с местом жительства в Казани, для чего специально была введена должность второго помощника, ранее отсутствовавшая. За полгода службы в новом назначении В.И. Ермилов показал себя весьма активным религиозным проповедником, стремившимся расширить и оживить деятельность общин ЕХБ. Он посетил все баптистские группы области и даже выезжал за пределы Пензенского региона. 28 ноября 1959 г. в Пензу приезжал представитель ВСЕХБ С.П. Федюнин с официальным поводом: поздравить Г.М. Бузынина с 75-летием. В действительности, цель его визита заключалась в выяснении причин, почему старший пресвитер, будучи больным и немощным человеком, не уходит с занимаемой должности. Уполномоченный Совета по Пензенской области С.С. Попов высказался по данному поводу однозначно: «...Пока было бы целесообразно Бузынина от должности старшего пресвитера не освобождать, а вновь введенную должность второго помощника старшего пресвитера упразднить. Это затормозило бы проведение намеченных ВСЕХБ мероприятий по укреплению межобластного религиозного центра,... а следовательно, и активизацию его деятельности. Бузынин внимательно относится к нашим советам, в результате чего оказывалось возможным проводить выгодные с точки зрения государственных интересов мероприятия и в какой-то степени сдерживать численный рост общин ЕХБ и активизацию их деятельности»¹.

В феврале 1960 г. Всесоюзный Совет ЕХБ повторно снимает с должности старшего пресвитера Г.М. Бузынина и назначает В.И. Ермилова, которому вменялось в обязанности контролировать деятельность баптистских объединений только трех областей – Пензенской, Куйбышевской и Оренбургской. В. И. Ермилову под благовидным предлогом уполномоченным Совета по Пензенской области С.С. Поповым было отказано в регистрации. В.И. Ермилов вынужден был выехать из Пензы. Видя явное противодействие властей, ВСЕХБ вообще упразднил должность старшего пресвитера в Пензе, тем самым ликвидировав межобластной религиозный центр евангельских христиан-баптистов. Действовавшие общины баптистов Пензенского края стали подчинять непосредственно ВСЕХБ. Руководство баптистскими религиозными обществами Пензенского региона стал осуществлять старший пресвитер ЕХБ А.Е. Клименко, который проживал в Куйбышеве².

В 1967 г. не без помощи уполномоченного С.С. Попова руководители пензенской группы сторонников СЦЕХБ К.Г. Ужаровская и Я.М. Федяшин

¹ ГАПО. Ф. 2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 91, 108.

² ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 46. Л. 11-13; Д. 59. Л. 3; Ф. 148. Д. 4617. Л. 104.

поссорились, вследствие чего община раскололась на две маленькие, каждая из которых стала насчитывать не более десятка человек. Причем К.Г. Ужаровская начала восстанавливать контакты с представителями официально-действующей пензенской общины¹. В 1968 г. 10 «раскольников» во главе с К.Г. Ужаровской вернулись в «легитимную» общину ЕХБ.

Уполномоченный Совета по Пензенской области оказывал значительное влияние на религиозную практику местных евангельских христиан-баптистов. Однако он весьма здраво оценивал ситуацию на месте: «Опыт работы показал, что воспрепятствование через исполнительные органы общин в совершении обряда «Крещения» верующих не могло не вызывать недовольства и ставило в неудобное положение членов исполнительных органов общины. В то же время воспрепятствование совершения обряда не приносило какого-либо желаемого результата»².

В целом, «антирелигиозная» политика советского руководства, проводимая на местах через уполномоченных Совета по делам церкви, проводилась в следующих направлениях: политический, идеологический контроль, контроль за соблюдением религиозного законодательства; ослабление материальной базы религиозных организаций; информационная и разъяснительная работа; рассмотрение жалоб и заявлений граждан и т.д. Но, несмотря на значительные усилия со стороны Совета и партийного руководства в целом, религиозная практика евангельских христиан-баптистов продолжала существовать, принимая различные формы.

А. А. Королев, к.и.н.; **О. В. Мельниченко**, к.и.н.

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе

ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ»: ИЗ ОПЫТА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1985–1988 гг.)

В статье анализируются основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении Русской Православной церкви на начальном этапе Перестройки.

Государственно-конфессиональная политика 1985-1987 гг. в основном продолжала тенденции периода Л.И. Брежнева и последующих руководителей СССР и была ориентирована на тотальный контроль государственно-партийного

¹ ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1. Д. 41. Л. 53.

² Там же.

аппарата за деятельностью конфессий. Курс М.С. Горбачева на Перестройку первоначально не означал отказа от фундаментальных принципов социализма, в том числе и по отношению к религии. Религиозное мировоззрение, как и раньше, расценивалось как предрассудок, актуальными объявлялись задачи по активизации атеистической работы.

Но отдельные сдвиги в сторону либерализации отношения к религии все же прослеживались. Политическое руководство страны в поисках новой идейной опоры обращается к традиционным духовным ценностям, в том числе и религиозным, стремясь заручиться широкой поддержкой курса Перестройки со стороны РПЦ и верующих. После апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г. был ускорен механизм регистрации религиозных объединений, религиозные общины получили право на строительство и приобретение зданий для своих нужд, снят запрет на церковный колокольный звон, отменено требование предоставления паспортов родителями при крещении детей и т.д.¹ В контексте ротации партийно-государственного аппарата на пост председателя Совета по делам религий назначают К.М. Харчева, сменившего на этом посту В.А. Куроедова.

В ходе «гласности» в обществе начинается переосмысление советской истории. В центре общественного внимания оказались политические репрессии сталинского периода, в том числе в отношении верующих. Средства массовой информации активно способствовали складыванию нового отношения к РПЦ и другим конфессиям, их роли в обществе и государстве.

В 1987 г. состоялась встреча председателя Совета по делам религий К.М. Харчева с архиереями РПЦ, на которой он сказал об отмене многих «хрущевских» ограничений². В 1987 г. была объявлена амнистия, по которой освобождение коснулось и граждан, осужденных в свое время за религиозную деятельность.

Однако процесс деидеологизации в стране шел очень неровно, у советского руководства не было четкой программы и вообще понимания демократизации страны. Контакты государства и конфессиональных объединений, в том числе православных, часто имели спонтанный характер, находились под воздействием конъюнктурных политических ситуаций и иногда личных интересов. Так, на XXVII съезде КПСС была принята новая редакция программы Коммунистической партии, в которой подчеркивалась необходимость и значимость распространения научно-материалистического миропонимания, преодоления религиозных предрассудков. Согласно Уставу КПСС, каждый коммунист должен был решительно бороться с религиозными предрассудками как с «чуждыми социалистическому образу жизни».

В то же время, в 1988 г. Советом по делам религий было принято постановление «О фактах нарушения установленного порядка рассмотрения

¹ Журнал Московской Патриархии. 1989. № 5. С. 7.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 186-187.

заявлений о регистрации религиозных объединений». На строгое соблюдение социалистической законности, обеспечение конституционных гарантий свободы вероисповедания нацеливал всероссийский семинар для уполномоченных по делам религий, проведенный в начале апреля 1988 г. в Суздале¹. В начале февраля 1988 г. Политбюро официально обратилось к Совету по делам религий с просьбой разработать проект союзного закона о свободе совести. В апреле 1988 г. был разработан первый вариант законопроекта «О свободе совести и религиозных организациях», а также проект Устава об управлении РПЦ, в который был внесен ряд поправок, отменяющих административно-финансовую изолированность священника от прихода.

В начале 1988 г. в статье К.М. Харчева, посвященной 70-летию декрета об отделении Церкви от государства, отмечалось, что все эти годы партия и государство, руководствуясь ленинскими принципами, проводили в целом верный курс в отношении религии, церкви и верующих. В то же время говорилось о применении в отношении Церкви «волонтаристских, административно-командных, запретительно-ограничительных мер»; отмечалось негативное воздействие репрессий 1930-х гг. на реализацию конфессиональной политики, осуждались массовые закрытия культовых зданий, гонения священнослужителей, несоблюдение прав и свобод верующих. В статье критиковался и предшествовавший правлению М.С. Горбачева период «застоя», «стагнации», когда «имел место разрыв между реальной религиозной обстановкой и лакированным представлением о ней»². К.М. Харчев отметил, что «в условиях демократизации все яснее говорится о проблемах функционирования церкви в социалистическом обществе, ликвидируется ряд «завалов» на пути обеспечения подлинной свободы всем гражданам. Заметно активизировалось участие религиозных организаций в борьбе за мир, в движении за сохранение историко-культурного наследия»³.

В 1988 г. Совет по делам религий признал утратившими силу целый ряд своих нормативных актов, например, инструкции от 16 марта 1961 г.⁴ Из действовавших документов тезис о том, что культовое имущество является собственностью государства, был исключен⁵.

¹ Долматов В. Совещание в Суздале уполномоченных по делам религий по автономным республикам, краям и областям РСФСР // Советская Россия. 1988. 7 апр. С. 3.

² Журнал Московской Патриархии. 1989. № 5. С. 7.

³ Известия. 1988. 26.01. С. 4.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-661. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-8; Потапова Н.В. Политика Советского государства в отношении церкви в 1940–1980 гг. (нормативно-правовые основы регулирования) // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4 (10). С. 210.

⁵ Потапова Н.В. Политика Советского государства в отношении церкви в 1940–1980 гг. (нормативно-правовые основы регулирования) // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4 (10). С. 176.

Тем не менее на местах активно продолжала выпускаться атеистическая литература. Уполномоченные Совета по делам религий сообщали с мест, в частности из Куйбышевской области, что хотя обстановка и изменилась, «вместе с тем, внутрицерковная жизнь продолжает оставаться мирком, который нельзя оставлять без соответствующего внимания. Религиозная обстановка ... остается непростой. В то же время взаимоотношения между верующими, служителями культа и местными партийно-советскими органами становятся проще. Полнее стало выполняться законодательство о культах, проще решаются вопросы о регистрации новых религиозных объединений и передаче верующим бывших культовых зданий»¹. И вынуждены были при этом признать, что «партийно-советский актив и активисты атеистического воспитания ... к такому заметному изменению в государственно-церковных отношениях, вниманию со стороны руководителей партии и государства, средств массовой информации к церквям и верующим ... не готовы»².

В сложившихся обстоятельствах руководство страны не могло уже игнорировать ситуацию, сложившуюся в духовно-религиозной сфере общества. В марте 1988 г. председатель Совета по делам религий в своем выступлении в Высшей партийной школе определил пути перехода от господствовавших ранее утверждений об «угасании религиозной жизни» к констатации того факта, что «в настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет»: «По нашей воле или против, но религия входит в социализм, и даже не входит, а въезжает по рельсам. И так как власть полностью принадлежит нам, то, я думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную сторону в зависимости от наших интересов»³.

29 апреля 1988 г. по инициативе К.М. Харчева состоялась встреча М.С. Горбачева с Патриархом Пименом и членами Синода РПЦ, в ходе которой руководитель СССР заявил о разработке нового закона о свободе совести, отражающего интересы и религиозных организаций. Благотворным для Русской Православной церкви явился перенос наблюдения за ее деятельностью из идеологических структур ЦК КПСС исключительно в юридический отдел.

Изменения в государственно-конфессиональной политике в первые годы Перестройки многие верующие воспринимали с недоверием, расценивая эти «импровизации» власти в отношении РПЦ как временные послабления, обусловленные непрочностью положения нового партийно-государственного руководства и приближением юбилея 1000-летия Крещения Руси.

Итак, в первые годы Перестройки были сформулированы новые приоритетные цели в сфере конфессиональной политики государства,

¹ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 4089. Оп. 1. Д. 54. Л. 21.

² ГАСО. Ф. 4089. Оп. 1. Д. 72. Л. 18-19.

³ Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штиккер М., 1995. Т. 2. С. 218.

цементировался фундамент для принципиально новых государственно-конфессиональных отношений. На их основе планировалось заручиться широкой поддержкой курса на Перестройку со стороны Русской Православной церкви и верующих. Но инерция и консерватизм, сопротивление в самом государственно-партийном руководстве по поводу задач и способов реформирования, не позволили быстро и мобильно приступить к выработке принципиально новой платформы во взаимоотношениях между РПЦ, обществом и государством.

Т.С. Казакова, студент
Тольяттинский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТНОШЕНИЯХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х гг. XX в.

В статье рассматривается ход межрелигиозного диалога между Русской Православной и Римско-Католической церквями в первой половине 90-х гг. XX века. Автор подробно анализирует основные проблемы в отношениях церквей.

На рубеже 80 - 90-х годов в отношениях между Русской Православной и Католической церквями происходят значительные перемены. Во многом это связано с глобальными изменениями, произошедшими в СССР и повлекшими перестановку сил на международной арене. Политика «перестройки», проводимая М.С.Горбачевым в 1985-1991 гг., изменила отношения церкви и государства, а также положение Католической церкви в СССР.

Важным событием международной жизни этого периода стала встреча в декабре 1989 г. М.С. Горбачева с папой Иоанном Павлом II, результатом которой стало установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Ватиканом на уровне постоянных представительств¹. Первым представителем СССР в Ватикане в 1990 г. стал Ю.И.Карпов, в этом же году в Москву прибыл представитель Святого Престола архиепископ Франческо Колассуоно. Кроме того, на встрече глав государств прозвучало приглашение Иоанну Павлу II в будущем посетить Советский Союз².

Стоит отметить, что эти шаги были связаны не с религиозными, а с политическими соображениями. Горбачев пошел на расширенный диалог с Ватиканом с целью подвести черту в холодной войне. Тем не менее это событие

¹ Discorso al Presidente del Soviet Supremo dell'URSS Michail Gorbaciov, Venerdì, 1 dicembre 1989 // The Holy See [сайт]. – URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/speeches/1989/december/documents/hf_jp-ii_spe_19891201_president-gorbaciov_it.html (дата обращения: 05.11.2011).

² Выступление М. С. Горбачева в Ватикане // Правда. 2 декабря 1989. С. 1–2.

повлияло на дальнейшее развитие отношений. После распада СССР, в 1992 году, Ватикан признал Российскую Федерацию его правопреемницей и установил те же дипломатические отношения уже с ней¹. Одновременно дипломатические отношения были установлены с рядом стран бывшего СССР.

Если на данном этапе наблюдается явное улучшение отношений между двумя государствами, то отношения между церквями начинают осложняться. Это было связано с несколькими причинами. Первой причиной этого стало расширение влияния Католической церкви на территории российского государства. Второй причиной можно назвать столкновение интересов церкви на территории Украины, где происходит активизация униатской Греко-Католической церкви. Таким образом, в отношениях Русской Православной и Римско-Католической церкви в первой половине 1990-х гг. можно выделить две основные проблемы.

Говоря о корнях первой проблемы, стоит отметить, что Католическая Церковь в начале 1990-х гг. смогла развить на территории Российской Федерации колоссальную активность, благодаря полной религиозной свободе и отсутствию государственной идеологии, сложившимся в России в постсоветский период. В апреле 1991 г. папа Иоанн Павел II назначил епископов для России, Украины, Белоруссии и Казахстана, где были восстановлены самостоятельные епархиальные структуры. В России они первоначально были учреждены в ранге Апостольских администратур. С этого времени на территории России стали осуществлять свою деятельность архиепископ Тадеуш Кондрусевич (Апостольский администратор для католиков Европейской части России с резиденцией в Москве), епископ-иезуит Иосиф Верт (Апостольский администратор Азиатской части России с резиденцией в Новосибирске) и Ян Павел Ленга (Апостольский администратор Казахстана)². Нужно особо отметить, почему Иоанн Павел II выбрал именно этих епископов на должности глав администратур. Причина заключалась в их происхождении – все они родились в Советском Союзе и знали реалии жизни в стране «изнутри».

Следствием открытия Апостольских администратур стало создание более полутора сотен приходов, ряда католических учебных заведений и благотворительных организаций. Начинают развиваться католические средства массовой информации³.

К 1995 г. католическая церковь имела на территории РФ уже более 200 приходов, на которых служили лица, около 90 % которых прибыли из-за

¹ Discorso di Giovanni Paolo II al corpo diplomatico accreditato presso la Santa Sede // L'Osservatore Romano. 12.1.1992. P. 6, 7.

² Никифорова М.Е. Планетарное католичество: Ватикан и глобализация. М.: Либроком, 2010. С. 254-255.

³ Орлова Л.В. Журналистика добровольного минимализма // НГ – Религия. 17.03.2010.

рубежа¹. Вместе с тем нарастает активность ряда монашеских орденов: ассумпционистов, доминиканцев, францисканцев, салезианцев и др. В 1992 г. была официально разрешена деятельность российского отделения ордена иезуитов. Деятельность этих орденов нередко сопровождается миссионерской деятельностью среди лиц, принадлежащих к Православной Церкви по крещению или связанных с ней историческими духовными и культурными корнями. Русской православной церковью такая деятельность воспринималась как прозелитическая, что вело к обострению отношений.

В 1995 г. в Московской Духовной Академии прошла консультация Всемирного Совета Церквей по проблемам прозелитизма, где были сформулированы критерии определения прозелитизма. Тогда было заявлено, что прозелитизм есть «обращение христиан из одной конфессии в другую с использованием методов и средств, противоречащих принципам и духу христианской любви и свободы личности»². Представители Московской Патриархии выразили согласие с этим определением. Однако, рассматривая данную позицию, нужно обратить внимание на то, в каких реалиях существует Русская Православная церковь. А именно на то, что на территории Российской федерации существует свобода вероисповедания и граждане вправе выбирать, к какой конфессии им примкнуть.

Католическая сторона же полностью отрицает само понятие прозелитизма, сводя его лишь к переманиванию из одной христианской общины в другую подкупом и бесчестными методами. В то же время католическая церковь считает, что имеет право заниматься миссионерством среди населения любой страны, так как у всех людей есть свобода выбора. Наиболее четко эту мысль развил в статье «Что я думаю о прозелитизме» священник Бернардо Антонини. Он доказывал необходимость проведения четкой грани между прозелитизмом, миссией и проповедью. Антонини говорил о том, что миссионерская деятельность Римско–Католической церкви является стремлением помочь всем нуждающимся, а не «крестовым походом»³. В связи с отсутствием единого мнения по вопросу прозелитизма, Русская Православная и Римско–Католическая церкви вступили в череду конфликтов, которые вели к еще большему ухудшению отношений между церквями.

Не менее острой в этот период стала проблема, связанная с религиозным противостоянием на территории Украины. Она заявила о себе еще с самого начала православно-католического диалога в начале 1980-х гг. Однако

¹ Петрушко В. Краткий очерк истории католической церкви в России (часть 2) // Православие.ru: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/katolicinrus2.htm>. (дата обращения: 05.11.2011).

² Заключительный документ Консультации Всемирного Совета Церквей по проблемам прозелитизма, Сергиев Посад, 26-29 июня 1995 г. // Религиозная безопасность [сайт]. URL: http://www.stolica.narod.ru/docs_pro/001.htm. (дата обращения: 05.11.2011).

³ Антонини Б. Что я думаю о прозелитизме // Свет Евангелия. М., 2000. №37. С. 20.

наиболее серьезно она встала на повестку на рубеже 80 – 90-х годов, когда была осуществлена легализация греко-католических приходов на территории СССР¹. Греко-Католические церкви вышли из подполья и начали восстанавливать свои приходы и структуры на местах силовыми методами. Наиболее болезненно для православных этот процесс протекал на Западной Украине (Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области, Закарпатье)². Там дело доходило до массовых беспорядков, стычек, силовых захватов православных храмов, когда православные общины изгонялись просто на улицу, а в местной печати была развернута кампания по дискредитации православных Московского Патриархата. Такие греко-католические газеты, как «Мета», «Верую», открыто называли их «пятой колонной Москвы», «агентами имперского влияния России»³.

В январе 1990 г. была предпринята попытка урегулирования проблемы путем диалога. Для этого была создана четырехсторонняя комиссия из представителей Московского Патриархата, Римско-Католической Церкви, Украинской Православной Церкви и католиков восточного обряда из Западной Украины. Однако греко-католики покинули эту комиссию под нажимом радикальных политических сил⁴. Движение «Рух» заявило, что в случае его прихода к власти все храмы будут отобраны у православных и переданы католикам восточного обряда⁵. По их мнению, не было никакой необходимости вести диалог с Православной Церковью. Благодаря тому, что националисты пришли к власти, униатам удалось занять лидирующее положение в сфере религиозной жизни и на православие началось настоящее гонение.

Эта ситуация обсуждалась Смешанной Православно-Католической комиссией по богословскому диалогу на заседаниях во Фрайзинге в 1990г., в Ариче в 1991 г., но ключевым стало заседание в Баламанде, которое состоялось в 1993 г., в результате которого был принят итоговый документ по проблеме

¹ Доценко Г. Конфессиональное многообразие как условие межконфессионального мира. // Региональный Информационный Фарватор: [сайт]. URL: http://fairway.h1.ru/7/636_1.html (дата обращения: 05.11.11)

² Петрушко В. Краткий очерк истории католической церкви в России (часть 2) // Православие.ru: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/katolicinrus2.htm>. (дата обращения: 05.11.2011).

³ Комментарий Синодальной Богословской комиссии к документам диалога между Русской Православной и Римско-Католической Церквями // Журнал Московской патриархии. М., 1997. № 12. С. 26.

⁴ Заявление Священного Синода Московского Патриархата (в связи с выходом католиков восточного обряда из четырехсторонней Комиссии по урегулированию отношений между православными и католиками восточного обряда в Западных областях Украины и по поводу решения Львовского городского Совета народных депутатов от 6 апреля 1990 года) // Журнал Московской Патриархии. М., 1990. №7. С. 14-15.

⁵ В церковную жизнь пусть не вмешивается. Заявление духовенства и верующих Днепропетровской епархии Украинской Православной Церкви [о политическом движении "Рух"] // Журнал Московской Патриархии. М., 1993. № [пробн. номер]. С. 25.

униатства – «Баламандское соглашение». В нем, как на богословском, так и на практическом уровнях объяснялось, что уния, будучи сродни прозелитизму, является недопустимой в жизни церквей. Униатство как форма возвращения в лоно Католической Церкви была отвергнута авторами документа¹. Тем самым, однако, не было перечеркнуто право восточных Католических Церквей на существование. Более того, была отмечена необходимость того, чтобы «эти церкви, как на местном, так и на вселенском уровне включились в диалог любви в духе взаимного уважения и вновь обретенного взаимного доверия»².

Исходя из всего перечисленного, можно сделать ряд выводов. В рассмотренный период отношения между церквями терпят коренные перемены. На фоне налаживания дипломатических отношений между Советским Союзом, а затем Российской Федерацией и Ватиканом происходит ухудшение отношений между Русской Православной и Римско-Католической церквями.

На наш взгляд, это связано с активизацией деятельности Католической церкви на территории России и Украины в первой половине 90-х, а также с нежеланием Ватикана вести реальный диалог с Русской Православной церковью, основанный на уважении и равноправии.

И.А. Власенко, В.В. Нюренберг, Н.В. Софьина
Самарская городская общественная организация
«Сообщество молодых учёных»

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1980-е ГОДЫ

В статье представлена история развития жилищно-коммунального хозяйства Куйбышевской области в 60 – 80-е годы XX столетия. На основе большого массива архивных источников раскрывается картина масштабного жилищного строительства с развитой коммунальной инфраструктурой, повышение уровня благоустроенности городов области.

В процессе современного переосмысления истории СССР необходимо обратить внимание на создание русским народом всей жилищно-коммунальной инфраструктуры по всей стране на столь высоком технологическом уровне, что даже при тотальном разграблении и отсутствии капиталовложений в данную сферу с 1991 г. мы всё ещё имеем возможность пользоваться водоснабжением, канализацией и отоплением в своих квартирах. Понимая, что запаса прочности

¹ Православие и католичество. От конфронтации к диалогу: Хрестоматия / Под ред. А.Юдина. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. С.310.

² Там же. С.311.

жилищно-коммунальной инфраструктуры уже не осталось, необходимо оценить усилия всего народа и власти СССР по созданию стабильно функционирующей системы жизнеобеспечения в 1960 – 1980-е годы.

Во второй половине XX века Куйбышевская область становится одним из самых развитых промышленных регионов СССР. Перемещение промышленных предприятий и научных центров в годы Великой Отечественной войны, развитие авиа-космического комплекса, строительство Волжской ГЭС, создание крупного химического производства в Ставрополе-на-Волге (с 1964 г. – Тольятти) и Волжского автомобильного завода (ВАЗа) с 1966 г. – всё это позволило в целом не только создать экономический и военный паритет СССР и блока западноевропейских стран с США, но и обеспечить стабильное повышение уровня жизни населения Куйбышевской области в частности.

Одним из важных элементов благополучной жизни населения является возможность проживать в тёплом благоустроенном жилье. Восстановление народного хозяйства после 1945 г. на территории СССР затребовало от населения и властей огромных усилий и ресурсов, что не позволяло одновременно повышать уровень обеспеченности жильём всех жителей страны. Так, в целях увеличения плотности жилого фонда и сокращения средств на дорогостоящие инженерные сети в стране в конце 1960-х – 1970-х гг. была инициирована разработка проектов и застройка микрорайонов высотными (9-ти, 12-ти и 16-этажными) жилыми домами. Первоначально это были односекционные башенные дома, на смену которым в 1975 г. пришли «многоэтажки», возводившиеся на основе блок-секционного метода. В 1977 г. вышло соответствующее постановление бюро Куйбышевского горкома КПСС о начале освоения и внедрения новых серий жилых домов, согласно которому к 1982 г. около 60% застройки города должно было бы осуществляться 9-этажными типовыми блок-секциями. Однако такой прогноз оказался более чем оптимистичным. Как показала проверка 1979 г. ни один из 6 заводов, которым было поручено изготовление нестандартного оборудования и бортоснастки для реконструкции заводов железно-бетонных изделий (ЖБИ №1 и №3) и домостроительного комбината, не выполнили предписаний и, более того, отказались вести переговоры в данном направлении. Принимать заказы они начали только после совещания по этому вопросу в городском комитете партии. Дело затягивалось также из-за невыдачи заводами-заказчиками технической документации и отсутствия фондов по металлу на изготовление оборудования и оснастки. В связи с указанными обстоятельствами реконструкция предприятий стройиндустрии началась лишь в 1980 г., а выход их на проектную мощность планировался лишь к 1986 г.¹

¹ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 714. О. 78. Д. 6. ЛЛ. 4, 9, 20, 25, 27, 44-45; О. 82. Д. 28. ЛЛ. 24-25.

В 1971 г. Министерство коммунального хозяйства было преобразовано в Министерство жилищно-коммунального хозяйства. Начинаются осуществляться перманентные попытки реформирования экономического механизма отрасли. Все они, как правило, сводились к совершенствованию структуры управления, к привлечению к проблемам эксплуатации и содержания жилья предприятий градообразующей базы и др. Так, Постановление Совета Министров СССР от 4 сентября 1978 г. №740 «О мерах по дальнейшему улучшению эксплуатации и ремонта жилищного фонда»¹ впервые определило механизм передачи ведомственного жилищного фонда на баланс местных Советов, они обязаны были создавать единые генподрядные ремонтно-строительные организации для ремонта жилищного фонда всех организаций по их указам. Но, например, в Решении от 17 февраля 1983 г. постоянная комиссия по коммунальному хозяйству Тольяттинского городского Совета народных депутатов указывает, что «Такой организации в городе нет, и работа в этом направлении не ведётся ...»².

Одно из ограничений в преодолении обозначенных выше проблем, очевидно, заключалась в самом подходе, с которым они решались. Речь в данном случае идёт о стремлении развивать жилищную сферу городов (как и соцкультбыт в целом) через отраслевые министерства, задействуя ведомственный механизм планирования и распределения ресурсов (материальных и финансовых). Такое решение имело свои основания и исходило из необходимости задействовать хозяйственные регуляторы развития городов. Дело в том, что до 1950-х гг. важным источником финансирования жилищного строительства в стране были личные средства населения, за счёт которых в 1930 – 1950-х гг. в РСФСР было построено 156, а за счёт государственных вложений – 146 млн. квадратных метров жилья. Начиная со второй половины 1950-х гг. доля капиталовложений государства неуклонно возрастала: если в шестой пятилетке на них было построено 54% жилья, то в одиннадцатой пятилетке (1981 – 1985 гг.) – более 80%³. В этих условиях требовалось создание центров ответственности за строительство и ввод объектов.

В конце 1950-х гг. функции заказчиков по жилищному (а также культурно-бытовому и коммунальному) строительству, выполняемому подрядным способом, были возложены на исполкомы местных Советов. К маю 1960 г. в 34 крупных городах подрядчиками стали горисполкомы, а в Московской и Куйбышевской области – облизполкомы. Однако в условиях, когда средства местных хозяйственных органов на капиталовложения в эти цели сокращались и переводились на план исполкомов, постоянно возникали конфликты по вопросу

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 12. – М., Политиздат, 1981. С. 474 – 485.

² Управление по делам архивов мэрии г.о. Тольятти (Тольяттинский городской архив – ТГА). Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 843а. Л. 34.

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбил. стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 341.

распределения жилой площади, предназначенной для рабочих и служащих предприятий совнархозов в домах, строящихся по титульным спискам местных Советов¹. В связи с этим предприятия вынуждены были вести строительство жилья хозяйственным способом, отвлекая на него производственные и другие ресурсы². Поэтому в начале 1960-х гг. государство представляло промышленным предприятиям значительные права на создание собственного жилого фонда за счет средств самих предприятий (сверх предусмотренных народнохозяйственными планами капиталовложений). Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров от 4 октября 1965 г., вся жилая площадь, построенная за счет средств фонда жилищного строительства, оставалась в распоряжении самих предприятий и использовалась для удовлетворения нужд его работников³.

В результате к середине 1980-х гг. в большинстве городов Куйбышевской области сложилась ситуация, когда подавляющая часть жилого фонда оказалась сосредоточенной в руках отраслевых ведомств.

Соотношение ведомственного и вневедомственного секторов в обобществлённом жилом фонде городов, %⁴

Город	Муниципальный	Ведомственный
Куйбышев	41	59
Тольятти	8	92
Новокуйбышевск	0	100
Сызрань	34	66
Чапаевск	11	89
Кинель	14	86
Жигулёвск	29	71
Октябрьск	23	77
Похвистнево	21	79
Отрадный	89	11

При этом, как показывают расчёты по городам Куйбышевской области в 1970 – 1985 гг. преобладающей была тенденция (в 7 из 10) к медленному наращиванию доли жилого фонда местных Советов. Преимущественно это были города, где темпы роста жилого фонд исполкомов были выше аналогичного

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 42. Д. 5974. ЛЛ. 92-93; Д. 7688. ЛЛ. 36-37.

² Мочалов П.П. Река моей жизни: Записки директора завода. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1986. С. 173 – 174.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 666 – 667.

⁴ Жилищный фонд и его благоустройство (Л. 11) // Социально-экономические паспорта городов Куйбышевской области.

показателя по ведомственному фонду в 1,5-3 раза¹. Не смотря на это, в 1970 – 1980-е гг. муниципальные власти контролировали менее половины государственной жилья, остальное находилось в собственности предприятий, которые, сохраняя контроль над строительством жилья, получали возможность привлечь дополнительно рабочие руки и потому очень неохотно шли на передачу этого жилья городским властям.

Поскольку жилищная потребность не имела тенденции к стабилизации и постоянно росла, а удержание кадров было первоочередной проблемой в деятельности предприятий, последние всегда имели дополнительный аргумент для партийных и контрольных инстанций, выступавших арбитрами в спорах по вопросам отчислений на нужды жилищного и коммунального строительства местных властей из получаемых предприятиями по линии министерств и ведомств средств на развития соцкультбыта, которые составляли преобладающую часть бюджета развития городов.

Результатом активной политики жилищного и коммунального строительства с помощью промышленных предприятий стал рост количества жилой площади, приходившейся в среднем на одного человека. Так, в городе Куйбышеве с 4,6 квадратного метра в 1945 году до 6,5 квадратного метра в 1967 году, в Сызрани соответственно с 4,5 до 6,6; в Чапаевске – с 5,2 до 6,6; в Похвистневе – с 5,0 до 7,7 квадратного метра². В целом в Куйбышевской области в 1970-е годы поддерживался очень высокий уровень строительства жилья, например, если в 1971 г. жилищный фонд г. Тольятти составлял 2,775 млн. квадратных метров, то в 1980 г. уже 7 млн. квадратных метров³. Однако, несмотря на размах строительства жилых домов, жилищный кризис так и не удалось преодолеть⁴.

Таким образом, крупные промышленные предприятия выполняли, помимо производственных функций, задачи по содержанию и обслуживанию коммунальной инфраструктуры городов. Внутриквартальные сети и благоустройство кварталов закреплялось за предприятиями. Затраты на уличное освещение города и рабочих поселков распределялись между предприятиями.

¹ Рассчитано по данным: Жилищный фонд и его благоустройство (Л. 11) // Социально-экономические паспорта городов Куйбышевской области.

² Борисов В.А. Некоторые вопросы решения жилищной проблемы в СССР // Великий Октябрь и коммунистическое строительство на Средней Волге. – Куйбышев, 1969. С. 375.

³ Ракшина И.В. Роль Волжского автомобильного завода в формировании социально-демографической ситуации в городе Тольятти (1996 – 2001 гг.) // История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки, проблемы, современность. Материалы I Всероссийской научной конференции 26 – 27 ноября 2003 г. (отв. ред. Лившиц А.Э., Нахманович П.А.). – Тольятти, издание ОАО «АВТОВАЗ». С. 326.

⁴ Доценко Артём Михайлович. Повседневная жизнь советского города начала 1950 - первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области). Дисср. иссл. ... кан. ист. наук. – Самара: СГПУ, 2007. С. 88.

Показатели развития жилого фонда в городах Куйбышевской области в 1960-1980-х гг.¹

Город	Обеспеченность жилой площадью на 1 человека, м ²				Темпы прироста жилого фонда, в %				Соотношение обобществленного и частного жилого фонда, в %			
									1960 г.		1985 г.	
	г. 1961	г. 1961	г. 1961	г. 1961	г. 1961 - 1961	г. 1961 - 1961	г. 1961 - 1961	г. 1961 - 1961	Обобществленный	Индивидуальный	Обобществленный	Индивидуальный
Куйбышев	5,6	7,3	8,3	8,8	73,7	31,4	21,1	176,4	73	27	91	9
Тольятти	6,2	6,9	8,6	9,3	448,0	130,4	46,2	1745,9	65	35	92	8
Новокуйбышевск	6,5	8,1	9,6	10,5	105,2	26,3	19,1	208,8	92	8	93	7
Сызрань	6,0	8,0	10,2	11,2	58,5	31,7	22,4	155,5	51	49	73	27
Чапаевск	5,7	7,5	10,1	10,8	39,5	34,4	14,4	114,4	46	54	68	32
Кинель	6,0	6,4	7,3	9,7	54,2	27,5	55,2	205,2	30	70	54	46
Жигулёвск	7,1	6,3	11,1	13,2	30,6	63,6	11,6	138,6	75	25	84	16
Октябрьск	6,6	7,3	8,3	10,6	32,1	-1,4	29,1	69,9	29	71	45	55
Похвистнево	6,3	8,4	10,7	11,3	59,7	22,9	08,4	112,9	40	60	51	49
Отрадный	6,4	8,1	10,8	11,1	77,5	38,0	18,8	190,9	93	7	89	11

¹ Таблица рассчитана и составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. О. 31. Д. 7699. ЛЛ. 36-37, 41, 106, 119, 137; О. 38. Д. 2982. ЛЛ. 41, 43, 45, 138, 155, 172; ГАСО. Ф. Р-2551. О. 25. Д. 887. Л. 41-44; Жилищный фонд и его благоустройство (Л. 11) // Социально-экономические паспорта городов Куйбышевской области.

Для зимнего содержания, дороги и тротуары закреплялись за предприятиями, которые заключали договоры с дорожно-эксплуатационным участком. Предприятия занимались озеленением территорий. На 1985 г. по Куйбышевской области на долю предприятий и организаций приходилось $\frac{3}{4}$ государственного обобщественного фонда, владельцами жилого фонда по области являлись 447 различных предприятий. Такая раздробленность фонда создавала немалые трудности в управлении им, требовала четкой координации работы, более строгого контроля со стороны местных советов¹.

Основные сферы ЖКХ, состояние которых непосредственно влияет как на развитие городов Куйбышевской области, так и на комфорт жизни населения, включают в себя: водопровод и канализация, энергетическое хозяйство (электростанции, теплоцентрали, газовые сети), внешнее благоустройство (дорожно-мостовое хозяйство, уличное освещение, зеленые насаждения).

В СССР к середине 1960-х гг. лишь 45% отводимых канализациями вод подвергалось очистке, а остальные спускались в открытые водоемы без очистки. Имеющиеся очистные сооружения были перегружены и осуществляли в основном механическую очистку: сооружения для биологической очистки составляли лишь 20% от мощности канализационных очистных сооружений². В Жигулёвске и Октябрьске осуществлялась частичная биологическая очистка стоков. Полная же биологическая очистка производилась лишь в 3-х малых городах Куйбышевской области и в Чапаевске. Даже в Куйбышеве и Сызрани ей подвергалась незначительная часть отводимой воды.

В конце 1970-х – начало 1980-х гг. потребность в питьевой воде в городах удовлетворялась на 60-70%. По имеющимся данным суточное водопотребление составляло в Куйбышеве, Новокуйбышевске и Тольятти 360-400 литров на 1 человека. В Куйбышевской области число городов с водопроводами было в 1950 г. – 2, в 1960 г. – 6, в 1970 г. – 9; с канализацией было в 1950 г. – 3, в 1960 г. – 5, в 1970 г. – 8³. В городе Тольятти в 1965 г. имелось 49 артезианских скважин с производительностью подъема 77520 м³ воды в сутки. Протяженность водопроводных сетей на конец 1965 г. составляла 184 км. Протяженность канализационных сетей – 90 км. Количество домов, оборудованных водопроводом, составляло 1424 на конец 1965 г.⁴, то есть, по сравнению с началом этого же года, возросло на 384 дома.

¹ Романов В.С. Наш дом // Волжская коммуна. 1 ноября 1985.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 66. Д. 423. Л. 94.

³ Народное хозяйство Куйбышевской области за 1966 – 1970 гг. Статистический сборник. – Куйбышев, 1972. С. 229.

⁴ Город Тольятти. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1967. – С. 232.

**Показатели развития водопроводно-канализационного хозяйства
городов Куйбышевской области в 1960-1980-х гг.¹**

Город	Установленная производительность водопровода, тыс. куб. м		Одиночное протяжение уличной водопроводной сети, км		Доля воды подаваемой через водопровод для населения, %		Одиночное протяжение уличной канализационной сети, км	
	1965 г.	1985 г.	1965 г.	1985 г.	1965 г.	1985 г.	1965 г.	1985 г.
Куйбышев	39,7	885,2	115,8	711,9	65	73	103,0	275,0
Тольятти	9,7	533,2	19,0	309,5	100	64	18,0	212,0
Новокуйбышевск	1,0	74,5	7,1	29,0	75	55	4,4	н/д
Сызрань	11,5	85	59,3	219,7	49	76	36,2	81,2
Чапаевск	8,1	71,5	34,0	133,9	92	28	24,8	67,2
Кинель	6,0	20,6	13,8	53,5	48	65	4,1	17,0
Жигулёвск	8,4	66,5	33,1	141,2	88	61	3,6	20,0
Октябрьск	30,0	9,9	8,9	86,3	20	82	2,6	11,9
Похвистнево	4,0	6,2	8,4	31,7	89	76	5,6	1,9
Отрадный	12,0	78,0	52,0	55,0	24	29	22,6	20,3

¹ Таблица рассчитана и составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. О. 31. Д. 7699. ЛЛ. 36-37, 41, 106, 119, 137; О. 38. Д. 2982. ЛЛ. 41, 43, 45, 138, 155, 172; ГАСО. Ф. Р-2551. О. 25. Д. 887. Л. 41-44; Жилищный фонд и его благоустройство (Л. 11) // Социально-экономические паспорта городов Куйбышевской области.

К 1965 г. в г. Тольятти была значительно улучшена эксплуатация водопроводного хозяйства, скважины в Соцгороде и пос. Комсомольском управлялись автоматически, с единого пульта. Была создана хорошая ремонтная база управления и биохимическая лаборатория для анализа воды. За 1967-1968 гг. с учетом наказов избирателей была построена одна артезианская скважина¹. До 1971 г. водоснабжение г. Тольятти осуществлялось из артезианских скважин. После образования в 1972 г. трёх районов, Центральный и Комсомольский районы по-прежнему обеспечивались водой из артезианских скважин, а в Автозаводском районе вода поступала из Куйбышевского водохранилища. Горячее водоснабжение в новой части города осуществлялось по схеме открытого водоснабжения с применением химической водоочистки².

В г. Тольятти значительная часть водопроводных сетей была построена в 1952 – 1960 гг., поэтому в 1960 гг. они работали с большими перегрузками. В тресте отсутствовал график профилактических ремонтов сетей и сооружений, что приводило к их эксплуатации на износ³. В 1960-х гг. на водопроводных сетях было большое количество аварий, однако к 1980-ым гг. их число значительно уменьшилось: 1963 г. – 449, 1964 г. – 445, 1977 г. – 15, 1978 г. – 17, 1979 г. – 20, в 1981 г. – 42, 1982 г. – 25. Количество аварий канализации: 1978 г. – 4, 1979 г. – 12.

Нормальное водоснабжение в г. Тольятти было налажено не во всех домах⁴. В некоторых домах в летнее время жители, начиная с 4 этажа днем не имели воды⁵. В 1967 г. водоснабжение осуществлялось с перебоями из-за недостаточной мощности источников водоснабжения и отсутствия целого ряда магистральных водоводов. При вводе в эксплуатацию жилья, строительство источников водоснабжения было практически прекращено⁶. С проблемами в водоснабжении боролись путем ввода в эксплуатацию все новых и новых водопроводных сетей. В 1972 г. было принято в эксплуатацию 10 скважин и 3 резервуара, благодаря чему была увеличена подача воды с 70 – 80 тыс. м³ в сутки до 130 – 155 тыс. м³ в сутки. Однако, план ввода в действие основных фондов по объектам коммунального назначения на 1972 г. был выполнен только на 57,7%: не были сданы в эксплуатацию насосная станция в пос. Комсомольске, водопроводные линии 1300 м, канализационные 1110 м⁷.

Решать проблемы водоснабжения г. Тольятти стремились и с помощью централизации коммунального хозяйства. Впервые об этом заговорили в 1977 г. Однако процесс шёл медленно. По-прежнему значительная часть сети водопровода и канализации эксплуатировалась ведомственными жилищно-

¹ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 283. Л. 99.

² ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 565. Л. 275.

³ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 151. Л. 99.

⁴ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 283. Л. 99.

⁵ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 776. Л. 131.

⁶ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 280. Л. 125.

⁷ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 469. Л. 17.

коммунальными организациями. Уровень их содержания и ремонта был низкий¹. В итоге водоснабжение ряда старых кварталов Центрального и Комсомольского районов оставалось на низком уровне из-за малого диаметра и засоренности трубопроводов. Для изменения этой ситуации Горисполкомом было принято решение «О мерах по улучшению водоснабжения в жилых кварталах Центрального и Комсомольского районов города Тольятти» о замене и промывке старых трубопроводов и прокладывании новых². В 1977 г. было построено 13 км водопроводных сетей и 11 км канализационных сетей³.

С 1984 г. вопросы улучшения водоснабжения г. Тольятти стали обсуждаться на заседаниях исполкомов, выносились на рассмотрение сессии Советов, обсуждались на постоянных депутатских комиссиях и группах. В 1984 г. был проведен ряд мероприятий по улучшению водоснабжения города. Были пробурены и пущены в эксплуатацию 15 новых скважин, проведен капитальный ремонт старых скважин, переложено 2,6 км сетей, тем самым была увеличена мощность водозаборных сооружений. В 1984 г. реализация воды населению составила 74,1 тыс. м³ в сутки против 67,6 тыс. м³ в 1980 г. За 1981 – 1984 гг. построено 3 канализационных насосных станции и 42 км водопроводных и канализационных сетей⁴.

Что касается энергетического хозяйства, то в г. Тольятти в 1966 г. вместе с Волжским автозаводом для покрытия потребностей в тепловой и электрической энергии завода, Автозаводского района и его промышленно-коммунальной зоны было начато строительство ТЭЦ ВАЗа. А в ноябре 1967 г. уже был начат отпуск тепла потребителям. Для огромного комплекса Волжского автозавода, нового района города, нескольких десятков больших и малых «примкнувших к ним» предприятий, роль ТЭЦ ВАЗа была предельно велика. Таким образом, источниками электро- и теплоснабжения города стали: ТЭЦ ВАЗа — в новой части города; Тольяттинская ТЭЦ и частично районные котельные — для остальной части города. Восточная тепломагистраль, построенная от тольяттинской ТЭЦ в 1975-1976 г. позволила улучшить теплоснабжение Центрального района⁵, ввод двух теплопроводов в Автозаводском районе в 1977 г. обеспечил надежное теплоснабжение этого района⁶. В стремлении обеспечить граждан теплом, энергетическое хозяйство г. Тольятти сталкивалось с рядом проблем. В 1972 г. план ввода в действие основных фондов по объектам коммунального назначения был выполнен только на 57,7 %: не была сдана в эксплуатацию 1000 м тепловых сетей⁷. 11 октября 1976 г. произошла авария, в

¹ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 693. Л. 50.

² ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 473. Л. 28.

³ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 693. Л. 10.

⁴ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 988. Л. 70.

⁵ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 663. Л. 71.

⁶ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 693. Л. 10.

⁷ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 469. Л. 17.

результате которой полностью прекратилось теплоснабжение жилых и производственных зданий более чем на сутки. В последующие три дня тепло подавалось с перебоями¹. Подготовка к новому отопительному сезону проводилась не своевременно, в результате чего граждане жаловались на холод в квартирах. Всё это происходило потому, что ряд жилищно-коммунальных отделов («Куйбышевгидростроя», «Волгоцеммаша», производственных объединений «Куйбышевфосфор», «Куйбышевазот», «Тольяттиазот», «Синтезкаучук») безответственно относились к выполнению подготовительных работ и плохо организовывали условия для нормального теплоснабжения. Осенне-зимний период был всегда серьезным испытанием для коммунальных служб². В 1984 г. были учтены все прошлые ошибки при подготовке к отопительному сезону. Еще до 1 октября в г. Тольятти были завершены все ремонтные операции, своевременно проведены все проверки тепловых сетей, переложены ненадежные участки магистральных и внутриквартальных трубопроводов. Вопросы подготовки рассматривались на заседании горисполкома, районных Советов народных депутатов. В результате было достигнуто в ряде кварталов бесперебойное, надежное теплоснабжение. И, тем не менее, из-за халатности и недоработок отдельных служб испытывали неудобства от холода множество людей в различных частях города³.

Таким образом, энергетическое хозяйство как Куйбышевской области в целом, так и г. Тольятти в частности, развивалось достаточно интенсивно. С источниками электро- и теплоснабжения в г. Тольятти проблем не было: ТЭЦ ВАЗа, Тольяттинская ТЭЦ, районные котельные обеспечивали теплом и электричеством. Но подготовительные работы к отопительному сезону из-за халатности некоторых ЖКО приводили к плохому теплоснабжению в ряде кварталов. Так, в г. Тольятти в сентябре 1969 г. отмечалось, что: «Отсутствие должного контроля за тепловым режимом жилья приводит к тому, что в отдельных домах, квартирах жарко и открыты форточки, в других же холодно и закупороно»⁴.

Практически все работы по внешнему благоустройству городов должны были производиться на средства местных бюджетов. В этих условиях успех в деле поддержания порядка в городах в соответствие с санитарно-гигиеническими требованиями целиком и полностью зависела от способности местного руководства заинтересовать и привлечь к этому руководство предприятий и население. В деле санитарного содержания города коммунальные службы прибегали к помощи населения, которое выходило на субботники и воскресники

¹ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 621. Л. 42.

² За коммунизм. 11 октября 1982. С. 1.

³ За коммунизм. 30 ноября 1984. С. 1.

⁴ Доклад комиссии коммунального хозяйства IV сессии Тольяттинского городского Совета депутатов трудящихся от 23 сентября 1969 г. «О подготовке городского хозяйства к работе в зимних условиях» // ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 304. Л. 19.

по уборке мусора¹. Однако рост городов вёл к возникновению необходимости механизации уборки территории. В начале 1960-х гг. вывоз мусора был возложен на ремонтно-строительные конторы, у которых был изъят автотранспорт, что негативно сказалось на санитарном состоянии городов².

В Тольятти в 1964 г. был создан хозрасчетный дорожно-эксплуатационный участок³. Это было связано с резким увеличением протяженности дорог и тротуаров, которая была обусловлена ростом промышленных предприятий и жилой застройки. Участок был создан с целью улучшения содержания и эксплуатации дорог и тротуаров. В большинстве своем дороги и тротуары никем не содержались, поэтому их ремонт проводился не постоянно, что и приводило к преждевременному износу. На начало 1964 г. протяженность дорог с асфальтным покрытием составляла 120 км (895 тыс. м²), тротуаров – 50 км (127 тыс. м²). За 1967-1968 гг. с учетом наказов избирателей было капитально отремонтировано 50 тыс. м² и вновь построено 539 тыс. м² дорог и тротуаров⁴.

При строительстве Автозаводского района г. Тольятти магистрали составили основной костяк его транспортной сети. Всего при строительстве нового района было проложено 4 главные скоростные дороги, которые соединяли отдельные части города между собой и внешними транспортными линиями. В Центральном и Комсомольском районах на 1972 г. имелось 225 км автомобильных дорог с асфальтовым покрытием, из них 75 км находилось на балансах предприятий и организаций и около 150 км – бесхозных дорог. За пять месяцев 1973 г. было построено 36 тыс. м² дорог, капитально отремонтировано 40 тыс. м² дорог с асфальтовым покрытием⁵. К 1974 г., в связи с большими объемами промышленного и гражданского строительства, значительно возросла протяженность и площадь автомагистралей и городских улиц с асфальтобетонным покрытием. Она составила 350 км и 4,2 млн. м² соответственно, в том числе: в Автозаводском районе – 187 км и 2710 тыс. м², Центральном районе – 106 км и 996 тыс. м², в Комсомольском районе – 57 км и 524 тыс. м². В этой ситуации встал вопрос о пересмотре системы эксплуатации дорог: содержанием, текущим и капитальным ремонтом занималось Дорожно-ремонтно-строительное управление (ДРСУ), а учетом дорог как материальных ценностей занималось управление коммунального хозяйства. То есть не было единой эксплуатирующей организации, и было принято решение все автодороги

¹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2558. О. 10. Д. 549. Л. 4; Д. 842. Л. 6; О. 16. Д. 1130. Л. 12.

² ЦГАСО. Ф. Р-2558. О. 10. Д. 549. Л. 28.

³ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Ед.хр. 153. Л. 32.

⁴ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 283. Л. 99.

⁵ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 490. Л. 46.

передать для постоянной эксплуатации ДРСУ¹. За 10 пятилетку (1976 – 1980 гг.) было построено 494 тыс. м² дорог и тротуаров.

В 1960 – 1980-е гг. были достигнуты неплохие показатели развития электрического освещения улиц. Эти показатели, учитывающие протяжённость линий, не дают возможности оценить равномерность развития уличного освещения и его работоспособность. Во дворах и на окраинах расстановка фонарей была более редкой, не всегда своевременно устранялись своевременно².

Что касается г. Тольятти, то в 1965 г. его электросети перешли в ведение «Куйбышевэнерго» с целью улучшения уличного и внутриквартального освещения. Но этого достичь не удалось. Графика проведения планово-профилактического ремонта сетей по городу не составлялось и работ по их ремонту не проводилось³. На заседании постоянной комиссии по коммунальному хозяйству 5 апреля 1966 г. Ю.А. Дрожжин предложил привлечь городское население, проживающее в частном секторе, для установки уличных фонарей у своих домов⁴. В 1967 г. отмечалось, что нормального освещения в городе наладить не удалось⁵. К 1973 г. электроснабжение и освещение города несколько улучшилось. Была проведена определенная работа по повышению надежности сетей Центрального района и улучшению освещения города. Но в то же время много оставалось совершенно неосвещенных улиц, дорог и кварталов⁶. К 1975 г. прирост сетей энергоснабжения составил 25 км, установлено 300 светильников ртутного и люминесцентного освещения⁷.

Одной из важнейших проблем благоустройства г. Тольятти была проблема озеленения. В 1964 г. отмечались следующие недостатки: уход за посаженными деревьями и кустарниками отсутствовал, они засыхали и пропадали⁸. Для улучшения ситуации в 1965 г. в городе был создан комбинат благоустройства. По решению горисполкома весной и осенью проводились месячники по благоустройству и озеленению города, в которых активное участие принимало население, особенно школьники⁹. При строительстве нового района, возник вопрос и его озеленения. Для этого, в первую очередь, в 1969 г. было создано строительное управление по озеленению объектов ВАЗа. В 1970 – 1980-е гг. озеленением в городе занимались три организации: строительное

¹ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 545. Л. 255.

² ЦГАСО. Ф. Р-2558. О. 16. Д. 1130. Л. 14.

³ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 175. Л. 83.

⁴ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 194. Л. 103.

⁵ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 283. Л. 99.

⁶ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 492. Л. 229, 230.

⁷ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 562а. Л. 85.

⁸ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 149. Л. 77.

⁹ Город Тольятти. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1967. С. 232 – 233.

управление озеленения Волжского Автозавода в Автозаводском районе, участок «Зеленстрой» управления коммунального хозяйства и участок озеленения Жилстроя-2 «Куйбышевгидростроя» в Центральном и Комсомольском районах. При этом привлекалось население, школьники, жилищно-эксплуатационные конторы¹. В 1985 г. количество высаженных деревьев было 14 тыс. шт., при этом в 1976 г. высажено было всего лишь 4,3 тыс. шт. Это было связано как раз с деятельностью строительного управления озеленения ВАЗа. Таким образом, в 1960 – 1980 гг. г. Тольятти превратился в один из самых зеленых молодых промышленных центров страны.

Среди всех городов области по благоустройству особо отмечался Автозаводский район города Тольятти, где благоустройством занимались постоянно и системно. По всей стране вазовцы искали новинки для того, чтобы применить у себя в районе. Из Киева привезли машину, которая за сутки могла отремонтировать 600 м асфальтового покрытия – и дороги в Автограде стали как «зеркало». Благоустройство имело непрерывный годовой цикл, все работы велись в комплексе. Таких примеров в стране больше не было – обычно благоустройством городов и сел занимались два раза в год – в дни субботников².

В 1985 г. обеспеченность основными видами удобств была на уровне 80% и более только в центрах Куйбышевской области, в Новокуйбышевске и Отрадном, при этом в Октябрьске не превышала 30% (за исключением газификации), а в Кинеле и Похвистнево – 40%. Даже в таких относительно больших городах как Сызрань и Чапаевск обеспеченность различными видами удобств колебалась в диапазоне от 45 до 60%. Итак, ведущаяся за счёт централизованных источников массовая застройка городов Куйбышевской области многоэтажными домами способствовала увеличению качественного состава жилого фонда в них. В 1960 – 1980-е гг. преобладающим типом жилища становится капитальный дом с повышенным уровнем благоустройства с соответствующей инфраструктурой (центральным отоплением, водопроводом, горячим водоснабжением, ваннами, канализацией, газом или электроплитами). Миллионы семей вселялись в квартиры, обладающие стандартным набором основных современных удобств, приобщаясь тем самым к материальным условиям жизни, почти совершенно незнакомым вчерашним выходцам из деревень и поколению их родителей. В результате постепенно складывалась и развивалась более или менее интенсивно освоенная городская среда, хотя её качество не везде и не во всём соответствовало вновь формирующимся стандартам и требованиям.

¹ ТГА. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 542. Л. 253.

² Романов В.С. Наш дом // Волжская коммуна. 1 ноября 1985.

Оснащённость всего жилого фонда городов Куйбышевской области основными видами удобств, в %¹

	Водопроводом		Канализацией		Газом		Центральным отоплением		Ванной (душем)	
	1960 г.	1985 г.	1960 г.	1985 г.	1960 г.	1985 г.	1960 г.	1985 г.	1960 г.	1985 г.
Куйбышев	47	89	44	88	52	89	47	92	26	77
Тольятти	43	90	42	90	33	32	48	93	21	89
Новокуйбышевск	84	86	83	86	47	84	88	88	61	85
Сызрань	28	54	22	47	7	61	25	55	13	44
Чапаевск	33	57	30	56	0	50	34	60	8	48
Кинель	10	32	8	32	10	55	14	56	4	23
Жигулёвск	35	72	34	63	34	63	36	73	17	59
Октябрьск	8	27	7	26	1	39	8	28	6	25
Похвистнево	13	33	8	30	58	60	15	38	6	26
Отрадный	61	85	57	78	97	88	90	88	17	77

¹ Таблица рассчитана и составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. О. 31. Д. 7699. ЛЛ. 36-37, 41, 106, 119, 137; О. 38. Д. 2982. ЛЛ. 41, 43, 45, 138, 155, 172; ГАСО. Ф. Р-2551. О. 25. Д. 887. Л. 41-44; Жилищный фонд и его благоустройство (Л. 11) // Социально-экономические паспорта городов Куйбышевской области.

Раздел 2. «Литература и искусство»

А.И. Салов, аспирант
Орловский государственный университет

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ: МАЛАЯ ПРОЗА ДЖОНА АПДАЙКА О ТЕРАКТАХ 9/11

В статье предпринята попытка анализа эссе и рассказа Джона Апдайка, посвященных трагическим событиям 11 сентября 2001 года в США, прослежена преемственность в реализации писателем темы терроризма и становление его взглядов на причины и последствия катастрофы «черного вторника».

В современной литературе США можно условно выделить группу писателей, для которых создание романов, связанных с событиями «черного вторника»¹, стало продолжением и углублением разработанной ранее темы терроризма (Том Роббинс, Дон Делилло, Джон Апдайк, Пол Остер, Филип Рот)². Особое место в этой группе занимают Дон Делилло и Джон Апдайк: в творчестве обоих крупной прозе о 9/11 предшествует проза малых жанров. Таким образом, последовательное изучение эссе и рассказа, художественно реконструирующих день терактов, позволяет глубже проследить становление взглядов Апдайка на причины и последствия катастрофы 11 сентября 2001 года.

Апдайк был непосредственным свидетелем терактов «черного вторника». В тот роковой день вместе с женой он находился в квартире родственника, располагающейся на десятом этаже дома в Бруклин-Хайтс. За падением башен-близнецов Всемирного торгового центра чета наблюдала из окон, а затем с крыши здания. Творческим итогом пережитого стало короткое эссе «11 сентября 2001 года» (*September 11, 2001*), написанное Апдайком для журнала *Talk of the Town*. На полутора страницах, воссоздававших день катастрофы, писатель восстановил последовательную цепочку своих ощущений и размышлений, затронул отдельные проявления реакции американского общества на случившееся и наметил связанные с этим проблемы.

¹ В статье синонимический ряд к понятию «терракты 11 сентября 2001 года» составляют утвердившиеся в США и России обозначения: «черный вторник» и «9/11».

² Том Роббинс: «Натюрморт с дятлом» (1980) – «Вилла “Инкогнито”» (2003); Дон Делилло: «Грейт Джонс стрит» (1973), «Игроки» (1977), «Мао II» (1991) – «Падающий» (2007); Джон Апдайк: «Переворот» (1978) – «Террорист» (2006); Пол Остер: «Левиафан» (1992) – «Бруклинские чудачества» (2005); Филип Рот: «Американская пастораль» (1997) – «Обычный человек» (2006).

Апдайк подчеркивает, что американские СМИ оказывают в целом негативное воздействие на массовое сознание, ослабляют инстинкт самосохранения граждан. Таким образом, отмечена проблема неподготовленности американцев к столкновению с терроризмом. Поэтому реальный взрыв кажется очередным спецэффектом, изобретенным для увеселения публики, и дым, идущий из северной башни, пробуждает в наблюдателе «скорее любопытство, нежели ужас»¹.

Писатель с сожалением отмечает, что трагедия, происходящая на его глазах, мгновенно становится продуктом масс-медиа. Картины катастрофы параллельно транслируются по телевидению, бесконечно повторяются. Так история, творящаяся на глазах отдельного человека, тиражируется на весь мир, взрывающиеся башни возникают вновь и вновь, «как тщательно репетируемые эпизоды из балета кошмаров»². Первоначальное ощущение невероятности, посетившее наблюдателя, многократно усиливается, стоит ему взглянуть на экран: «...В сознание врезалась мысль, что это не может быть до конца подлинным, как и все на телевидении. Все это можно исправить. Вся та технократия, которую символизировали башни, должна справиться с огнем и повреждениями»³.

Теракты, по мнению Апдайка, не только совершаются в реальном пространстве, но и обречены становиться медийным мифом о самих себе. Писатель тоже во многом способствует переводу «черного вторника» в плоскость изящной словесности. Описывая происходящее, он художественно дополняет фактическую картину событий: Южная башня в эссе не просто исчезла из вида, но упала, «подобно лифту в шахте, со скрежетом и протяжным, как стон, звуком удара»; «дым с обрывками бумаги, клубясь, поднимался в безоблачное небо, а странные черные ручейки струились по морщинистой поверхности здания»⁴.

Всеобщая катастрофа видится Апдайку мозаикой из частных трагедий. Они по-настоящему проявляются в метаморфозах, которые происходят с человеком в условиях терроризма. При этом не обязательно оказаться жертвой теракта, достаточно увидеть его вживую или по телевизору. Писатель констатирует, что подобное столкновение человека с реальностью оборачивается отчаянной борьбой за благополучие личного пространства, попыткой избежать травмирующего воздействия «черного вторника»: «Когда нам неожиданно приходится стать свидетелями чего-нибудь большого и ужасного, мы прилагаем все силы, чтобы не уменьшить его масштабы до ничтожных размеров

¹ Updike, J. September 11, 2001 / John Updike / Due Considerations: Essays and Criticism. – New York: Ballantine Books, 2008. – p. 117

² Ibid

³ Ibid

⁴ Ibid

нашего собственного бытия»¹. Эти, по большей части, бесплодные усилия – цена, которую вынужден платить свидетель терактов.

Шестидесятидевятилетний Апдайк и его супруга, представители старшего поколения, в эссе являются не единственными невольными участниками катастрофы. Упомянуты также девочка четырех лет и ее няня, которые наблюдают происходящее на Манхэттене из окон библиотеки. Отмечены многочисленные безымянные жертвы терактов, увековеченные в телерепортажах, во фрагментах телефонных звонков с места трагедии или превратившиеся в «тела под булыжниками». Но именно Джон Апдайк выступает репрезентантом американской нации, оказавшейся перед лицом не виданной ранее террористической угрозы. Наблюдая катастрофу и пытаясь оценить произошедшее по горячим следам, писатель делает вывод, согласно которому внешний мир продолжает выглядеть обманчиво привычным: «На следующее утро я вновь вернулся на открытое пространство, с которого мы вчера наблюдали, как страшно пропадают из вида башни. Свежее солнце играло на обращенных к востоку фасадах. Несколько лодок осторожно двигалось по реке. От руин все еще поднимался дым, но Манхеттен выглядел восхитительно. День намекал всем своим видом, будто ничего не изменилось»².

Обманчивая незыблемость пейзажа безмолвна, в то время как человеку предстоит задаваться мучительными вопросами («Можем ли мы допустить ту открытость, которая позволит будущим пилотам-камикадзе <...> поступать в летные школы Флориды?»³) и пытаться упорядочить случившееся, вынести из него некий духовно-нравственный урок. Частью новых сведений, полученных таким образом, оказывается у Апдайка предощущение будущих американских фобий: навсегда утраченное восприятие воздушного путешествия как обыденного и даже веселого события порождает подспудный страх авиаперелетов⁴. Таким образом, в условиях терроризма изменению подверглась личность наблюдателя, вынужденного давать оценку явлениям, которые не имеют аналогов в истории США.

Характерно, что в эссе Апдайк не обходится без обращения к традиционной для его творчества теме веры. Часть ответственности за исчезновение башен метафорически возлагается писателем на высший разум:

¹ Updike, J. September 11, 2001 / John Updike / Due Considerations: Essays and Criticism. – New York: Ballantine Books, 2008. – p. 117

² Ibid – p. 118

³ Ibid – p. 118

⁴ Ср. у Дона Делилло: «Да, я путешествую. Это значит, что в определенные дни нет ни минуты, когда я не думала бы о террористах. Мы в их власти. В аэропортах я никогда не сажусь у окна – вдруг полетят осколки стекол...» («Мао II» - М.: Иностранка, 2004. – с. 68)

«Пустое место появилось среди холодной невозмутимости офисных зданий за Ист-Ривер, как бы повинуюсь мановению чьей-то руки там, на небесах...»¹.

Стремясь определить причину трагедии, Апдайк обозначает конфликтующие стороны (убийцы-фанатики и американские граждане), но при этом пытается обнаружить их общность, отказавшись от более привычного противопоставления. По мнению писателя, угнетателей и жертв объединяют «возвышенные» заблуждения: террористы воспринимают преступное деяние как священный акт религиозной мести; американцам ошибочно кажется, что «обязанности выживших сводятся только к тому, чтобы собрать обломки, похоронить погибших, принять дополнительные меры предосторожности и продолжать жить»². Терроризм – безликий враг Америки, но и для террористов противник, по которому они наносят удар, не имеет признаков индивидуальности. В этом обезличенном противостоянии Апдайк внимательно изучает эмоционально-поведенческую реакцию и преобразование отдельного человека, в данном случае – самого себя; стремится индивидуально охватить и оценить причины и последствия всеобщей угрозы.

Главный вывод эссе, несмотря ни на что, оптимистичен: за Америку все равно стоит бороться, стоит идти на риск ради ее привлекательного многообразия, «ежедневной непринужденности – этого живительного эликсира человечества, даже если некоторые превращают его в яд»³. Отдельные художественные детали, размышления и общая атмосфера вдумчивого преодоления посттравматического шока, предложенные Апдайком в эссе «11 сентября 2001 года», во многом определили его творческий подход в следующем произведении, посвященном теме терроризма, – рассказе «Многообразие религиозного опыта» (*Varieties of Religious Experience*⁴, 2002), опубликованном в журнале *The Atlantic Monthly*.

Рассказ можно условно разделить на пять эпизодов, художественно реконструирующих 11 сентября 2001 года и подчиненных центральным, традиционным для Апдайка, темам религии и семьи. Однако в данном случае герои помещаются в особые, критические обстоятельства – условия терроризма. Это придает драматическое прочтение проблемам веры, утраты семейных связей, отчужденности, к которым писатель обращался на протяжении всего творческого пути и к которым возвращается в рассказе.

¹ Updike, J. September 11, 2001 / John Updike / *Due Considerations: Essays and Criticism*. – New York: Ballantine Books, 2008. – p. 117

² Ibid – p. 118

³ Ibid – p. 118

⁴ Заглавие рассказа Апдайк позаимствовал у американского психолога и философа Уильяма Джеймса (работа «Многообразие религиозного опыта, Исследование человеческой природы») / *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*, 1902)

Многообразие религиозного опыта – это решительный отказ Дэна Кэллога от веры после падения Южной башни Всемирного торгового центра, а также возвращение героя к Богу спустя полгода после трагедии (первый и пятый эпизоды). Это благословление на дальнейшую жизнь, которое дает на прощанье по телефону своей жене Джим Финч, попавший в огненную ловушку на верхнем этаже одной из башен ВТЦ (третий эпизод). Это предсмертная мольба о помиловании, возносимая к Господу пожилой Кэролайн перед тем как захваченный террористами самолет, на котором она летит в гости к родственникам, падает неподалеку от города Шенксвилл, штат Пенсильвания (четвертый эпизод). Наконец, это фанатизм молодых арабов, Моххамеда и Навафа, исповедующих ислам и прилетевших в США, чтобы осуществить теракт (второй эпизод). Создавая образы героев-мусульман во втором эпизоде, Апдайк отчасти опирается на опыт романа «Переворот» (*The Coup*, 1978): в нем был впервые в творчестве писателя выведен портрет террориста (Хаким Эллелу) и озвучена идея борьбы против «нечистой» Америки, которой оправдывается насилие. Есть основания предполагать, что из «Переворота» переходит в рассказ и особая атмосфера инаковости, которая сопровождает исламских фундаменталистов. Она поддерживается цитатами из Корана и постоянной заботой молодых смертников о крепости духа и тела во имя идеи уничтожения неверных. «Надо поесть, – говорит сам себе Моххамед, – ибо назначенный день уже близок, и ты обязан быть здоровым, иметь железные нервы и твердую руку, хранить силу и чистоту»¹.

Своего центрального героя, Дэна Кэллога, шестидесятитрехлетнего адвоката из Цинциннати, Апдайк в начале рассказа помещает на ту же наблюдательную позицию, на которой сам находился в «черный вторник»: Кэллог гостит у дочери Гретхен в Бруклин-Хайтс, в квартире на десятом этаже с видом на Южный Манхэттэн. Из эссе «11 сентября 2001 года» позаимствован также эпизод с библиотекой, в которой младшая внучка адвоката Виктория со своей няней наблюдает за обрушением башен-близнецов, и проблема превращения терактов в медийный миф, предмет массовой культуры: «Теперь вообще все кадры с ними [башнями-близнецами – А.С.] собрали на отдельную кассету <...>. Прямо какой-то культ»².

Падение Южной башни становится переломным моментом духовной жизни Дэна Кэллога: он теряет веру в Бога. Эта ситуация перекликается с началом романа Апдайка *In the Beauty of the Lilies* («В красоте лилий», 1996), главными темами которого стали упадок религиозного сознания в XX столетии и переход власти над умами от религии к массовой культуре, в частности, киноиндустрии. Именно во время съемок фильма герой-священник сталкивается

¹ Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 9

² Там же – с. 18

с «пропитанным кровью эгоизмом вселенского хаоса»¹ и утрачивает веру в Господа.

Ужасающая реальность терактов, вторгшись в частную жизнь, на некоторое время кардинально меняет не только устоявшееся с годами мировоззрение, но и приводит Кэллога в состояние глубокого кризиса. Вид падающей башни для пожилого адвоката, как и для любого американца, который оказался бы на его месте, – нечто совершенно необычное, «новая шкала явлений, подобных блицкригу или извержению вулкана»². Но Кэллог делает из случившегося индивидуальный вывод. Как и в эссе, вина возлагается на высший разум, только на этот раз в ином, атеистическом обрамлении: «Десница Божья не принимала в этом участия, потому что ее не существует. У Бога нет рук, нет глаз, нет сердца – нет ничего»³. Кэллог, в отличие от Апдайка, подразумевает не прямое участие Господа в катастрофе, а напротив, его бездействие, что, по сути, является обратным прочтением озвученной в эссе идеи: христианский Бог Америки изменил ей в переломный момент истории. Поэтому, посещая церковь после трагедии и размышляя там о животной сущности человека, «ползущего на брюхе к Богу <...> который, если он существует, только что дал нам [американцам – А.С.] свирепого пинка»⁴, Кэллог чувствует себя посторонним по отношению к тем, кто еще продолжает верить.

По мысли Апдайка, терроризм способен на время поколебать веру и гармоничный уклад жизни, но не отменяет их полностью. Напротив, экстремальные условия постоянной угрозы и страха заставляют по-новому оценить простые житейские радости. Так, в случае Кэллога окончательная «атеистическая отмена не состоялась»⁵, потому что означала бы гибельный для консервативного героя отказ от привычной повседневности, а возникшее чувство отчужденности могло обернуться невыносимым одиночеством. Кэллог снова обретает отринутого Бога, поскольку разрыв с ним навсегда лишит его необходимых мелочей, ставших бесценной процедурой повседневности, – «воскресных утренних скоплений прихожан в церкви, и запаха мастики, которой натирают скамьи, и затхлого духа от старых подушечек, на которые преклоняют колена, и отчаянного чувства уже почти проигранного спора, и вкуса безвкусной облатки во рту»⁶. Спасительной для адвоката становится, таким образом, не столько вера, сколько приятный антураж, которым она сопровождается,

¹ Цит. по: Макьюэн, И. На смерть Джона Апдайка / И. Макьюэн // Иностранная литература, №3, 2010. – с. 258

² Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 3 – 4

³ Там же – с. 4

⁴ Там же – с. 7

⁵ Там же – с. 17

⁶ Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 18

«необходимое чувство близости с кем или чем-либо, без которого апдайковский герой всегда рисковал безвозвратно потерять себя»¹.

Традиционная тесная взаимосвязь основных тем помогает Апдайку в рассказе «Многообразие религиозного опыта» по-новому взглянуть на проблемы семьи и отметить важным наблюдением: терроризм может быть не только причиной, но и следствием пересмотра родственных взаимоотношений. Так, Моххамед выбрал путь террориста-смертника из любви к четырем сестрам, которым, как он считал, угрожало разлагающее влияние Запада. Молодой араб готов принести себя в жертву, чтобы сестры не стали блудницами, как девушки, танцующие в баре Флориды (место действия во втором эпизоде рассказа). Этого героя-террориста нельзя назвать абсолютно бездушным: он проявляет заботу о ближних, трепетно оберегает своего товарища Навафа, видя в нем младшего брата, которого у него никогда не было. Но к родителям с их европейской одеждой, «с третьесортным материальным благополучием», которые «сидят у себя на вилле за зашторенными окнами, с прислугой и в комфорте»², Моххамед не испытывает столь нежных чувств. Цепочки преемственности поколений, подчеркивает Апдайк, обрываются не только в Америке.

Прежде в произведениях Апдайка семьи распадались по вине самих героев: причиной были непонимание, взаимные упреки, отсутствие духовной близости, адюльтер. В «Многообразии религиозного опыта» угроза напрямую исходит от внешнего фактора: теракты лишают семью Джона Финча отца и супруга (третий эпизод); родственников Кэролайн – матери и бабушки (четвертый эпизод). За этими частными трагедиями просматривается множество других безымянных катастроф, навсегда изменивших будущее Америки.

Невольными свидетелями «черного вторника» в первом эпизоде рассказа становятся представители трех поколений одной американской семьи (Дэн Кэллог, его дочь Гретхен и внучки), и Апдайк традиционно обнаруживает в ней недостаточную крепость уз: Кэллог развелся с женой, словно предопределив этим поступком неудавшийся брак дочери. Таким образом, семейные неурядицы или излишняя благоустроенность частной жизни старшего поколения определили ошибки идущих следом (родители и Моххамед; Дон Кэллог и Гретхен). А катастрофы в масштабах страны, подготовленные несколькими поколениями взрослых, стали мрачным наследием, уроком ужаса для детей (внучки Кэллога, дети погибшего Джона Финча). В финале произведения вину за этот кошмар Апдайк устами Кэллога возлагает на саму Америку. В последних словах адвоката звучит мотив покаяния: «Мы не можем стоять на месте как нация. <...> Мы стараемся учиться на своих ошибках. Эти башни были выше, чем надо. Арабы

¹ Ahearn, K. *Family and Adultery: Images and Ideas in Updike's Rabbit Novels* / K. Ahearn // *Twentieth century literature*. – Hempstead, 1988. – Vol. 34, №1. – p. 76

² Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // *Иностранная литература*, №8, 2003. – с. 9

правы, это была гордыня...»¹. Стоит подчеркнуть, что проблема ответственности Америки за случившееся 11 сентября – одна из центральных и наиболее полемичных для Апдайка. Обвинение Кэллога в адрес США вряд ли стоит воспринимать в качестве позиции самого писателя. По крайней мере, это позиция временная. В одном из интервью после выхода романа «Террорист» (*Terrorist*, 2006) Апдайк отмечает уже возросший процент несправедливости подобных обвинений: «Сегодня имеется какой-то империализм вины — предполагается, что <...> Соединенные Штаты Америки ответственны за все плохое, что происходит в мире»².

Преображение Кэллога, нашедшего в себе силы не только пересмотреть сиюминутный порыв к отречению от Бога, но и рискнувшего поднять неприятный вопрос о повинности в терактах самих американцев, кажется особенно выразительным в контексте эпохи, которую события «черного вторника» раскололи на «до» и «после», нарушив установленный порядок частных жизней. В «идиллическое, безбарикадное прошлое» отходят запланированные мероприятия: Кэллог собирался посетить в день терактов художественную выставку, а Финч с женой – отправиться на футбольный матч с участием дочери. На привычную обстановку падает тень скорби: зал торгового центра, в который зашел за покупками Кэллог, «казался пустоват и словно бы темнее обычного, сумеречнее, болезненнее – похоже на какое-то дохристианское подземное царство»³.

Дэн Кэллог – живое зеркало целого комплекса поведенческих реакций в условиях терроризма, определяющих после «черного вторника» мирную жизнь Америки. С одной стороны, признаки массового воодушевления, всплеск показного патриотизма, «абсурдная попытка современного великого государства лечить свои раны посредством заношенной старой магии флагов»⁴ вызывают у героя жгучую досаду. В этом легко обнаружить признаки важной тенденции, характерной для историко-социального развития США и укорененной в том, что исследователь Мадина Тлостанова называет «специфическим американским индивидуализмом»: «Достаточно расплывчатые гражданские основы американизма <...>, застывшие в наборе официальных орнаментальных символов Америки, скажем, флаге, гимне, некая аморфная идея национального сообщества <...> никогда не играли и тем более сегодня не могут играть такой уж

¹ Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 19

² Наринская, А. «Америка описана в настоящем времени»: [Джон Апдайк о своем романе «Террорист»] / Анна Наринская // Журнал Weekend №34 (80) от 05.09.2008. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocID=1019270>. Проверено: 15.06.2011

³ Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 6

⁴ Апдайк, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдайк // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 7

важной роли в самоопределении американцев»¹. Поэтому в рамках сиюминутного единения, отдающего фальшью, Кэллог предпочитает оказывать сопротивление призракам терроризма в одиночку и в результате все глубже уходит в себя. С другой стороны, пожилой адвокат, не только самостоятельно преодолевший посттравматический шок, но и вырвавшийся из губительного уединения, – яркая иллюстрация надежды. Ему удастся в завершении рассказа сблизиться с семьей, укрепить казавшиеся такими непрочными связи, ощутить дочь и внушек своим «билетом в генетическое бессмертие»².

Взвешенной позиции Кэллога, выстраданной за полгода сомнений, вторит детская мудрость его младшей внучки Виктории. После 9/11 она живо интересуется всем, что связано с трагедией, и твердо верит в оберегающую силу двух голубых прожекторов, установленных на месте рухнувших башен. Необходимость в обретении такой веры выглядит, по мнению Апдайка, своеобразным обрядом инициации, который следует пройти всем гражданам США, чтобы вырваться из мрачных дум о «черном вторнике».

Находясь перед лицом катастрофы, испытывая негативное воздействие извне, герой Апдайка в состоянии положительно преобразиться. Так писатель формулирует новый тезис, вступающий в противоречие с мыслью, высказанной в эссе «11 сентября 2001 года»: оказывается, человеческое сознание может не только отгораживаться от терактов, но и способно стойко пережить их, пропустить через себя, осознать и прийти посредством этого к пересмотру жизненных ценностей и определенным нравственным урокам. Внутренний потенциал личности, по мнению Апдайка, «словно огромное»³ случившейся трагедии.

Таким образом, в малой прозе, затрагивающей тему терроризма, Апдаик на новом материале углубляет проблематику личности и по-прежнему разрабатывает привычные для себя темы веры и религии, одиночества, семьи. Кроме того, писатель расставляет основные акценты в восприятии причин и последствий «черного вторника», возможных проблем, с которыми еще может столкнуться в будущем американское общество. Следуя принципу, установленному в «Перевороте», Апдаик уравнивает общую мрачную атмосферу эссе и рассказа надеждой на преобразование в лучшую сторону отдельного героя-американца и всей страны.

¹ Тлостанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М.В. Тлостанова. – М.: Наследие, 2000. – с. 39

² Апдаик, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдаик // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 18

³ Апдаик, Дж. Многообразие религиозного опыта: Рассказ / Пер. с англ. И. Бернштейн / Джон Апдаик // Иностранная литература, №8, 2003. – с. 18

Е.В. Тарнаруцкая, аспирант
Самарский государственный университет

**ФРАГМЕНТАЦИЯ НАРРАЦИИ В РОМАНЕ В. КАВЕРИНА
«СКАНДАЛИСТ, ИЛИ ВЕЧЕРА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ»**

Статья раскрывает особенности нарративных стратегий романа В.Каверина «Скандалист...». Своеобразная фрагментированность повествования открывает нам двуслойный характер произведения: с одной стороны, его стремление к сюжетности и авантюристике, с другой стороны, жажду затруднить и замедлить наррацию.

Роман В.Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» традиционно прочитывается как роман-памфлет, «роман с ключом» или филологический роман. Таким образом, актуализируется исключительно содержательная сторона произведения – жизнь петербургских филологов 20-х гг. Действительно, действие в романе происходит в Петербурге в первые послереволюционные годы, и событийная канва разворачивается непосредственно вокруг филологического факультета Петербургского университета. «Вечера на Васильевском острове» - так, собственно, назывались неофициально семинары, которыми руководили Эйхенбаум и Тынянов в 1925-1926 годах. **Каверин признает, что его учителями в литературном деле были формалисты, испровергавшие прежние авторитеты.** Роман Каверина показывает «скандал» как образ жизни, как некое жизнестроение, при помощи которого и возможна настоящая наука, по концепции одного из героев Некрылова. Главный герой романа – собственно, Скандалист – Некрылов (выписанный Кавериным с особой установкой на узнавание в нем В.Шкловского) приезжает из Москвы в Ленинград с единственной целью ободрить своих учеников и побудить к новой борьбе, быть воинственно современными. *«История искусства – это история борьбы решений»¹*, - писал Шкловский. - *«Жизнь требует «переполоха», «суматохи» — остранения»²*. Проблема противостояния старших и младших, мэтров и учеников, так волновавшая формалистов, отразилась в романе в противостоянии героев - носителей поступательной, эволюционной, а, значит, по Шкловскому-Некрылову, мертвой науки и героев науки революционной, полной движения и борьбы. Однако не все в этом противостоянии у Каверина так однозначно. Этот роман-памфлет направлен не столько на строгих академических ученых, сколько на бросающих им вызов учителей Каверина, то есть, в первую очередь, на самого Шкловского. В романе герои - представители старой науки так рассуждают о «формалистах»: *«И*

¹ Шкловский. О теории прозы. С. 229

² А. Разумова, Михаил Свердлов. Шкловский - персонаж в прозе В.Каверина и Л. Гинзбург//«Вопросы литературы» 2005, №5

не в том было дело, что молодые занимались «формой» в литературе; разве не интересовались этими вопросами Веселовский, Потебня?

Нет, но самый дух неверия и неблагополучия, который вносили не в науку, а в комнату эти люди, был ненавистен им»¹. Борьба из способа новых научных открытий превратилась в образ жизни, стала самоценной. Поэтому из «литературного факта» (по Тынянову) она неизбежно уйдет в быт, в мейнстрим, дав возможность новым формам жизни и науки предьявлять права на существование. Трагедия Некрылова в романе заключается как раз в этом – его способ жизнестроения устарел, его борьба бессмысленна. «Скандалы автоматизировались»², - говорит Некрылову молоденький юноша. Жизнь требует новых способов вопрошания. В этом заключается внешний конфликт романа Каверина, его внешняя памфлетность. Мне же в докладе хотелось бы остановиться на собственно литературной полемике, которая, несомненно, также здесь присутствует и которая отразилась непосредственно в тексте романа.

Собственно литературные проблемы, волнующие автора, относятся к пониманию Некрыловым беллетристики и, в частности, касаются вопроса о романе. Шкловский был убежден в необходимости беллетризировать науку, насытить строгий академизм стилем и игрой. С другой стороны, и литература, по Шкловскому, должна превратиться в литературу факта, литературу без вымысла, в подобие фрагментарной или дневниковой прозы. Это приводило к отрицанию традиционного романа как актуального жанра.

Известна история написания Кавериним «Скандалиста»: *«Зимой 1928 года я встретился у Юрия Николаевича Тынянова с одним литератором, живым и остроумным, находившимся в расцвете дарования и глубоко убежденным в том, что ему ведомы все тайны литературного дела. Говорили о жанре романа, и литератор заметил, что этот жанр был не под силу даже Чехову, так что нет ничего удивительного в том, что он не удастся современной литературе. У меня нашлись возражения, и он с иронией, в которой всегда был необыкновенно силен, выразил сомнение в моих способностях к этому сложному делу. Взбесившись, я сказал, что завтра же засяду за роман, - и это будет книга о нем. Он высмеял меня, но напрасно. На другой же день я принялся писать роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»³. Таким образом, роман был написан Кавериним с особой установкой на романность, фабульность и занимательность – то есть на то, что отрицалось каверинским учителем. Эти элементы возвращения к романности, а также модификация этого жанра у Каверина в связи с полемикой с*

¹ Каверин В.А. Скандалист или Вечера на Васильевском острове. Исполнение желаний. М.: «Правда», 1991. С. 42.

² Каверин В.А. Скандалист или Вечера на Васильевском острове. Исполнение желаний. М.: «Правда», 1991. С. 102.

³ Каверин В. А.. Очерк работы/В.А. Каверин. Скандалист или Вечера на Васильевском острове. Исполнение желаний. М.: «Правда», 1991. С. 10.

Шкловским и являются, на мой взгляд, ключевыми в «Скандалисте». Стремление писать памфлет, включить в произведение как можно больше конкретных филологических артефактов, включить и сатиру на определенную научную традицию (скандальный издевательский доклад Драгманова, например) – все это соседствует с, казалось бы, лишними, немотивированными с точки зрения «памфлетности» моментами, которые и сделали это произведение романом. Роман Каверина – своеобразный литературный факт перехода от литературы приема к литературе занимательности, литературе сюжета или истории. Эта переходность и оставляет ощущение недоделанности текста, в чем часто Каверина упрекали. Это ощущение недоделанности и происходит, на мой взгляд, от того, что в нем все время чередуются по крайней мере два литературных слоя: во-первых, это разные формы языковой игры – то, что называется искусством приема (нетрадиционное для предшествующей литературы), и, во-вторых, искусство занимательности – романное в смысле авантюристичности начало. Станным образом у Каверина традиционное и нетрадиционное меняются местами, что лучше всего иллюстрирует тыняновскую концепцию литературной эволюции. Это чередование, перекрывание одного другим мне хотелось бы вскрыть.

Сначала обратим внимание на «нетрадиционные» в классическом понимании элементы текста, то есть на те его характеристики, которые близки к игре и приему, постулируемым Шкловским.

Во-первых, обращает на себя внимание своеобразная фрагментация сюжетных линий романа. Традиционная романная линия с главным героем и сопутствующими, оттеняющими его персонажами, конечно, не характерна для «Скандалиста...». Собственно, история скандалиста Некрылова является лишь одной из нескольких сюжетных линий и не слишком четко прорисованной, в отличие от остальных. Некрылов скорее здесь рассказан, а не показан. В сюжете с ним связан только эпизод с разбитым стаканом (он устроил скандал на званом вечере) и интрига с художницей Верочкой Барабановой. Его характер в большинстве случаев описан, проговорен, объяснен речью повествователя. Напротив, гораздо большее внимание уделено другим героям: профессору Ложкину, разочаровавшемуся в своем скучном академичном образе жизни; лингвисту – маргиналу – наркоману Драгманову; студенту Нагину, влюбленному в науку и Верочку Барабанову и т. д. Особенность системы персонажей такова, что роман представляет собой разветвляющуюся цепь сюжетных линий, которые к концу романа так и не сводятся в одну, хотя постоянно и происходит цепь «случайных» встреч, открываются фантастические связи, но эти связи ничем не мотивированы и ничто не открывают. Зачем, например, профессор Ложкин ночью приходит к Драгманову в общежитие? К этому эпизоду роман больше никогда не вернется. Также длинный эпизод, в котором Ложкин засыпает в университете, оказывается там запертым и просидит всю ночь в его коридорах, также нигде больше не повторится. Истории героев

представляют собой цепь замкнутых фрагментов. Это множество персонажей, равно претендующих на звание главного героя, множество фрагментов затеяют линию собственно «скандалиста» – Некрылова, который вроде бы претендовал на роль главного героя. Таким образом, традиционные романские клише оказываются нарушенными.

С этим связана также интересная нарративная стратегия романа. Четкая прорисовка множества персонажей приводит к тому, что нарратор и персонаж заслоняют друг друга. Внутренние монологи героев оказываются повторенными персонажами (например, одна и та же фраза про Кирилла Кекчеева «Жирный ребенок угадывался в нем» два раза звучит в тексте – в речи повествователя и во внутреннем монологе Веры Барабановой). Этот тип повествования в современной нарратологии принято определять через понятие «нетрадиционного нарратива». В рамках традиционного нарратива в фигуре повествователя замыкаются все формы выражения субъекта. В нетрадиционном же нарративе аналогом повествователя могут быть персонажи, «вытесняющие» повествователя. *«Проблема связности в такого рода повествовании решается не за счет концентрации эгоцентриков в руках повествователя, а основана на сложном согласовании голосов разных персонажей друг с другом и с голосом повествователя»*.¹ Таким образом, автор - повествователь оказывается по мере развития сюжета все более и более заслонен сознанием персонажей.

«Нетрадиционный нарратив», помимо особых отношений сознания автора и персонажа, связан с так называемой «игровой поэтикой и стилистикой». Сюда относятся разные виды языковых игр: каламбуры, сказовые приемы – то, на материале чего формалисты и строили теорию композиции художественного произведения (вспомним знаменитую статью Б.М.Эйхенбаума «Как сделана «Шинель» Гоголя»). В романе Каверина языковая игра, каламбуры также присутствуют. Но интрига заключается в том, что они совершенно незаметны на фоне общей серости и однообразности стиля романа. Примеры таких ярких, живых высказываний очень немногочисленны (*«Наступало утро, шел снег и делал мир манерным», «Собака сидела под воротами, лохматая, разочарованная, голодная, как собака»*)².

В этой связи важно отметить тот факт, что традиционное сравнение романа Каверина «Скандалист...» и романа К.Вагинова «Козлиная песнь», которое обычно проводится, в плане нарративных стратегий оказывается неправомерным. У Вагинова все произведение строится на своеобразии выразительного языка, живых, неклишированных высказываний, роль которых состоит в спасении от застывших, немых слов новой советской действительности или языка мертвой высокой культуры. При этом и для Каверина, и для Вагинова

¹ Жданова А.В. Нарративный лабиринт «Лолиты»: Структура повествования в условиях ненадежного нарратора. Тольятти, 2008. С. 101-102.

² Каверин В.А. Скандалист или Вечера на Васильевском острове. Исполнение желаний. М.: «Правда», 1991. С. 106.

этот язык высокой культуры является лишь «птичьим языком философов», набором знаков, не отсылающих к референту. Но если выходом из этой проблемы аутентичности высказывания, «побегом» от стертых «общих» понятий для Вагинова оказывается стремление к яркости, оригинальности, забавности, иногда явной «сделанности» выражений, то каверинская художественная стратегия иная. Отделанность, орнаментальность языка, фрагментарность прозы, языковые игры, приемы – все это автоматизировалось, из авангарда переместилось в арьергард. Подлинная же литература, в отличие от литературности, состоит как раз в сюжетности, занимательности, авантюристичности – интересности – во всем, что присуще классическому роману. Отсюда в «Скандалисте...» эти странные сюжетные ходы с фантастической встречей двух братьев-близнецов, которые не виделись 25 лет, тайна их ссоры, загадочные и традиционные в своей романтической загадочности персонажи – Халдей Халдеевич, Драгоманов, Нагин, татарин - хозяин квартиры, китайцы. Эти сюжетные ходы нельзя назвать причудливыми или оригинальными, но именно их отчетливая вторичность, традиционность манифестирует поворот литературы в сторону подлинной нарративности.

М.Ю. Спиридонова, аспирант
Самарский государственный университет

РОМАН «ОРФОГРАФИЯ» КАК ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

В данной статье роман Дмитрия Быкова «Орфография» рассматривается как попытка реконструкции определенной исторической эпохи.

В основе романа Дмитрия Быкова «Орфография» лежит принцип реконструкции событий. Очевидно желание автора, как человека современного, небезразличного к судьбам страны и граждан, найти в далёкой эпохе начала 20-х годов XX века актуальные точки, точки соприкосновения с современностью. Его роман – не просто дань истории, дань эпохе прошлого, это скорее попытка анализа тех событий с точки зрения психологической природы современного человека. Опера (жанр, обозначенный в заглавии романа самим автором) «Орфография» Дмитрия Быкова впервые была издана в 2003 году и вызвала большой интерес читающей публики, став заметным событием в истории русской литературы последних лет. Критики отмечали серьёзность книги, претензию на звание «новой русской классики».

«Великая Октябрьская социалистическая революция начала новую историческую эру. Она явилась коренным переворотом во всех областях общественной жизни. Она потрясла сверху донизу все слои общества бывшей

Российской империи и поставила перед ними вопросы, на которые могли быть даны лишь самые прямые ответы. Встали эти вопросы и перед писателями, и перед художественной литературой¹. Это время породило ряд уникальных явлений в литературе: это и возникновение огромного количества литературных обществ (в начале 20-х годов в Москве насчитывалось свыше тридцати литературных обществ), и знаменитый Дом Искусств в Петрограде, а также исход огромного количества талантливых писателей за границу. Никогда прежде Россия не знала столь массового исхода. В эмиграции оказались писатели, не желающие сотрудничать с советской властью, не принимающие её политику. Этот пласт писателей надолго окажется оторван от родины, от читателей. Большинству из них придется выживать за границей в тяжелейших условиях. И многих из тех, кто попытается вернуться в страну, наладить отношения с советской властью, ждёт трагическая судьба.

Революция 1917 года – переломный, сложный, противоречивый, но в то же время удивительный период в истории нашей страны.

Русским писателям этого периода пришлось сделать нелёгкий выбор: искать оптимальные варианты взаимоотношений с властью или бежать. Каждый писатель переживал сложную мировоззренческую эволюцию.

С другой стороны, 20-е годы – это период собирания и постепенной консолидации творческих сил советской литературы и вместе с тем период напряжённой борьбы со всеми противостоящими ей течениями.

И именно этот временной промежуток изображает Дмитрий Быков в романе «Орфография». Он обращается к событиям литературной и общественной жизни России после Октябрьской революции. Объектом особого внимания писателя становится раскол в писательской среде. Разделение писателей на два враждующих лагеря: на тех, кто принял революцию, примирился с новой властью и выразил готовность создавать новое искусство, и тех, кто революцию не принял и никогда не примет.

Быков предлагает свою версию истории русской литературы раннесоветского периода, самого начала двадцатых годов.

Взяты два сюжета: о знаменитом ДИСКе – Доме искусств на Мойке, в особняке Елисеева – и о не менее знаменитом горьковском издательстве «Всемирная литература». По сюжету советская власть собирает петербургских филологов, оставшихся без работы, и селит их во дворец на Елагином острове.

«В ноябре 1919 года в Петрограде по инициативе Максима Горького и Корнея Чуковского открылся Дом Искусств, сокращенно названный ДИСКом. В голодные годы гражданской войны и НЭПа в ДИСКе нашли пристанище многие

¹ Андреев, Ю. Революция и литература / Ю. Андреев. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 3.

писатели, поэты и художники. Обитатели организовали общежитие-коммуна, управлявшуюся Высшим советом»¹.

Именно ДИСК стал прототипом дворца на Елагином острове. Но вымышленный дворец на Елагином острове несколько отличается от живого явления. В отличие от Елагина дворца, который расположен на острове, «ДИСК занимал целый квартал между Невским проспектом, Мойкой и Морской улицей. <...> После 1917 года дом этот стал прибежищем многих поэтов, прозаиков, редакторов. Пёструю жизнь в нем описывали многие мемуаристы»².

О жизни в Елагинской коммуне Быков пишет следующее: «Жизнь в Елагинской коммуне в первую неделю после перемещения была горька, весела и беспорядочна. Филологи и ежедневно пополнявшие коммуна писатели радовались перемене в своем быту, восхищались абсурдностью происходящего и беззлобно издевались над собственной беспомощностью. Давно не собиралось в городе столь блистательное филологическое общество. Лингвисты и палеографы, представители разных течений и школ, философы и сочинители, модернисты и реалисты, были, наконец, объединены по общему признаку ненужности, которая добавляла им веселья»³.

ДИСК, как и быковский дворец на Елагином острове, населяли представители интеллектуальной элиты: писатели, поэты, художники. Плотность населения была очень высокой, поэтому заселялись самые, казалось бы, неподходящие для жилья помещения. О. Форш так охарактеризовала Дом искусств и его обитателей: «...всем, густо вселенным в комнаты, тупики, коридоры, бывшие ваннны и уборные, казалось, что дом этот вовсе не дом, а откуда-то возникший и куда-то несущийся корабль...»⁴. На этом корабле кипела жизнь. М.С. Шагинян в воспоминаниях пишет о жизни в ДИСКе следующее: «Жизнь наша в Доме искусств была так содержательна, что можно было написать о ней многотомные романы»⁵.

Н. Берберова, О.Д. Форш, И. Одоевцева и многие другие вспоминают ДИСК как место, где собирались лучшие творческие силы того времени, здесь были созданы многие шедевры русской поэзии и прозы.

Дмитрий Быков немного смещает временной план. Реальный прототип дворца просуществовал с 1919 по 1922 год, трагический же конец существования жителей дворца на Елагином острове происходит через год после его открытия. А открыт он был 11 января 1918 года.

Романный раскол на «архаистов» и «новаторов» – символ раскола литераторов послереволюционной эпохи на принявших новую власть и на тех,

¹ Исторический календарь. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/ll/cult/1105/ll.111105-1.asp>

² Быков, Д. Орфография / Д. Быков. – М.: Вагриус, 2007. – С. 54.

³ Быков Д. Орфография. – М.: Вагриус, 2007. – С. 74.

⁴ Форш О. Сумасшедший корабль. – М.: Современник, 1990. – С. 56.

⁵ Шагинян М.С. Человек и время // Новый мир. – 1978. – №9 – С. 210.

кто ушёл в оппозицию. Каждый писатель принял судьбоносное решение, определившее всю его дальнейшую жизнь.

У многих обитателей Елагинской коммуны и других действующих лиц оперы есть реальные прототипы. Описание романских персонажей и их прототипов вполне соотносимы. Многие моменты жизни героев романа перекликаются с моментами биографий, скрытых за вымышленными фамилиями известных отечественных писателей начала XX века.

Кроме того, в романе мы встречаем упоминания имен реальных писателей, литературных и политических деятелей, названия существовавших на самом деле в то время изданий, организаций. Упомянут в романе Аверченко – русский писатель, сатирик, театральный критик, редактор журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». «Новый Сатирикон» тоже упомянут в романе в связи с описанием Корабельникова, прототипом которого был Маяковский, на самом деле работавший в этом журнале¹. Встречаются на страницах романа и исторические персонажи, действующие под своими именами (Ленин, Деникин, Колчак).

Как мы видим, и это признает сам автор, многие исторические факты в романе оказываются смещены, а судьбы героев, обладающих реальными прототипами, но действующих в романе под вымышленными фамилиями, изменены. Все это не случайно. Ведь Дмитрий Быков предпринимает попытку реконструкции исторических событий, свидетелем которых не был и не мог быть. Таким образом, его книга лишь версия, лишь попытка представить, как это было. Автору важно создать образ эпохи в целом, исследовать какие-то общие механизмы, следовательно, соблюдение исторической достоверности вовсе не входит в его художественные задачи. Поэтому становится возможным спрятать известных русских писателей за вымышленными фамилиями и фантазировать об их судьбах сколь угодно.

Но такое свободное варьирование фактов, комбинирование и перекомбинирование версий очень важно для писателя. Именно такой ход дает ему возможность осмыслить события, особенности, принципы того времени, переломного времени в истории страны, глазами человека другого времени, но, возможно, в чем-то схожего с тем. Как уже говорилось выше, достоверное изображение фактов эпохи, опора на документ вовсе не важна. Версия создается путем домысла и отчасти вымысла. Ведь роман «Орфография» скорее не исторический роман, а роман-версия, роман-реконструкция.

¹ Евстигнеева, Л. Журнал «Сатирикон» и поэты – сатириконцы / Л. Евстигнеева. – М.: Наука, 1968. – 454с.

А.С. Атрощенко, аспирант
Самарский государственный университет

СТИЛЕВОЕ ЕДИНСТВО ПРОЗАИЧЕСКИХ И ПОЭТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ТЕКСТОВ В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ»

Статья посвящена проблеме стилового единства поэтических и прозаических глав романа Саши Соколова «Между Собакой и волком». Автор доказывает, что в основе стиля как прозаических, так и поэтических комплексов текстов романа лежит единый стилиевой принцип – орнаментализм, что обуславливает целостность рассматриваемого произведения.

Роман Саши Соколова «Между собакой и волком» имеет сложную структуру и состоит из трёх комплексов текстов: первый погружает читателя в речевую стихию «демократического» героя Ильи Петрикеича Зынзырэллы и является стилизацией характерного сказа, второй написан с точки зрения городского интеллигента, оказавшегося в сельской местности, Якова Ильича Паламахтёрова и представляет собой лиризованную прозу, а третий – стихотворный «Журнал запойного охотника» – состоит из «записок» – стихотворений Якова Ильича. Прозаические главы романа как текстовые комплексы обладают конструктивным стилиевым единством, несмотря на принципиально различающиеся интонации (характерный сказ и лирическая проза), которое легко выявить, обнаружив принцип, лежащий в основе их стиля – орнаментализм. Исследователи явления «орнаментальной прозы»¹ единодушно выделяют основной его признак – привнесение в прозаическое повествование поэтического элемента, что порождает трансформацию прозы, появление нетипичных для неё черт – повторов, звукописи, ритмизации, системы мотивов, «плетение» цитатами, аллюзиями и культурными отсылками и, как результат, – утрата прозой её конструктивной особенности – повествовательности, нарративности. Происходит смещение акцентов с того, о чём говорится, на то, как говорится, и, как следствие, – эстетизация и абсолютизация слова, языка, текста. В XX веке орнаментализм позволяет художнику создать принципиально

¹ Среди них мы можем назвать Д.С. Лихачёва («Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России», «Поэтика древнерусской литературы»), О.Ф. Коновалову («Плетение словес» и плетёный орнамент конца XIVв.), А.Н. Кожевникову («Из наблюдений над неклассической («орнаментальной»)прозой»), Л. Силард («Орнаментальность/орнаментализм»), А.А. Новикова («Стилистика орнаментальной прозы А.Белого»); отдельная глава «Нарратологии» В.Шмида также посвящена наблюдениям над «орнаментальной» прозой.

новое высказывание, вывести художественное произведение в сферу неомифа, где оно начинает наполняться новыми культурными смыслами.

Из определения орнаментализма через понятие «поэтической», «стиховой» или «орнаментальной» прозы логически следует утверждение, что это стилевое явление может существовать только в границах прозаического текста. Во многом именно видимая неоднородность формы заставляет исследователей рассматривать поэтическую часть романа Саши Соколова «Между собакой и волком» отдельно от его прозаических глав. Таким образом, «Журнал запойного охотника» оказывается выхваченным из контекста романа и стоящим особняком в существующих сегодня исследованиях. Как пишет об этом Дж.Смит, «хотя стихи составляют существенную часть текста СВ, стихи редко упоминаются в существующих разборах этой книги, а когда упоминаются, то лишь постольку, поскольку в них легко увидеть главный пародический элемент книги. До сих пор не было попыток прояснить структурную, стилистическую и тематическую роль стихов в романе»¹. На наш взгляд, продуктивное изучение романа Саши Соколова может быть осуществлено только в случае рассмотрения его с точки зрения тематического, мотивного и стилевого единства, в рамках которого существуют все остальные его особенности, в том числе и пародический элемент, о котором упоминает Дж.Смит.

Само название отсылает нас к тургеневскому циклу «Записки охотника», а характеристика «запойный», казалось бы, должна говорить о снижении, а значит – о пародировании. Однако пародией в полном смысле этого слова стихотворные главы не становятся. Обращение к «Запискам охотника», рассматриваемое в контексте сюжета романа, является скорее средством для самоиронии одного из его главных героев Якова Ильича Паламахтёрова. Как и тургеневский рассказчик, Паламахтёров занимает позицию чужака, стороннего наблюдателя по отношению к окружающему его миру. Скрупулёзно описывается охотничий быт и инвентарь, журнал иронично вписывается в традицию охотничьих рассказов: «...Эклога/ Слагалась сама. Бормоча,/ Достигнул поленовской риги,/ К саврасовской роще свернул/ И там, как в тургеневской книге,/ Аксаковских уток вспугнул»². Пародируется и жанровая форма записок. Паламахтёров пишет их и сплавляет по течению реки в бутылке с полусушливой-полусерьёзной припиской для потенциального читателя: «Попробуй пожги только, дурья башка,/ Мои гениальные строчки»³. На самом деле, в путешествие по реке отправляется целый корпус классических текстов, иронически переосмысленный автором. Плотность же культурных отсылок и цитат, содержащихся в текстах стихотворений, позволяет нам говорить не столько о пародировании, сколько об

¹ Смит Дж. Стихи в романе Саши Соколова «Между собакой и волком». - <http://akost.nm.ru/sas2.html>

² Соколов С. Между собакой и волком. - СПб: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006. – 224с. С.203. (далее все цитаты приводятся по этому изданию)

³ Соколов С. Между собакой и волком. С.219.

особом способе конструирования текста путём «плетения» цитатами, культурными отсылками и реминисценциями. В качестве примера такого плетения можно привести несколько фрагментов из записки XXV «Портрет разъездного»:

1. Когда поспели самовары
И на террасах тары-бары,
Когда, вязанье отложив,
Ваш дед *Над пропастью, во ржи*
Читает бабушке, когда
Та призадумалась, а сыр во рту держала....¹

2. Настанет время – все пройдёт:
Народ ликует. Каплет мед,
Минюя високосный рот,
Пирующему на манишку,
И клянчит у пивной Удод
Рублишко на винишко....²

В первом случае при описании летнего вечера название книги Сэлинджера оказывается в стихотворении словно случайно, благодаря удачной рифме, а слово «призадумалась» провоцирует продолжение из басни Крылова. Однако в то же время в контексте ситуации вечернего чаепития на террасе эти спонтанно возникшие культурные отсылки превращаются во вполне уместные реалии.

Во втором же случае мы наблюдаем явную реминисценцию: «народ ликует» невольно порождает ассоциацию с «народ безмолвствует», поддерживаемую обращением к ставшему уже клише пушкинскому описанию пира, на котором рассказчик «мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»; при этом пир у Соколова происходит в провинциальной пивной, вокруг которой слоняются нищие и попрошайки, и в этом контексте манишка пирующего выглядит насмешливой отсылкой к тому же золотому веку русской литературы. И в первом, и во втором случаях культурные реалии, вступая, на первый взгляд, в эстетический конфликт с художественным пространством романа, не пародируются, но ассимилируются, становятся неотъемлемой частью как художественного мира, так и языка.

Ещё одна тенденция в изучении романа – рассмотрение стихотворных глав как обособленной его части, практически без учёта прозаических частей. На такое рассмотрение исследователей подвигает литературная традиция – «Журнал запойного охотника» в определённом смысле напоминает журнал доктора Живаго Пастернака и «Дар» Набокова, где стихи могут быть исследованы как в контексте основного прозаического произведения, так и вне его. О недостатках таких исследований тоже говорит Дж.Смит: «Во всём, что мы говорили об

¹ Соколов С. Между собакой и волком. С.145-146

² Соколов С. Между собакой и волком. С.147

автобиографической фигуре автора в стихах, об их временном охвате, о женском образе в них, об их стилистических характеристиках, мы, несомненно, нарушали правила разбора, потому что допускали, будто эти стихи могут быть каким-то образом изъяты из прозы и читаться отдельно от неё или даже в противопоставлении ей. На самом деле, поступая так, мы существенно обедняем книгу, пренебрегая густой сетью внутренних переключек, которые порождают её исключительно плотную ткань (...). В одном интервью вскоре после опубликования Саша Соколов заявил, что одной из его целей как писателя было «поднять русскую прозу до уровня поэзии». Речь здесь идёт не о метричности: автор очевидным образом имеет здесь в виду некоторый синтез на более высоком уровне, чем поверхностное расчленение текста»¹.

Последнее замечание Дж.Смита выводит нас и на проблемный аспект рассмотрения стихов в романе Саши Соколова – о них принято говорить как о «прозаических стихах» в противовес «поэтической прозе» прозаических глав романа: «В прозаических главах Соколов может незаметно и непредсказуемо лавировать между разными предметами, темами, стилями, может позволить себе предложения растянутые и заплетающиеся. Стихотворные тексты, наоборот, стремятся к стилистической и тематической замкнутости и однородности, а их синтаксис – к сжатости и уравновешенности»². Такое противопоставление, во многом справедливое и намеренно подчёркнутое автором, на наш взгляд, не даёт рассматривать поэтические и прозаические главы как стилевое единство, что очень важно для понимания специфики стиля «Между собакой и волком» и что напрямую связано с идеей целостности романа.

Стилистические особенности «Журнала запойного охотника» частично были проанализированы Дж.Смитом, который выделил «стиль долитературного фольклорного стиха, особенно заговоров, заклинаний и детских стишков», «детская стихотворная болтовня», которая «напоминает Хлебникова и обэриутов» и «перелицовки изящной поэзии пушкинского времени». Однако такое выделение стилистических традиций, во многом справедливое, но отнюдь не полное, не учитывает стилевого единства стихотворных глав. Рассмотрев такую особенность стихов в романе, как «плетение» цитатами, культурными отсылками (которая фактически становится чертой стиля романа), мы попытаемся проанализировать и другие стилевые тенденции «Журнала запойного охотника»³.

Как мы говорили, прозаический характер стихов «Журнала» подчёркивался исследователями не раз. Однако гораздо проще было бы просто указать, что стихи эти содержат в себе элементы лиро-эпических жанров: т.е. в них рефлексия и переживания лирического героя соединяются с эпической составляющей – с наличием сюжета, локализованного в художественном

¹ Смит Дж. Стихи в романе Саши Соколова «Между собакой и волком». - <http://akost.nm.ru/sas2.html>

² Там же.

³ Там же.

времени и пространстве. Именно здесь (а не в обращении к теме русского народа, как считает Дж.Смит) стихи «Журнала» пересекаются с Некрасовской традицией. Именно лиро-эпический характер стихов «Журнала запойного охотника» позволяет Соколову наделять стихи функцией моделирования и корректирования фабулы романа – в них часто яснее, чем в прозаических главах, раскрывается суть событий, происходящих с персонажами, равно как и авторских стратегий в построении образов. В качестве примера можно привести Записку XVII, озаглавленную «К незнакомому живописцу». В ней герой стихотворения обращается к художнику (очевидно, Питеру Брейгелю старшему), который, по его мнению, на своей картине изобразил волжские места, исказив при этом бытовые реалии (к таковым искажениям герой относит, например, «ловчих в кафтанах/ и немодных башлыках», «а тем более – в чулках», «позлащенные ягдташи» и «чресчур благообразных» красоток, «опаляющих праздно/ поросенка на костре»¹, и эти подробности позволяют нам точно определить отсылку к картине «Охотники на снегу»). В то же время, пейзажем и общей атмосферой герой чрезвычайно доволен:

Тем не мене – взор пирует,
 Кинь его туда, сюда
 (...)
 Был бы я купец какой-то,
 Полотно бы закупил
 И повесил бы над койкой –
 Лег и сам себя забыл.
 Но поелику пропойца,
 Куплю зелена винца
 И узрю твой жанр в оконце,
 Из-под пятого венца.
 Вот она, моя отчизна,
 Нипочем ей нищета,
 И прекрасна нашей жизни
 Пресловутая тщета!²

Таким образом, происходит стирание границ между художественным произведением и «действительностью»: картина приравнивается к виду из окна (примечательно, что и в том, и в другом случае, благодаря наличию рамы – не важно, оконной или же рамы для картины, – сохраняется дистанция между зрителем и «изображением»). Тот же сюжет мы встречаем и в одной из прозаических глав романа: «Перед нами – давно знакомая панорама. Это –

¹ Соколов С. Между собакой и волком. С.92-94.

² Там же. С.94.

долина реки, и город в этой долине при этой реке, и пруды, и скалы вдали, и небо надо всем перечисленным. Это наш край, мы живём здесь, и если одни из нас живут в городе, то другие – в деревне, за изумрудной рекой. Мы легко различаем плотину и мельницу, церковь и возы на улицах, библиотеку, и богадельню, и баню. Видим острую крышу инвалидного дома, точильное заведение, приют глухих и базар. (...) Там – буроватые, напоминающие мех неведомых зверей, купины оголённых деревьев; сям – прачки, полощущие бельё в проруби. Есть ещё вмерзшие в лёд ладьи, и запруды, и птицы (...) Простота и неброскость ореховой рамы лишь подчёркивает прелесть пейзажа и колористический блеск лессировки ...»¹.

В прозаическом отрывке, как мы видим, тоже присутствует ироничное обнажение приёма: описываемая местность оказывается картиной «в ореховой раме», при этом, что это за картина, читателю также не сообщается, но нетрудно догадаться, что это именно «Охотники на снегу». Разница в том, что если в прозаическом отрывке картина изначально полностью сливается с «реальным» пейзажем, а потом уже переносит читателя в пространство музея, то в стихотворении происходит противопоставление картины и «реальности», подчёркивается, что подлинно изображён разве что пейзаж, а всё остальное приукрашено и никуда не годится.

Благодаря повторению в стихотворных главах сюжетов и мотивов прозаических глав, происходит не только их «прояснение» и структурирование на уровне фабулы (хотя, бесспорно, простая ритмика и короткие стихи способствуют более лёгкому восприятию сложных трансформаций, которым то и дело подвергает создаваемый художественный мир Саша Соколов), но и обнажение поэтологической составляющей романа. Оказывается, одна и та же культурная отсылка может быть введена в текст по-разному, многократно, становясь лейтмотивом романа, и именно этот факт проблематизируется Соколовым.

Лейтмотивы, которые повторяются в разных текстовых комплексах романа, бесспорно, говорят о его целостности, но для нас важна не только композиционная и смысловая, но и языковая, стилевая целостность. Чтобы понять, какие стилевые принципы лежат в основе работы со словом в «Журнале запойного охотника», рассмотрим ряд фрагментов стихотворения «Снаряжение патронов»:

Есть ящик у тебя!
В нем ты хранишь все то,
Что требует ружейная охота.
Его без дальних слов
Открой и из него
Бери картонных гильз,
Ты капсулей бери,

¹ Соколов С. Между собакой и волком. С.29.

Придуманных покойником Жевело,
 И в донца этих гильз
 Жевела те вживи
 И пороху напороши.
 За дело!
 Из войлочного резаных мешка,
 Из катанка, из байковой пижамы
 Вложи пыжи и дроби закати,
 И все это опять заткни пыжами¹.

Очевидно, для Соколова принципиально важно вернуть словам их первоначальные значения и подчеркнуть их этимологию. Так, слово «жевелю» (обиходное название капсюля-воспламенителя закрытого типа с встроенной наковаленкой для стрельбы бездымным порохом из охотничьего ружья) уже так прочно вошло в обиход, что имя парижского мастера Жевело, который изобрёл этот капсюль, уже давно утратило прямую связь с предметом. Однако Соколов выстраивает всю цепочку: капсюли, придуманные «покойником Жевело» - «жевелю» и дополняет образ звукописью: «жевелю те вживи», создавая языковую параллель – «и пороху напороши». Далее происходит ещё более явное «овеществление» звукового и смыслового ряда в описании связи явлений: пыжи делаются из байковой пижамы. Настойчивое повторение звуков: пижама – вложи пыжи – заткни пыжами – позволяет скрупулезно описать «снаряжение патронов» как последовательный, цельный процесс, в котором каждая языковая деталь неслучайна и образует общий смысл.

Аналогичное использование лексики и звукописи в «Журнале запойного охотника» мы видим практически повсеместно. Например, в приведенном ниже отрывке происходит игра коренными значениями и звуковыми образами – луд, лад, лед и лузь:

Послали козу за орехами,
 Пустили козла в огород –
 Лудить самовары за реками
 Артель направленья берет.
 (...)
 За реками луда блестящее,
 Там гуще и щи, и камыш,
 В лузях с балаболкой ледащею
 Поладишь – в лузях и лудишь².

Получается, что слово «лудить» (т.е. покрывать тонкой оболочкой, в данном случае, самовары) оказывается созвучно словам «лузь» (т.е. диалектная вариация слова «луг»), «ледащий» (т.е. плохой, негодный, дрянной, хилый) и

¹ Соколов С. Между собакой и волком. С.34.

² Соколов С. Между собакой и волком. С.139.

«поладить». Сюжет вольготного пребывания артели за рекой символически обозначается звуковым строем речи и предваряется фразеологизмами: «Послали козу за орехами/ Пустили козла в огород», один из которых («Послали козу за орехами») является авторским и обозначает, видимо, абсурдность какого-либо действия. Помещённые в соседние стихи, эти фразеологизмы оказываются семантически зарифмованными.

Таким образом, простая стиховая форма оказывается не менее продуктивной для порождения новых синтаксических, семантических и лексических связей, чем сложные, длинные, затруднённые для прочтения предложения прозаических глав. При этом считывание смысла высказывания таких стихов, простых по форме, но со сложными языковыми и семантическими связями, оказывается не менее затруднено, чем в прозаических главах. Приведём пример такого «затруднённого» слова:

Небрежно белея лицом,
Вот он я, мне бы только удода послушаться.
Потрещи, покукуй, потатуйка моя,
Берендейка, пустошка, пустышечка.

Непонятно, куда и зачем
Некто с бубном бредет перелесками;
Бурусклень, бересклет, бересдрень,
Бересква, бредовник, будьдерево¹.

В данном стихотворении автор использует целые семантические гнезда из словаря Даля:

потатуйка (птица, удод; такое название птица приобрела из-за постоянного «кивания» головой) и пустошка (хохлатая птица удод) – синонимы, берендейка – птичка, бавушка – игрушка, бирюлька – точёная или резная штучка, фигурка, балаболка, наболдажник и проч.

Очевидно, на семантическом уровне происходит повтор, умножение синонимов, но каждый из них несёт свой языковой оттенок, что делает текст загадочным, полным смыслов, хотя слово-ключ – «удод» – даётся нам с самого начала.

То же происходит и со вторым катреном: бересклет – кустарник из семейства крушиновых, куриная слепота; бурусклень (в словаре Даля – бурусклен) – то же, что бересклет, бересква – растение бородавочник, лочича; будьдерево – то же, что паслён; бересдрень и бредовник (видимо, от «бредовой») – очевидно, слова, изобретенные самим Соколовым. Все эти вариации предваряются сообщением о том, что «некто с бубном идёт перелесками».

¹ Соколов С. Между собакой и волком. С.39.

В итоге мы получаем загадочный, полный неясных ассоциаций, причудливый художественный мир, наполненный берендейками, бурускленами и проч. Налицо – принцип умножения основных значений («удод», «перелески»).

В стихотворных главах романа присутствуют также и парадоскальные языковые связи:

Надо отправить их (письма – А.А.) с грифом срочно,
 То ли с грифоном, то ль с клячей Блед,
 То ль, оперируя термином почты,
 Просто отбить их, как пару котлет¹.

Гриф «срочно» порождает появление в тексте грифона в качестве разносчика писем. «Кляча Блед», используемая как перевозчик корреспонденции, в свою очередь, отсылает нас к Библейскому Коню Бледному (Конь Бледь) – всаднику Апокалипсиса из «Откровения Иоанна Богослова», что придаёт ироничному тексту неожиданный смысловой оттенок тревоги. Однако это впечатление тут же снимается шутивным замечанием, сделанным тоже в рамках языковой логики: «То ль, оперируя термином почты,/ Просто отбить их как пару котлет». Благодаря таким неожиданным языковым связям, благодаря перераспределению валентностей у слов, происходит перестройка привычных образов, вместо коня Бледного возникает «кляча Блед», появляются письма-котлеты и гриф-грифон.

Такая работа со словом не может быть рассмотрена только как часть того внимания к форме, которое характерно для любого произведения лирического жанра, – она слишком своеобразна и в то же время – типична для произведений, написанных орнаментальным стилем. Индивидуальный авторский стиль Саши Соколова вообще содержит в себе явные черты орнаментализма, и неудивительно, что его стихи в этом смысле не могут быть оторваны от его прозы. Если бы мы считали, что орнаментальный стиль является следствием воздействия поэтических начал на прозаический текст, это утверждение было бы абсурдным. Однако, на наш взгляд, орнаментализм связан с особым мировоззрением, особым художественным сознанием. Специфика этого художественного сознания заключается в том, что в рамках художественного произведения при передаче содержания высказывания на основе актуализации потенциальных возможностей культуры (расширение семантики слов, включение периферийных значений слов в разработку художественных образов, актуализация периферийных значений культурных сюжетов, художественных образов, реминисценций и проч.) создаётся новая знаковая система, которая может быть адекватно воспринята лишь носителем этой культуры². Природа

¹ Соколов С. Между собакой и волком. С.41.

² Потому роман «Между собакой и волком» практически невозможно перевести на иностранные языки, потому исследования этого романа зарубежными учёными (Дж.Смит, Б.Джонс) достаточно часто можно встретить неточности, связанные с непониманием культурных и языковых реалий.

этой знаковой системы – в предельной эстетизации, которая связана с тем, что орнаментальный стиль, будучи доминирующим острающим механизмом произведения (т.е. механизмом, который является способом завершения произведения и его фрагментов), обладает устойчивой структурой. При этом знаки зачастую несут в себе целый комплекс смыслов, нередко – амбивалентных, и являются залогом проникновения этих смыслов друг в друга, их сращения и углубления. Кроме того, повторяясь из раза в раз в разных вариациях, образуя лейтмотивы, знаковые комплексы постоянно приращивают новые оттенки смыслов. Это и обуславливает появление тех сверхсмыслов, о которых пишут все исследователи «орнаментальной прозы».

Выявив суть явления орнаментализма, мы получаем возможность отделить поэтические и орнаментальные способы работы со словом друг от друга и обнаружить орнаментализм как стилиобразующий принцип в произведениях лиро-эпического жанра, коими и являются «Записки запойного охотника». Такое рассмотрение «Записок» позволяет нам, наконец, объединить в единое целое три комплекса глав романа и рассматривать стихотворные главы в контексте глав прозаических, в свете его стиливого единства.

Н.С. Григорьева, аспирант
Самарский государственный университет

СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ С КОРНЕМ *-вльр-*

В статье рассматривается лексика с корнем -вльр- в старославянском языке с точки зрения ее состава, времени и источников происхождения.

Корень **uer-* имеет индоевропейское происхождение¹. Результаты его развития встречаются не только в славянских (укр. *віра, вірний, вірити, вірувати*; блр. *вера, верны, верыць*; болг. *вяра, верен, вярвам*; с.-хорв. *вера, веран, верни, верити (се), веровати*; словен. *vera, veren, verjeti, verovati*; чеш. *vira, verny, veriti*; словац. *viera, verny, verit'*; польск. *wiara, wierny, wierzyc*; в.- и н.-луж. *wera, werny, weric* (н.-луж. *weris*); др.-рус. *вльра, вльрьнь, вльрьный, вльровати, вльрити*; ст.-сл. *вльра, вльрьнь, вльрьныи, вльровати*), но и в других индоевропейских языках (гот. *(alla)werei* – «честность»; др.-в.-нем. *wara* – «правда», «истина»; др.-англ. *waer* – «союз», «обещание», «верность», «дружба» др.-исл. *varar, pl.* – «договор», «обет»). По наблюдению П.Я Черных, «к тому же и.-е. корневому гнезду относятся гот. *-wers* - «истинный», «действительный», «верный»; др.-в.-нем. *wag* (совр. нем.

¹ Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: Т. 1-2. - 2-е изд., стереот. Т. 1: а – пантомима. - М.: Рус. яз., 1994. - 623 с. - С. 141.

wahr)- тж.; латин. *verus*, *-a*, *-um* - тж.; др.-ирл. *fir* [кимр. (вал.) *gwir*] и нек. др.»¹. Н.М. Шанский отмечает, что «наиболее вероятно рассматривать данное слово [*вера*] как дериват от и.-е. глагола с корнем **ve-* «верить», к которому же восходят гот. *wens* «ожидание, надежда» и лат. *venus* «любовь»².

В русском языке рассматриваемый корень на протяжении всей истории развития языка был продуктивным в словообразовательном отношении. Очевидно, развитие данного корня происходило под влиянием старославянского языка. Существуют различные точки зрения относительно древнерусского двуязычия, однако большое влияние старославянского языка на формирование русского литературного языка признается всеми лингвистами.

Рассмотрение старославянской лексики с корнем *-вльр-* будет проходить на основе материала, представленного в «Старославянском словаре (по рукописям X-XI вв.)» под редакцией Р.М. Цейтлин, Д.Э. Благовой. Этот словарь составлен на основе 18 рукописей X-XI веков (всех классических рукописей старославянского языка) и включает 10 000 лексем в 300 000 употреблениях. Объективности ради стоит сказать, что словарь охватывает не всю лексику старославянского языка, т.к. не все рукописи того периода дошли до нашего времени, однако его авторы считают, что он «может дать достаточно полное представление о лексической системе старославянского языка в целом»³.

Выборка из «Старославянского словаря» показала 29 лексем с корнем *-вльр-*. В общем словнике они занимают достаточно скромное место, составляя только 0,29% от общего количества лексики, представленной в словаре. В дальнейшем состав лексики с корнем *-вльр-* в русском языке расширяется за счет появления новых образований. Например, «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)» в общей сложности содержат 106 лексем с корнем *-вльр-*, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля - 193 лексемы.

С точки зрения морфемной структуры среди рассматриваемых лексем присутствуют простые слова и композиты, или сложения, содержащие два корня. Всего в данной группе 16 простых слов (*безвьрие*, *вьра*, *вьровати*, *вьровьнь*, *вьрьно*, *вьрьнь*, *вьрьствовати*, *вьвьрити*, *вьзьловати*, *неввьрие*, *неввьрьнь*, *неввьрьствие*, *неввьрьство*, *неввьрьствовати*, *уввьрити*, *уввьровати*) и 13 сложений (*благоввьрие*, *благоввьрьне*, *благоввьрьнь*, *достоинвьрьнь*, *зьловвьрие*, *зьловвьрьство*, *иноввьрьникъ*, *иноввьрьнь*, *маловвьрь*, *подобньвьрь*, *правоввьрие*, *правоввьрьно*, *правоввьрьнь*). Образование сложных слов было характерно для многих индоевропейских языков, и этот процесс активно проходил и в старославянском языке.

¹ Там же.

² Этимологический словарь русского языка. Том 1. Выпуск 3. В. Под руководством и редакцией Н.М. Шанского. - М.:Изд-во Моск. ун-та, 1968. - 284 с. - С. 53.

³ Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. - М.: Рус. яз., 1994. - 842 с. - С. 9.

В старославянском языке присутствовали лексемы с корнем *-вльр-*, образованные различными способами: префиксальным, префиксально-суффиксальным, суффиксальным, сложением, сложно-суффиксальным и т.д. Для образования слов с корнем *-вльр-* использовались суффиксы существительных *-ств-* (*зълъвльрство*), *-цї-* (*безвльрие*, *невльрие*, *благовльрие* и др.), суффикс лица *-ник-* (*иновльръникъ*), глагольный суффикс *-ова-* (*вльровати*, *вльръствовати*, *възвльровати*, *увльровати*), суффикс прилагательных *-н-* (*вльрънь*, *невльрънь*, *благовльрънь*, *достоиновльрънь* и др.) и т.д. В слове *невльръствие* встречается явление внутрисловной редупликации, т.е. использования в слове двух суффиксов с одним значением.

Лексика с корнем *-вльр-* представлена в старославянском языке четырьмя частями речи – глаголом, существительным, прилагательным и наречием. Глагольная лексика составляет 24% от общего числа старославянской лексики с рассматриваемым корнем (7 единиц из 29), существительные – 35% (10 единиц), прилагательные – 31% (9 единиц), наречия – 10% (3 единицы). Таким образом, видно, что именная лексика преобладает над глагольной.

Слова рассматриваемой группы имели тесные словообразовательные связи и в большинстве своем объединялись в словообразовательные гнезда. Только три композита из рассматриваемых лексем не показывают отношений непосредственной словообразовательной производности с другими, это слова *достоиновльрънь*, *маловльръ* и *подобьньвльръ*. Однако мы не можем с уверенностью утверждать, что они не входили в состав словообразовательных гнезд, т.к. словарь-источник по объективным причинам не может претендовать на охват всей лексики старославянского языка. Кроме того, лексемы с корнями *-вльр-* и *-мал-*, наличие которых можно предположить в старославянском языке, зафиксированы в «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского (*маловльрие*, *маловльрънии*). Между ними и словами других словообразовательных гнезд можно провести словообразовательные параллели – с точки зрения образования слов определенных частей речи с помощью одних морфем.

Всего среди рассматриваемой лексики в старославянском языке выделяется восемь словообразовательных гнезд. Самым многочисленным среди них является гнездо с одним конем *-вльр-*, включающее слова: *вльра*, *вльръствовати*, *вльровати*, *вльровьнь*, *вльрънь*, *вльръно*; а также слова с приставками *без-*: *безвльрие*; *въ-*: *въвльрити*; *въз-*: *възвльровати*; *не-*: *невльрие*, *невльръствие*, *невльръство*, *невльръствовати*, *невльрънь*; *у-*: *увльрити*, *увльритися*, *увльровати*. Среди бесприставочных слов присутствуют все части речи – существительное, прилагательное, наречие и глагол. В числе лексем с приставками такой полноты морфологического состава не наблюдается. Так, с приставкой *без-* встречается только существительное - *безвльрие*, с приставками *въ-*, *въз-* и *у-* только глаголы - *въвльрити*, *възвльровати*, *увльрити*, *увльровати*. Среди лексем с приставкой *не-* отсутствует наречие.

По данным этимологических словарей, приставки *без-*, *въ-*, *не-* и *у-* имеют общеславянский характер и даже индоевропейские корни, однако слова с корнем *-вльр-* с этими приставками в данных словарях не встречаются.

На примере данной группы слов можно увидеть такую характерную черту старославянской лексики, как полисуффиксальность. В текстах старославянских памятников встречаются следующие лексемы с одним значением: *вльровати* и *вльръствовати*; *вльрънь* и *вльровьнь*; *невльрие*, *невльръство* и *невльръствие*. Данные факты позволяют согласиться с предположением, что в сфере суффиксального словообразования в старославянском языке «отсутствовала строгая нормативность, и в сакральных текстах шла апробация одновременно нескольких словообразовательных моделей с точки зрения их коммуникативной пригодности»¹.

Остальные словообразовательные гнезда представлены двумя-тремя лексемами. Так, существительное, прилагательное и наречие включают два словообразовательные гнезда – с корнями *-вльр-* и *-прав-*: *правовльрие*, *правовльрънь*, *правовльръно*; и с корнями *-вльр-* и *-благ-*: *благовльрие*, *благовльрънь*, *благовльръне*. С корнями *-вльр-* и *-зъл-* в Старославянском словаре зафиксировано только два существительных – *зълвовльрие* и *зълвовльръство*, а среди композит с корнями *-вльр-* и *-ин-* – существительное *иновльръникъ* и прилагательное *иновльрънь*.

Данные этимологических словарей помогают определить время происхождения некоторых из этих словообразовательных гнезд, посмотреть, имели ли место данные композиты в праславянском языке.

Так, сложения с корнями *-вльр-* и *-благ-* вряд ли имели праславянское происхождение. Слово **bolgo* имеет праславянское происхождение, возможна также связь с индоевропейскими языками, однако она с точностью не установлена². «Этимологический словарь славянских языков» не содержит композитов с данным корнем. Н.М. Шанский указывает на то, что слово *благовльръный* старославянского происхождения и является словообразовательной калькой греческого *εὐσεβής*, происходящего от сложения *εὐ* «хорошо» и *σεβας* «благоговение, святыня»³. Также можно заметить, что, как указывает словарь, все композиты старославянского языка с *благ-* являются словообразовательными кальками греческих слов с первым элементом *εὐ*

¹ Клименко, Л.П. Лексика и корнем *благ-* и композиты с компонентом *благ-* в старославянском языке X-XI вв. // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. – Вып.1(3). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С.22-30. – С. 24.

² Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд. Вып. 2 : *bez - bratъr* / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Подгот. Трубочев О. Н. и др.; Отв. ред. Трубочев О. Н. - М. : Наука, 1975. - 238с. – С. 173.

³ Этимологический словарь русского языка. Том 1. Выпуск 2. Б. Автор-составитель Н.М. Шанский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. - 270 с. - С. 128.

(*благовѣстити, благовѣщение, благоволение, благоволити, благовоньнъ* и др.).

Прилагательное **dostojьnъ* также имеет праславянское происхождение, однако композитов с этим корнем этимологические словари не приводят, очевидно, прилагательное *достоиновльрьнъ* – старославянское образование.

Слово *зло* и корень *-зъл-* имеют общеславянский характер (М. Фасмер также приводит родственные слова в неславянских индоевропейских языках), однако этимологические словари не приводят композитов с данным корнем, из чего можно сделать вывод о старославянском происхождении слов *зълвольрие* и *зълвольство*.

Относительно прилагательного *иной* Н.М. Шанский вслед за М. Фасмером указывает, что оно общеславянское индоевропейского характера, однако сложения с корнем *-ин-* не отмечены.

Корень **mal-* имеет индоевропейский характер, однако, как указывает О.Н. Трубачев, известны попытки истолкования **malъ* как собственно славянского образования¹. В Этимологическом словаре славянских языков приводятся праславянские сложения с корнем **mal-* (**maloletъ(jь)*, **maloletьнъ*, **malolistъjь*, **malol'udьнъ(jь)*, **malomogtъ*, **malomogt'ьнъ(jь)*, **malovidьнъ(jь)*), однако сложений с корнем **uer-* среди них нет. Учитывая, что корень **mal-* активно участвовал в образовании композит, можно предположить, что праславянский язык содержал и слова с корнями **mal-* и **uer-*, но подтверждений этому нет.

Прилагательное *подобьнъ*, по указанию М. Фасмера, имеет общеславянский характер², но композиты с этим корнем в словарях не встречаются, что дает основания относить прилагательное *подобьнъвлърь* к старославянским образованиям.

Слово *право*, по М. Фасмеру, имеет индоевропейский характер³, однако, как и в случае с прилагательным *подобьнъ*, композиты с корнем *-прав-* в этимологических словарях не встречаются.

Таким образом, мы не имеем никаких доказательств происхождения композитов с корнем *-влър-* в праславянскую эпоху и вправе отнести их появление именно к старославянскому языку. При этом образования с компонентом *благо-* являются калькой греческого языка.

Русский литературный язык содержит достаточно много заимствований из старославянского языка, присутствуют среди них и слова с корнем *-вер-*, однако не все старославянские лексемы с корнем *-влър-* сохранились в русском языке.

¹ Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд. Вып. 17 : Їзьъ - маѣсььпъ / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Подгот. Трубачев О. Н. и др.; Отв. ред. Трубачев О. Н. - М. : Наука, 1990. - 269с. – С. 176.

² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том III. Муза-Сят. М.: Прогресс, 1971. - 827 с. – С. 298.

³ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том III. Муза-Сят. М.: Прогресс, 1971. - 827 с. – С. 352.

Среди композитов отсутствуют в современном русском языке слова старославянского языка с корнями *-вльр-* и *-зъл-* (*зълвольрие*, *зълвольрство*) и *-достоин-* (*достоинвольрънь*). Нет также прилагательного *подобньвльръ*, однако присутствует лексема *вероподобный*. При этом сохранились слова с корнями *-благ-* (*благоверие*), *-ин-* (*иноверник*), *-мал-* (*маловер*), *-прав-* (*правверный*).

Как отмечалось выше, корень *-вльр-* был словообразовательно активным в течение всей истории русского языка, и с течением времени количество лексики с этим корнем увеличивалось. Рассмотрение старославянских образований с корнем *-вльр-* полагает начало изучению обширного лексического материала в исторической перспективе и является частью общего обзора исторического развития лексики с рассматриваемым корнем.

Е.А. Ксенофонтова, магистрант

Самарский государственный архитектурно-строительный университет

КРЫТЫЕ ПЕШЕХОДНЫЕ УЛИЦЫ

Система пешеходного движения является одной из актуальных проблем организации пространства современного города. В связи с увеличением численности автомобилей, плотности застройки, а так же капризов погоды, человек лишен комфортного передвижения по улицам. Данную проблему можно решить путем создания крытых пешеходных систем.

Заинтересованность в создании удобных условий для пешеходного движения увеличивается с ростом города, повышением требований к организации центральных, исторически сложившихся территорий. Потому пешеходное пространство, являясь структурообразующим элементом, вписываясь в окружающую среду города, ориентировано на природную среду, физические элементы (здания, сооружения, благоустройство), эмоциональную сферу (человеческие отношения и психологическое воздействие архитектуры и движения)¹.

Человек прогуливаясь по улицам городов, не может чувствовать себя комфортно ни летом, если оно выдалось дождливым и холодным или, наоборот, жарким и душным, ни зимой. Необходимо сделать улицы городов пригодными для использования круглый год. Создание крытых пешеходных улиц является весьма актуальной проблемой. Это связано с низким качеством городской среды, отсутствием обустроенных пешеходных и общественных пространств.

¹ Буга П.Г. Пешеходное движение в городах. – М.: Стройиздат, 1979. С. 126; Велев П. Пешеходные пространства городских центров. – М.: Стройиздат, 1979. С. 192.

Как показывает зарубежный опыт, наличие пешеходного пространства в городе, способствует формированию «городского сообщества», повышает его туристическую привлекательность. Среди городов, имеющих организованные крытые пешеходные улицы необходимо отметить: Лондон, Сингапур, Гонконг, Мюнхен, Торонто, Калгари, Балтимор, Ванкувер и др.

Места для создания крытых пешеходных улиц с контролируемым микроклиматом целесообразны в тех климатических зонах, где погодные условия в течение полугода неблагоприятны для пешеходов. Опыт строительства показывает, что благодаря светопрозрачным конструкциям из стекла построен целый пешеходный центр города Туранги (Новая Зеландия), в которых жители не ощущают на себе капризов природы.

Если обратиться к истории: то первый опыт разделения внутригородского движения мы можем видеть в древнегреческой градостроительной системе на плане городов множество пешеходных пространств перед различными административными, культурными и культовыми объектами. От атмосферных влияний пешеходов защищали галереи, навесы колоннады и портики, которые обеспечивали сухой и тенистый пешеходный путь летом и спасали от дождя и снега зимой². Таким образом, Юлий Цезарь в 65 году до н.э. закрыл от жарких лучей путь от своей резиденции до Капитолия. В Испании и Португалии до сих пор используют «солнечные паруса» – огромные шторы, которые растягивают и закрепляют на крышах домов друг напротив друга. Другим видом крытых пешеходных улиц являются аркады. Общая протяженность таких улиц в Берне около 6 км.

Удивительную крытую пешеходную систему представляет собой город Болонья в Северной Италии. Большинство зданий в ее историческом центре соединены аркадами, галереями или портиками, под которыми можно совершить пешую прогулку длиной в 40 километров и выйти к внешнему зеленому кольцу бульваров. В средние века в Болонье галерея в доме была так же обязательна, как, например, в наше время водопровод или электричество.

Появление железа и стекла совершило переворот в защите пешеходов от превратностей климата. В 1844 году Децимус Бартон и Ричард Тернер укрыли от английской непогоды экзотические растения Королевского ботанического сада чудом передовых технологий – куполом «Дом пальм» длиной 110 метров. Гигантские теплицы стали прообразом современных крытых пешеходных зон. Новые ботанические сады создавали особый теплый мир, в который человек переносился, лишь переступив порог хитроумной стеклянно-стальной конструкции.

XX век принес еще больше идей перекрытия больших площадей конструкциями из стекла и железа. В России конструктивист Иван Леонидов

² Велев П. Пешеходные пространства городских центров. – М.: Стройиздат, 1979. С. 14.

фантазировал о городах под прозрачными оболочками, которые стали навязчивой идеей многих архитекторов нашего века. Бакминстер Фуллер, архитектор - новатор, предложил соорудить кондиционированный купол над Нью-Йорком, что позволило бы контролировать погодные условия в городе на протяжении всего года. Технически этот проект собирались выполнить с помощью, так называемых, геодезических конструкций, которые Фуллер создал исходя из собственной математической системы, называемой «энергетически-синергетическая геометрия». Эти купола обладали невероятной прочностью и легкостью. Один из них был построен для компании «Форд», другой – для военно-морских сил США.

В современное время новые технологии позволяют перекрывать большие пространства современных городов. В Торонто, Монреале, Хельсинки закрывают стеклянными навесами улицы, строят подземные торговые центры огромных площадей с прозрачными крышами. В Торонто Сантьяго Калатрава перекрыл целый квартал, образовав теплое пространство в 25 тысяч квадратных метров, ставшее новым общественным комплексом в центре города, в которое вошли офисные здания, памятники истории и пешеходные зоны. Fremont Street в Лас-Вегасе когда-то была открыта для движения транспорта, а теперь это пешеходная артерия старого города. На протяжении нескольких кварталов она перекрыта навесом, на котором по несколько раз за вечер демонстрируется светомузыкальное шоу на разные темы.

Похожие структуры создает архитектор Анжел Рос – с помощью легких металлических арок он объединяет улицы в большие пешеходные зоны. Аффлек Раймонд, канадский архитектор проектирует крупные городские сооружения, внутренние пространства которых решены как крытые улицы в стиле пассажей 19 века (площадь Бонавентуры в Монреале, 1964 – 1967 гг.).

В России, по сравнению с европейскими странами и США опыт строительства крытых пешеходных улиц не велик. В настоящее время в Москве идет строительство мощной пешеходной улицы, проходящей от Нескучного сада до Краснопресненской набережной. Особенность маршрута в том, что по нему можно гулять в любую погоду. Это крайне важно для нашего климата. Крытые улицы и площади связаны в одну систему, и она уже сама по себе становится достопримечательностью⁴.

В Выборгском районе Санкт-Петербурга открылась первая крытая пешеходная улица. Она проложена вдоль проспекта Энгельса от метро «Проспект Просвещения» до торгово-развлекательного комплекса «Гранд Каньон». Пешеходная дорога протяженностью в 500 метров построена с полупрозрачной крышей, а со стороны проспекта Энгельса – с защитным экраном от ветра из такого же прозрачного пластика. Улица представляет собой

4 Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.mail.ru/society/1329150/print/>(<http://news.mail.ru/society/1329150/##>)

элегантную конструкцию с оригинальным дизайном: тротуар вымощен плиткой, а по бокам обустроены газоны и клумбы, места отдыха, установлены торговые павильоны и кассы. От непогоды пешеходов защищает прозрачная крыша, а безопасность круглосуточно обеспечивает служба охраны и система видеонаблюдения. В вечерние часы на пешеходной дорожке будет включаться художественная подсветка⁵.

Одним из способов организации крытых пешеходных улиц является – *создание пассажей*. Планировки пассажей единообразны, представляют собой вытянутые в плане протяженные пространства, расположенные, как в одном ярусе, так и в нескольких. Пассажи, как правило, перекрыты светопрозрачными конструкциями, обеспечивающими проникновение естественного света в интерьеры. Так в Брюсселе пассаж Святого Юбера длиной 212 метров, шириной 8 метров и высотой 18 метров – стал первой в Европе крытой торговой улицей. В Париже знаменитый Жан Нувель превратил район Дефанса, в пассажи с многочисленными кафе и магазинами, внутри которого люди передвигаются пешком или на метро. Манфред Ковач в австрийском городке Грац по такому принципу даже проектирует социальное жилье – дома объединяются друг с другом крытыми пассажами-улицами, что создает уютную и безопасную городскую атмосферу. Для улиц характерна узкая функциональность – они всегда были коммерческими центрами. Стоит проанализировать направления движения людских потоков и в самых активных зонах создать крытые пешеходные зоны.

Другой способ – *организация перекрытых площадей* вдоль проспектов и других крупных магистралей. С эстетической точки зрения город никак не изменится. Легкие конструкции из стали и стекла могли бы эстетически «лечить» старую застройку, с помощью своих легких прозрачных форм связывая ее с современной архитектурной традицией.

Таким образом, крытые пешеходные улицы повышают комфортность среды, позволяя сделать их отапливаемыми зимой и вентилируемыми летом, способствуют формированию безбарьерной среды для инвалидов колясочников и людей пожилого возраста. Решают проблему безопасности, улучшают экологические показатели и условия жизни, содействуют туристической и инвестиционной привлекательности, восстанавливают целостность градостроительной ткани, а так же приспособляют сложившуюся структуру к современным функциям. Крытые пешеходные системы не только концентрируют архитектурные достопримечательности, традиционные и новые типы среды, ландшафты и виды. Они наиболее отчетливо воплощают принципы отношения к наследию, ценностные ориентиры городской культуры.

⁵ Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.mail.ru/society/2607110>

О.К. Наквакина, магистрант
Самарский государственный архитектурно-строительный университет

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО БЛОКА В РОССИИ

В статье произведён анализ социально-экономических тенденций, их влияние на архитектурно-градостроительное формирование обобщенного исследовательского блока. Определены роль и значимость подобных «устойчивых» центров знаний и инноваций в структуре города, а также взаимосвязь городской ткани и научно-исследовательской среды.

Еще более чем полвека назад особо важную роль в развитии экономики государств начали играть наукограды, университетские комплексы инновационного типа как источники нововведений, высококвалифицированных, ориентированных на научные исследования специалистов, когда появилась проблема внедрения научных достижений и результатов различных исследований в производство.

Интенсивное развитие научно-ориентированных технополисов с начала 1970-х годов в Японии, США и Западной Европе обусловлено рядом различных причин. Одной из них являлся экономический кризис, связанный с ростом цен на энергоносители, что повлекло за собой ускоренное формирование исследований в области ресурсосбережения, в частности энергосбережения. Также сказался наступивший очевидный застой в традиционных отраслях, как например автомобилестроение, кораблестроение и прочее, для преодоления которого было необходимо сделать переворот с помощью научных достижений. Подобные непозитивные процессы переживает сейчас Россия после собственных экономических потрясений конца 1990-х годов. Последствия в виде спада инвестиционной активности, значительное уменьшение объемов промышленных производств, а также сокращение либо прекращение финансирования сфер экономики, связанных с наукоемким производством, внедрением перспективных технологических идей в производство, значительными научными исследованиями и коммерциализацией их результатов привело к риску потери всего накопленного научно-технического и интеллектуального потенциала. Одним из возможных путей решения подобных проблем может быть создание наукоградов, технополисов, необходимой составляющей которых являются университетские комплексы.

В ряде развитых стран, имеющих развитую структуру подобных комплексов, важную роль играют университетские кластеры, как источники высококвалифицированных специалистов. Современные учебно-образовательные технологии требуют новой пространственной организации и

новой же типологии архитектурных форм для своего развития. В Инновационных Исследовательских Университетских Комплексах (ИИУК) искусственно, за счет количественного роста дисциплин, общих программ и служб, создается синергетический эффект увеличения качества образования и исследовательских направлений. В пользу этих процессов идет и развитие единой инфраструктуры, и появление новых связей между университетами и производствами, в том числе международными (распределенные университеты).

Строительство крупных университетских исследовательских комплексов нового типа, технополисов активно поддерживается органами власти всех уровней, с участием бизнес-структур.

Технико-внедренческие зоны (технопарки, технополисы) – создаются для развития наукоемких производств и сферы услуг в области высоких технологий. Это территориальная совокупность университетских, офисных и производственных помещений и научных лабораторий, предоставленных в прокат на льготных условиях компаниям, занятым коммерциализацией перспективных технологических нововведений и идей.

Главными чертами ИИУК, помимо очевидных (эффективность исследований и коммерциализации их результатов, высокое качество образования, безопасность), должны стать: открытость; привлечение иностранных университетов, преподавателей, специалистов, студентов; максимум творчества и интеллектуальной составляющей образовательного процесса; высокая мотивация студентов; доступность информации. На территории ИИУК возможно создание особых экономических зон, особых образовательных зон, образовательных оффшоров.

Инновационные комплексы США иллюстрируют так называемую американскую модель технополиса, когда образование новой структуры происходит на базе объединения существующих университетов. К таким относятся Парк Научного Треугольника (Дьюк, Северная Каролина, Калифорния); Мэйсонский университет; Кремниевая долина, Шоссе 128, Нью-Йоркский городской университет и другие. В Западной Европе одними из самых известных комплексов являются София-Антиполис и Зирст (Франция), научный парк университета Кембриджа (Великобритания). Инновационные университетские комплексы азиатских стран фигурируют как одни из самых влиятельных исследовательских центров в мире, например Цукуба, Йокогама, Токийский университет в Японии. Японская модель научных парков отличается от американской, прежде всего, тенденцией формирования как многоцелевой и структурно сложной системы, состоящей не только из научных, образовательных и производственных элементов, но и включающей специально построенные жилые кварталы, транспортную, коммуникационную и информационную инфраструктуры, а также размещением технополиса в изначально депрессивных районах.

Пример научного города Цукуба¹, расположенного в южной префектуре Ибараки, которая находится в 60-километровой зоне от Токио. Цукуба представляет собой передовой пример города в Японии, который полностью ориентирован на интенсификацию исследовательской и академической деятельности. В нем находятся 45 исследовательских институтов национального масштаба, а также около 300 частных исследовательских центров и 4 высших учебных заведения, включая Национальный университет г. Цукуба. В декабре 2009 г. население города насчитывало 212,940 жителей, но, по прогнозам, эта цифра к 2030 г. может вырасти до цифры в примерно 280,000 жителей. Общая площадь г. Цукуба составляет 284 кв.км.² Необходимо упомянуть университеты Цзяо Тонг, Пекинский, Циньхуа, Цзинань, Гуанчжоу (мегауниверситет) в Китае.

Другой пример, город Гуанчжоу³, в настоящее время г. Гуачжоу (основан в 862 г. до н.э.) – политический, экономический, научно-технический, образовательный, культурный и транспортный центр всего южного Китая. Численность населения в г. Гуачжоу составляет порядка 10 миллионов жителей. В городе функционирует более 30 самостоятельных колледжей и университетов⁴. Мегакампус Гуачжоу занимает территорию острова Сяоквей в пригороде Гуачжоу, расположенного в 17 км от старого центра города и 17 км от места строительства бизнес – центра «Сити». Мегакампус объединяет 10 университетов различного профиля в 5 территориальных групп, которые связаны 3 кольцевыми автодорогами, в центре мегакампуса находится экопарк с озером и объектами совместного пользования всеми университетами. Кампус представляет собой единую градостроительную систему, где на сегодняшний день живут и учатся около 180 000 студентов. Транспортная система имеет сообщение с Гонконгом и Шэньчжэнем. Большая часть кампуса была построена в рекордно короткие сроки, и включает в себя учебно-лабораторные корпуса, объекты социально-культурной и спортивной инфраструктуры, общежития, в котором проживает 100% студентов, центры медицины, физики, библиотеки, сервисные объекты и прочее.

Основные принципы формирования пространственной и архитектурной среды мегакампуса:

- Территория мегакампуса максимально вписана в пойму реки.

¹ Официальный сайт университета Цукуба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tsukuba.ac.jp/english/>

² UIA2011 TOKYO Student Competition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uia2011tokyo.com/en/callfor/pdf/recruitment_student_en.pdf

³ Официальный сайт университета Гуанчжоу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.gzhu.edu.cn/>

⁴ Пучков М.В., Ягафарова Е.А. Инновационный кластер и мегауниверситет в Гуанчжоу на базе промышленного центра, свободной экономической зоны и технопарков» / Пучков М.В., Ягафарова Е.А. – Екатеринбург: Академический Вестник УРАДНИИПРОЕКТ РААСН, 2010. С. 21 – 24.

- Организация единого пространства на территории.
- Экологичность, ресурсосбережение (максимальное использование солнечной энергии, системы очистки воды и прочее).
- Контекстуальность, концепция зеленого кампуса.
- Транспортная обеспеченность.
- Обеспеченность рекреационными пространствами
- Туннельный принцип прокладки коммуникаций¹.

Информационная научно-исследовательская среда формирует творческую активность высших школ. Необходимостью становится формирование исследовательских комплексов, в состав которых включены университетские структуры.

Комплексы мегауниверситетов объединяют под одной крышей образовательные структуры, жилые и рекреационные зоны, научные и промышленные отели, бизнес – инкубаторы, производственные центры, центры, отвечающие за взаимодействие с партнерами при внедрении инноваций в производство – инвестиционные связи на основе экономико-инвестиционной паспортизации инноваций.

ИИУК формируются исключительно по-разному в различных государствах, что не мешает им сотрудничать и подтверждать тезис о том, что наука поистине космополитична и не может принадлежать одной стране.

Архитектура ИИУК в России должна быть открыта для взаимодействия и совместной работы. Предоставление людям возможности делиться своими знаниями и идеями друг с другом создает эффект синергии. Новые здания должны содержать множество мест для встреч, где сотрудники могут обсуждать вопросы в неформальной обстановке.

Важно создать такую среду, где смогут правильно и эффективно развиваться «устойчивые центры знаний и обучения, инкубаторы инновационной деятельности», будь они связаны с корпорациями или основаны рядом с университетами. Четкая и ясная связь с городом, готовая к постоянно меняющимся потребностям общественности, позволит не превратить самодостаточный комплекс в отчужденный и закрытый «монастырь».

Направления архитектуры и городского планирования в стране должны сознательно стимулировать социальную, культурную и экономическую жизнь внутри и вокруг университетов и корпоративных центров, необходимо развивать и поддерживать такое состояние.

¹ Ягафарова Е.А. «Формирование архитектурно-пространственной среды: анализ университетских кампусов Китая» / Ягафарова Е.А. – Екатеринбург: Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН, 2010. С. 46 – 50.

Э.И. Пузарина, магистрант
Самарский Государственный Архитектурно-Строительный Университет

СООРУЖЕНИЯ И КОМПЛЕКСЫ С НАКОПИТЕЛЬНО - ПЕРЕХВАТЫВАЮЩИМИ ФУНКЦИЯМИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПЕРЕСАДОК

Пункты транспортной насыщенности, объединяющий различные виды передвижения, в котором сублимируются потоки личного транспорта в общественный, понижая плотность загруженности улично-дорожной сети.

На кризисной точке автомобилизации России стоит оглянуться назад и определить, какие проблемы решал автомобиль и какие проблемы он принес. Стоит понять, что стал значить автомобиль в нашей жизни, и как население сможет справиться с тягой к личному транспорту, сменить приоритетность в сторону общественного передвижения. В мире новейших технологий скорость становится главным критерием всего, а главное связи людей. Но каждый ли готов пожертвовать индивидуализмом ради времени? Сможет ли функционировать «город без автомобилей»? Настолько ли велика моральная и материальная плата за скорость? Следует рассмотреть несколько уже существующих моделей борьбы с нефункциональным, неэффективным движением в городе, нахождения «точки равновесия индивидуальных предпочтений в направлении социального оптимума»¹.

«Park & Ride» (парковка + поездка) – комбинированная поездка: автомобилем до перехватывающей парковки, далее на скоростном внеуличном общественном транспорте². Одним из наиболее ярких примеров работ, в которых рассматривалось моделирование системы парковок в районе центра города, является работа авторов R. Arnott и J. Rowse³. В качестве конкурирующих способов передвижения предлагается применять передвижение с использованием общественного транспорта и передвижение с использованием индивидуального транспорта и системы удерживающих парковок.

Задачей моделирования такой транспортной системы является минимизация общих затрат населения на передвижения в центр города при различных ограничениях⁴. Международным союзом общественного транспорта

¹ Вукан Р. Вучик. Транспорт в городах, удобных для жизни – М: издательский дом «Территория будущего», 2011. С. 93.

² См. сайт научно исследовательского института транспорта и дорожного хозяйства // URL: <http://niitdh.com>

³ Arnott, R., Rowse, J., 1999, Modeling parking // Journal of urban economics, 45 (1), С. 97-124.

⁴ См.: Тарасюк Ю.В. Повышение эффективности функционирования стоянок автомобильного транспорта: дис. канд. техн. наук. – Иркутск, 2004. – 238 с.

(МСОТ) организация стоянок по принципу «P+R» признана как одна из эффективных мер, способствующих упорядочению использования личного транспорта в городах. В современной зарубежной практике организации транспортного обслуживания деловых центров городов и центров исторических городов все большее применение получает приоритет общественного пассажирского транспорта в сочетании с перехватывающими стоянками. Использование этого опыта в российских городах становится все более актуальным.

Накопительный транспортно-пересадочный центр (НТПЦ) – пункт транспортной насыщенности, объединяющий различные виды передвижения, в котором сублимируются потоки личного транспорта в общественный, понижая плотность загруженности улично-дорожной сети.

Рассмотрим существующие сооружения и комплексы в системе относительно их расположения по миру. Американские НТПЦ распространены по многим городам вследствие того, что система хайвеев так и не справляется с огромным количеством личного транспорта. Чаще это небольшие, но многочисленные узлы, большие центры обычно обслуживаются не столько накопительными стоянками, сколько предлагают обширный спектр общественного транспорта. Примером глобального комплекса может послужить международный аэропорт – первый терминал аэропорта Мехико. В случаях с аэропортами или вокзалами чаще парковочные пространства используются не для длительной стоянки, а чаще в целях временной парковки приезжающих. Наличие остановочных пунктов линий общественного транспорта заметно улучшают положение на трассах, ведущих к аэропорту. Остановка метро рядом с первым терминалом международного аэропорта Мехико обусловлено также положением самого аэропорта в черте практически центра города. Аэропорт Лос-Анджелеса также относится к глобальным терминалам. Особенностью данного комплекса является наличие проведенных отдельных видов транспорта для целенаправленного потока.

Среди примеров универсальных центров можно отметить автовокзал Бутанта в Сан Пауло. Он разделяет потоки по территории узла, размещая терминалы рядом в одной плоскости, не считая станции метро. Трансбэй транзит центр в Сан Франциско находится в стадии строительства. Комплекс разделяет потоки разных направлений по вертикали, превращая крышу центра в зеленый парк. Эти объекты находятся в центре городов и свою накопительность проявляют больше в человеческом факторе, предлагая большие пространства буферной зоны.

Точечные узлы имеют самое большое распространение. Такими являются станция Финч в Торонто и пересадочная станция Маттапан в Бостоне. Это небольшие станции, соединяющие несколько городских потоков общественного транспорта и имеющие парковки системы «Park and Ride» и «Kiss and Ride». Компактное расположение зон разных транспортных потоков, объединенных

общей буферной зоной с парковками позволяют быстро и безопасно пользоваться данными системами.

Европейские пересадочные узлы обладают большей накопительной способностью. Глобальный комплекс пересадок – центральный вокзал Берлина. Узел находится в исторической зоне города. Вокзал имеет станцию метро и подземные перехватывающие стоянки. Структура функций больше делится по вертикали, что экономит пространство. Вокзал – место пересечения двух направлений транспортных путей: первая линия, север-юг, проложена под землей на глубине 15 метров, в туннеле под рекой Шпрее. Вторая, перпендикулярная ей линия восток-запад проходит на высоте 10 метров над городскими улицами. На станцию приходят поезда дальнего следования 4 направлений и 2 линии городского транспорта. Вокзал Ватерлоо в Лондоне еще один представитель глобальных комплексов. Особенностью Ватерлоо является фасад здания, вписывающийся в историческую застройку и скрывающий инновационные конструкции. Его функции также делятся по вертикали, а ж/д пути расходятся в одной плоскости на разные станции прибытия.

Универсальные центры Европы – автовокзалы, соединяющие пригород с центром или города. Ярким примером может являться междугородняя станция Камппи в Хельсинки. Разбитый функционально по вертикали Камппи имеет терминал метро, вход в который находится в центре буферной зоны. Выше располагаются пригородный и обычный автобусные терминалы, а также парковка. На уровне земли это здание превращается в крупный торговый центр. Таким образом, этот узел решает множественные проблемы и удовлетворяет различные потребности жителей Финляндии. Автобусный центр в Манчестере имеет большую площадь распространения, так как затрагивает городскую сеть трамваев. Остановка представляет собой угловую конструкцию, привлекающую внимание, что решает одну из главных проблем информативности.

Точечные станции с накопительными функциями создают большие сети в европейских городах, так как Европа имеет серьезные проблемы в исторических центрах городов. Заха Хадид спроектировала несколько объектов такого рода в европейских странах. Первой была станция и стоянка Hoenheim-Nord. Общая концепция основана на перекрытии полей и линий, которые связываются вместе, чтобы сформировать постоянно меняющееся пространство. Благодаря большой территории и разработке новых линий трамваем узел имеет плоскостное решение и надземную перехватывающую стоянку. Находится в строительстве еще один узел Хадид в Неаполе. Вокзал для высокоскоростных и региональных услуг, включая услуги для автобусов, такси и автостоянка, розничной торговли и гражданских, полицейских и пожарных служб. Главной задачей архитектурного проекта является создание хорошо организованной транспортной развязки, платформы будут находиться на мосту, давая безбарьерное пространство для пешеходов. Небольшой пункт пересадки находится вблизи Оксфорда рядом с магистралью на Лондон. Пересадочный

пункт предоставляет перехватывающую стоянку и линию автобусов до Лондона. Этот узел имеет ярко выраженную функцию накопительности.

Азиатские транспортные центры поражают своими размерами и техническими качествами. Аэропорты в крупнейших городах являются уникальными конструкциями. Глобальный комплекс в Гонконге (Китай)-международный аэропорт. В этом комплексе функции делятся как в одной плоскости- это группа зданий и площадок для парковки, так и вертикально-здание буферной зоны делится на зону пересадки на автобусы и такси в нижних этажах, зону покупки билетов и зоны офисов.

Международный аэропорт Нарита (Токио) – самый большой аэропорт Японии, один из самых крупных аэропортов в мире. Аэропорт расположен в 60 км к востоку от центра Токио. На территории аэропорта можно воспользоваться различными услугами: информационное туристическое бюро, обмен валюты, рестораны и кафе. Здесь проходит пересадка на поезда, автобусы и такси. 2 терминала делятся по вертикали на функции пересадок и буферных зон.

Универсальные узлы в Азиатской части можно представить транспортными центрами в Сингапуре. В городе функционируют многочисленные транспортные узлы, поэтому у жителей нет никаких проблем и сложностей с тем, чтобы добраться в определенную точку города за считанные часы. Своими автомобилями сингапурцы пользуются нечасто. Связано это с платными дорогами и стоянками (парковать машины строго на стоянке), и высокими ценами на бензин, а также развитая инфраструктура общественного транспорта позволяет это. Анг Мо Кио - транспортный центр в Сингапуре. Комплекс соединяет в себе поезда, 2 автобусные станции, большое общественное пространство и остановки такси, а также имеет пешеходные мосты для безопасного перемещения пассажиров. Больших стоянок не предусмотрено в связи с малым пользование личным транспортом.

Станция Экспо отличается своей крышей, отражает солнечные лучи, не позволяя воздуху в помещении перегреваться. Станция имеет поднятые платформы, доступные за счет лифтов или эскалаторов от уровня зала. На уровне земли у зала есть открытые зоны на улицу и пышный тропический сад между станцией и Комплекс Экспо с другой стороны. Буферная зона первого этажа имеет выходы с такси и общественному транспорту. А внешний вид футуристичной станции хорошо вписывается в облик Сингапура. Архитектором проекта был Норман Фостер.

Точечные узлы также отличаются технической оснащённостью и имеют широкое распространение. В качестве характерного примера можно рассмотреть транспортно-пересадочный узел (ТПУ) «Одайбо», относящийся к системе Токийского монорельса. Узел расположен на насыпных территориях Токио в заливе в районе «Одайбо». В зоне пешеходной доступности размещены несколько крупных торговых комплексов, гостиницы, административно-офисные и жилые здания. Кроме того, в непосредственной близости от станции находится

рекреационная территория, пользующаяся большой популярностью у токийцев в теплое время года. Токийский монорельс на сегодняшний день является эффективной системой городского скоростного внеуличного транспорта, обеспечивающей транспортные связи периферийных районов города с системой городского метрополитена и железной дороги. В составе ТПУ «Одайбо» выделяются три уровня: нижний (первый) предназначен для движения городского транспорта (индивидуального, грузового, наземного пассажирского); средний (второй) обеспечивает пешеходное движение в узле; на верхнем (третьем) расположена станция монорельса. В число основных инфраструктурных составляющих узла, наряду с прочим, входят: станция монорельса; городской наземный пассажирский транспорт — автобус; муниципальная парковка¹.

В России так же начали применять НТПЦ. Станция Планерная, Москва, транспортно-пересадочный узел. В недавнем времени в Москве открыт первый ТПУ. Он объединяет 3 транспортных потока-метро, автобусы и личный транспорт. Помимо транспортных функций в здании располагаются сопутствующие торгово-развлекательные функции. Зона прибытия и посадки разделена по сторонам здания. 3 верхних этажа занимает перехватывающая стоянка для личного транспорта, которая поможет освободить центр города от перенасыщенности автомобилями. При эксплуатации были отмечены некоторые неудобства для пассажиров – плохая информативность, возникает путаница при пересадке. Это должно быть учтено при дальнейшем проектировании ТПУ.

Главные функции НТПЦ:

- Пересадка нескольких пассажиропотоков.
 - Одним из обязательных пассажиропотоков является группа людей, прибывших в терминал на личном транспорте.
 - Главная задача – создание нескольких платформ, делающих пересадку удобной, быстрой и незатруднительной.
- Обеспечение должным количеством парковочных мест для накопительной функции личного транспорта.
 - Условия для преимущества общественного транспорта.
 - Главная задача – предоставить нужный объем машиномест, обеспечивающий возможность отказа от пользования автомобилем.
- Обеспечение должной площадью зоны ожидания транспорта для накопительной функции пассажиров и удобства распределения потоков.
 - Условия удобства ожидания транспорта.

¹ Власов Д.Н. Пересадка по-японски // Архитектура и строительство Москвы. №2(550), 2010. С. 10 – 15.

- Главная задача – зона ожидания, удовлетворяющая размерами и отвечающая потребностям комфорта пассажиров; создание комплекса пересадок, более привлекательного для использования.
- Распределение процентного соотношения личного и общественного транспорта.
- Использование перехватывающих стоянок уменьшает процент личного транспорта на улично-дорожной сети.
- Торгово-развлекательные функции, как сопутствующие основным.
 - Главная задача – улучшение ожидания прибытия транспорта наличием магазинов, кафе и других объектов, в которых нуждаются пассажиры.
- Информационная функция.
 - Главная задача – возможность быстро определить нужный маршрут транспорта пассажирами для определения более удобного вида транспорта. Предоставление для туристов информации о городе в специальных пунктах терминала.
- Обеспечение безбарьерной среды для всех пассажиров, включая группы людей с ограниченными возможностями.
 - Главная задача – разделение путей транспорта и пешеходов, обеспечение специальными устройствами и лифтами; визуальная, звуковая и тактильная информативность для безопасной пересадки людей.

Именно НТПЦ смогут обеспечить городскую среду, свободную для различного вида транспортных и пешеходных передвижений. Населения городов вновь смогут обрести мобильность и существенно сократят время передвижения по городу.

Раздел 3. «Философия и социально-психологические науки»

О.В. Горбунова, студент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПРОБЛЕМА ДЕСТРУКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЕ

В данной статье представлен теоретический анализ понятий «малая группа», «учебная и студенческая группа», «деструктивность», «деструктивные отношения» с различных точек зрения отечественных и зарубежных ученых. Приведены результаты исследования по проблеме деструктивных отношений в студенческой группе.

Человек живет и трудится совместно с другими людьми, образуя с ними разнообразные общности, которые в обычной жизни представлены в виде многочисленных общностей. Малая группа является начальной ячейкой человеческого общества и первоосновой всех других его составных элементов. В ней объективно проявляется реальность жизни, деятельности и отношений большинства людей; необходимо понимать, что происходит с человеком в малых группах, а также четко представлять те социально-психологические явления, процессы, особенности в отношениях, которые в них возникают и функционируют.

В настоящее время широко изучаются, рассматриваются проблемы в малых учебных группах. Однако учеными мало изучены деструктивные (разрушающие) отношения в студенческих группах.

Долгое время ученые изучали большие сообщества и только в 30 годы XX века внимание исследователей было направлено на изучение малых групп. Изучением малых групп и их влиянием на индивида занимались такие западные психологи и социологи, как Ч.Х. Кули, Н. Трипплет, Ф. Оллпорт, М. Шериф, С. Аш, Дж. Г. Мид, Х. Келли, Я. Морено, К. Левин и др. В их представлении группа представляет нечто большее, нежели случайное соединение людей, разделяющих какие-то общие цели и ценности. Поэтому группу и групповые процессы, по их мнению, необходимо изучать сами по себе, поскольку психологию групп невозможно понять на основе индивидуальной психологии[6]. Однако наряду с «групповым» подходом в западной, американской психологии существует еще и «индивидуальный», рассматривающий личность каждого участника группы.

Проблема группы и отношений в ней в отечественной психологии начала интенсивно разрабатываться начиная с 60-х годов. Она привлекала внимание таких ученых, как Г.М. Андреева, Н.А. Березовин, К.Е. Данилин, Я. Л.

Коломинский, А.А. Кроник, В.С. Маргун, Ю.А. Орн, А.В. Петровский и др.¹ Ими группа и отношения в ней были рассмотрены с различных позиций и точек зрения, одна из которых принадлежит Г.М. Андреевой, которая указывает, что группа – это определенная система деятельности и система общественного разделения труда, и поэтому сама группа выступает субъектом определенного вида деятельности (в частности и учебной) и через нее включена во всю систему общественных отношений².

Изучением таких малых групп, как учебная студенческая группа, в 60-80-х гг. прошлого века занимались В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова, Г.А. Журавлева и ряд других советских психологов. Эти ученые рассматривают студенческую группу как социально-психологическую систему, обладающую специфическими особенностями, которые детерминированы многими факторами и подчеркивают значение создания комфортной среды для оптимального развития личности будущего специалиста и актуализации его скрытых возможностей, раскрытия потенциала, трансляции и приращения знаний. Поведение отдельной личности зависит от психологии отношений внутри группы. Система организации обучения построена таким образом, что учебные группы формируются случайным образом, объединяя в единые коллективы личности, имеющие разный социальный статус, интеллектуальный уровень, разные стереотипы поведения и общения, а также личностные качества, характерологические особенности³. Такое объединение в отдельные группы разных людей порождает множество разнообразных особенностей в отношении членов группы. В ходе отношений осуществляются самоутверждение личности в группе, оценка своих достоинств в сравнении с достоинствами остальных членов группы с целью раскрыть свои возможности, проявить себя, определить свою роль в группе.

Характер развития отношений в малой группе может быть очень многосторонним, а порой противоречивым, нарушенными. В них проявляется множество разнообразных коллизий, ситуаций, отражающихся на поведении, действиях, поступках, самочувствии и настроении не только того или иного члена группы, но и всей группы в целом, на ее сплоченности и результатах деятельности. Могут, например, стихийно складываться неформальные микрогруппы, возникшие вследствие различных причин и предпосылок, носящие положительную или отрицательную направленность, имеющие ту или иную

¹ Титкова Л.С. Внутригрупповая конфликтность студентов современных российских вузов и факторы, влияющие на нее (По материалам социологического исследования вузов Приморского края): Автореферат дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 : Владивосток, 2004. С. 9, 12.

² Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. М: Аспект Пресс, 2001. С. 140.

³ Там же. С.143

степень влияния на людей. В любом случае, их появление является закономерностью развития отношений, которую всегда нужно принимать во внимание и учитывать¹.

Особое внимание необходимо уделять отношениям, которые носят характер разрушения, т.е. деструктивности.

Словарь практического психолога указывает, что «деструкция, деструктивность» связана с разрушением, нарушением нормальной структуры чего-либо[8].

В психоаналитической литературе первые представления о деструктивности содержались в ранних, относящихся к периоду 1910-1912 гг., работах А. Адлера, В. Штекеля, К.-Г. Юнга, С. Шпильрейн. По мнению психоаналитиков, инстинкт (влечение) деструктивности (агрессия, ненависть, уничтожение, разрушение, смерть, убийство, танатос) трактуется как одно из двух основных влечений, противостоящих конструктивному (жизнеутверждающему) Эросу (инстинкту жизни, любви и созидания). В. Райх, представитель неофрейдизма и в дальнейшем заложивший некоторые основы телесно-ориентированной терапии, считал, что деструктивный импульс появляется в живом существе в том случае, если оно стремится уничтожить источник опасности: разрушение становится биологически осмысленной целью.

В бихевиризме (Б. Скиннер и др.), поведенческом подходе, «деструктивность» рассматривается как агрессивность и как постоянный фактор психической жизни, заданный биологически, имеющий тенденцию накапливаться и искать разрядки в деструктивных поведенческих актах.

В деятельностном подходе (М.С. Каган, В.Е. Кемеров) «деструктивность» – это противовес созидательному, так как в деятельности человека и созидание, и разрушение (деструктивность) преобразуют окружающий мир.

В дальнейшем термин «деструктивность» в психологической науке начинает использоваться в связке с понятием «отношения». В психологическом словаре термин «отношения» трактуется как субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия человека со средой, с человеком².

Впервые термин «деструктивные отношения» был использован Н.Н. Обозовым в его классификации межличностных отношений. Все отношения он разделил на два типа: конструктивные и деструктивные. Деструктивные отношения – это результат дезадаптации личности. По мнению Н.Н. Обозова, индивиды для взаимного участия в удовлетворении аномальных потребностей друг друга, поиска объектов для этого, объединяются в группировки, которые имеют жаргонные названия – «кореша»³.

¹ Леонтьев А. А. Психология общения. - М.: Смысл, 1999. С. 93.

² Шапарь В. Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005. С. 105-106, 320.

³ Ачитаева И.Б. Правомерность использования термина «деструктивные взаимоотношения в малых социальных группах // Вестник ЧитГУ. 2008. №2. С. 96-97.

Исследования Ю.В. Гусева показывают, что чаще деструктивные отношения возникают в группах, из которых практически невозможно уйти. У враждующих партнеров существует «объективная необходимость находиться в одном коллективе». Такими группами могут выступать учебные студенческие группы. И. Ялом в работе, посвященной групповой психотерапии, использует термин «деструктивные отношения», понимая под ними всеобщую несдержанность и неограниченность в выражении чувств ¹. Г.В. Ярославцева дает определение деструктивных отношений в педагогическом коллективе школы: «это такие отношения, которые вызывают негативные эмоции у взаимодействующих субъектов, провоцируют их взаимную неприязнь и агрессивные реакции (пока еще без конфликтного взаимодействия), разрушают устойчивость сложившейся структуры межличностных отношений и социально-психологического климата коллектива, затрудняют совместную деятельность» ².

В понимании В.В. Бойко в межличностном отношении между людьми или в группе (студенческой) могут возникать деструктивные установки, такие, как завуалированная жестокость, открытая жестокость, обоснованный негативизм, брюзжание, негативный опыт общения, которые отрицательно влияют на отношения между людьми, студентами ³.

К деструктивному общению, с которым связаны деструктивные отношения, В.Н. Куницына относит те формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения. Примерами такого рода контактов служат, по ее мнению, манипулятивное общение, авторитарный стиль, формы распада и осложнения отношений по вине партнера вследствие патологической ревности, зависти, нарциссизма. Деструктивным характером может обладать даже молчание, если оно принимает форму наказания партнера, а также умолчание. В основе деструктивного общения может лежать немало личностных черт: лицемерие, хитрость, склонность к клевете, мстительность, язвительность, цинизм, ханжество, вранье, ложь, обман, эгоизм, агрессивность и т. д.

Наряду с В.Н. Куницыной, К. Муздыбаев показывает, что эгоизм между студентами приводит к унижению, страданию, осложнению в отношениях партнеров. В частности, он называет такие характерологические особенности эгоиста, которые вызывают деструктивность (разрушение) отношений: пренебрежение долгом, нормами морали и закона; оправдание обмана, агрессивных форм поведения, таких, как месть, политическое убийство;

¹ Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии/И. Ялом. - СПб., 2000. С. 328.

² Ачитаева И.Б. Правомерность использования термина «деструктивные взаимоотношения в малых социальных группах // Вестник ЧитГУ. 2008. №2. С. 97.

³ Кожухарь Г.С. связь уровня развития профессионально важных коммуникативных качеств студентов-психологов с успеваемостью. // Вопросы психологии. 2008. №3. С. 134.

приписывание окружению зависти, эгоизма, цинизма, предательства, что делает невозможным использование в отношении него тактики и стратегии сотрудничества¹.

Для изучения деструктивных отношений в студенческой группе и их влияния на самочувствие студентов было проведено исследование, в котором приняло участие 43 студента 2 курса обоих полов.

Применялись следующие методики: методика диагностики межличностных и межгрупповых отношений («социометрия») Дж. Морено; шкала диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева; методика определения деструктивных установок в межличностных отношениях В.В. Бойко; методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении В.В. Бойко, методика САИ (самочувствия, активности, настроения), разработанная в Первом московском медицинском институте им. И.М. Сеченова.

По результатам методики диагностики межличностных и межгрупповых отношений («социометрия») Дж. Морено выявилось, что данная студенческая группа на социограмме делится на 4 круга: круг «звезд» - 6 студентов, «популярных» - 25 студентов, «принятых»- 12 и «изолированных» - 0. При этом нами рассмотрены в дальнейшем наиболее отличные друг от друга группы: у студентов, попавших в круг «звезд», имеется 32,2% выборов, у «принятых» - 6,9% выборов. Данные результаты свидетельствуют о том, что студенты, попавшие в число «звезд», обладают большим авторитетом в данной группе, чем «принятые», и «звезды» наиболее влияют на характер отношений в группе. В данной группе не оказалось студентов, попавших в круг «изолированных», это говорит о том, что изгоев, тех, с кем вообще не общаются, не включают в отношения.

По результатам шкалы диспозиционного эгоизма К. Муздыбаева выявилось, что уровень эгоизма у «звезд» - 66,5%, т.е. их поведение целиком определяется мыслью о собственной пользе, выгоде, предпочтением своих интересов интересам других людей; а у «принятых» - 30,5%, т.е. они склонны пренебрегать своими интересами в пользу других.

По методике определения деструктивных установок в межличностных отношениях В.В. Бойко выявилось, что студенты из круга «звезд» имеют такие деструктивные установки, как:

- завуалированная жестокость в отношении к людям - 69,2%, у них более отчетливо выражена завуалированная жестокость в отношении к людям, чем у «принятых», имеющих 32,5%;

- открытая жестокость в отношении к людям у «звезд» - 56,8%, у «принятых»- 22,7%. Студенты - «звезды» не скрывают и не смягчают свои

¹ Муздыбаев К. Эгоизм личности// Психологический журнал. 2000. № 2. С. 30.

негативные оценки и переживания по поводу большинства окружающих: выводы о них резкие, однозначные и сделаны, возможно, навсегда;

- обоснованный негативизм в суждениях о людях у студентов, входящих в круг «звезд», - 60%, а у «принятых» - 50%. Эти данные свидетельствуют о том, что и те, и другие студенты делают объективно обусловленные отрицательные выводы о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия;

- брюзжание у «звезд» - 56,7%, а у «принятых» - 43,3, то есть это говорит о склонности их делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношения с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью;

- негативный личный опыт общения с окружающими у студентов - «звезд» - 40%, у «принятых» - 32,5%. Данный компонент установки показывает, в какой мере прошлый негативный опыт влияет на отношения и общение в настоящем.

По общему уровню деструктивных установок в отношениях студентов у «звезд» - 55,8%, а у «принятых» - 34,7%. Это свидетельствует о том, что деструктивные отношения у студентов, входящих в круг «звезд», имеют более выраженный характер, чем у «принятых».

Результаты по методике диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении В.В. Бойко выявили, что у «звезд» преобладает агрессия – 83,3%, затем избегание -16,7% и миролюбие – 16,7%. Данные показатели свидетельствуют о том, что у них эта психологическая стратегия защиты субъектной реальности личности, действующая на основе инстинкта и агрессии, не выходит из репертуара эмоционального реагирования.

Показатели у «принятых» выше по миролюбию - 66,7%, далее по избеганию 33,3%, по агрессии 0 %. Для данных студентов характерно и миролюбие – доказательство сотрудничества некоторой бесхребетности и безволия, утраты чувства собственного достоинства, которое как раз и призвана оберегать психологическая защита. Они могут использовать избегание как средство защиты от негативных отношений и избегать конфликтов, сложных ситуаций, отрицательного отношения к ним других людей, а также практически не склонны агрессивно, жестко реагировать на людей.

По методике САН (самочувствия, активности, настроения) у «звезд»: по самочувствию – 5,1 балл , по активности – 4,1, по настроению - 5,6. У «принятых»: по самочувствию – 3,9 баллов , по активности – 3,1 балл, по настроению - 4,1 балл. У студентов - «звезд» оптимальное самочувствие, активность, настроение, а «принятых» – низкое, им сложно находится в данной группе.

Таким образом, теоретический анализ с позиций отечественных и зарубежных ученых выявил, что студенческая группа является малой группой, представляющей собой социально-психологическую систему, которая обладает

специфическими особенностями и оказывает влияние на оптимальное развитие личности будущего специалиста и актуализации его скрытых возможностей, раскрытие потенциала. В студенческой группе отношения могут быть деструктивными и разрушать устойчивость сложившейся структуры межличностных отношений, негативно влиять на психологический климат коллектива, затруднять совместную деятельность и отрицательно влиять на самочувствие некоторых членов группы. Деструктивные отношения рассматриваются как агрессия, ложь, обман, эгоизм и т.д. В исследовании изучался эгоизм, деструктивные установки в отношениях, защитные механизмы в общении, самочувствие в студенческой группе. В результате выявилось, что у студентов разные показатели эгоизма и деструктивных установок, особые различия присутствуют у студентов, входящих в круг «звезд» и круг «принятых». При этом выявилось, что у «звезд» высокие показатели по эгоизму, деструктивным установкам в отношении, по САН (самочувствию, активности, настроению) и преобладает агрессия при защитных механизмах в общении, а у «принятых» – наоборот, все показатели низкие.

Л. А. Грицай, преподаватель
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РОДИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

В статье изучается родительство как социокультурный феномен, его значение в системе жизненных ориентаций россиян. Определяются основные черты кризиса родительства в современном российском обществе, рассматриваются возможные пути его преодоления.

В последние годы в отечественной психолого-педагогической литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи.

Ни для кого не секрет, что в современной России семья переживает острый кризис, проявляющийся, в первую очередь, в сфере детско-родительских отношений. Ослабевают социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Серьезно затронули эти изменения и Россию и, в конечном итоге, привели к малодетности наших семей. Так, согласно исследованиям отечественных социологов, малодетность сегодня становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка, и многие

родители не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность своих средств, времени и сил¹.

Безусловно, подобные негативные явления требуют поиска способов преодоления сложившейся ситуации. В связи с этим актуальность приобретает проблема изучения современного состояния российского родительства и моделирования на этой основе будущего, ожидающего российскую семью в начинающемся XXI столетии.

Исходя из этого, мы определили следующие задачи данного исследования:

1. На основе анализа отечественных философско-педагогических источников рассмотреть современные модели родительства и их историко-культурные основы.

2. В свете современных социальных процессов предположить пути развития института российского родительства в будущем.

Современные психологи и социологи (Т.А. Гурко, М.О. Ермихина, И.С. Кон, Р.В. Овчарова, В.А. Рамих) свидетельствуют о том, что институт современного родительства значительным образом трансформируется под воздействием многих общественных процессов духовно-нравственного и социально-экономического характера.

Как пишет Р.В. Овчарова, в настоящее время происходит переориентация жизненных ролей мужчины и женщины, изменяются социокультурные стереотипы маскулинности и феминности, которые задаются сменой культурной парадигмы в современных условиях².

Таким образом, существенно изменяются роли матери и отца в семье. Женщина в настоящее время активно реализует себя в сфере профессиональной деятельности, вынужденно уделяя меньше внимание семье и детям, тем самым, присваивая себя традиционно мужские качества: твердость, волю, стремление к карьерному росту. Зачастую этот властный стиль женского поведения переносится в семейные отношения, что приводит к доминированию в семье авторитета не мужа, а жены.

Тревожные явления в области родительства настолько глубоки, что, по сути дела, попытка заглянуть в будущее российской семьи является приоритетной национальной задачей, стоящей перед нашими современниками, так как усугубление кризиса в области детско-родительских взаимоотношений ставит под угрозу само существование нашей страны как в демографическом, так и в духовно-нравственном аспектах.

На наш взгляд, сегодня в России существует пять основных моделей родительства, которые мы можем обозначить как: родительство, сохраняющее

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года // www.perepis2002.ru

² Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен. М., 2006. С. 217.

остатки традиционности, «расколотое» родительство, девиантное родительство, «индивидуалистическое» и созидательное родительство.

Первая модель обозначена нами как родительство, сохраняющее остатки традиционности. В таких семьях родители помнят о своей ответственности за судьбы детей, заботятся не только об их пропитании, но и об образовании и воспитании, уделяя внимание их внутреннему нравственному развитию, при этом родители, так или иначе поддерживая своих детей на протяжении всей жизни, сохраняют в их глазах действительный авторитет.

Однако это вполне благополучное родительство не является для супругов осознанной первейшей жизненной ориентацией, скорее, оно представляет собой положительный сплав установок, вынесенных из своих родительских семей, традиционных взглядов на воспитание детей, сохраняющихся в народной педагогике, собственных нравственных позиций и т. д. К сожалению, в ситуации современной социальной и нравственной нестабильности такое родительство достаточно уязвимо перед угрозами внешнего мира, ориентированного на сферу потребления.

Вторая модель родительства может быть названа условно «расколотым», образовавшимся в результате разрушения семьи либо изначального одинокого материнства (крайне редко отцовства). В данном случае одному из родителей приходится совмещать в своем лице материнские и отцовские позиции. И такое вынужденное совмещение не проходит бесследно для формирования личности ребенка. Как правило, утрата отца или матери или же отсутствие согласованности в воспитании детей (что часто случается при разводах родителей) приводит к болезненным сдвигам в психике ребенка.

Конечно же, примеры одинокого родительства не редкость для России, история которой изобилует войнами, морами и различными общественными катаклизмами, однако массовый характер эта модель приобрела именно в XX веке.

Третью модель родительства можно обозначить как девиантную. Родители в таких семьях часто имеют низкий социальный статус, ведут аморальный, а порою и противоправный образ жизни, дети находятся без надзора и наиболее подвержены разрушительному влиянию деструктивных асоциальных форм поведения. К сожалению, в нашей стране в настоящее время существует достаточно много примеров таких неблагополучных семей.

Четвертая модель родительства, которая может быть названа «индивидуалистической», строится на партнерских взаимоотношениях между родителями и детьми, основанных на принципе соблюдения взаимных интересов. Такое родительство предполагает малодетность, определенное отчуждение членов семьи друг от друга, свободное воспитание, характеризующееся предъявлением минимума требований к ребенку, моральной независимостью детей от родителей.

Последняя модель родительства названа нами созидательной. На наш взгляд, эта модель отвечает национальному наследию России, предполагая не только осознанное отношение родителей к своим обязанностям, эмоциональной готовности к принятию ребенка и родительской ответственности, но и опору на создание духовно здоровой семьи в традиции ценностей национальной культуры.

Таким образом, в отличие от первой рассмотренной нами модели созидательное родительство опирается на более прочную мировоззренческую платформу, не только определяющую родительство в числе важнейших семейных ценностей для человека, но и предлагающую определенный образ построения взаимоотношений в семье на основе христианских нравственных смыслов бытия.

Однако смеем предположить, что последняя созидательная и первая традиционная модели родительства в значительной степени уступают свое место второй, третьей и четвертой моделям.

Названные обстоятельства вызывают тревогу, так как нетрудно предположить, что ждет нашу страну в будущем, если данные модели станут приоритетными для 80% наших сограждан (что весьма вероятно, потому что социальные процессы способствуют этому).

Скорее всего, тогда Россия будет постепенно растворяться в глобальном мире, теряя свою культуру и национальную самобытность. Здесь уместно вспомнить слова, принадлежащие перу известного русского философа И.А. Ильина, высоко ценившего семью и называвшего ее «школой любви и жертвенности», духовного единства всех членов, так как только в семье можно «научиться первым совестным движениям сердца и подняться к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству»¹.

В рассматриваемых нами моделях родительства мы наблюдаем обратную картину: не объединения членов семьи друг с другом, а, напротив, разъединения их. Личные, индивидуальные ценности ставятся во главу угла, что, безусловно, сказывается не только на духовно-нравственном состоянии общества, но и на детско-родительских взаимоотношениях в семьях. А в таком обществе, где людей уже ничего не объединяет, разобщенность достигнет предела. Можно предположить, что при таком развитии событий еще большую популярность приобретут так называемые «гражданские» и «гостевые» браки.

К тому же, «индивидуалистическое» и «расколотое» родительство, как правило, малодетно, а это обстоятельство только усугубит процесс депопуляции нации, наблюдаемый ныне в нашем государстве.

Какие же выводы можно сделать из всего вышесказанного?

Во-первых, будущее российского родительства представляется нам весьма сложным, так как традиционные модели утрачиваются, а им на смену

¹ Ильин, И.А. Путь духовного обновления. М., 1996. С. 198.

приходят стратегии родительского поведения, далекие от национального ценностного отношения к семье в целом и родительству в частности.

Во-вторых, единственный, на наш взгляд, выход из сложившейся ситуации заключается в возвращении к сложившимся веками идеалам родительского поведения, которые являются наиболее продуктивными для сохранения человеческого потенциала России. Это традиционная и созидательная модели родительства.

В-третьих, становление традиционной и созидательной моделей родительства требует не только мер государственной поддержки, оказания семье с детьми широкого спектра психолого-терапевтической и медико-социальной помощи, координации работы СМИ по повышению престижа родительства в современном обществе, создания возможностей для педагогической подготовки молодежи к родительству, но и значительного преобразования всей системы духовно-нравственных ориентиров наших соотечественников.

А такого преобразования не произойдет, даже если государство и определенные социальные институты будут оказывать давление на общественное сознание, так как оно требует ответственного выбора каждым человеком определенной системы ценностей, при которой он добровольно был бы готов смирять себя ради блага своей семьи и окружающих людей.

Ведь по большому счету, само стремление к созидательному родительству становится в современном обществе «подвигом», движением к воплощению в жизнь не собственных эгоистических потребностей, а движением к служению людям, воспитанию и заботе о детях. Именно в такой деятельности человек и обретает гармонию с миром и самим собой.

Е.А. Тонкошкурова, аспирант
Самарский государственный технический университет

СПЕЦИФИКА ЭПИСТЕМОЛОГИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Мультикультурализм поставил ряд важных проблем, которые, однако, так и не смог самостоятельно решить. Автор статьи предполагает, что исследование специфики эпистемологии мультикультурных исследований может помочь выйти из теоретического тупика.

Современный социум, а особенно социум западного образца, стремится к созданию комфортных условий жизни различных объединений на своей территории. Ушедшее представление об иерархичности социальных взаимодействий, самой системы, породив сетевые отношения, так и не создало полноценной и непротиворечивой социально-культурной картины мира, что в своем развитии привело к морализации философского дискурса. Проблема

совместного сосуществования в одних границах различных Других вывела на свет практические вопросы сосуществования, которые рассматриваются в рамках всевозможных дискурсов. Многосоставность, этническое, культурное, расовое многообразие современных обществ вызывает необходимость в пересмотре своей идентичности, традиционное отождествление себя с конкретной культурной группой теперь не может удовлетворить условиям современной социальной реальности, современная идентичность отличается «принципиальной негомогенностью и децентрированностью»¹. Диалог позиционируется как самое перспективное направление в социально-культурной практике. Теперь в диалоге все стороны имеют равные права по высказыванию своих позиций. Но диалог возможен только при соблюдении определенных правил, правил, которые вышли из повседневной жизни этого многосоставного общества, концептуальное оформление которых мы, в данном случае, называем мультикультурализмом. Однако мультикультурализм как продукт социальной деятельности, как продукт социально-исторического контекста, как дискурс по решению вопросов, возникающих в среде с усиленной актуализацией значения Других, с акцентом на границе между Своим и Другим/ Чужим, в свою очередь, явился во многом ответом на сложившееся социально-историческое положение. Начнем с того, что само понятие эпистемологии сегодня несколько изменилось относительно классической и неклассической традиции. Напомним, что приблизительно до середины XX века существовало мнение и непоколебимая вера в то, что миром правит некий всеобъемлющий разум, который руководит всем; то, что можно назвать независимым от человека и окружающего, некая единая рациональность (классическая философия). В целом можно согласиться с характеристикой специфики классической философии: «... в философии, ориентированной на классическую идею культуры, речь идет прежде всего о недопустимости отказа от поиска универсальности человека, от установки на универсальность истины, в известной мере, - от идеи прогресса», что предполагает существование тотального изначального Абсолютного смысла, Логоса, истины и т.д. Но XX век поставил ряд новых задач перед исследователями, которые в корне пересмотрели постановку этого вопроса в науке. Изучение других культур структуралистами, антропологами, развитие теорий психоанализа и т.д. выявило наличие «другого» разума»². В результате возникает новая интерпретация понятий, описывающих взаимоотношения людей: диалога, коммуникации, информации, Другого, Чужого/ Чуждого, Иного и т.д. Так, до 70-х гг. XX века роль этнического фактора практически не учитывалась, т.к. существовал приоритет прав и свобод индивида, тогда и происходил бурный расцвет либеральной теории, что предполагало растворение группы в государстве. Теперь же:

¹ Глостанова М.В. Мультикультурализм в США (Обзор)// Направления и тенденции в современном литературоведении и литературной критике. С.35.

² Малахов В.С. Мультикультурализм и идеология «инакости»
<http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/7inak.htm>

«разумное становится не только «самоопределенным», как привыкли полагать философы, сколько определенным со стороны неразумного – со стороны ускользающих от рефлексивного контроля структур».¹ Преимущества западной цивилизации стали пересматриваться, теперь возникает множество далеких друг от друга разумов, культур, которые невозможно сравнить друг с другом, которые невозможно ранжировать по шкале значимости. Сегодня, в эпоху постмодерна, опровергнута эта идея, признается существование множества смыслов, систем отсчета, «постмодернизм возникает как осознание исчерпанности социологии, в рамках которой реальность могла подвергаться насильственному преобразению, переводу из «неразумного» состояния в «разумное»². Поднимается новая проблема существования человека в мире со множеством онтологических, когнитивных систем.

В результате, в современной философии, социально-гуманитарном познании мы можем наблюдать противоречивые тенденции. С одной стороны, мы наблюдаем, что Запад стремится обосновать свою, спорную с точки зрения множества стран не западной формы мышления, социально-культурную политику. Для этого он выводит на уровень универсальной значимости или универсальной необходимости понятия, такие, как свобода, равенство, права человека, которые интерпретируются, исходя из классической западной парадигмы мышления, основание которой находится в ценностях, сформировавшихся в Новое время. Трактовка этих понятий происходит в рамках признания высшей ценности – человека, рациональности как способа существования человека. С другой стороны, мы можем наблюдать неклассические требования западной социально-гуманитарной мысли, философии, говорящие о невозможности существования единой онтологии для всех культур, соответственно, и признания единых ценностей для всего человечества, в силу открывшегося культурного разнообразия и многообразия (на этом тезисе основываются разработки в области социальных теорий, стремящихся решить, например, межкультурные противоречия). Но признание равноправия всех онтологий, признание равноправия, соответственно, всех культур, т.е. конкурентов или партнеров по диалогу, продиктовано опять же идеями, сформировавшимися в Новое время, либерально-демократической теорией. Другими словами, происходит использование классических понятий в условиях постмодерна. Тогда возникает вопрос, в какой парадигме нам необходимо искать эпистемологические основания мультикультурализма? Какую именно эпистемологию мы ищем (постмодернистскую, постклассическую или классическую)? Ведь мультикультурализм исторически – проблема постмодерна, а не классики. Возник он во многом в результате отрицания универсальной

¹ Там же.

² Шеманов А.Ю. Введение. Между классической философией культуры и постмодернистской культурологией// Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.

истины, довлеющей над личностью, которая уже культурно-исторически обусловлена, а также в результате признания многообразия этого культурного мира. Однако несомненно и то, что концепция мультикультурности имеет некоторые идеологические основания в классической эпохе. Ведь мультикультурализм во многом строится на дискуссиях между различными направлениями философской, социально-культурной, социально-политической мысли по поводу решения этических проблем современности (можно выделить, например, коммунитаризм и атомизм, либерализм). Однако эти основания по своему переинтерпретированы с точки зрения постмодерна. Так как проблема заключается в том, что идеи, подготовившие почву к возможности мультикультурности, сформировались в классической философии, но интерпретируются они и используются в постмодерне, с характерным для него представлением об онтологии, возникает вопрос: насколько легитимным наше исследование в принципе может быть? Тут мы останавливаемся перед сложной задачей определиться в том, что вообще можно признавать за современные эпистемологические предпосылки, и как на основе этих представлений производится ввод классических понятий в неклассическую и постнеклассическую парадигму, как ими оперируют.

Однако такие вопросы, как единство и разнообразие, многообразие, субъект-объектная проблематика, теория власти и легитимации, концепты открытости, децентрации, деиерхаризации, культурный эгалитаризм, релятивизм, плюрализм, Другой, Чужой, Свой и т.п., постмодернистское мировоззрение довело до высшей точки своего обоснования, объяснения, отрицания. Сложилась ситуация необходимости реабилитации некоторых понятий для решения социальных проблем. Мультикультурная теория во многом стала не просто индикатором постмодернистских «заблуждений», но и плацдармом для их решения в социально-культурной сфере жизни среднего человека.

С.Л. Скорынин, к.филос.н.

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПРЕЛОМЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье теоретически анализируется феномен культурной (этнокультурной и социокультурной) маргинальности, а также её некоторые преломления в социальной реальности современного российского общества.

В современных исследованиях маргинальности (от лат. *margo* – «край, граница», *marginalis* – «находящийся на краю») условно выделяют следующие подходы: культурный (этнокультурный и социокультурный); социологический

(социально-экономический и социоструктурный); личностно-психологический; нормативно-правовой; политологический; пространственно-географический.

Культурологическое направление маргиналистики зародилось первым, в нём есть разделение на этнокультурную и социокультурную версии проблемы. Этнокультурная маргинальность является примером совмещения в одной и той же личности и (или) группе лиц различных расовых, этнических и вытекающих отсюда этнокультурных элементов. Это своеобразное состояние глубинного внутреннего переживания личностью своих собственных крайностей, внутреннего «разлома». В современном обществе данная многомерность, мультикультурность присуща многим людям, так что вероятность попадания в состояние маргинальности усиливается. Она крепко связана с наиболее архаичным разделением людей на своих и чужих по внешним биологическим и биосоциальным признакам.

Маргинальность в культуре не связывается с какой-либо локальной культурой. Её нельзя считать синонимом девиации как простого отклонения от норм и ценностей локальной культуры, т.к. она не выражается в тех отношениях, которые не могут быть – в нормах и ценностях локальной культуры¹. Проявления культурной маргинальности многообразны: проявления нормы всегда типичны, а маргинальные явления индивидуализированны. Культурная маргинальность неопределённа, она сочетает в себе активные формы процесса и пассивные формы состояния. Её процессуальная активность проявляется в постоянном устремлении к образованию новых культурных форм. Так, одним из источников и примеров маргинальности такого рода является межрасовая или межнациональная семья и особенно дети в ней².

В социокультурном плане проблема маргинальности выражается в существовании и распространении различных субкультур как периферийных видоизменений, вариаций господствующей культуры. А также более выраженных течений контркультуры, серьёзно отличающихся от культурных установок большинства и явно борющихся с ними. Они совсем не обязательно привязаны к национальному происхождению или религиозной принадлежности их носителей, в современном обществе они нередко космополитичны.

С позиции любого субъекта логически возможны два варианта маргинальности – пограничность как: 1) периферия, некоторая часть культурного субъекта (системы); 2) промежуточное пространство между несколькими культурными субъектами (системами), не принадлежащее чётко ни одному из них. В первом случае маргинальность выступает периферией, окраиной, пограничем чего-то большего, здесь маргинальность в культуре предстаёт в виде многочисленных субкультур, слоёв и групп общества. Они явно не равны по охвату и силе господствующей культуре, являясь как бы её целенаправленно или неосознанно

¹ Вергун Т. В. Этнокультурная маргинальность: философские аспекты анализа. – Ставрополь: ГОУ ВПО «СевКавГТУ», 2007. – С. 14.

² Там же. С. 15.

выраженными искажениями, версиями, модифицированными вариантами. Во втором случае маргинальность становится неким особым, вполне автономным и как бы «ничейным» полем. Здесь следует говорить уже не о субкультурах, а о контркультурах, вполне сравнимых по своей оформленности, значению с главенствующей. Здесь приставка «контр-» далеко не всегда имеет оттенок непримиримого антагонизма культур, а указывает в первую очередь на резкие различия, чёткую демаркацию. Примерами таких социокультурных образований могут служить криминальные сообщества, сообщества наркоманов, сексуальных меньшинств, религиозные секты. И здесь в современных обществах встаёт серьёзная проблема отсутствия или слабой выраженности официальной культуры как целостной системы ценностей, норм, оценок, взглядов, ритуалов, её неравномерности, мозаичности и неравнозначности распределения в «теле» социума. Сама господствующая культурная среда зачастую весьма противоречива и неоднородна. Сегодня существует реальная проблема расхождений внутри даже общей морали; провозглашаемые ею идеалы, нормы, их конкретные проявления и реальное поведение большинства людей различны; часто они сами маргинальны по отношению друг к другу.

В каждом современном обществе существует ряд маргинальных культур, условно объединяемых в конгломерат «маргинальная культура». Это совокупность локальных субкультур, базисные принципы которых оцениваются с точки зрения господствующих культурных канонов как отклоняющиеся, чуждые или враждебные. Социокультурный статус маргинальных культур определяется их размещением на окраинах культурных систем, частичным пересечением с ними и частичным признанием с их стороны. Маргинальность культурного образца всегда конкретно-исторична¹.

Объективными условиями формирования маргинальной культуры являются процессы трансформации общества, изменения социальной структуры, различные формы взаимодействия культур (от военных конфликтов до экономического сотрудничества и добровольного культурного обмена). Для маргинальной культуры характерны нелинейность развития, «коллажность» как результат заимствований из различных социокультурных систем. Но возможность доступа к «архивам» культур разных стран и эпох создаёт в рамках маргинальной культуры условия для экспериментов, построения специфической культурной среды. Тогда формируется набор принципиально новых культурных предложений, приобретающих иногда статус контркультуры. Различные формы маргинальной культуры служат тем полем, где в результате причудливого переплетения официальных и маргинальных образов реальности формируется набор принципиально новых культурных предложений, возникающих как результат нестандартной, спонтанной культурной коммуникации. Особенно

¹ Всемирная энциклопедия: Философия / гл. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск.: Харвест. 2001. – С. 604.

заметным это становится в переходные или кризисные этапы развития общества, когда совокупность маргинальных культурных сценариев нередко приобретает статус контркультуры – конкурента официального культурного стандарта. Если же синтез маргинальной и официальной культур складывается удачно, то включение ранее маргинальных образцов в систему координат культурного канона обычно порождает формирование новой культурной нормы¹.

Для современного российского общества проблема культурной маргинальности является одной из самых актуальных. 1990-е гг. стали переходными для российской цивилизации, её противоречивый и внутренне неоднородный характер вновь проявился с необычайной силой. Раскол на различных уровнях, конфликт ценностей являлся характерной чертой этнокультурной и социокультурной реальности. Страна до сих пор проходит фазу значительного изменения своего национального и духовного облика. Вследствие усиления давления иных культур неустойчивость и маргинальное положение российской культуры возросли. Всегда свойственные России и её народу культурная эклектичность и противоречивость усилились, маргинальное положение российской культуры как особого поля многократно укрепилось².

В этнокультурном плане феномен маргинальности был тесно связан с процессами разрушения конструкта историко-культурной общности «советского человека» и обострением межнациональных конфликтов. Но в РФ 1990-х гг. культурная маргинальность не превратилась в определяющий фактор общественного развития. Национальность человека, как правило, не предопределяла его попадания в зону маргинальности, хотя нередко создавала потенциальную угрозу этого. В социокультурном плане явно проступило разделение россиян на национальные культуры, ярким примером которого стало религиозное разделение. Мощный подъём традиционного самосознания народов России, наложившийся на межнациональные конфликты и усиление интервенции в страну множества исторически чуждых, а то и откровенно деструктивных клерикальных сил, не мог не обострить проблему конфессионального деления. Но и религиозная маргинальность, вообще мало свойственная России, не приобрела чётких очертаний. Активизация чувств верующих в период становления РФ не приобрела характера оформленной религиозной сегрегации. Нельзя было сказать и о маргинальном положении неверующих граждан, ведь страна на бумаге и в реальности осталась светской.

Культурная маргинальность в кризисной России не стала доминирующей. Она вышла на вполне обычный для многонациональных и многоконфессиональных государств уровень. При этом активно боролись как контрмаргинальные (переход России от имперского состояния СССР с его

¹ Махмутов Т. А. Маргинальность в общественных трансформациях. – М.: Гуманитарий, 2003. – С. 21-22.

² Маслов, Л. А. Свойства маргинальных структур и российский выбор. – Хабаровск: ДВО РАН, 1996. – С. 9-13.

неизбежной маргинальностью относительно отсталых окраин и соответствующим отношением к их населению к более современному национальному государству, ликвидация графы «национальность» в документах и этнических квот в учреждениях), так и явно маргинализирующие тенденции (внутренние миграции, нарастание иммиграции в страну, в том числе беженцев и нелегалов различных национальностей). В рамках культурной маргинальности осложнился процесс культурной идентификации отдельной личности и целых социальных групп. Жизнь в условиях национальных республик требовала опоры на мощную этнокультурную базу народов, а она во многом была целенаправленно и стихийно разрушена в XX в. И ради реанимации этой базы этно- и социокультурные общности вместо сближения и поиска путей объединения шли по пути обособления и активного раздела социокультурного пространства бывшего СССР¹.

В 2000-е гг. в отношении культуры в масштабах всего общества, а также его слоёв и групп продолжался кризис групповой и общесоциальной идентичности. В связи с некоторой стабилизацией ситуации в стране в 2000-х гг. интересна позиция, противопоставляющая культуру как установление порядка и дифференциации хаосу маргинальности с её неупорядоченностью, размытостью, равновероятностью вариантов. В этом случае культура постоянно борется с маргинальностью, но не может никогда её победить окончательно. Сегодняшняя культура России как раз демонстрирует определённую обратную связь между распространением того и другого.

Официальная власть и культура, ранее бесспорно потерявшие право монопольно оценивать культурные аспекты жизни страны, теперь его постепенно возвращают. В ситуации их прежней слабости на мезо- и микроуровнях социума возникло много автономных от них центров влияния, взявших на себя роль культурных эталонов. Тогда, при нечёткости границ субъекта, в данном случае главенствующей культуры, вообще трудно было выделить маргинальное, периферийное по отношению к ней. Несколько легче выделить резко отличное от неё – различные контркультуры. Но в 2000-е гг. отношения в сфере культуры были отчасти упорядочены, и демаркация маргинального и не-маргинального обозначилась чётче².

¹ Аврамова Е. М. Формирование новой российской макроидентичности // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 4. – С. 19-22.

² Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Пер. с англ. – М.: Логос, 2002; Данилова Е. Н. *Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ* // *Социологические исследования*. – 2004. – № 10; Козловски П. *Культура постмодерна*. Пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – С. 123-124; Левикова С. И. *Молодёжная культура*. – М.: Вузовская книга, 2002; Сергеева О. А. *Сергеева, О. А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем* // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 5. – С. 108-110.

Сегодня в сфере культурной маргинальности в России происходит и будет происходить дальнейшая консолидация некоей культурной нормы и того, что явно ей противостоит – маргинальности. Выработка новых эталонов затянулась по времени, они очень эклектичны и сложны. Но поляризация этнокультурных и социокультурных элементов в российском обществе сегодня налицо, хотя она совсем необязательно ведёт к ожесточённой борьбе сил. Упорядочивание элементов и отношений хотя бы в официальной культуре, а также наращивание её силы делают более отчётливым «лицо» страны.

И. В. Дёмин

Самарский государственный аэрокосмический университет

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ КАК РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема соотношения методологии научного исследования и философии науки. Сама философия науки рассматривается при этом в экзистенциально-онтологическом ключе, то есть как региональная онтология. Делается вывод о невозможности включения методологии научного исследования в состав философии науки как региональной онтологии.

Чтобы поставить проблему соотношения методологии и философии и наметить пути её решения в означенном контексте, нужно последовательно ответить на три вопроса:

1. Что понимается под наукой в контексте фундаментальной онтологии?
2. Что такое философия науки и чем она является по отношению к частным («позитивным») наукам?
3. Что такое методология науки, какое место может занимать методология в контексте экзистенциально-онтологической трактовки науки?

1. Экзистенциально-онтологическая (герменевтическая) трактовка науки, предложенная М. Хайдеггером в рамках его проекта фундаментальной онтологии, неоднократно рассматривалась в современной литературе¹. Поэтому

¹ Здесь следует упомянуть работы С.А. Коначевой (Коначева С.А. Фундаментальная и региональная онтология: экзистенциальная аналитика Хайдеггера как критика науки // http://philosophy.pu.ru/userfiles/science/konacheva_2009.doc), А.Б. Паткуля (Паткуль А.Б. Предмет философии и понятие науки в онтологии Хайдеггера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2006; Паткуль А.Б. Проблема соотношения философии и науки в контексте

остановимся лишь на некоторых, наиболее важных для целей данной статьи моментах.

Наибольшее значение для понимания трактовки науки в фундаментальной онтологии имеют § 3 и 4 «Бытия и времени»¹, работа «Наука и осмысление»² и «Цолликонеровские семинары»³.

Прежде всего, нужно отметить, что слово «наука» в контексте фундаментальной онтологии используется в двух принципиально разных смыслах и контекстах. Сама фундаментальная онтология есть не что иное, как *наука о бытии*⁴. Всякая философия суть онтология, то есть наука о бытии. Науки о бытии – это науки онтологические, науки о сущем – науки онтические или «позитивные». Как отмечает А.Б. Паткуль, «решающим шагом для Хайдеггера является отличие бытия как предмета философии от того, что принципиально не составляет и не должно составлять таковой. Предметом всех других наук является *сущее* того или иного рода. Нефилософские науки заняты тем, что исследуют сущее в том, как оно есть»⁵.

Что представляет собой наука в смысле онтических или «позитивных» наук? Как можно её определить?

Е.В. Ушаков выделяет 4 основных смысла или аспекта понятия «наука»:

- 1) наука как система знаний;
- 2) наука как деятельность;
- 3) наука как социальный институт;
- 4) наука как культурно-исторический феномен⁶.

философии науки как дисциплины // Мысль, № 7. 2007), И.В. Демина (Демин И.В. Экзистенциально-онтологическая трактовка науки в её связи с возможностью научной историографии истории науки // Научный молодежный ежегодник. Выпуск II: Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 2007).

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. - Харьков: Фолио, 2003.

² Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Мер. с нем. / Составл., переводы, встп. статья, примеч. А. В. Михайлова. М., 1993.

³ Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. 1992. № 3. С. 82- 97.

⁴ Вопрос о критериях «научности» философии как науки о бытии, о переосмыслении этих критериев в феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера подробно рассматривается в статье А.Б. Паткуля «Проблема научности философской рациональности в феноменологии» (Паткуль А.Б. Проблема научности философской рациональности в феноменологии // Рациональность и свобода. Сборник статей по материалам международной научной конференции. Том II. СПб.: 2006).

⁵ Паткуль А.Б. Предмет философии и понятие науки в онтологии Хайдеггера // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып. 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2006.

⁶ Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М.: «Экзамен», 2005. С. 13.

Подпадает ли хайдеггеровская трактовка науки под одно из перечисленных определений? Или, может быть, она включает все эти аспекты? На оба вопроса нужно ответить отрицательно.

В статье «Наука и осмысление» М. Хайдеггер пишет: «Как и искусство, наука не есть просто культурное занятие человека. *Наука — это способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть*»¹ (здесь и далее курсив мой – И.Д.). Иными словами, «проект» науки заранее уже *разомкнул, то есть определённым образом уже представил* всё сущее.

Далее, в этой же статье, Хайдеггер ставит вопросы и отвечает на них: «Является ли наука *лишь* делом человеческих рук, *просто* взвинченным до небывалого размаха, так что можно было бы считать, что в один прекрасный день по воле людей, решением каких-нибудь комиссий ее удастся снова упразднить? Или здесь совершается *какое-то более великое событие*? Не правит ли в науке еще и нечто другое, а не просто человеческая любознательность? Да, так оно и есть. Здесь властвует что-то другое. *Только это "другое" скрыто от нас, пока мы цепляемся за привычные представления о науке*»². Обратим внимание: Хайдеггер вовсе не отрицает, что наука – «дело человеческих рук», следовательно, не отрицает традиционное «расхожее» понимание науки. Он лишь говорит, что наука не является *только лишь* «делом человеческих рук», и уточняет, что её нельзя упразднить «решением каких-нибудь комиссий». Наука – это *дело человека* не в том смысле, что человек может взять и бросить делать это дело (и тогда не будет никакой науки), а в том смысле, что это дело делается только силами самого человека.

Означает ли все сказанное, что традиционные смыслы и трактовки науки как «системы знаний», «познавательной деятельности», «социального института», «культурно-исторического феномена» неверны? Ни в коей мере. Все эти трактовки верны, но они не являются исходными. В исходно-онтологическом смысле наука есть модус бытия-в-мире и способ представленности всего сущего. Именно в этой своей исходности наука и должна быть осмыслена в рамках дисциплины, которую традиционно именуют «философией науки».

2. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера уходит от традиционного, «расхожого» понимания науки не с тем, чтобы его отвергнуть, но с тем, чтобы его *обосновать*. То же самое можно сказать и о «философии науки».

Традиционное понимание философии науки сводится к тому, что эта дисциплина «дает ученому базовые теоретические и методологические принципы»³. Впрочем, решение вопроса о статусе и задачах этой дисциплины

¹ Хайдеггер М. Наука и осмысление // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Составл., переводы, встп. статья, примеч. А. В. Михайлова. М., 1993. С. 92.

² Хайдеггер М. Наука и осмысление... С. 92.

³ Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. С. 10.

всцело зависит от того, как будет решен вопрос о *соотношении* философии и науки.

А.Б. Паткуль выделяет 3 модели соотношения философии и науки. Отношение философии к частным «позитивным» наукам в рамках этих моделей А.Б. Паткуль обозначает, соответственно, как «обслуживающее», «замещающее» и «обосновывающее»¹. Фундаментально-онтологической (экзистенциально-герменевтической) трактовке науки созвучна именно «обосновывающая» модель соотношения философии и науки. В рамках этой модели «философия упреждающим образом делает позитивные науки как науки обоснованными»². «Философия задается такими всеобщими и фундаментальными вопросами, связанными с науками и изучаемой ими предметностью, которые принципиально и ни при каких условиях не могут быть поставлены и разрешены в рамках самих позитивных наук и их средствами». В приведённых цитатах под «философией» понимается не фундаментальная онтология, но философия науки. Что представляет собой «философия науки» и какой статус она получает в контексте фундаментальной онтологии?

Философия науки суть онтология, но очевидно, что философией науки не исчерпывается вся философия (онтология). Философия науки в контексте экзистенциально-онтологической трактовки науки получает статус *региональной онтологии*. Что такое «региональная онтология» и как региональная онтология соотносится с онтологией фундаментальной?

Региональная онтология вообще – это *предваряющее исследование той или иной предметной сферы* или бытийного региона сущего. В рамках региональной онтологии осуществляется *донаучная* тематизация определенного бытийного региона сущего. Тематизация («раскрытие») сущего в рамках региональной онтологии является донаучной в том смысле, что она необходимо (логически и/или онтологически) предшествует научным изысканиям той или иной дисциплины. «Так как всякая наука, – пишет Хайдеггер, – имеет дело с какой-нибудь областью сущего, она уже необходимо приобщена и отнесена к открываемости этого сущего как сущего, т.е. к главным определениям своего бытия; например, физика – к причине, действию, материи, силе, закону... Физика основана на невысказанной онтологии»³. Наука физика основана на региональной онтологии природы и нуждается в последней как в своём основании. Но тем самым ещё не сказано, что назначение того, что именуется региональной онтологией природы, сводится к «обслуживанию» наличных форм естествознания. «Философия природы» как региональная онтология, очевидно, возможна и вне всякого естествознания. В этой же работе содержится важная онтологическая характеристика науки («новоевропейской науки») как «априорного

¹ См.: Паткуль А.Б. Проблема соотношения философии и науки в контексте философии науки как дисциплины // Мысль, № 7. 2007.

² Там же.

³ Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. 1992. № 3. С. 90.

проекта». Впрочем, под это формальное определение («априорный проект») подпадает не только наука, но и другие фундаментальные *способы быть* («религия», «искусство», «политика» и пр.). Региональная онтология, таким образом, – это не что иное, как *реконструкция* того или иного «априорного проекта».

В рамках фундаментальной онтологии проводится различие и обоснование фундаментальных способов быть, бытийных регионов, модусов бытия-в-мире или «априорных проектов». Характеристика и тематизация их входит в компетенцию не фундаментальной, но соответствующих региональных онтологий. Если вопрос фундаментальной онтологии – это вопрос о смысле бытия вообще, то основной вопрос региональной онтологии – это вопрос о смысле того или иного *экзистенциально значимого модуса бытия*. Вопрос о *соотношении* различных модусов бытия – это вопрос фундаментальной, а не региональной онтологии. Философия науки как региональная онтология не может поэтому ставить и решать вопрос о соотношении «науки» и «религии».

В связи с этим нельзя согласиться с той трактовкой статуса философии науки, которую предлагает А.Б. Паткуль. «Философия науки, - пишет А.Б. Паткуль, - должна рассматривать науку,... показывая, почему именно научная деятельность не случайным, а необходимым образом принадлежит существу человека, почему тот без науки оказывается немислимим в своем бытии как таковой. Равным образом философия науки должна демонстрировать, как наука соотносится с другими существенными возможностями человека, такими как религиозная вера, искусство, политическая жизнь, повседневность и т.д.»¹. В приведённом фрагменте философия науки, фактически, отождествляется с фундаментальной онтологией. Философии науки приписываются задачи, входящие в компетенцию фундаментальной онтологии.

В составе философии науки А.Б. Паткуль предлагает различать общую философию науки и специальные разделы философии науки: «Философия науки должна быть дисциплиной, состоящей из двух частей. Первой частью должна выступать общая философия науки, а второй – специальные разделы таковой»². При этом «специальная философия науки спрашивает, с одной стороны, о сущности предметности изучаемой *определёнными* науками в ее всеобщем измерении, а с другой стороны, о способе существования этой предметности, поскольку эти вопросы не могут быть поставлены и разрешены самими науками»³. Специальные части философии науки «более всего подходят на то, что в истории философии, прежде всего, благодаря философии феноменологической, известно под названием региональных онтологий»⁴.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

А.Б. Паткуль подчёркивает, что «специальная философия науки или, точнее, специальные части философии науки *должны выступать как философии предметностей, изучаемых науками, но не как философии наук самих по себе*»¹. А «специальные части философии науки выступают учением о существующем, поскольку оно существует, как, собственно, и философия как таковая, но только определенным образом, в определенном роде и в определенном отношении»². Поэтому выражения «философия математики», «философия физики» являются некорректными. Корректными же выражениями признаются, соответственно, «философия математического» и «философия природы»³.

Но, если следовать этой трактовке, то и философию (онтологию) исторического, и онтологию религии, и онтологию социума («социальную философию») тоже следует включить в состав философии науки на правах её «специальных частей». В итоге, все «философские дисциплины» оказываются включенными в состав философии науки (на том основании, что наука изучает всё сущее вообще, а не какой-то особый вид сущего), которая, тем самым, перестаёт быть региональной онтологией и трансформируется в онтологию фундаментальную. Посмотрим, какая иная трактовка статуса философии науки в контексте проекта фундаментальной онтологии здесь ещё возможна.

Наука изучает «физическое», «историческое», «социальное» и пр., но при этом сущность физического, исторического и социального не исчерпывается их научным «изучением». Физическое, чтобы быть физическим, отнюдь ещё не нуждается в науке физике. Историческое не сводится к историографическому и имеет место и помимо всякого историографического описания. Точно так же, социальное не сводится к социологическому и не исчерпывается им. Означает ли это, что физическое, историческое, социальное трактуются в «объективистском» смысле, так, как если бы они *сначала* «имелись в наличии», а *потом* могли стать «предметом научного изучения»? Вовсе нет. Дело в том, что наука, будучи определённым модусом «размыкания» сущего, отнюдь не является *единственным* модусом.

Философия науки как региональная онтология должна определить условия возможности того, что именуется «научным познанием». Под «условиями возможности» здесь понимаются не методологические, социально-исторические или какие-либо иные *онтические* предпосылки науки (то есть не какое-либо сущее, изучаемое частной наукой), но предпосылки *онтологические*. Можно сказать, что философия науки как региональная онтология – это донаучная

¹ Там же.

² Там же.

³ Важно подчеркнуть, что философия природы и философия естествознания – это не две различные философские дисциплины, но *одна* региональная онтология, которая проясняет экзистенциально-онтологический смысл того сущего, которое в классической метафизике принято именовать «природой».

тематизация того бытийного региона, того измерения бытия, в котором всё сущее бытийствует как «объект науки» и в котором только и возможно то, что именуется «научным исследованием». То есть философия науки – это *донаучная тематизация науки*? Именно так. Ведь сама наука является объектом изучения целого ряда научных дисциплин (которые иногда объединяют термином «науковедение»). Философия науки как региональная онтология предшествует всякому научному изучению науки (и как познания, и как системы знания, и как культурного-исторического феномена) и онтологически фундирует его. Поэтому философия науки ни в каком смысле не может входить в состав дисциплин, «изучающих» науку, не может входить в состав науковедения¹.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом, что же в собственном и специфическом смысле слова является «научным»? Или, другими словами, что делает науку наукой? Несмотря на всю дискуссионность и неоднозначность этого вопроса, формальный ответ на него очевиден – это методология. Что же такое методология и как соотносятся философия науки и методология науки?

3. Сам термин «методология» многозначен. Он применяется для характеристики не только научного познания, но и других видов деятельности. Новейший философский словарь дает такое определение методологии: «учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности человека»². Применительно к научному познанию методологию (научную методологию) можно определить как учение о способах организации и построения научного знания. В определении сказано, что методология есть *учение*, то есть *наука*. К какому из двух типов наук следует отнести методологию как учение о способах организации и построения научного знания: к онтическим наукам (наукам о сущем) или к онтологическим наукам (наукам о бытии)? Чтобы

¹ Это особенно следует подчеркнуть, так как во всех учебниках по философии и методологии науки философия науки рассматривается как дисциплина, *входящая в состав «науковедения»*. В качестве примера можно привести цитату из учебника Е.В. Ушакова: «Сегодня существует обширное комплексное направление, объединяющее различные дисциплины вокруг многостороннего изучения науки — *науковедение*. Ведущую роль в нем играют наиболее общие, т.е. философские, дисциплины. Однако непреходимой пропасти между философией науки и специальными науковедческими направлениями нет. Философия науки активно использует материал конкретных исследований, и, соответственно, специальные дисциплины существенно связаны с исходными установками и концепциями философии науки» (Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М.: «Экзамен», 2005. С. 16). В контексте экзистенциально-онтологической интерпретации науки философия науки не только не может быть включена в состав науковедения (которое есть комплекс *научных* дисциплин, изучающих определённое сущее), но и едва ли может «использовать материал» специальных науковедческих дисциплин. Философия науки как региональная онтология суть наука о бытии (точнее, об определённом экзистенциально значимом модусе бытия), а не о сущем.

² Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003. Автор статьи – А.А. Грицанов.

ответить на этот вопрос, посмотрим, какие вопросы традиционно включают в компетенцию этой науки.

А.Я. Баскаков и Н.В. Туленков, авторы учебного пособия по методологии научного исследования, отмечают, что «понятие "методология науки" нередко употребляется в самых различных смысловых выражениях»¹. «Иногда под методологией науки понимается вся философия вообще или философия науки в частности. Конечно, методология научного исследования теснейшим образом связана с философией, поскольку именно последняя служит мировоззренческой основой любой методологии. Но это не означает, что методологические проблемы полностью совпадают с философскими»². Не вызывает сомнений, что в рамках расхожего понимания философии как «мировоззрения» философия науки и не может быть ничем иным, кроме как «мировоззренческой основой методологии». Важным здесь представляется другое: чёткая грань между методологией науки и философией не проводится, да она и не может быть проведена в контексте расхожего понимания последней. Расхожее понимание философии науки тяготеет к включению методологии научного познания в состав философии науки и гносеологии: «Методология как наиболее общее учение о методах не сводится к простой совокупности ни частных, ни общих методов исследования. Она изучает прежде всего возможности и границы применения этих методов в процессе постижения научной истины. Справедливее всего считать ее специальным разделом гносеологии, который исследует формы и методы научного познания»³.

Методология научного исследования имеет дело с наукой не как с определённым модусом бытия, но как с определённой сложившейся и развивающейся познавательной «практикой». Следовательно, в контексте фундаментально-онтологической трактовки науки методология научного исследования не может быть включена в состав философии науки как региональной онтологии. Философия науки как региональная онтология является *основой* для методологии как науки о способах организации и построения научного знания⁴.

¹ Баскаков А. Я., Туленков Н. В. Методология научного исследования: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. — К.: МАУП, 2004.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Региональная онтология науки выступает в качестве онтологического фундамента методологии научного познания как позитивной науки, но философия науки не может онтологически фундаментализировать основопонятия конкретных позитивных наук, изучающих тот или иной вид сущего. Так, например, онтологическим фундаментом исторической науки является не философия науки, но философия истории, понятая как онтология исторического. Но философия науки как региональная онтология является онтологическим фундаментом *методологии* исторического познания как особой дисциплины, позволяющей историческому познанию быть «научным».

Нельзя согласиться с С.А. Коначевой в том, что «предваряющее исследование предметной сферы различных наук одновременно оказывается в качестве методологии науки и региональной онтологией, поскольку рассматривает соответствующее сущее в свете отношения Dasein к нетематически сопоставленному с ним смыслу бытия»¹. Региональная онтология *изначально* вовсе не есть предваряющее исследование предметной сферы *различных наук*. Хотя региональную онтологию, безусловно, можно рассматривать и в этом качестве. *Изначально* региональная онтология является предваряющим исследованием какого-либо фундаментального модуса бытия и соотношенного с ним бытийного региона сущего.

Тематизация того или иного бытийного региона сущего, осуществляющаяся в рамках региональной онтологии, всегда *предшествует* конкретно-научному изучению этого сущего, но совсем не обязательно *предваряет* его. Так, например, экспликация экзистенциально-онтологического смысла историчности в рамках философии истории как онтологии исторического сохраняет свою значимость независимо от какого-либо исторического познания. Научная историография является только одной из форм бытия исторического (наряду с историческим романом, публицистикой, мифом или обыденным опытом истории). Философия истории как историческая онтология, безусловно, проясняет основопонятия исторической науки, но это не является её основной или единственной задачей. Историография, таким образом, поскольку она является *научным* познанием (то есть познанием, использующим научные методы), имеет своим основанием *философию науки*; поскольку же она есть наука *историческая* (имеющая своим предметом определённый бытийный регион сущего, историческое), она опирается на *философию истории* как онтологию исторического.

Строго говоря, философия науки как региональная онтология фундирует не конкретные частные науки *в их предметной специфике*, но *методологию* научного познания как особого рода позитивную науку.

На необходимость различения методологии научного познания и региональной онтологии прямо указывает Хайдеггер в § 3 «Бытия и времени» («Онтологическое преимущество вопроса о бытии»): региональная онтология («основополагание наук») «как бы опережающим скачком вступает в определенную бытийную область, впервые размыкает ее в устройстве ее бытия и подает добытые структуры в распоряжение позитивных наук как прозрачные ориентиры для вопрошания»². «Так напр., философски первична не теория формирования понятий историографии и не теория историографического познания, однако также и не теория истории как объекта историографии, но

¹ Коначева С.А. Фундаментальная и региональная онтология: экзистенциальная аналитика Хайдеггера как критика науки // http://philosophy.pu.ru/userfiles/science/konacheva_2009.doc

² Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. - Харьков: Фолио, 2003.

интерпретация собственно историчного сущего на его историчность»¹. Под «теорией историографического познания» здесь, несомненно, понимается то, что в отечественной литературе принято именовать «методологией истории» (или «методологией исторического исследования»), под «теорией истории» понимается спекулятивная «теория исторического процесса», а под «интерпретацией собственно историчного сущего на его историчность» – сама философия истории, понятая как региональная онтология, как онтология исторического. При этом региональная онтология исторического, имея в виду донаучное, дотематическое понимание историчности, отнюдь ещё не нуждается ни в какой «научной историографии».

Историческое познание, коль скоро оно желает претендовать на научность, должно быть познанием методическим, методически организованным. Отсюда – необходимость «методологии исторического исследования». Методология исторического познания определяется, в свою очередь, как спецификой той бытийной области (то есть науки), в которой познаваемое сущее открыто для научного познания (поскольку она методология *научного* познания), так и спецификой познаваемого предмета (поскольку она методология *исторического* познания). Ответ на вопрос, что же, собственно, является предметом исторической науки, в чем его *онтологическая* специфика, может быть получен лишь в рамках философии истории, понятой не как спекулятивная теория исторического процесса и не как методология исторического познания (так как методология на этот вопрос как раз и не отвечает), но как региональная онтология, как онтология исторического.

Из всего сказанного следует, что философия науки является региональной онтологией, конечно же, в *ином* смысле, нежели, например, философия истории или философия политики (хотя бы потому, что само понятие «бытийный регион сущего» имеет разный смысл, в зависимости от того, о каком «регионе» идёт речь – о науке, истории или, например, политике). О каком смысле здесь идёт речь? Чтобы прояснить сам этот вопрос (не говоря уже о том, чтобы на него ответить), нужно обратиться к фундаментально-онтологическому концепту *бытийного региона сущего*.

Что такое (бытийный) регион сущего и как определяются его границы? Ясно, что выделение бытийных регионов (соответственно, региональных онтологий) не может быть привязано к конкретным позитивным наукам. Ясно также, что само различение предметных областей сущего должно проводиться в рамках фундаментальной онтологии как экзистенциальной аналитики Dasein. Но что является основанием для выделения тех или иных бытийных регионов сущего (соответственно, региональных онтологий)? Сам этот вопрос об основании выделения региональных онтологий нуждается в фундаментально-онтологическом осмыслении.

¹ Там же.

И.В. Дёмин, к. филос. н.

Самарский государственный аэрокосмический университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЛИКАЦИЙ СМЕРТИ У М. ХАЙДЕГГЕРА И Ж.-П. САРТРА

В статье проводится сравнительный анализ двух феноменологических трактовок феномена смерти – М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра.

Тема смерти всегда занимала одно из важнейших мест в философии. Анализ феномена смерти имеет большое значение и в контексте феноменологической (экзистенциально-феноменологической) философии. Но, уже в рамках самой феноменологии, возможны различные стратегии онтологического описания феномена смерти. В данной статье мы остановимся на двух трактовках смерти, представленных в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и в феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра.

Сначала обратим внимание на некоторые черты формального сходства трактовок смерти у Хайдеггера и Сартра. Прежде всего, феноменология не даёт содержательного описания смерти. Феноменология не изучает причины, виды и обстоятельства смерти. Феноменологию вообще не интересует смерть как *эмпирический факт*. И Хайдеггера и Сартра смерть интересует как онтологическая (феноменологическая) проблема.

Феноменология также ничего не может сказать о должном или недолжном отношении к смерти. Тем более, феноменология «ничего не утверждает о том, будет ли после смерти что-то еще, тем более о том, что это будет»¹. Феноменологическая экспликация смерти осуществляется «в радикальнейшей посюсторонности, а именно ввиду того, чем может быть смерть сущего — того или иного вот-бытия»². Традиционные вопросы о бессмертии, о соотношении смерти и бессмертия не могут быть рассмотрены в рамках феноменологии. Эти вопросы вообще выходят за пределы компетенции феноменологической философии. При этом Хайдеггер не отказывается традиционным вопросам о смерти в осмысленности, но лишь утверждает, что экзистенциальная аналитика смерти с необходимостью предваряет и фундирует их.

В обоих проектах феноменологической онтологии утверждается невозможность рассматривать смерть как переход к чему-то иному, переход от человеческого состояния к «нечеловеческому». «Человек, - пишет Сартр, - не может больше ничего встретить, кроме человеческого. Не существует больше *другой стороны* жизни, а смерть является человеческим феноменом, именно

¹ Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/pro2.htm> (дата обращения: 11.10.11)

² Там же

конечным феноменом жизни, еще жизни»¹ (курсив Сартра. – И.Д.). «Само понятие нечеловеческого есть понятие человека... Смерть ничего нам не открывает, кроме нас самих, и с человеческой точки зрения»². Строго говоря, феноменологический подход к анализу смерти нельзя даже назвать «радикально посюсторонним», так как само различие «потустороннего» и «посюстороннего», во многом фундирующее богословский и религиозно-философский дискурсы, в феноменологии утрачивает какое-либо значение. Феноменология ничего не может сказать о смерти «самой по себе» (если допустить, что можно вообще говорить о смерти «самой по себе»), но только о смерти в контексте человеческого бытия, в контексте экзистенции³.

К числу формальных сходств двух концепций можно отнести также и то, как трактуется онтологический статус феномена самоубийства. Оба, Сартр и Хайдеггер, отказывают самоубийству в каком-то особом онтологическом значении. Феномен самоубийства не привносит ничего нового в бытийное устройство экзистенции и, по сути, ничего не даёт для понимания «места» смерти в структуре человеческого бытия.

Остановимся теперь на экзистенциально-онтологической трактовке смерти в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера.

Феноменологическое исследование, по Хайдеггеру, представляет собой «интерпретацию сущего в аспекте его бытия»⁴. Применительно к предмету нашего рассмотрения это означает, что смерть берётся не как характеристика некоего сущего (Dasein⁵), но как *структура бытия* этого сущего, как структура экзистенции.

Первое, что отмечает Хайдеггер в своей феноменологической экспликации смерти, – это её неустранимо «личный» характер: «смерть — это всегда моя смерть, т.е. она принадлежит мне, поскольку я существую»⁶. Здесь, по сути, нет ничего нового: коль скоро Dasein определяется как сущее, «которое есть всегда я сам», то и смерть, которая каким-то образом принадлежит бытию Dasein, – это всегда «моя смерть». Тем самым подчёркивается

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. Перевод В.И. Колядко. М., 2000. С. 541.

² Там же.

³ В дальнейшем мы увидим, что Сартр не до конца выдерживает эту позицию и даёт содержательное определение смерти как таковой, отходя тем самым, от заявленных феноменологических презумпций.

⁴ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/pro2.htm> (дата обращения: 11.10.11)

⁵ Мы предпочитаем оставлять это ключевое понятие хайдеггеровской онтологии без перевода. В.В. Бибихин переводит этот термин как «присутствие» (Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003.); Е. Борисов переводит его как «вот-бытие» (Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/pro2.htm> (дата обращения: 11.10.11).

⁶ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени.

сущностное, то есть онтологическое различие «моей смерти» и «смерти другого». Феноменология вообще ничего не может сказать о смерти другого¹; смерть, о которой говорит феноменология, - это всегда и неустранимо «моя смерть».

Феномен смерти анализируется Хайдеггером в аспекте завершенности (законченности), которой может обладать Dasein. Хайдеггер отмечает, что само понятие завершенности (законченности) имеет принципиально *разный* смысл, в зависимости от того, идёт ли речь о «вещах мира» («внутримиром сущем») или о Dasein («присутствияразмерном сущем»). «Когда вот-бытие, - пишет Хайдеггер, - достигает такого бытия, в котором уже нет ничего, чего бы ему недоставало, т.е. когда вот-бытие закончено, тогда оно в своей законченности уже не есть то, что оно есть. Применительно к вот-бытию законченность означает уже-не-бытие. Напротив, сущее, которое встречается озабоченности, лишь будучи законченным, наличным, имеет полную возможность для выполнения своих функций в качестве произведенного и используемого (стол, книга, прибор любого типа). Применительно к наличной вещи мира законченность как раз-таки впервые означает наличное бытие и пригодность к использованию. Таким образом, мы получили два различных феномена достигнутой полноты и целостности. Это различие касается отношения достигнутой полноты к бытию сущего, становление которого завершено. В соответствии с фундаментальным различием видов бытия, присущих вещи мира и вот-бытию слово "законченный" получает разные значения»². Основная мысль данного фрагмента в том, что Dasein не может быть законченным в том смысле, в каком законченной может быть вещь. «Законченность» в смысле «законченности вещи» означает как раз уже-небытие Dasein. Dasein принципиально, то есть в силу своего онтологического устройства, не может *быть* законченным. Следовательно, нельзя рассматривать смерть Dasein как некий «последний штрих», завершающий картину. Смерть вообще нельзя рассматривать как нечто «приходящее извне».

В «Бытии и времени» Хайдеггер поясняет, как следует понимать законченность (завершенность) Dasein. «В каком смысле, - спрашивает Хайдеггер, - вообще надо понимать смерть как скончание присутствия?»³ И отвечает: «В смерти присутствие ни вполне закончено, ни просто исчезло, ни тем более стало готово или как подручное вполне доступно»⁴. «Подобно тому как присутствие,... пока оно есть, постоянно уже *есть* свое еще-не, так *есть* оно всегда уже и свой конец. Подразумеваемое смертью окончание значит не законченность присутствия, но *бытие к концу* этого сущего. Смерть - способ быть, который присутствие берет на себя, едва оно есть»⁵. «Едва человек

¹ То есть о смерти как об эмпирическом («онтическом») факте, на который Dasein «наталкивается» в своём бытии.

² Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков, 2003. С. 278.

⁴ Там же. С. 279.

⁵ Там же.

приходит в жизнь, он сразу же достаточно стар чтобы умереть»¹ (курсив Хайдеггера. - И.Д.). В этом фрагменте содержится ключевая для хайдеггеровской интерпретации онтологическая характеристика смерти как «способа быть». Смерть – это способ *Dasein* быть, а экзистенция есть не что иное, как бытие-к-смерти, бытие-к-концу. Последнее ещё нуждается в прояснении, так как может возникнуть соблазн истолковать этот «конец» наивно-метафизически, как некую «границу», к которой «устремлено» *Dasein*.

«Смерть есть возможность бытия, которую присутствие всякий раз должно взять на себя само. Со смертью присутствие стоит перед собой в его самой своей способности быть. В этой возможности речь для присутствия идет напрямую о его бытии-в-мире. Его смерть есть возможность больше-не-способности-присутствовать. Когда присутствие предстоит себе как эта возможность самого себя, оно полностью вручено наиболее своей ему способности быть... Эта наиболее своя, безотносительная возможность вместе с тем предельнейшая. Как способность быть присутствие не может обойти возможность смерти. Смерть есть возможность прямой невозможности присутствия. Таким образом, смерть открывается как наиболее своя, безотносительная, не-обходимая возможность»². В этом фрагменте смерть раскрывается как *возможность Dasein*. Здесь необходимо пояснить онтологический статус самого понятия возможности: возможность в контексте экзистенциальной аналитики есть то, чем является *Dasein* в своём бытии, а не то, чем оно «обладает» или «распоряжается». Иными словами, речь идёт не о какой-то онтической возможности, но об онтологической возможности как возможности-быть. Так вот, смерть есть возможность-быть. Но это не просто одна из возможностей (один из способов) быть; смерть характеризуется как «наиболее своя, безотносительная, не-обходимая возможность». Бытие-к-смерти (бытие-к-концу) – это, таким образом, не бытие к «границе», за которой *Dasein* просто «перестаёт быть», это бытие-к-*возможности*.

Смерть *всегда* сохраняет свой бытийный характер *возможности*. Это не простая вероятность внешнего и случайного по отношению к нашему бытию «факта», но это возможность, которой мы сами всякий раз являемся в своём бытии. Бытие-к-смерти – это бытие-к-своей-возможности-быть. Хайдеггер подчёркивает, что «под "бытием-к-возможности" следует понимать не "осуществление" той или иной возможности»³. Бытие-к-смерти, следовательно, не означает «самоубийства». «В бытии к смерти... возможность должна быть понята неослабленно как *возможность*, как *возможность* развернута и в обращенности к ней как *возможность выдержана*»⁴ (курсив Хайдеггера. – И.Д.).

В данной статье мы не рассматриваем вопрос о двух модусах бытия-к-

¹ Там же.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 297

⁴ Там же.

смерти, так как сама онтологическая структура экзистенции не зависит от того, в каком модусе (собственном или несобственном) совершается экзистирование. Здесь достаточно будет заметить, что несобственный модус бытия-к-смерти («бегство от смерти») лишь *заслоняет* исходно-онтологический характер смерти как возможности-быть, но, конечно же, не *устраняет* его: «Бытие к концу возникает не порою лишь всплывающей установкой, но по сути принадлежит брошенности присутствия, так или иначе обнажающейся в расположении (настроении). Всякое царящее в присутствии фактичное "знание" или "незнание" о наиболее своем бытии к концу есть лишь выражение экзистентной возможности по-разному держаться в этом бытии. Что фактично многие ближайшим образом и большей частью о смерти не знают, нельзя выдавать за доказательство того, что бытие к смерти не "всеобще" принадлежит присутствию, а лишь того, что присутствие ближайшим образом и большей частью себе это наиболее свое бытие к смерти, в бегстве *от* него, скрывает»¹ (курсив Хайдеггера. – И.Д.). В этом фрагменте подчёркивается исходно-онтологический статус бытия-к-смерти как бытия-к-возможности.

Экзистенциальная аналитика бытия-к-смерти М. Хайдеггера не содержит в себе никаких этических коннотаций и максимально дистанцируется от традиционного метафизического контекста осмысления смерти. Этого не учитывает, в частности, А.Б. Демидов в своей книге «Феномены человеческого бытия»². Обратимся к его интерпретации. «Свое... собственное существование – тот факт, что он *есть*, человек принимает во внимание и осознает благодаря феномену смерти, в котором открывается, что человек может *не быть*. Иначе говоря, именно возможность *не быть* побуждает человека осмыслить, что же такое *быть*... Пребывать в мире, быть живым – значит существовать к смерти. Человек, в отличие от других живых существ, способен осознавать свою смертность и тем самым – истину своего бытия, что он – *есть*. Когда человек "забывает" эту истину, его существование, как полагает Хайдеггер, не является подлинным. Оно становится подобным существованию вещей или живых существ, не сознающих того, что они есть, что они принадлежат *бытию*»³ (курсив Демидова. – И.Д.). Такая интерпретация бытия-к-смерти устраняет из хайдеггеровской аналитики самое существенное. Онтологическая структура экзистенции определяется отнюдь не тем фактом, что человек, в отличие от прочих живых существ, «способен осознавать свою смертность» (это неоднократно отмечалось и до Хайдеггера). Человек, как это было показано выше, как раз может и не «осознавать» свою смертность, но это ни в коей мере не ставит под вопрос саму онтологическую структуру бытия-в-мире как бытия-к-смерти. В этой интерпретации упускается, что «возможность не быть» - это вовсе не простая вероятность, с которой сталкивается человек и которую он может в

¹ Там же.

² См.: Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999.

³ Там же.

той или иной степени «осознавать». Человек (точнее, Dasein) – это и *есть* своя «возможность *не быть*».

«Смерть, - пишет А.Б. Демидов, - как раз и есть... *предел*, который придает какие-то очертания бытию, *определяет* его. Не помыслив своей смерти, невозможно осознать свое бытие, свое пребывание (Dasein) в мире и возвыситься к "подлинному существованию", достойному человека»¹. То есть смерть, «определяя» бытие, придаёт ему смысл. Человек, «осознав» возможность и угрозу смерти («небытия»), способен возвыситься к «подлинному существованию». Интерпретация А.Б. Демидова не учитывает феноменологический (то есть принципиально *неметафизический*) характер онтологии Хайдеггера. Смерть у Хайдеггера – это не предел, не граница, отделяющая «бытие» от «небытия»², не простая вероятность небытия, постоянно подстерегающая человека и придающая «смысл» его жизни; смерть – это возможность быть (не быть)³, возможность, которая всегда сохраняется *именно в качестве возможности*, откуда Dasein экзистирует, то есть пребывает в мире.

Посмотрим теперь, как трактуется смерть в феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра.

В своём рассмотрении феномена смерти Сартр полемизирует с хайдеггеровской экзистенциальной аналитикой. Прежде всего, Сартр возражает против трактовки смерти как всегда и неустранимо «моей смерти», указывая на «круг» в рассуждениях Хайдеггера: «Окружной путь, реализованный Хайдеггером, достаточно легко раскрыть; он начинается с того, что индивидуализирует смерть каждого из нас, указывая, что она является смертью *личности*, индивида, "единственной вещью, которую никто не может сделать за меня"; после чего он использует эту несравнимую индивидуальность, которую он придал смерти, исходя из Dasein, чтобы индивидуализировать само Dasein. Проектируя себя к окончательной возможности, Dasein достигнет аутентичного существования и оторвется от повседневной пошлости, приобретая незаменимое единство

¹ Там же.

² Категория «небытия», имеющая столь большое значение в европейской метафизике, в фундаментальной онтологии Хайдеггера может быть истолкована разве что в качестве одного из модусов бытия-в-мире.

³ Экзистенциально-онтологически «возможность быть» и «возможность не быть» - это *одно и то же*, поскольку эта возможность всегда сохраняет свой характер возможности, не предполагая никакой «реализации», никакого «осуществления». Dasein *всегда* остаётся в своём бытии этой *возможностью*. Даже самоубийство, как было показано выше, нельзя рассматривать в качестве «реализации» возможности Dasein «не быть». Можно сказать, что смерть – это никогда не реализуемая возможность Dasein «не быть». Причём «неосуществимость» этой возможности связана не с какими-то онтическими трудностями «ухода из жизни», эта неосуществимость вытекает из самого бытийного (временного) устройства Dasein.

личности. Но здесь налицо круг»¹. Нужно признать, что круг, а точнее, тавтология в экзистенциальной аналитике действительно имеет место (что признаёт и сам Хайдеггер), но «тавтологическую» структуру имеет *всякое вообще* исходно-онтологическое разыскание. В то же время, вряд ли можно признать интерпретацию Сартра вполне корректной. Хайдеггеровскую аналитику бытия-к-смерти Сартр интерпретирует в терминах *своей* онтологии. В частности, бытие-в-мире Dasein интерпретируется как для-себя-бытие (как «ничтожение» в-себе), а бытие подручного и наличного (Сартр вообще не различает эти два вида внутримирового сущего) интерпретируется как в-себе-бытие. Такая интерпретация не соответствует «духу» и основной интенции фундаментальной онтологии, существенно упрощает и искажает её.

Согласно Сартру, смерть становится моей смертью, только если я уже помещаю себя в «перспективу субъективности»: «Именно моя субъективность, определенная дорефлексивным Cogito, делает мою смерть незаменимо субъективной, а не смерть дает незаменимую самость моему для-себя»². Сартр полемизирует с точкой зрения, согласно которой смерть есть «событие, которое касается только меня», приписывая эту точку зрения Хайдеггеру. Но, согласно Хайдеггеру, смерть вообще нельзя рассматривать как *событие*. Скорее уж, смерть, по Хайдеггеру, есть то, что *делает возможным* всякое событие и всякое со-бытие.

Сартр полемизирует также с другим ключевым положением экзистенциальной аналитики бытия-к-смерти, согласно которому смерть есть бытийная возможность Dasein. Смерть, «это постоянное появление случайности внутри моих проектов не может быть понята, как *моя* возможность, но, напротив, как ничтожение всех моих возможностей, ничтожение, которое *само не составляет больше части моих возможностей*»³ (*курсив Сартра. – И.Д.*). Здесь мы имеем дело с совсем иным пониманием возможности, нежели в онтологии Хайдеггера. Сартр говорит о возможности в смысле *вероятности*. Возможность здесь - это характеристика в-себе-бытия вещей. Возможность здесь – это ещё-недействительность. Хайдеггер же исходит из того, Dasein есть не что иное, как своя собственная возможность-быть. Говоря о том, что смерть является всегда «возможным ничтожением моих возможностей», Сартр имеет в виду, что смерть - это всегда уже имеющаяся в наличии, всегда уже подстерегающая нас *вероятность*. Вероятность чего? Вероятность *небытия*.

Смерть нельзя рассматривать в качестве возможности для-себя-бытия, так как, согласно Сартру, всякая возможность – это *выбранная* возможность⁴.

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03/> (дата обращения: 11.10.11)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Здесь – опять же, различное понимание самой категории возможности у Хайдеггера и у Сартра. Хайдеггер понимает возможность *онтологически* (возможность не как

Смерть же «не является свободным определением нашего бытия»¹. Это значит, что смерть как *таковая*, по Сартру, не является результатом нашего выбора. Всё, что в для-себя-бытии не является результатом выбора (свободы), Сартр обозначает термином «фактичность». В феноменологии Сартра смерть есть «факт», причём факт неустранимо случайный: «Моя смерть, не будучи моей собственной возможностью, является случайным фактом, который как таковой в принципе ускользает от меня и первоначально принадлежит к моей фактичности»². «Смерть есть чистый факт, как и рождение. Она приходит к нам извне и преобразует нас во внешнее. В сущности, она совсем не отличается от рождения, и именно эту тождественность смерти и рождения мы называем фактичностью»³. Моя смерть (как и моё рождение) не является моей возможностью. Смертность (рождённость) – это то, что я не выбираю. Но это некий «фон», на котором происходит выбор всего остального.

Таким образом, феноменологическая онтология Сартра вообще не рассматривает смерть как онтологическую структуру экзистенции. Смерть – внешняя (и как следствие этого *неустранимо случайная*) граница человеческой реальности. Смерти вообще нет места в для-себя-бытии: «для-себя есть бытие, всегда требующее некоторого "после"»⁴. Смерть же – это невозможность всякого «после». В качестве таковой смерть «никогда не является тем, что дает смысл жизни»⁵. «Напротив, она в принципе отнимает у нее всякое значение. Если мы должны умереть, наша жизнь не имеет смысла, так как ее проблемы не получают никакого решения и само значение проблем остается неопределенным»⁶. Сартр здесь полемизирует не столько с фундаментальной онтологией Хайдеггера (которая вообще не рассматривает феномен смерти в связи с традиционным вопросом о «смысле жизни»), сколько с христианской трактовкой смерти, согласно которой смерть есть то, что «придаёт» жизни смысл. Сартр утверждает, что смерть не придаёт жизни смысл, а напротив, «отнимает» его, как будто смысл есть нечто, что может быть придано или отнято у жизни каким-то «внешним»

«выбранное» и имеющееся у Dasein; Dasein не есть *носитель* своих возможностей, Dasein – это и есть свои возможности). Сартр понимает возможности онтически: возможности есть то, чем человек располагает, возможности *есть у человека, выбирают* им. Поэтому для Сартра неприемлема трактовка смерти как возможности. Возможности, по Сартру, – это всегда возможности-которые-я-выбираю. Смерть же я ни в каком смысле не выбираю, следовательно, смерть не может быть моей возможностью.

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. URL: <http://psylib.org.ua/books/sarttr03/> (дата обращения: 11.10.11)

² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. Перевод В.И. Колядко. М., 2000. С. 550.

³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. URL: <http://psylib.org.ua/books/sarttr03/> (дата обращения: 11.10.11)

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

событием или фактом. Для Сартра чрезвычайно важно показать «абсурдный» характер смерти и «абсурдный» характер самого бытия-в-мире: «с *самого начала* нужно отметить абсурдный характер смерти»¹ (курсив мой. – И.Д.).

В онтологии Сартра появляется новый аспект анализа феномена смерти, которого не было у Хайдеггера, – смерть рассматривается в контексте моего бытия-для-другого. «Смерть, поскольку она может открываться мне, не является всегда только возможным ничтожением моих возможностей, ничтожением вне моих возможностей... Она является триумфом точки зрения другого над *моей точкой зрения* о себе самом»² (курсив Сартра. – И.Д.). Чем же является смерть в контексте моего бытия-для-другого? Смерть – это момент перехода бытия-для-себя в бытие-в-себе: «Смерть со своей отрицательной стороны является только ничтожением моих возможностей, так как в действительности я являюсь своими возможностями лишь посредством ничтожения бытия-в-себе, которое я имею в бытии; смерть как ничтожение некоего ничтожения есть полагание моего бытия в качестве *в-себе*, в том смысле, в каком для Гегеля отрицание отрицания есть утверждение»³. Смерть, таким образом, превращает для-себя-бытие во в-себе-бытие. Смерть – это и есть момент превращения для-себя во в-себе. Но, утверждая это, Сартр выходит за пределы компетенции феноменологической онтологии, так как феноменология не может ставить вопрос о сущности смерти как таковой (это вопрос метафизический, а не феноменологический). Феноменология рассматривает смерть не «саму по себе», но всегда в контексте человеческого бытия.

Здесь нужно особенно подчеркнуть, что вопрос о смерти в контексте бытия-для-другого в онтологии Хайдеггера вообще не может быть поставлен. Во-первых, потому, что бытие-для-другого, по Хайдеггеру, не является исходной онтологической структурой экзистенции (таковой является бытие-с-другим, со-бытие); во-вторых, потому, что этот вопрос вообще выходит за пределы феноменологического рассмотрения, как его понимает Хайдеггер.

По Сартру, «само существование смерти отчуждает нас полностью в нашей собственной жизни в пользу других. Быть мертвыми – значит быть жертвой живущих». И далее Сартр поясняет эту мысль: «Поскольку я живу, я могу уйти от того, чем я являюсь для Другого, открывая себя посредством моих свободно поставленных целей, поскольку я вовсе не являюсь, и делаю себя тем, чем я являюсь. Поскольку я живу, я могу отрицать то, что Другой вскрыл у меня, проектируя себя уже к другим целям и, во всяком случае, открывая, что моё измерение бытия-для-меня несоизмеримо с моим измерением бытия-для-другого. Таким образом, я беспрестанно ускользаю от моего внешнего бытия и

¹ Там же. Вообще, онтология Сартра может быть охарактеризована как богословие, «вывернутое наизнанку», богословие в ситуации «отсутствия» бога.

² Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03/> (дата обращения: 11.10.11)

³ Там же.

беспреданно вновь охватываюсь им без того, чтобы "в этой сомнительной схватке" определённая победа принадлежала тому или иному из этих способов бытия. Но факт смерти, не смешиваясь ни с одним, ни с другим противником в самой этой схватке, окончательную победу отдаёт точке зрения Другого, перенося схватку и ставку на другую почву, то есть внезапно уничтожая одного из борющихся¹. Итак, смерть есть случайный факт, который отчуждает нас в пользу других, который делает нас «жертвой» других. Нужно ещё раз подчеркнуть, что здесь Сартр явно выходит за пределы феноменологического рассмотрения, так как феноменология не может ответить на вопрос, *что значит «быть мёртвым»*. С феноменологической точки зрения этот вопрос не имеет смысла, как впрочем, не и имеет смысла и само утверждение о «*существовании смерти*».

Подведём итог. Сходство двух трактовок смерти имеет скорее формальный, нежели содержательный характер. В экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера смерть рассматривается как сущностная безотносительная возможность, которой является Dasein в своём бытии. Само бытие-в-мире интерпретируется как бытие-к-смерти. Хайдеггер различает два онтологических модуса бытия-к-смерти: собственный модус бытия-к-смерти высвечивает исходную онтологическую структуру экзистенции, тогда как несобственный – скрывает её. В онтологии Сартра смерть есть случайный факт, который обесмысливает само бытие-в-мире. Смерть принадлежит к фактичности для-себя-бытия. Смерть приходит к нам извне и преобразует нас во внешнее, то есть в вещь. В онтологии Сартра нет аналога хайдеггеровского различения собственного и несобственного модусов бытия-к-смерти, но центральное место занимает анализ смерти в контексте бытия-для-другого. Впрочем, сам этот анализ уже явно выходит за пределы феноменологии.

Не будет преувеличением сказать, что именно в трактовке феномена смерти, в трактовке места этого феномена в структуре человеческого бытия наиболее ярко проявляется различие двух крупнейших онтологических проектов в феноменологической философии XX века.

М. Люттер, магистрант
Университет Тарту

ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМАТИКИ «КОНЦА ЦИКЛА» В КОСМОЛОГИИ МАЙЯ

В статье перечислены основные характеристики круга вопросов и явлений связанных с проблематикой темы «конец цикла» в календарных

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. Перевод В.И. Колядко. М., 2000. С. 548-549.

системах мая классического периода. Рассуждение строится на базе фрагментов мифологии в тексте эпоса «Пополь Вух» и различных исследований области календарных систем центральной Америки. В качестве вывода представлена гипотеза о специфическом характере восприятия и происхождения принципов обращения со временем у центральноамериканских народов в доколониальную эпоху.

Первые бесспорные свидетельства о календаре встречаются в культуре ольмеков и относятся к 679 году до н.э.¹

По мнению большинства исследователей в календарных системах обитателей Мезоамерики период оборота Млечного Пути по небесной сфере обозначал солнечный год, и если представить это в образе своеобразного циферблата часов из 13ти зодиакальных созвездий, то каждое из делений этого циферблата будет соответствовать примерно циклу в 394 год или одному бактуну в турминологии майя. Каждый блок из тринадцати подобных единиц образует, в свою очередь, временной цикл равный 5125 годам. Привязывая выход Солнца из полосы Млечного пути к дню весеннего солнцестояния мы получаем примерную начальную дату текущего «большого цикла», которая в летоисчислении майя равна 3114 г до нашей эры². Примерной датой конца этого цикла является примерно 2012 год, собственно, характеристики конца этого цикла и проблематику связанную с определением четкого его положения относительно григорианского календаря мы постараемся описать в дальнейшем рассуждении.

Единственным текстом где мифологема «уничтожения мира», «конца эры, цикла» приводится в дословном описании является эпос Майя-киче «Пополь Вух». Хотя, «Пополь Вух» хоть и был обнаружен в колониальный период и зафиксирован уже при помощи латинской транслитерации, в тексте, с самых первых слов, неизвестный автор свидетельствует о том, что это лишь копия:

«Подлинная книга, написанная много времени тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает»³.

В тексте последовательно описаны стадии сотворения мира и человека, укладывающиеся в представления о «пяти солнцах, как о пяти глобальных эрах последовательно сменяющих друг друга». Более подробное описание следует далее, оно связано с событиями потопа, то есть началом конца второй эры существования мира, эпохой так называемых «деревянных людей», приведем несколько цитат из текста:

¹ Подробнее см. Munro S. Edmonson, *The Book of the Year: Middle American Calendrical Systems*, Salt Lake city, University of Utah Press, 1988, p. 17.

² Полное описание принципов работы календарей см. Ершова, Г. *Древняя Америка: полет во времени и пространстве*. Москва: «Алетейя». . 2002, С. 224

³ Здесь и далее отрывки из эпоса майя-киче «Пополь Вух» в переводе Р.В Кинжалова, см. Кинжалов Р. В. *Пополь Вух*. Ладомир: Наука, 1993. С. 9.

«Да будет это так!»—ответили (Создательница и Творец). И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли. Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех (ногах)¹.

Далее, идет сцена уничтожения «деревянных людей», причинность ее странным образом близка к тематике современного нам эсхатологического дискурса, но и во многом, она универсальна для многих культур древнего мира. В этом тексте она выражена «буквально»: в конце концов, за чрезмерную страсть к быту, перво-людей наказывают зернотерки, охотничьи собаки, горшки, сковородки и угли из очага; все они вменяют человеку в вину то, что он слишком мало о них заботился и только использовал, вот красноречивые отрывки из текста:

«Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.

Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий.

Густая смола пролилась с неба».

«А в это же самое время их сковородки и горшки также говорили им: — Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто бы мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сождем вас, — сказали горшки, и они били их по лицам.

Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать»².

Так, начавшаяся потопом вторая эра оканчивается описанием ситуации, характерной упадку любой цивилизации или высокой культуры: социальные связи нарушаются, люди деградируют и превращаются в дикарей, полу-животных, как например, в этой цитате из текста:

«Так совершилась вторая гибель людей сотворенных, людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены.

Говорят, что их потомками являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, потому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева.

Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; (она) —

¹ Подробнее см. Кинжалов Р. В. *Пололь Вух*. Ладомир: Наука. 1993, С. 16

² Подробнее см. Кинжалов Р. В. *Пололь Вух*. Ладомир: Наука. 1993, С. 17

пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами»¹.

В этом отрывке, мы можем видеть истоки одной из широко распространенных в среде западных майнистов гипотез о том, что в мифе творения, под сюжетом смены эпох и вариантов человека, кроется закодированное сообщение о смене господствовавшего во времена ольмеков культа ягуара на главенствовавший в эпоху классических майя символа «облачного» или «пернатого» змея. Естественно эта мифологическая смена эпох не укладывается в фактическую раскладку математических расчетов смены «больших циклов», и может является лишь наглядным примером универсализации и обобщения исторического опыта, выраженного средствами устной, а позднее и письменной традиции.

При всем разнообразии фактов описания происхождения человека и смены предшествовавших ему эпох, в тексте не присутствует информация относительно характера концовки «великого цикла» в котором живем мы, тем не менее характер предыдущих концовок недвухсмысленно намекает на некую катастрофу влекущую за собой необратимые последствия.

Начала представлений о времени как о спирали, в которой да бесконечности повторяются витки цикличности мы можем проследить через установки выраженные посредством мифа а также, мы можем распознать их в той логике которую мы видим в организации календарной системы майя как таковой:

Можно предположить, что последовательно отнимая каждый последующий день от уже имеющегося количества дней, майя следовали «практической» логике охотников палеолита, которые, не имея сложного математического аппарата, создавали «временные» календари фаз луны, помогавшие в период беременности, например: имея начальную дату, могли подготовится к моменту родов². Несмотря на это логическое соответствие, по неизвестным причинам лунный календарь в структуре маянского календаря занимает очень незначительную роль (судя по находкам и оставленным надписям). В написании дат, согласно Кнорозову³, лунная дата учитывается очень редко, а европейцы в XVI оставили информацию об использовании 30-дневного лунного календаря индейцами, но названий месяцев, которые использовали индейцы XVI в. (не говоря уже про майя и культуру первобытных переселенцев-охотников), не сохранилось.

¹ Подробнее см. Кинжалов Р. В. *Пополь Вух*. Ладомир: Наука. 1993, С. 18

² Подробнее см. Альбедиль, М.Ф. *Протоиндийское колесо времени*. Москва: Наука. 1993, С. 74

³ Смотрите фундаментальный труд Ю. В Кнорозова *Письменность индейцев майя*. Москва-Ленинград:Издательство академии наук СССР. 1963.

Тем не менее, в тексте эпоса «Пополь Вух» в моменте описания первых людей - близнецов занятых игрой в мяче символизировавшей динамику небесных тел, с подачи богов в тексте возникает первый дословно описываемый отрезок времени равняется именно четверти фазы лунного месяца т.е. семи дням -

«Как сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им: «Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: „Пусть они придут“, — сказали владыки, — мы желаем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сегодняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы придете (туда)». Так сказали владыки. Таково было (приказание), которое они отдали вестникам»¹.

Следует упомянуть также и то обстоятельство, что цикл из 7 дней оказался наиболее удобен для ориентировки в длительных промежутках времени, т.е. соответствие естественным границам оперативного внимания и памяти. Это позволило оперировать максимальным числом дней, без усилий на предварительную "перекодировку" их в специальную новую единицу времени². Так, создавая мир человеческой культуры, человек неизбежно "отпечатывал" в нем константы, основные свойства своей психики.

Создание гибкой системы циклов позволило точно определять расстояние во времени до того момента, который еще не произошел, например, роды. Так, бытовавшие у североамериканских индейцев системы фиксации женщинами циклов регул и беременности (в одной части системы — только дни лунного месяца, а в другой — только лунные месяцы как самостоятельные единицы, до 10 месяцев) позволяли им точно предсказывать дни родов, последовательно перемещая календарные маркеры (щепки в лунках) в этих двух системах. Подобные календари так же составлялись для домашнего скота и природных циклов.

Представление о сходстве физиологических циклов у женщин с лунной цикличностью присутствует также в орнаментах народностей Северной Азии; так 10 центральных полос орнамента соответствовали статусу женщины матери (Там же). Сходные элементы с аналогичными взаимосвязями чисел встречаются и у современных народностей Сибири. Сходство с приледнековой зоной современной Евразии в климате очевидно, но еще большим фактором, как у палеолитических людей, так и у жителей Сибири, явились те требования жизненного уклада, которые делают возможным проживание в столь суровых условиях, как то: постройка жилища, шитье одежды, заготовка запасов пищи на длительный период, охота и т.д. Все они требуют активной, систематической и разносторонней ориентации в количественных и временных свойствах

¹ Подробнее см. Кинжалов Р. В. *Пополь Вух*. Ладомир: Наука. 1993, С. 90

² Подробнее см. Фролов, Б.А. 1993. *Происхождение календаря*. Москва: Наука. 1993, С. 7.

окружающего мира. Эти требования, определяли облик традиционной культуры, более близкий в соответствующих деталях к палеолитическому (имея ввиду приледниковую Евразию) у охотничьих народов Серной Азии, чем у коренного населения тропических районов Америки, Африки или Австралии¹.

В итоге объединение двух способов доказательства фиксации лунных циклов (и по следам изготовления отдельных резных "записей", и по облику готовых изделий, взятых в комплексе) делает тезис о лунном календаре в графике палеолита бесспорным для всей территории ее распространения от Камчатки до Пиринеев.

Мы предлагаем гипотезу о том, что логика майянского календаря формировалась исходя из предпосылок заданных палеолитическими календарями, и включала в себя помимо сложных арифметических расчетов и множеств сопоставляемых циклов времени, главную его особенность следование принципу вычитания условных единиц времени от заранее рассчитанного, фактически уже «заготовленного» их количества, что в свою очередь, давало представление о длительности прожитого цикла с точностью до одного дня. Основное же нововведение (кроме перечисленных выше фундаментальных особенностей) это включение этой «старой» логической схемы в новую парадигму, не ограниченную более рамками единичных, условно случайных циклов между родами или хозяйственными работами, напротив, новое понимание этой логики начало рассматриваться исходя из идеи бесконечности времени. Собственно максимальная вычисленная майяскими астрономами дата выражена в надписях на одной из стел города Киригуа равна промежутку в четыре сотни миллионов лет и соответственно не может иметь никакого практического применения, по сути являясь синонимом понятия бесконечность².

Можно только предполагать, что послужило причиной особого понимания ориентированности, «положения» человека относительно координат времени, бытовавших в представлении о мироустройстве у майя. Ясно только одно: Пользуясь категориями прошлого, будущего и настоящего, само время майя понимали как систему отношений между астрономическими телами. К сожалению, не сохранилось письменной фиксации каких-либо теоретических объяснений логики построения именно такого календаря.

Схема восприятия пространственно-временных категорий с нашей, современной точки зрения таково: «Обыденное сознание склонно понимать отношение между этими величинами в качестве раз и навсегда данной пространственной схемы. Настоящее — теперь — то место, где человек находится, будущее воспринимается впереди а прошлое — позади (говорят

¹ Подробнее см. Фролов, Б.А. 1993. *Происхождение календаря*. Москва: Наука. 1993, С. 12

² Подробнее см. Meyer, K. *Teotihuacan*. New York: Newsweek. 1973, С. 127

«оглянуться в прошлое»¹. То есть современный (западный) человек находится как бы нигде, в неуловимом «теперь», о точном количестве прожитых дней в такой системе имеются лишь приблизительные сведения, так как схема календарного года грегорианского, например, календаря соответствует реальным астрономическим событиям только в короткой перспективе и нуждается в постоянных корректировках (система високосных годов).. Для описания времявосприятия ряда других культур и в особенности культуры восприятия времени у майя потребовался бы иной образ:

« это картинка как бы пятящегося в будущее человека, взор которого устремлен в прошлое. Схема ориентации человека «вперед – в прошлое» в большей или меньшей степени свойственна всем традиционным культурам, как ориентированным преимущественно на воспроизведение опыта предыдущих поколений»². (Асоян: 2007: 392)

По этой причине один из наиболее ярких аспектов в современной майянистике относится к трудностям сопоставления конечной даты современного нам календаря майя с соответствующей датой грегорианского календаря. Помимо по сей день остающихся под сомнением сопоставлений с датами точек весеннего равноденствия и зимнего солнцестояния между календарными системами, пользователи которых рассчитывали их относительно разных конфигураций зодиакальных созвездий, у нас нет достаточно четкого механизма расчета совпадений конечной даты пятого большого цикла календаря майя относительно григорианского календаря. Ведь фактически, в системе календаря майя каждый вычтенный из общего количества дней имел исключительное значение, так как имел свое, фиксированное место в рамках календарных расчетов, и соответственно, в рамках же григорианского календаря о подобных точных рамках не может быть и речи, исходя из этого, предполагаемая точная дата конца цикла 23 декабря 2012 года представляется маловероятной, и может рассматриваться лишь как «условно-точная» то есть колеблющаяся в рамках от нескольких дней до нескольких десятков лет.

Е. В. Желнина, к.соц.н.

Тольяттинский государственный университет

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИОБЩЕНИЕ К РУССКИМ ПОСЛОВИЦАМ И ПОГОВОРКАМ

В статье исследуется значение народных пословиц и поговорок в жизни современного общества, а также возможности их использования в целях воспитания чувства толерантности у молодого поколения россиян.

¹ Подробнее см. Асоян, Ю. А. *Культурология Энциклопедия*. Москва: РОССПЭН. 2007, С. 392

² Там же.

В последнее время и в России, и во всем мире понятие «толерантность» становится очень востребованным, ключевым словом в проблематике существования мирового сообщества. В утвержденной Резолюцией Генеральной Конференции ЮНЕСКО в 1995 году Декларации принципов толерантности проделана тщательная работа по анализу категории «толерантность», суть которой формулируется¹ на основе признания единства и многообразия человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, уважения прав другого (в том числе права быть иным), а также воздержания от причинения вреда, так как вред, причиняемый другому, означает вред для всех и для самого себя.

Необходимо отметить, что в более узком смысле категория толерантности допускает различные смысловые оттенки, зависящие от различного рода факторов (исторического опыта народов, особенности национального языка, социального устройства определенного общества и т.д.)²:

- английский язык: толерантность определяется как «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь»;
- во французском языке толерантность — это «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов»;
- в китайском языке быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других»;
- арабский язык трактует понятие толерантность как «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность, терпение,... расположенность к другим»;
- в персидском языке толерантность — это «терпение, терпимость, выносливость, готовность к примирению»;
- русский язык обладает двумя словами со сходным значением — это «толерантность» и «терпимость».

Этим очень сжатым описанием взгляды на содержание толерантности не могут быть исчерпаны. Постигание ее смыслов с целью превращения толерантности в признаваемую всеми народами Земли ценность и норму современного общества — дело ученых, политиков, общественных деятелей, деятелей искусства и культуры³. Каждый из тех, кто так или иначе обращается к рассмотрению категории толерантности, анализирует его под своим собственным

1. Декларация принципов толерантности. – <http://www.tolerance.ru/declar.html> (11.11.2009 г.).

² Развитие культуры толерантности в Свердловской области – <http://www.tolz.ru/library/?id=649> (7.11.2009 г.).

³ Там же.

углом зрения. Один из путей постижения смыслов и границ толерантности — анализ русских пословиц и поговорок.

Пословицы и поговорки несут в себе отражение жизни той нации, к которой они принадлежат, так как являются неотъемлемым и важным атрибутом народного фольклора. Можно сказать, что это образ мыслей и характер народа. Пословицы и поговорки представляют собой достаточно распространенный жанр устного народного творчества. Такие выразительные средства, используемые в них, как простейшая форма, краткость, лаконичность, позволили пословицам и поговоркам приобрести стойкость, запоминаемость и необходимость использования в речи.

Пословицы и поговорки очень многообразны, и необходимо отметить, что зачастую они находятся как бы вне временного пространства, ведь в какое бы время мы ни жили, они всегда останутся актуальными, подходящими всегда к месту в нужное время. В пословицах и поговорках мы видим отражение исторического опыта народа, представлений, связанных с трудовой деятельностью, бытом, общением и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок способно придать речи неповторимое своеобразие и особую выразительность. Русский язык очень богат пословицами и поговорками, которые постоянно встречаются в литературе, в газетах, в фильмах, в передачах радио и телевидения, а также в каждодневном общении наших сограждан. Употребляя ту или иную пословицу в конкретной ситуации, говорящий стремится подтвердить и подчеркнуть суть сказанного. Такие акценты неизбежны в любые времена, соответственно, пословицы и поговорки были, есть и будут в нашей речи. На начальном этапе нашего исследования нами из более чем 10 000 русских пословиц и поговорок были отобраны около 1000 тех из них, которые наиболее полно передают содержание категории «толерантность». Далее были выбраны и предложены респондентам к рассмотрению и анализу следующие народные высказывания: в чужой монастырь со своим уставом не ходят; взят из грязи да посажен в князи; волком родился — овцой не бывать; в своей водице и лягушка певичка; в своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет; встарь бывало: собака с волком жила; всякая козявка лезет в букашки; в тесноте, да не в обиде; где кто родится, там и пригодится; где сорняк цветет, там хлеб вянет; гусь свинье не товарищ, конный пешему не попутчик; деревня родима краше Москвы; для дорогого гостя и ворота настежь; знаем мы вашего брата; знай нас, ходи дальше; знай, сверчок, свой шесток; и за рекой люди живут; и лес шумит дружней, когда деревьев много; масло с водой не смешашь; меж волками быть — волком быть.

Одним из первых и основных вопросов анкеты была просьба оценить, каково влияние определенной поговорки на функционирование, целостность общества: несет в себе поговорка смысл, разделяющий людей на своих и чужих, плохих и хороших, или наоборот — нацелена на сближение, объединение, целостность. Необходимо отметить, что практически каждая пословица была

оценена тем или иным респондентом и как объединяющая, и как разделяющая. То есть смысл этих высказываний многозначен, что и следует использовать для развития толерантности в человеке (*в чужой монастырь со своим уставом не ходят*); красочной, образной иллюстрации позитивного при общении с так называемыми «другими», «непохожими»; показ тех преимуществ, которые индивид может получить в результате общения с ними (*взят из грязи да посажен в князи*). Итак, в результате проведенного исследования были получены данные, анализ которых позволил нам следующим образом проранжировать предложенные респондентам пословицы и поговорки. В связи с этим, мы можем выделить пословицы и поговорки, разделяющие членов общества: незванный гость хуже татарина (7,9 %); гусь свинье не товарищ, конный пешему не попутчик (7,1 %); *взят из грязи да посажен в князи* (6,8 %); *в чужой монастырь со своим уставом не ходят* (6,3 %); *знай нас, ходи дальше* (6,3 %); *знай, сверчок, свой шесток* (6,3 %); *всякая козявка лезет в букашки* (6,0 %); *волком родился — овцой не бывать* (5,7 %).

В свою очередь следующие пословицы и поговорки имеют объединяющие членов общества установки: в тесноте, да не в обиде (9,6 %); и лес шумит дружной, когда деревьев много (8,1 %); для дорогого гостя и ворота настезь (7,9 %); *общий горшок гуще кипит* (7,7 %); *хозяйину и стены помогают* (7,7 %); *встарь бывало: собака с волком живала* (5,6 %); *деревня родима краше Москвы* (5,6 %); *где кто родится, там и пригодится* (5,5 %); *один палец не кулак* (5,3 %).

Подавляющая часть респондентов активно использует пословицы и поговорки, отражающие стремление к объединению, целостности, толерантности: в тесноте, да не в обиде (47,2 %); для дорогого гостя и ворота настезь; *хозяйину и стены помогают* (17,8 %); *встарь бывало: собака с волком живала* и др. Но в то же время опрошенные представители нашего общества нередко иллюстрируют собственные мысли и чувства пословицами и поговорками, несущими в себе разъединяющий, разделяющий смысл: незванный гость хуже татарина (16,0 %); *знай, сверчок, свой шесток* (10,4 %); *в чужой монастырь со своим уставом не ходят* (23,3 %). Конечно, не стоит полностью искоренять эти пословицы и поговорки из лексикона – это и неприемлемо, и нецелесообразно. Наиболее приемлемо поменять смысл, значение этих выражений. Например, пословицу «*в чужой монастырь со своим уставом не ходят*» можно трактовать как стремление узнать чужую, другую культуру, чтобы лучше взаимодействовать, контактировать с ее представителями.

- В завершение хотелось бы вернуться к тем ценностям, которые в обязательном порядке должны быть привиты каждому члену общества: ценности семьи, дружбы, любви, добра, чести, милосердия. Целенаправленная работа по воспитанию толерантности, уважение другой национальности, полноценное общение на примерах равноправия, оказание необходимой помощи, внимательное отношение к нуждам другого человека в решении возникающих

проблем – вот одна из главных ценностей человеческого существования в гармонии с миром природы и общества. Толерантность – это важнейшая составляющая поликультурного воспитания, которое включает приобщение к национальным духовным ценностям, к общечеловеческим знаниям, к единению культур, формирующим мировоззрение школьников¹. Для подтверждения этого приведем слова генерального директора ЮНЕСКО Федерика Майора: «Жизнь в условиях многообразия является одним из источников серьёзных проблем для обществ, в которых подрастают наши дети. В мире, где взаимопроникновение различных культур принимает всё большие масштабы, обучение ценностям и навыкам «жизни общества» стало первоочередной задачей воспитания»². В процессе обучения необходимо уделять особое внимание нравственному воспитанию, нравственным ценностям, которые должны стать определяющими в жизни человека. Главные из них: семья, дружба, любовь, добро, честь, милосердие, которые подпитывают такую важную нравственную черту, необходимую каждому современному «человеку мира», как толерантность.

А. В. Рядченко, студент
Тольяттинский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ И АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА

Выводы, представленные в данной работе, основаны на результатах комплексного исследования, проведенного автором в период с 2007 по 2010 год. Исследование было направлено на изучение проблемы формирования этнической толерантности у детей старшего дошкольного возраста (6-7 лет); школьников (14-16 лет); студентов (17-21 год); особенностей социально-психологического взаимодействия этнических мигрантов и принимающей среды.

Среднее Поволжье – регион с естественной, исторически сложившейся поликультурной средой обитания³. На территории Самарской области проживают представители 119 национальностей. Этнический состав населения города Тольятти достаточно пестрый, в городе проживают представители более 32

¹ Плеханова Н.А. Толерантность спасет мир – http://www.vlivotkor.com/2007/10/30/tolerantnost_spaset_mir.html (8.11.2009 г.).

² Там же.

³ Храмов Л.В. Самарский край в судьбах России / Л.В. Храмов. – Самара, 2006. – С. 39-40.

национальностей. Важно отметить, что отсутствие межнациональных конфликтов и столкновений является примечательной особенностью истории Самарского края. В то же время, динамичное развитие межкультурных, межэтнических контактов, усиление этнической миграции, делают проблему формирования толерантного сознания на современном этапе особенно актуальной. Самарская область всегда была привлекательной для мигрантов, поэтому первоначально в своих исследованиях автор обратилась к проблеме толерантности как форме социально-психологического взаимодействия этнических мигрантов и полиэтничной среды в Самарском Поволжье. Целью этого исследования стало рассмотрение характера отношений толерантности – интолерантности, возникающих в ситуациях контактов и социального взаимодействия этнических мигрантов и полиэтничной принимающей среды. Полученные данные в целом подтвердили гипотезу о том, что взаимодействие этнических мигрантов и полиэтничной среды протекает успешней, если развиты позитивные этнические стереотипы и толерантное отношение к представителям других этнических групп. Поэтому работу по формированию толерантного сознания необходимо начинать как можно раньше, так как раннее обращение внимания на проблему толерантности является одной из важнейших предпосылок снижения напряженности в социуме; проводить ее надо системно, с учетом возрастных особенностей. Объектом настоящего комплексного исследования является городская среда поликультурного региона. Предмет исследования – анализ специфики формирования этнической толерантности у разных возрастных групп в городской среде поликультурного региона, включающих детей старшего дошкольного возраста, старшеклассников, студентов и взрослых. Цель исследования – теоретическое осмысление и практический поиск психолого-педагогических условий, способствующих формированию этнической толерантности разных возрастных групп в условиях межэтнического взаимодействия. Гипотеза исследования: эффективность формирования этнической толерантности основана на включении ее в структуру мировоззренческих ценностей, на повышении уровня культуры межнационального общения и этнокультурной компетентности с учетом возрастных особенностей групп. В соответствии с целью и гипотезой исследования были поставлены следующие задачи: осуществить теоретический анализ изучения проблемы толерантности; определить уровень сформированности этнической толерантности у разных возрастных групп; исследовать и охарактеризовать факторы, влияющие на формирование этнической толерантности и интолерантности в процессе межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе; определить основные направления деятельности для каждой из возрастных групп по формированию этнической толерантности. За весь период исследования с 2007 по 2010 год, включая предварительные и основные этапы исследований, а также разные возрастные группы, общая выборка составила 871 человек.

Необходимость формирования этнической толерантности в старшем дошкольном возрасте обусловлена тем, что подростковый возраст является сенситивным периодом для формирования негативных гетеростереотипов как источника ксенофобного поведения. Испытуемыми в нашем исследовании выступили дети старшего дошкольного возраста ДОО д/с «Солнечный» №116. Всего обследовано 53 человека, из них 37 человек из группы, где регулярно проводится работа по формированию у детей этнокультурной грамотности, и 16 детей из группы, где не разработана программа целенаправленной деятельности в сфере этнокультурного образования. Использование модифицированного детского личностного вопросника Р. Кеттелла позволило определить исходный уровень сформированности межличностной толерантности у старших дошкольников¹: толерантное поведение – 72%, интолерантное – 28%. Для уточнения и сопоставления данных по нашей выборке мы измерили уровень тревожности, агрессивности и эгоистической установки в межличностном взаимодействии как показателей интолерантности, а также альтруистической установки как показателя межличностной толерантности и их соотношение с помощью методики САТ². Тревожность: 19,4% – низкий уровень, 27,8% – средний, 52,8% – высокий уровень, что подтверждает результаты диагностики по предыдущей методике. Альтруистическая установка на межличностное взаимодействие – 58,3%, эгоистическая – 41,7%³. В проективной методике «Несуществующее животное» дети с высоким и средним уровнем межличностной толерантности изображали миролюбивых животных, линии рисунка равномерные, уверенные; испытуемые с низким уровнем (интолерантные) изображали животных с клыками, рогами, человекообразных монстров, построивший опрос выявил тенденцию к агрессивному поведению. Для определения отношения дошкольников к иноэтничным сверстникам нами была проведена методика «Сестренки»⁴. Чтобы выявить уровень знаний о других народах и национальностях как важного показателя этнотолерантности, мы использовали метод индивидуальной беседы. Анализ данных указывает на то, что о своей этнической принадлежности знают только 64% дошкольников в обычной группе и 92% в группе с элементами этнокультурного образования.

¹ Капустина Н.Г. Психолого-педагогическая технология формирования межличностной толерантности / Н.Г. Капустина // Социально-психологические аспекты формирования личности: материалы межрегиональной научно-практической конференции 1 марта 2004года. – В 2-х частях. – Ч.-2. – Шадринск, ШГПИ, 2004. – С.22-26.

² Бурлачук Л.Ф. Словарь - справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2007. – С.115-117.

³ Трубина Л. Толерантная и интолерантная личность: основные черты и отличия / Л. Трубина // Воспитание школьников. – 2003. – №3. – С.18-22.

⁴ Сулова Э.К. Общение с детьми разных национальностей – важнейшее средство интернационального воспитания детей / Э.К. Сулова // Дошкольное воспитание. – 1990. – № 6. – С. 11.

Формирование этнической толерантности дошкольников основано на общих принципах психокоррекции. В качестве исходного материала для проведения серии занятий с детьми старшего дошкольного возраста мы предлагаем использовать разработанную автором книжку-раскраску. Нами апробированы некоторые возможности проведения занятий и исследования уровня сформированности этнической идентичности детей с помощью этого материала. В результате предпринятое коррекционное воздействие актуализирует изменения в уровне сформированности межличностной толерантности дошкольников. Произойдет постепенное сокращение количества детей с низким уровнем межличностной толерантности и увеличение количества детей со средним и высоким уровнем межличностной толерантности по выделенным показателям.

Выбирая формы и методы воспитания этнической толерантности, необходимо учитывать возрастные особенности учащихся. Основой воспитательной деятельности должен стать диалог. Этим обусловлено обращение к тренингу как методу, наиболее соответствующему запросам юношеского возраста в самоопределении¹. Важно отметить, что в тренинге возможна реализация подходов к формированию этнотолерантности². В ходе исследования была разработана анкета, позволяющая диагностировать сформированность этнотолерантности школьников. В качестве основных критериев сформированности этнотолерантности рассматривались: позитивность этнических гетеростереотипов; низкая социальная дистанция; неодобрение агрессии в адрес представителей других этнических групп. Результаты анкетирования продемонстрировали недостаточную сформированность этнической толерантности школьников. Выявлено, что этнотолерантные установки сформированы лишь у 40% выборки. Это школьники, отнесенные к типам «Высокотолерантные» (24%) и «Среднетолерантные» (16%). Часть выборки характеризуется неопределенными этническими установками, что может являться почвой для формирования этнотолерантности. Это школьники, отнесенные к типам «Равнодушные» (23%) и «Противоречивые» (10%). Школьники, составившие типы «Предубежденные» (15%) и «Нетерпимые» (12%), демонстрируют достаточно согласованную позицию этнической интолерантности, что говорит о необходимости изменения данных установок. Итоги экспериментальной работы показали эффективность программы формирования этнической толерантности школьников. При повторном анкетировании наблюдалось уменьшение показателя общей этнической интолерантности.

Студенческий возраст – особый период решения проблемы развития толерантных характеристик человека, выступающий сенситивным периодом нравственного созревания, поэтому в студенческом возрасте необходимо уделить серьезное внимание формированию толерантности как значимому

¹ Макшанов С.И. Психология Тренинга / С.И. Макшанов. – М.: Образование, 1997.

² Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Тренинг «Учимся толерантности» / Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова. – М., 2000. – С.184–185.

элементу личностной зрелости. В данной части исследования мы обращаемся к анализу малоизученной¹ проблемы взаимовлияния культур и межэтнического взаимодействия в студенческой среде региона. Одной из составляющих толерантности является умение найти выход из конфликтной ситуации. Мы изучили личностную предрасположенность студентов к конфликтному поведению (по К. Томасу). В результате, стремление избегать конфликтов продемонстрировали лишь 23 %. Для диагностики общего уровня толерантности студентов мы использовали экспресс-опросник Г.У. Солдатовой и др. «Индекс толерантности»². Был выявлен средний уровень толерантности – 83 балла, что указывает на сочетание у группы испытуемых как толерантных, так и интолерантных черт, причем по субшкале этнической толерантности показатель стремился к нижнему порогу средней ступени – 64 балла, что указывает на то, что испытуемые в одних ситуациях могут вести себя толерантно, в других – проявлять интолерантность. Уточняя и сопоставляя данные, методика ИНТОЛ (Л.Г. Почебут) [4] позволила определить среднее значение толерантности для данной выборки, составившее 9,3 балла. Таким образом, был выявлен недостаточный уровень сформированности этнической толерантности у студентов и предрасположенность к интолерантному поведению. Основным показателем развития толерантности в поликультурном социуме являются позитивная этническая идентичность, характерная только для зрелой личности. Применение опросника Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой «Типы этнической идентичности»³ выявило, что для большинства испытуемых характерна позитивная этническая идентичность. Это подтверждают и данные модифицированной методики «Ценностные ориентации» М. Рокича: к числу значимых ценностей студенты отнесли национальный язык, культуру, обычаи, обряды, верования. Таким образом, исходя из содержания личностной зрелости (по А.А. Реану⁴), устойчивая личностная идентичность способствует развитию толерантности, выступая в качестве внутренней «точки отсчета» в процессе межкультурного взаимодействия. Результаты исследования в целом свидетельствуют о позитивном ценностном отношении студенческой молодежи к своей и другим этническим группам, интегративная модель взаимодействия в

¹ Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Отв. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М., 2002.

² Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности / Л.Г. Почебут. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 167-169; 264-268.

³ Психодиагностика толерантности личности личности // Под. ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – С. 140-146.

⁴ Реан А.А. Акмеология личности / А.А. Реан // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – №3. – 90.

процессе совместной деятельности представителей различных этносов является наиболее эффективной в условиях поликультурности и полиэтничности.

М.С. Лесонен, аспирант
Поморский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ОБУЧЕНИЕ ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассмотрены такие понятия, как идентичность, гражданское образование, права человека и обучение правам человека и их реализация в Архангельской области.

Прежде чем приступать к раскрытию темы, хотелось бы расставить акценты и определиться с терминами, которые будут использованы в дальнейшем. Необходимо оговориться, что наряду с общепризнанными понятиями, будут также использоваться термины в том понимании, которое сложилось у автора после приближения к теме.

Идентичность (от позднелат. *identicus* — тождественный, одинаковый) – тождество, совпадение двух предметов или понятий. Под гражданской идентичностью мы понимаем самоопределение человеком себя как гражданина страны, как части государства. Термин гражданская идентичность тесно переплетается с термином гражданское образование. Связь определяется зависимостью. Именно через гражданское образование возможно повышение уровня гражданской идентичности.

Под гражданским образованием чаще всего понимается обычно система культурных, правовых и политических установок, которые прививаются молодежи через учреждения среднего и высшего образования. Ценность гражданского образования в последние полтора десятка лет признана не только на уровне педагогической общественности, но и на уровне государства. Гражданское образование является одним из векторов направления в приоритетном национальном проекте «Образование».

«Гражданское образование – это, прежде всего, личносто-ориентированное образование, направленное на развитие социальных свойств школьника (например, быть гражданином России), качеств молодежи, ее мировоззрения, нравственности, которые обладают значительным весом и в юридическом, и в социально-нравственном смысле»¹.

В основе проблем гражданского образования лежат три взаимосвязанных, взаимозависящих компонента: знания – дающие гражданскую

¹ Гражданское образование. – СПб., 2003. С. 24

компетентность, ценности – формирующие гражданскую позицию, и деятельность – как гражданская позитивная деятельность. Все это должно обеспечить социализацию как успешную интеграцию в гражданское общество.

Составной частью гражданского образования является обучение правам человека.

Согласно официальному определению Молодежной программы по образованию в области прав человека Совета Европы, образование в области прав человека – образовательные программы и мероприятия, направленные на утверждение равенства человеческого достоинства в сочетании с другими программами, в частности, поддерживающими межкультурное обучение, активное участие в жизни общества и расширение прав меньшинств.

В соответствии с Конституцией РФ, человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст.2). Основные права и свободы закреплены во второй главе конституции РФ, которая так и называется «Права и свободы человека и гражданина». Однако в этой же главе установлены и основные обязанности. Основные права, свободы и обязанности человека охватывают все сферы человеческой жизни.

Права человека сегодня называют «современной гражданской религией». Обучение правам человека является средством становления культуры прав человека как на социальном уровне, так и на индивидуальном уровне. О правовой личности можно судить, качественно оценивая такие показатели как:

- уровень информированности индивида о своих правах (кто не знает своих прав, тот и не имеет);
- усвоение знаний о правах;
- убежденность в необходимости соблюдать права всех субъектов;
- правомерное поведение;
- степень социально-правовой и политической активности индивида по реализации и защите прав.

Для России в этом контексте особенно актуальным является формирование привычки законы выполнять. На этом фоне имеет вообще смысл движение к уважению человека, его достоинства и прав.

То есть ценность обучения правам человека и формирование гражданской идентичности, особенно в современных российских условиях, (аполитичность некоторых групп молодежи, правовой нигилизм и т.д. и т.п.) несомненна. Некоторое неприятие общества, в том числе и молодежи, в отношении идеологии прав человека связано с разочарованием простого обывателя в возможности быстрого получения результатов от так называемого «введения» и признания прав человека в России.

«Правовое сознание россиян, как пожилых, так и молодых, явно не соответствует решению задач построения демократического российского

общества. Это на руку чиновникам разных мастей, олигархам и прочим. Власти кажется, что обществом легче управлять, используя механизмы авторитарности, «порядка», державной силы, но отнюдь не прав человека...Отсюда пассивное неучастие большей части молодежи в демократических реформах»¹.

Действительно, говорить о демократическом, гражданском обществе в России еще рано, но есть все предпосылки к его созданию, и многие элементы гражданского общества (например, развитие НКО) функционируют. В феврале 2009 года в Архангельске состоялся I региональный Молодежный Гражданский Форум. Собравшиеся представители различных общественных организаций обсудили проблемы, которые стоят у современных НКО (взаимодействие с властью, бизнесом). В контексте развития гражданского общества обостряется вопрос о гражданском образовании, особенно об обучении правам человека.

Необходимо объяснить школьникам и студентам ценность прав человека и их соблюдения.

В Архангельской области на базе института управления, переподготовки и повышения квалификации работников образования при администрации Архангельской области создан центр гражданского образования. Этот центр, совместно с Архангельской региональной общественной организацией «Возрождение российской культуры», работает, в частности, в области прав человека и развития гражданского образования. Проводятся различные, в том числе и международные, научно-практические конференции, семинары. Самым ценным направлением работы в контексте данной темы представляется организация тренингов, которые проводятся для работников образования не только городских образовательных учреждений, но и образовательных учреждений области по методике обучения правам человека.

Одной из целей подобных тренингов является желание помочь педагогам создать такую культурную среду, в которой все признают, уважают и, что самое главное, готовы защищать права человека.

Центр Гражданского Образования работает во многих районах области. Наиболее активными участниками процесса гражданского образования являются школы Вельского, Холмогорского, Пинежского, Верхнетоемкого и Устьянского районов, а также школы г. Новодвинска и Архангельска.

В Вельском районе на базе СОШ №1 г. Вельска работает районный центр гражданского образования, активно включились в реализацию различных моделей гражданского образования и иные школы г. Вельска, а также в районе была реализована программа гражданского воспитания.

В Устьянском районе также создан центр гражданского образования на базе Малодорской СОШ и также реализуется программа гражданского образования. Среди школ г. Архангельска активно проблемой гражданского

¹ Сулов А.Б. Гражданское образование и формирование либеральных ценностей в современной России // http://pcgo.narod.ru/biblioteka/publikacii/05_gr_ob_liber_ros.htm

образования занимаются СОШ №№ 5, 17, 22, 35. Совместно с областной избирательной комиссией проводятся консультации для учителей «Уроки избирательного права». Архангельская область, помимо всего прочего, активно участвует во всероссийской акции «Я - гражданин России».

АРОО «Возрождение российской культуры» привела и реализовала в нашем регионе такие образовательные программы и проекты, как:

- Мой выбор;
- Дух демократии;
- Активная школа;
- Правовое пространство в школе;
- Правовые знания в школе.

Все большее число людей и организаций приходит к мнению, что молодежь следует обучать правам человека не только потому, что это важно для общества, но и потому, что различные виды занятий, связанные с этой работой, (например, игровые моменты) очень полезны для развития самих молодых людей, и они это ценят достаточно высоко.

В заключение хотелось бы сказать, что права человека и обучение правам человека лежат в плоскости взаимоотношений гражданина и государства, отношения личности и власти. Осознание этой взаимосвязи является частью идентификации молодого человека, основной частью его гражданской идентичности. Как говорил Виктор Гюго: «Свобода права развивает свободу долга. Всеобщий закон – это свобода, кончающаяся там, где начинается свобода другого». Именно это должно быть вложено в головы нашей молодежи посредством обучения правам человека. Итогом обучения молодежи правам человека является подготовка члена такого общества, в котором уважаются права человека и культивируется ответственность, т. е. общества демократического.

С. В. Пиримова, аспирант

Казанский государственный университет культуры и искусств

РАБОЧАЯ МОЛОДЁЖЬ В СОВРЕМЕННОМ МОНОПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ

Данная статья посвящена постановке проблемы изучения социокультурных представлений рабочей молодёжи, социализация и инкультурация которой проходит в условиях развития крупного монопрофильного города.

Современная молодёжь живёт в обществе, социокультурное развитие которого сопровождается различными процессами, и в том числе – обострением социально-экономической дифференциации общества, трансформацией брачно-семейных отношений, компьютеризацией всех сфер жизнедеятельности,

изменением ценностно-нормативной системы, модификацией социокультурных взаимодействий, развитием индустрии товаров и услуг, господством идеологии потребления, универсализацией и интернационализацией образования и науки, усложнением интеграции в социально-профессиональную структуру общества.

Молодёжь является социально – демографической группой, переживающей период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Возрастные границы данной социальной группы размыты и подвижны, но, как правило, к молодёжи причисляют людей в возрасте 14-30 лет¹. По данным 2010 года, численность населения в возрасте от 15 до 29 лет в России составила 33009 тыс. чел.².

Молодёжь как социально-возрастная группа состоит из молодых людей, работающих в различных организациях и не занятых в трудовой деятельности. В России большая часть молодого поколения составляет наёмную рабочую силу, способную в дальнейшем пополнить средний слой социума и пополнить ряды интеллигенции³.

Вообще термин «рабочий» относится к работнику предприятия, преимущественно физического труда, непосредственно занятого созданием материальных ценностей и деятельностью по оказанию производственных услуг⁴. Следовательно, рабочей молодёжью является определённая социально-возрастная группа (от 14 до 30 лет) людей, занятых трудовой деятельностью на предприятии: оказанием услуг производства или созданием материальных благ.

Преобразуется современное общество - меняются и социокультурные представления рабочей молодёжи. Однако при этом отдельные ценности сохраняют для молодёжи своё сакральное значение. В частности, как показал мониторинг общественного мнения⁵, семья остаётся традиционной установкой, не поддающейся влиянию различных общественных изменений. С годами увеличивается ценность здоровья, и оно занимает второе место в спектре ценностей рабочих, приобретая в современных экономических условиях инструментальный характер. На наш взгляд, именно здоровье является своего рода измерителем трудового потенциала рабочего.

¹ Молодёжь / Социологический словарь / <http://www.enc-dic.com/sociology/A/> (16.01.2011)

² Российский статистический ежегодник 2010. - М., 2010 / <http://www.gks.ru> (15.12.2010)

³ Молодёжь / Положение молодёжи в России. Аналитический доклад. – М.: Машмир-ЮНЕСКО, 2005 // <http://ru.wikipedia.org/> (14.12.2010)

⁴ Национальная социологическая энциклопедия / <http://voluntary.ru/dictionary> (12.12.2010)

⁵ Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре рабочих частных предприятий постсоветской России / А.Л. Темницкий // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные проблемы. – № 2. - М., 2004.

Новым веянием в социальных ценностях молодых рабочих является уменьшение свободного времени ввиду поиска дополнительного заработка для обеспечения материального благополучия. Последнюю позицию в структуре ценностей рабочих занимает образование. В сознании молодёжи получение высшего образования не ведёт к повышению заработной платы, в связи с чем многие не стремятся повысить свою профессиональную квалификацию. Заметим и то, что малое значение образования для рабочих обусловлено отсутствием заинтересованности работодателей в изменении образовательного статуса рабочих.

Интересно то, что доминирующей установкой рабочих является заработок. При этом ценности творческого, полезного обществу материального труда отсутствуют. Снизилась значимость ценности общения с ближайшими сотрудниками, что указывает на увеличившуюся степень конкуренции, автономности каждого работника.

Использование свободного времени рабочими ориентировано на пассивно-созерцательные формы проведения досуга. Активная позиция в социальной и культурной жизни общества отходит на второй план. Религиозная деятельность занимает последнее место в бюджете времени рабочих¹. В целом для досуговых ценностей рабочих характерно несоответствие между включенностью в разные виды повседневной деятельности и мнениями о желаемых изменениях в структуре бюджета времени.

Важно подчеркнуть, что в Поволжье в целом ситуация несколько иная. Как показывают исследования, молодое поколение Поволжья самоидентифицируется как поколение надежд, активно адаптирующееся к рыночным условиям общества². Среди молодёжи наблюдается прагматизм, стремление к материальному достатку, хотя, как и в случае с тольяттинской молодёжью, они не отодвигают на второй план традиционные ценности общества. В жизненном самоопределении представители молодёжи в регионе рассматривают исключительно на себя, рассматривают образование как инструмент улучшения качества жизни.

В чём причина особого состояния умов тольяттинских молодых рабочих? Прежде всего, подчеркнём: большая часть рабочей молодёжи сконцентрирована вокруг деятельности промышленных предприятий. Мировоззренческие установки и поведенческие стратегии молодых рабочих формируются под воздействием особенностей городской среды и городского образа жизни.

Городская среда – это социокультурная экология жителя города. Её разрушение приводит к деградации личности и, наоборот, благодаря данному

¹ Караханова Т.М., Бессокирная Г.П. Повседневное использование времени жизненные ценности рабочих в годы реформ / Т.М. Караханова, Г.П. Бессокирная // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – М.: Институт социологии РАН, 2008. - С. 196-212.

² Явон. С.В. О жизненных ориентациях молодежи Поволжья / С.В. Явон // Социологические исследования. – М., 2010. – № 6. – С. 106.

социокультурно детерминированному пространству-времени, жизнедеятельность человека протекает более содержательно¹. Иными словами, культура города инновационна по своей сути и значению для общества.

Из городской среды формируется социокультурная ситуация, в которой оказывается современный молодой человек. Данная ситуация на сегодняшний момент характеризуется усложнением структуры физического пространства, снижением уровня экологической безопасности, интенсивным информационным воздействием на индивида, быстрой сменой социокультурной информации, социокультурной гетерогенностью.

Монопромышленный город является особым социально-экономическим образованием, где градообразующее предприятие рассматривается вместе с городом, в котором оно расположено, с учетом дальнейших судеб и возможного поведения людей, в нём проживающих². Социокультурное развитие таких монопрофильных городов, как Тольятти, напрямую зависит от экономической стабильности градообразующего предприятия, так как в нём занята большая часть трудоспособного населения города. Тольятти относится к крупнейшим городам (от 500 до 1 млн. жителей): численность его населения составляет 721 600 человек. Количество молодежи в городе – 200000 чел., работающая молодежь составляет 59000³. Большая часть населения города задействована на автомобильных и химических предприятиях города, то есть является рабочей прослойкой городского социума, и там же консолидируется и городская рабочая молодёжь. Менталитет её определяется особенностями молодого города Тольятти, главной из которых является то, что данный крупный промышленный центр Поволжья не имеет глубоких культурных корней⁴.

Характерная черта современного Тольятти – территориальная неоднородность культурной ситуации города: каждый район из трёх существующих живёт довольно обособленной социальной и культурной жизнью. В сущности, в городе отсутствует единый культурный центр, что, конечно же, влияет на сознание и поведение молодёжи: часть молодых людей живёт в так называемой зелёной зоне и небольших каменных домах, другая – в высотных постройках неподалёку от АвтоВАЗа, где природный фактор фактически отсутствует, а урбанистическая среда поглощает творческие импульсы и оставляет молодых людей наедине со своими социальными, профессиональными, личными проблемами.

Неудивительно, что, как отмечают исследователи, молодые жители Тольятти, включая и рабочую молодёжь, испытывают кризис социального и

¹ Пирогов С.В. Социология города / С.В. Пирогов. – М.: Новый учебник, 2004. – С. 72.

² Никифорова Н. И. Ценностные ориентации населения монопромышленного города / Н.И. Никифорова. - Казань, 2005 166 с. // <http://diss.rsl.ru> (22.01.2006)

³ Тольятти / <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тольятти> (12.12.2010)

⁴ Скрипачёва И.А. Культурная среда молодых городов / Фундаментальные исследования. – 2007. – № 11 – С. 36-40.

личностного самоопределения. Для каждого пятого горожанина слово «Тольятти» ассоциируется с заводом, а сам город воспринимает как придаток при заводе¹. Данный факт указывает на существование в городе особой социокультурной среды, которая характеризуется фактическим отсутствием самоидентификации населения со своей «малой родиной».

Социальные установки рабочей молодёжи соответствующие. Современная рабочая молодежь Тольятти, в первую очередь, выражает заинтересованность в развитии массовой культуры, связанной со зрелищностью и развлечениями,² что связано со спецификой развития города Тольятти, прежде всего, как промышленного центра.

Очевидно, что для социологической науки важной является проблема изучения не только настоящего современной рабочей молодёжи, но и того будущего, которое она конструирует, исходя из собственных интересов, потребностей, социальных притязаний, образцов поведения, задаваемых зарубежными сверстниками и горожанами из более престижных социальных групп, которые задают тон в социокультурном реформировании городского социума.

А. Ю. Нарватова, студент
Вологодский институт права и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России)

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ «ИНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ»

В статье рассматривается ряд современных молодежных субкультур, имеющих общую черту – формирование «иной реальности». В отличие от традиционных форм «ухода от реальности» они выполняют ту же функцию, но не являются асоциальными.

В повседневной культуре издавна существуют разные виды ухода от реальности, что вызвано или дискомфортом, который человек ощущает, находясь в окружающей его реальности, или недовольством ее «серостью» или будничностью. Уход от повседневной реальности в классическом обществе принимал разные формы, но большинство из них были скорее патологические или асоциальные. В лучшем случае человек создавал свой вымышленный (фантазийный) «мир», посвящая все свое время чтению книг или просмотру телевизора. Так как это был

¹ Тольятти / <http://ru.wikipedia.org> (12. 12.2010)

² Цветкова И.В. Престиж города в представлениях молодых тольяттинцев / И.В. Цветкова // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – С. 111.

его «личный, индивидуальный мир», то коммуникативная активность у такого человека значительно уменьшалась.

В худшем варианте уход от реальности выражался в использовании различных одурманивающих и психотропных средств, что приводило к развитию алкоголизма и наркомании. Еще одной формой ухода от реальности было участие человека в религиозных сектах или пострижение в монашество.

«Уход от реальности» – естественный защитный механизм человеческой психики, играющий даже позитивную роль в случае излишней эмоциональной (стрессовой) нагрузки. В основе этого механизма лежит естественная потребность человека отстраниться (избавиться) от разного рода проблем и неприятностей, связанных с повседневной жизнью.

Новые формы «ухода от реальности» возникли в жизни современной молодежи. Здесь скорее нужно говорить о формировании «иных (альтернативных) реальностей», т.к. в отличие от традиционных вариантов «ухода от реальности», где каждый человек формирует свой собственный «фантазийный мир» и замыкается в нем, в данном случае человек продолжает активно общаться с другими в общем «фантастическом мире». Можно говорить о существовании целого спектра молодежных субкультур, формирующих свою собственную «иную реальность». Среди них можно назвать:

1. Ролевиков (толкинистов);
2. Анимешников;
3. Интернет-сообщества форумов и социальных сетей;
4. Он-лайн (online) игровые сообщества (RPG и стратегии реального времени).

В каждом из этих молодежных субкультурных направлений присутствуют конструкции «иной реальности», отличной от реальности повседневной, обыденной. В то же время, в них, как и в любой субкультуре, создаются свои правила (нормы), свои традиции, мифы, свои символы. Так же, как и в любой субкультуре, в них активизируется общение между ее представителями.

1. Интернет-сообщества форумов и социальных сетей.

Популярность Интернет-форумов и социальных сетей у молодежи очевидна. Число зарегистрированных индивидуальных страниц в известной социальной сети «В контакте» перевалило 70 миллионов. Конечно, есть и определенный процент лиц, открывших не по одной странице, но и в этом случае цифра получается более чем значительная.

В настоящее время нередко поднимается вопрос: чем являются социальные сети – виртуальной реальностью или «уходом от реальности»? Однозначного ответа этот вопрос, скорее всего, не имеет. «Уход от реальности» предполагает искусственное ограждение от информации, поступающей со стороны реальности, тогда как в социальных сетях идет активный обмен информацией, в том числе и затрагивающей вопросы «внешнего мира». В то же

время, таким образом формируется специфический круг общения, и молодые люди много времени проводят за экраном мониторов «В контакте», благодаря чему начинают меньше общаться в реальном мире. Наличествует в социальных сетях и сама функция ухода от реальности – создание особого «мира» (в данном случае – круга общения), который позволяет отрешиться от реальных проблем и забот. Впрочем, степень «игнорирования» внешнего (реального) мира весьма широко варьируется в зависимости от психологического склада отдельных индивидуумов. Для многих увлечение социальными сетями не затягивается более чем на полгода – на год, при этом, не мешая выполнять их основные социальные обязанности. Другие используют их в качестве вечернего досуга и возможности свободного общения по интересам. И лишь отдельные индивидуумы могут чрезмерно погружаться в виртуальное общение, когда оно становится для них основным, по сравнению с реальным общением. Впрочем, и в этом случае скорее можно говорить о временности проявления этого состояния.

2. Он-лайн (online) игровые сообщества (RPG и стратегии реального времени). В отличие от индивидуальных компьютерных игр, он-лайн игры привлекают именно возможностью общения между игроками, а также возможностью играть не только против компьютера, но и против другого живого (а значит, более непредсказуемого) противника. В них создаются долговременные сообщества, основанные на взаимном общении. Среди он-лайн игр представлены RPG и стратегии реального времени. RPG – ролевая игра. Среди современных популярных он-лайн компьютерных игр RPG можно назвать: «World of Warcraft», «Lineage 2», «Сфера», «Наследие Драконов».

Ролевая компьютерная игра (RPG англ. *Role-playing game*) – это простой и доступный способ моделирования другого мира или таких жизненных ситуаций, в которых человек никогда не был и не будет в реальности.

Благотворное влияние ролевых игр представляется в том, что человек на время «уходит» в виртуальность, чтобы снять стресс, отвлечься от проблем и т.д. Впрочем, люди нередко злоупотребляют этим способом ухода от реальности, теряют чувство меры, играя длительное время. В крайней патологической форме увлеченности игрой ее влияние представляется уже негативным: человек на время «выходит» из виртуальности в реальный мир, чтобы не забыть, как он выглядит, и удовлетворить физиологические потребности. Изменяется также и смена восприятия. Реальный мир начинает казаться чужим и полным опасностей, потому что человек не может в реальном мире делать все то, что ему дозволено в виртуальном. Увлеченность молодежи компьютерными играми привела к появлению особого направления состязаний – киберспорта. Чемпионаты по киберспорту проводятся в основном по стратегиям в реальном времени. Наиболее известными среди них являются игры WarCraft и StarCraft.

3. Ролевика (толкинисты). Особую популярность получили сначала в странах Запада, а затем, начиная с конца 1980-х годов, в России игры по мотивам книги Толкина «Властелин колец». Соответственно любители таких игр получили

прозвание – толкинисты. В настоящее время игры проводятся и по другим фэнтезийным сюжетам. По своей сути ролевые игры сближаются с виртуальными RPG, хотя последние появились позднее. Более того, в классификации ролевых игр данные игры (напоминающие военные игры) относят к сходному направлению с компьютерными RPG. Считается, что «Ролевые игры живого действия» (от англ. Live action Role-playing game, LARPG), в которых игроки отыгрывают свои роли через действия, – это подраздел ролевых игр (RPG). Здесь тоже формируется своеобразная виртуальная реальность, но с использованием реального мира.

Правила игры определяются мастером (или мастерской группой), который ставит эту игру. Обычно чётко определяются правила насильственного физического воздействия на персонажей (боевые правила), правила поведения игрока в случае смерти его персонажа, правила применения «способностей» персонажа (например, магия или псионика), а также правила взаимодействия игрока с моделируемыми структурами (экономика, виртуальные отряды и т. д.).

Помимо толкинистов, обыгрывающих фэнтезийные сюжеты, среди ролевиков довольно многочисленны группы с исторической направленностью. Они уже за основу берут не мотивы фэнтези, а как-то средневековый исторический период со всей его военной атрибутикой. Впрочем, реже могут использоваться и более поздние мотивы, например, обмундирование и вооружение периода Бородинской битвы.

4. Анимешники. Аниме (анимэ) – японские анимационные мультфильмы. В Японии аниме возникло на основе экранизации (мультипликации) манги (рисованных японских комиксов). При экранизации обычно сохраняется графический стиль и другие особенности оригинала. В России же первоначальное распространение получили именно мультфильмы аниме, а интерес к манге возник уже под влиянием этих мультфильмов (хотя большой популярности они так и не получили).

Количественные объемы производимых в Японии анимэ поражают воображение. Помимо обсуждения на форумах и в группах социальных сетей фанаты-анимэ также сочиняют рассказы на тему любимых аниме (фанфики), рисуют рисунки. Успехом пользуется бутафорная атрибутика, имитирующая особенности и артефакты героев аниме. В Японии отдельные фаны полностью гримируются и наряжаются в подражание героям аниме (до России пока это не дошло), так что внутри сообщества анимешников возникает направление, сближающееся с ролевиками.

Фанатами (любителями) аниме при помощи программ для редактирования видео из фрагментов аниме с наложенными на них звуком или музыкой создаются отдельные произведения – AMV (сокр. от англ. Anime Music Video). Их можно рассматривать в качестве отдельного вида художественных произведений и в качестве жанра изобразительного искусства. За рубежом, а

теперь и в России, ежегодно проводятся конкурсы на лучшие AMV. Также по мотивам аниме создаются рисунки и картины.

В заключение можно отметить, что на примере молодежных субкультур, формирующих «иную реальность», отчетливо проявляются: во-первых, процесс активной глобализации молодежной культуры; во-вторых, видна позитивная роль молодежных субкультур в уменьшении стрессового воздействия повседневной реальности и вытеснении иных (гораздо более асоциальных и патологических) форм «ухода от реальности»; в-третьих, заметно их стимулирующее воздействие на творческую активность молодежи (в плане создания изображений, компьютерной графики, рассказов и сочинений, AMV).

И.В. Полутина, А.Е. Абрамова,

сотрудники Муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей Центр внешкольного образования «Творчество»

НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье содержится информация о неформальном образовании в Европе и России и приводится пример из практики Самарского центра дополнительного образования по реализации программы неформального образования.

В последние двадцать лет вопрос неформального образования стал актуален во всем мире. Сформулировать универсальное определение этого сектора образовательных услуг и проследить развитие его моделей пытаются эксперты сфер образования и молодежной политики. Интерес к неформальному образованию связан с рядом изменений, происходящих в Европе. В результате научно-технической революции и роста доходов населения европейские общества из индустриальных превратились в постиндустриальные, где доминирующим производственным ресурсом является постоянно изменяющаяся информация и владение ей. Поэтому образованию и компетентному использованию информационного ресурса отведена особая роль в развитии экономики и повышении общественного благосостояния.¹

Введение в большинстве европейских государств стратегии массового образования (60-70-е годы XX века) ознаменовало, как минимум, номинальную общедоступность государственных образовательных услуг. Помимо основного школьного образования эти государства обеспечили возможность развиваться и

¹ Анна Богдзевич, Оксана Иванова, Айгуль Назина, Максим Степанов, Тренер-группа-семинар: другой путь образования молодежи, Берлин2009, стр. 6

учиться вне школы, предлагая кружки по интересам, музыкальное или спортивное направления. Такие формы досуговой педагогики заполняли ниши, не занятые формальным образованием, и носили добровольный и дополнительный характер.

Сегодня одна из главных задач неформального образования – это подготовка молодежи к самостоятельной жизни. Оно помогает молодым людям приспосабливаться к постоянным трансформациям общества.

Во многих европейских государствах неформальное образование заведомо позиционируется в сфере гражданского образования и направлено на создание условий для формирования демократически ориентированного гражданина. Как строить общество, где есть место для всех, почему важно принимать на себя ответственность за процессы, происходящие вокруг, и как это делать, чтобы быть гражданином не только де-юре, но и де-факто – эти вопросы стали лейтмотивом программ неформального образования в Европе.¹

В отличие от большинства европейских стран, в России неформальное образование распространено не так широко. Тем не менее общественные объединения и центры дополнительного образования детей и взрослых реализуют программы неформального образования. Большой интерес к подобной форме работы с населением проявляют государственные органы, отвечающие за реализацию молодежной политики в Российской Федерации.

Являясь членом Совета Европы, Россия подписала договор с Директоратом по делам молодежи и спорту Совета Европы о реализации рамочной программы сотрудничества в сфере молодежной политики на 2009 – 2012 годы. Основные мероприятия программы реализуются через Европейский молодежный фонд.

Европейский молодежный фонд (ЕМФ) был создан в 1972 году Советом Европы для оказания финансовой поддержки европейским молодежным мероприятиям. Он является подразделением в Директорате молодежи и спорта. Каждый год ЕМФ выделяет примерно 3 миллиона евро неправительственным организациям, которые оказывают непосредственную поддержку молодежи от 15 до 30 лет.

Начиная с 1972 года, в мероприятиях, которые получили поддержку со стороны ЕМФ, приняли участие более 300 тысяч молодых людей, в основном из государств-членов СЕ. Каждый год ЕМФ оказывает поддержку примерно 300 проектам, в которых участвуют более 15 тысяч молодых людей.

Цель Европейского молодежного форума – поощрять сотрудничество между молодежью в Европе путем оказания финансовой помощи тем европейским молодежным мероприятиям, которые служат укреплению мира, взаимопонимания и сотрудничества в духе соблюдения основополагающих

¹ Анна Богдзевич, Оксана Иванова, Айгуль Назина, Максим Степанов, Тренер-группа-семинара: другой путь образования молодежи, Берлин2009, стр.8

ценностей Совета Европы, таких, как права человека, демократия, терпимость и солидарность.¹

Европейский молодежный фонд поддерживает следующие мероприятия:

- мероприятия европейского характера в области образования, социальных отношений, культуры и гуманитарной деятельности;
- мероприятия, направленные на укрепление мира и сотрудничества в Европе;
- мероприятия, направленные на содействие более тесному сотрудничеству и взаимопониманию между молодыми людьми в Европе, особенно через развитие обмена информацией;
- мероприятия, направленные на расширение взаимопомощи в Европе и в развивающихся странах в культурной, образовательной и социальной сферах;
- исследования и документация по молодежным вопросам.

В свою очередь Европейский Союз создал программу «Молодежь в действии» (Youth In Action), позволяющую приобрести опыт обучения вне контекста высшего образования или профессиональной подготовки.²

Программа была создана в 1988 г. в связи с желанием стран-членов Евросоюза оказать финансовую поддержку выходящему за рамки формальной образовательной системы молодежному сотрудничеству на международном уровне. С течением времени как содержание, так и форма программы изменились и развились.

С 1 января 2007 года была запущена новая программа «Молодежь в действии» (англ. Youth in Action). Программа рассчитана на период 2007-2013 гг.

Целью программы является формирование среди молодёжи Европы общей основы для понимания понятия Европейской гражданственности, привлечение молодых людей в созидание будущего общества.

Программа открыта для стран ЕС, стран EFTA – Европейской Ассоциации Свободной Торговли, стран - кандидатов в ЕС, западных Балкан, стран, участвующих в Европейской Политике Добрососедства, Российской Федерации и Швейцарии.

В ней могут принять участие молодые люди в возрасте от 13 до 30 лет (приоритетная целевая группа: 15 - 28 лет), возрастные рамки зависят от конкретных подпрограмм, особое внимание уделяется молодым людям с ограниченными возможностями.

С помощью программы «Молодежь в действии» Европейская Комиссия стремится к пропаганде межкультурного диалога, толерантности и солидарности за пределами Европейского Союза. Она ставит своей целью

¹ <http://www.coe.int/t/dg4/youth/fej/EYF%20brochure%202009%20Russian.pdf>

² Без барьеров, без границ, / Ресурсный центр SALTO, Брюссель, 2006, стр.4

разрушение стереотипов и предрассудков, создание общества, основанного на взаимопонимании и уважении. Это будет способствовать развитию гражданского общества и усилению демократических процессов в странах Восточной Европы и Кавказа.

Молодёжь РФ и молодёжные организации могут принять участие в следующих подпрограммах: Акция 2: Европейская Волонтерская Служба (EVS); Акция 3.1: Молодёжь в Мире.

Акция 2: ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЛОНТЕРСКАЯ СЛУЖБА, EVS – даёт возможность молодым людям в возрасте от 18 до 30 лет, самостоятельно или в группе, стать волонтерами в другой стране на определенный период (обычно от 2 до 12 месяцев).

Акция 3.1:

МОЛОДЕЖНЫЙ ОБМЕН – объединяет молодых людей от 13 до 25 лет из двух или более стран, предоставляя им возможность знакомства с другими культурами, а также участия в дискуссиях на различные актуальные для молодежи темы (длительность обмена - от 6 до 21 дня).

ОБУЧЕНИЕ И СОЗДАНИЕ СЕТЕЙ – поддерживает активистов молодежной работы знаниями и практическими навыками с помощью обмена опытом, мероприятий, которые могут стать предпосылками долгосрочных качественных проектов, партнерств и сетей.

В июне 2010 года воспитанники Отдела реабилитации Самарского Центра внешкольного образования «Творчество» стали участниками молодежного обмена «Творим вместе», который проходил на территории Польши. Помимо российских участников в город Быдгощ приехали молодые люди с ограниченными возможностями здоровья из Латвии, Азербайджана и самой Польши.

В течение 9 дней ребята участвовали в творческих мастерских, готовили театральное представление (пантомиму), общались, знакомились с достопримечательностями Польши и представляли культурные особенности своих стран на межкультурных вечерах.

Итогом проекта стало выступление интернациональной группы на городской сцене Быдгоща с театральной постановкой и самостоятельно подготовленными декорациями.

Данное мероприятие является хорошим примером реализации неформального образования: за время встречи участники приобрели навыки межкультурного взаимодействия, получили знания по географии, истории и культуре разных стран, реализовали свои творческие способности.

Помимо программ Совета Европы и Европейского Союза неформальное образование на европейском уровне поддерживается различными фондами, например, фондом Роберта Боша, Российско-Германским Форумом и другими.

О.А. Таренкова, к.ю.н.

Московский городской педагогический университет (Самарский филиал)

ОТДЕЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данной статье исследуются некоторые коллизионные вопросы административного права в сфере валютного регулирования, раскрывается правовая природа валютного правонарушения, анализируются мнения различных авторов на определение понятия «учет валютных операций». Автор, анализируя мнения ученых по данному вопросу, приводит свою точку зрения на понятие «учет валютных операций».

Ответственность за нарушения валютного законодательства предусмотрена ст.ст. 15.25 и 16.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

Федеральный закон от 10 декабря 2003г. № 173-ФЗ (с изм. на 18.07.2011г.) «О валютном регулировании и валютном контроле»² (см. далее - Валютный закон) полностью отошел от попыток определения валютного правонарушения, квалификации его состава и назначения ответственности. При этом позиции многих юристов по вопросу дефиниции вышеуказанного термина существенно расходятся. К примеру, Н. Сапожников отмечает, что «валютное правонарушение - это противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), совершенное участником валютных операций умышленно или по неосторожности, за которое валютным законодательством установлена ответственность»³. Автор считает, что валютные правонарушения представляют собой разновидность административных правонарушений, т.е. предусмотренных нормами права посягательств на установленный порядок государственного управления, в рассматриваемом случае - порядок совершения валютных операций. Соответственно к лицам, допустившим валютное правонарушение, подлежит применению такой вид юридической ответственности, как административная ответственность. Подобные взгляды изложены в публикациях И. Хаменушко⁴, А. Селивановского¹ и др. Представляется, что указанные выводы

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. на 21.07.2011 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1; 2011. № 31, ч. 1. Ст. 4601.

² СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859; 2011. № 30, ч. 1. Ст. 4584.

³ Сапожников Н. Правовые проблемы ответственности в валютных правоотношениях // Хозяйство и право. 2001. № 12. С. 65 - 73.

⁴ См.: Хаменушко И.В., Шеленкова С.Н. Проблемы ответственности за нарушения валютного законодательства в связи с принятием Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации // Финансовое право. 2002. № 4; Хаменушко И.

авторы делают на основе того, что ответственность за правонарушения в сфере валютного регулирования закреплена в ст. 15.25 КоАП РФ, которая содержит несколько составов. Это: 1) осуществление незаконных валютных операций, то есть осуществление валютных операций, запрещенных валютным законодательством Российской Федерации, или осуществление валютных операций с невыполнением установленных требований об использовании специального счета и требований о резервировании, а равно списание и (или) зачисление денежных средств, внутренних и внешних ценных бумаг со специального счета и на специальный счет с невыполнением установленного требования о резервировании; 2) нарушение установленного порядка открытия счетов (вкладов) в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации; 3) невыполнение обязанности по обязательной продаже части валютной выручки, а равно нарушение установленного порядка обязательной продажи части валютной выручки; 4) невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по получению на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающихся за переданные нерезидентам товары, выполненные для нерезидентов работы, оказанные нерезидентам услуги либо за переданные нерезидентам информацию или результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них; 5) невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по возврату в Российскую Федерацию денежных средств, уплаченных нерезидентам за не ввезенные на таможенную территорию Российской Федерации (не полученные на таможенной территории Российской Федерации) товары, невыполненные работы, неоказанные услуги либо за переданные нерезидентам информацию или результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них; 6) несоблюдение установленных порядка или сроков представления форм учета и отчетности по валютным операциям, нарушение установленного порядка использования специального счета и (или) резервирования, нарушение установленных единых правил оформления паспортов сделок либо нарушение установленных сроков хранения учетных и отчетных документов или паспортов сделок; 7) нарушение установленного порядка ввоза и пересылки в Российскую Федерацию и вывоза и пересылки из Российской Федерации валюты Российской Федерации и внутренних ценных бумаг в документарной форме, за исключением случаев, предусмотренных ст.ст. 16.3 и 16.4 КоАП РФ.

Несмотря на закрепление ответственности за валютные правонарушения в КоАП РФ, они представляют собой разновидности

Проблемы ответственности за нарушение валютного законодательства в связи с принятием Кодекса РФ об административных правонарушениях // Хозяйство и право. 2003. № 9. С. 82 – 88.

¹ См.: Селивановский А. Ответственность юридического лица за нарушение валютного законодательства // Хозяйство и право. 2003. № 9. С. 88 - 101.

финансовых правонарушений. Представляется, что данное обстоятельство определяется не нормативно-правовым актом, где законодатель сформулировал составы противоправных деяний, а предметом правового регулирования. Как подчеркивают Н.И. Матузов и А.В. Малько, предмет является главным материальным критерием разграничения норм права по отраслям, поскольку он имеет объективное содержание, предопределен самим характером общественных отношений и не зависит в принципе от воли законодателя¹. Ю.А. Крохина с учетом институциональной принадлежности выделяет ряд отношений, образующих предмет финансового права, среди которых называет отношения, возникающие в процессе валютного регулирования².

В свою очередь, Д.Н. Бахрах рассматривает административное право как управленческое право и не включает в его предмет отношения, составляющие финансовую деятельность государства, и отношения финансовой ответственности³. Ю.Н. Стариков, подводя итоги дискуссии о системе административного права, также не включил отношения финансовой ответственности и финансовых правонарушений в структуру предмета административного права⁴.

Возвращаясь к вопросу об определении валютного правонарушения, представляется необходимым соотнести нормы Валютного закона с практикой применения административной ответственности за валютные (административные) правонарушения.

Ответственность за невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по получению на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты Российской Федерации, причитающихся за переданные нерезидентам товары, выполненные для нерезидентов работы, оказанные нерезидентам услуги либо за переданные нерезидентам информацию или результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, предусмотрена ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ. Необходимо заметить, что судебная практика за 2006-2007г.г. свидетельствует об отказе организациям в отмене постановлений Территориальных управлений Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в ряде субъектов Федерации о привлечении организаций к ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ⁵.

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2001. С. 315.

² См.: Крохина Ю.А. Финансовое право России: Учебник для вузов. М., 2004. С. 688.

³ См.: Бахрах Д.Н. Административное право. Учебник для вузов. М., 1996. С. 1 - 4.

⁴ См.: Стариков Ю.Н. О сущности и системе административного права: некоторые итоги дискуссии // Государство и право. 2000. № 5. С. 12 - 21.

⁵ См.: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2006г. № 13118/06 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05 октября 2007г. № 12186/07 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был; Определение

Следует отметить, что Валютный закон не дает определение термина «учет валютных операций» и не устанавливает порядок его ведения. При наличии установленной Законом ответственности (ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ) за несоблюдение установленного порядка ведения учета, составления и представления отчетности по валютным операциям¹, полагаем, что Валютный закон должен был предусмотреть соответствующую статью.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 23 Валютного закона органы и агенты валютного контроля и их должностные лица в пределах своей компетенции и в соответствии с законодательством Российской Федерации имеют право проводить проверки полноты и достоверности учета и отчетности по валютным операциям резидентов и нерезидентов. Согласно п. 2 ст. 22 Валютного закона органами валютного контроля в Российской Федерации являются Центральный банк Российской Федерации и федеральный орган (федеральные органы) исполнительной власти, уполномоченный (уполномоченные) Правительством Российской Федерации. Согласно ч. 4 ст. 5 Валютного закона именно Центральный банк Российской Федерации устанавливает единые формы учета и отчетности по валютным операциям, порядок и сроки их представления, а также готовит и публикует статистическую информацию по валютным операциям².

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 24 Валютного закона резиденты и нерезиденты, осуществляющие в Российской Федерации валютные операции, обязаны вести в установленном порядке учет и составлять отчетность по проводимым ими валютным операциям, обеспечивая сохранность соответствующих документов и материалов в течение не менее трех лет со дня совершения соответствующей валютной операции, но не ранее срока исполнения договора. Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым внести в ст. 1 Валютного закона определение учета валютных операций, изложив его в следующей редакции: «Учет валютных операций - это внесение в установленном порядке сведений о конкретных валютных операциях субъектов данных правоотношений в разработанные Центральным банком Российской Федерации и другими уполномоченными государством органами документы, на основании которых осуществляется валютный контроль».

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 октября 2007г. № 10835/07 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

¹ О привлечении к ответственности, предусмотренной ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ см. судебную практику: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2007г. № 12343/07 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был; Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 октября 2007г. № 12802/07 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

² См. подробно: Трошкина Т.Н. Новое в системе органов валютного контроля в Российской Федерации // Финансовое право. 2007. № 2.

Кроме того, в связи с отменой валютных ограничений следует внести соответствующие изменения в ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ, исключив из нее фразу «нарушение установленного порядка использования специального счета и (или) резервирования». Следует также изменить ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, изложив ее в следующей редакции: «Осуществление незаконных валютных операций, то есть осуществление валютных операций, запрещенных валютным законодательством Российской Федерации, влечет наложение административного штрафа на граждан, должностных лиц и юридических лиц в размере от трех четвертых до одного размера суммы незаконной валютной операции». В связи с отменой действия ст. 21 Валютного закона необходимо признать утратившей силу ч. 3 ст. 15.25 КоАП РФ.

А.Е. Рогозин, выпускник
Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти)

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

В статье рассматривается история становления и развития компьютерной техники, телекоммуникационных технологий и глобальной сети Internet как факторов перехода к информационному обществу.

С самого начала человеческой истории возникла потребность передачи и хранения информации. Первая строка Евангелия от Иоанна гласит: «Вначале было слово». Древняя книга права: для человека слово, речь – начало всех начал. Подлинное рождение человека на Земле произошло тогда, когда им было изобретено Слово – основа мышления, основа информационной связи между людьми, основа накопления опыта и знаний, т.е. основа развития интеллекта. За развитием речи последовало создание письменности, ставшей для человечества могучим средством культурного и технологического прогресса. Для хранения информации стали использоваться наскальные рисунки, а в IV тысячелетии до нашей эры появилась письменность и первые носители информации (глиняные таблички и египетские папирусы). Дальнейшее ускорение на этом пути было связано с изобретением и повсеместным распространением книгопечатания. История создания устройств для обработки информации начинается еще с древности.¹

Благодаря речи и письменности стала возможной связь на значительных расстояниях через пеших и конных гонцов, но оперативность и эффективность этого способа передачи сообщений во многих случаях оказывались недостаточными, как и в современной почте. В некоторой степени оптическая сигнализация с помощью костров и факелов, а два столетия тому назад – с

¹ Радиосвязь.[Текст]/О.В.Головин, Н.И.Чистяков, В.Шварц, И.Хардон Агиляр.– М.: Горячая линия –Телеком, 2001.– 288 с.

помощью изобретенного тогда телеграфа К. Шаппа. По структуре это средство можно считать зародышем одного из видов современной связи – радиорелейных линий: сигналы передавались по цепочке станций, от одной к другой, и без проводов.¹

Подлинной революцией в средствах связи стало изобретение и широкое внедрение в XIX веке способов и устройств для передачи сообщений по проводам и кабелям – телеграфа и телефона. Но главным итогом науки XIX века стало открытие электромагнитных волн. Это открытие сделало возможным изобретение радиотелеграфа в 1895 году А.С. Поповым.

Первой же попыткой автоматизированной обработки информации стало создание в середине XIX века Ч. Бэббиджем механической цифровой аналитической машины. Однако только с середины XX века, с момента появления электронных устройств обработки и хранения информации, начался постепенный переход от индустриального общества к информационному.²

Первые электронно-вычислительные машины, которые могли автоматически по заданной программе обрабатывать большие объемы информации, были созданы в 1946 году ЭНИАК (США) и в 1950 году МЭСМ (СССР). В 40-60-х годах производство ЭВМ измерялось единицами, десятками и, в лучшем случае, сотнями штук. ЭВМ были очень дорогими и занимали громадные залы. Поэтому они оставались недоступными для массового потребителя. Массовое производство персональных компьютеров началось с середины 70-х годов XX века с компьютера Apple. Объемы производимых персональных компьютеров выросли до десятков тысяч в год. В тот период это было колоссальным достижением.³

В начале 80-х годов приступила к массовому производству персональных компьютеров корпорация IBM (компьютеры так и назывались IBM Personal Computer - IBM PC). IBM-совместимые компьютеры стали выпускать многие фирмы, и их производство достигло сотен тысяч в год. Ежегодное производство персональных компьютеров постоянно росло и в 2000 году превысило 150 миллионов.

Персональный компьютер постоянно совершенствовался, его производительность возросла на три порядка, при этом, что очень важно, цена практически не изменилась. Персональный компьютер стал доступен массовому потребителю, и теперь в развитых странах мира компьютер имеется на большинстве рабочих мест и в большинстве семей.

Информационные сети создают реальную возможность быстрого и удобного доступа пользователя к информации, накопленной человечеством за

¹ Дзюбин, И.И. Выхожу на связь. [Текст].– М.: «Знание», 1979 – 160 с.

² Бочкарёва, Т.С. История науки и техники [Текст]: учебное пособие для студентов вузов. / Под ред. Проф. А.И. Бочкарёва. – Тольятти: Изд-во ТГУС, 2007, – 224 с.

³ Филиппова, О.А. Мировые информационные ресурсы: учебное пособие [Текст].– Тольятти : Изд-во ТГУС , 2006 . - 100 с.

всю свою историю. Электронная почта и телеконференции, поиск информации в Internet и в файловых архивах, интерактивное общение, прослушивание радиостанций и просмотр телевизионных программ, покупки в Internet-магазинах стали повседневной практикой многих пользователей компьютеров в развитых странах.

Как любое социальное явление, Internet имеет свою историю. Министерство Обороны США в конце 60-х годов начало разработку сети, которая называлась ARPANET. ARPANET была экспериментальной сетью и явилась прообразом Internet. Она создавалась для поддержки научных исследований в военно-промышленной сфере, в частности для исследования методов построения сетей, устойчивых к частичным повреждениям, получаемым, например, при бомбардировке авиацией, и способных в таких условиях продолжать нормальное функционирование. Это требование дает ключ к пониманию принципов построения и структуры Internet. В модели ARPANET всегда была связь между компьютером-источником и компьютером-приемником (станцией назначения). Сеть изначально предполагалась ненадежной: любая часть сети может исчезнуть в любой момент.

Ответственность за обеспечение налаживания и поддержания связи была возложена на связывающиеся компьютеры. Основным принципом состоял в том, что любой компьютер связывался с другим равным.

В 1970 г появилась первая компьютерная сеть с пакетной коммутацией. Она связала университеты в Лос-Анджелесе и Санта-Барбаре (штат Калифорния) со Стэнфордским университетом и Университетом штата Юта в Солт-Лейк-Сити. В основу сети был положен протокол коммутации пакетов, созданный компанией BBN.

К 1972 г. сеть ARPANET объединяла уже 40 компьютерных центров, которые могли передавать файлы с данными, обмениваться между собой электронной почтой, осуществлять сеансы работы с удаленными машинами. В октябре 1972 года ARPANET была публично продемонстрирована на Первой международной конференции по компьютерным коммуникациям в Вашингтоне.

В 1974 г. были опубликованы описания протоколов Internet Protocol (IP) и Transmission Control Protocol (TCP), которые определили правила передачи сообщений между компьютерами в Internet.

Семейство протоколов TCP/IP - это правила и описание работы сети. Этот свод включает правила налаживания и поддержания связи в сети, правила обращения с IP-пакетами и их обработки, описания сетевых пакетов семейства IP. Сеть задумывалась и проектировалась так, чтобы от пользователей не требовалось никакой информации о конкретной структуре сети. Для того чтобы послать сообщение по сети, компьютер должен поместить данные в некий «конверт», указать на этом «конверте» конкретный адрес в сети и передать получившиеся в результате этих процедур пакеты в сеть.

Следующим этапом развития Internet являлась разработка относительно дешевого мини-компьютера и машинно-независимой операционной системы UNIX. Изначально UNIX была системой, ориентированной на работу в сети и не требовавшей для этого дополнительных компонентов.

Пользователи стали устанавливать IP-программное обеспечение на все возможные типы компьютеров. Вскоре это стало единственным способом для связи разнородных компьютеров.

В 1976 году М. Леск создал программу UNIX – to – UNIX Copy Program – UUCP. В результате любой компьютер с установленной на нем программой UUCP и оснащенный модемом мог связываться с любым другим компьютером через телефонную сеть и пересылать файлы с данными.

Широкое использование UUCP привело к идее создания «электронной газеты», доступной самым широким массам и позволяющей поддерживать и публиковать тематическую переписку между авторами статей и их читателями. В первоначальной версии этой системы, названной Usenet, была использована концепция разделения новостей на группы, а за основу функционирования был взят пакет UUCP.

В 1979 г. состоялась встреча, в которой приняли участие ряд университетов и Национальный научный фонд США (NSF). На этой встрече было решено создать сеть CSnet (Computer Science Research Network), главным источником финансирования которой стал NSF. Чуть позже в 1980 г. было предложено связать ARPANET и CSnet через шлюз с использованием протоколов TCP/IP так, чтобы все подмножества сети CSnet располагали доступом к шлюзу в ARPANET. Это событие можно считать преобразованием Internet в содружество независимых сетей, пришедших к согласию относительно способа межсетевого общения.

Следующей составной частью Internet стала сеть с названием Binet. Эта сеть представляла собой среду, в которой обмен сообщениями и новостями осуществлялся через механизм списков рассылки Listserv, напоминающий используемое в Usenet разделение новостей на группы. Пользователи Binet подписывались на подходящие им списки, а статьи и сообщения рассылались только подписчикам, в отличие от Usenet, передававшей новости и сообщения от одного сервера новостей к другому.

В 1984 г. в Сан-Франциско появилась другая важная сеть – FidoNet. В 1987 г. пакет UUCP, первоначально разработанный для применения в среде UNIX, был «Привязан» к IBM PC, что дало возможность совместить Usenet с FidoNet.

Во второй половине 80-х Национальный научный фонд США создал собственную высокоскоростную сеть с целью поддержки требований стандартов на качество связи в сетях, объединяющих большие компьютерные центры. NSFNET является до настоящего времени одной из крупнейших сетей в сообществе Internet.

Центры сети NSFNET были соединены с пропускной способностью 56 Kbps. Однако было очевидно, что не стоит даже и пытаться соединить все университеты и исследовательские организации непосредственно со всеми центрами, т.к. проложить такое количество кабеля - не только очень дорого, но практически невозможно. Поэтому решено было создавать сети по региональному принципу. В каждой части страны заинтересованные учреждения должны были соединиться со своими ближайшими соседями. Получившиеся цепочки подсоединялись к суперкомпьютеру в одной из своих точек, таким образом, суперкомпьютерные центры были соединены вместе. В такой топологии любой компьютер мог связаться с любым другим, передавая сообщения через соседей.

Вслед за NSF в Internet включились NASA и DOE (министерство энергетики США) в форме сетей NSINET и ESNET. В 1990 г. сеть ARPANET была полностью замещена NSFNET. В 1990 году Федеральный совет по информационным сетям отменил правило, согласно которому для присоединения к Internet была необходима рекомендация какого-либо государственного органа. Это решение открыло возможности для широкого притока в Internet коммерческих организаций самого разного масштаба, поскольку доступ стало возможным получить без каких-либо серьезных оговорок и обоснований. Одним из последних и наиболее важных событий в истории Internet стало создание так называемой «Всемирной паутины» - среды World Wide Web (WWW). В ее основу легла технология гипертекста.

История WWW началась в марте 1989 года, когда Т. Бернерс-Ли выступил с проектом телекоммуникационной среды для проведения совместных исследований в области физики высоких энергий, а затем в 1991 году Европейская лаборатория практической физики, находящаяся в Швейцарии, объявила о создании новой информационной среды World Wide Web. Первый раз WWW начали использовать в январе 1992 года в Женеве, где исследователи получили возможность получать данные с узла CERN. Бернерс-Ли предложил хранить данные на компьютерах, которые он назвал серверами Web. Обращение к данным Web осуществлялось при помощи специальной программы – браузера. Эта технология используется и по сей день, хотя информация, доступная в сети, уже давно не ограничивается рамками обмена научными данными между учеными-физиками.

«Internet – глобальная информационная система, части которой логически взаимосвязаны друг с другом посредством уникального адресного пространства, основанного на протоколе Internet Protocol (IP) или его последующих расширениях, способная поддерживать связи с использованием комплекса протоколов Transmission Control Protocol / Internet Protocol (TCP/IP), их последующих расширений или других IP-совместимых протоколов, и которая обеспечивает, использует и делает доступным, публично или частным образом,

коммуникационный сервис высокого уровня» (Федеральный Совет США по информационным сетям 24 октября 1995 г.).

В информационном обществе главным ресурсом является информация, именно на основе владения информацией о самых различных процессах и явлениях можно эффективно и оптимально строить любую деятельность.

В качестве критериев развитости информационного общества можно привести следующие: наличие компьютерной техники, уровень развития компьютерных сетей, количество населения, занятого в информационной сфере и использующего информационные и коммуникационные технологии в своей повседневной деятельности. Развитие глобальных компьютерных сетей стремительно возрастает. Если в 1981 году в сети Internet насчитывалось лишь 213 компьютеров, к концу 80-х годов количество подключенных к сети компьютеров возросло до 150 тысяч, однако наиболее быстрый экспоненциальный рост их количества происходил в 90-е годы. По количеству имеющихся серверов Internet можно судить о степени информатизации отдельных стран. Наибольшее количество серверов зарегистрировано в доменах административного типа, которые находятся в основном в США, Японии (7,1 миллионов серверов) и т.д. Россия занимает в этом списке 24-е место (около 400 тысяч серверов).¹

Развитие глобальной компьютерной сети требует наличия каналов связи с высокой пропускной способностью. Основой глобальной компьютерной сети Internet являются магистральные высокоскоростные линии связи, по которым передается информация между региональными сетями. В настоящее время наиболее мощные региональные сети функционируют в Северной Америке, Европе, Японии и Австралии. Они соединены между собой многочисленными оптоволоконными линиями связи с пропускной способностью до 20 Гбит/с и выше. В пределах региональных сетей информация передается преимущественно по оптоволоконным каналам с различной пропускной способностью (от 1 до 155 Мбит/с). В этих сетях часто используются также выделенные линии и радиоканалы.

Подключение по спутниковым каналам наиболее экономически выгодно для отдаленных регионов. Пропускная способность таких каналов может достигать десятков мегабитов в секунду.

По данным ООН, в 90-е годы количество работников, занятых в информационной сфере, возросло примерно на 25%, тогда как количество занятых в сельском хозяйстве и промышленности сократилось соответственно на 10 и 15%.²

Компьютеры и информационные технологии интенсивно проникают и в сферу материального производства. Агроном, инженер, преподаватель, специалисты других традиционных профессий все чаще имеют на своем

¹ Филиппова, О.А. Мировые информационные ресурсы: учебное пособие [Текст].– Тольятти : Изд-во ТГУС , 2006 . - 100 с

² Мировые информационные ресурсы. Интернет [Текст].– /под общ. ред. П.В. Акинина. – М.: КНОРУС, 2008. – 256 с.

рабочем месте компьютер и используют информационные и телекоммуникационные технологии в своей профессиональной деятельности.

С развитием коммуникационных технологий и мобильной связи все большее количество людей осуществляют свою производственную деятельность дистанционно, то есть работая дома, а не в офисе (в США более 10 миллионов человек). Все большее распространение получает дистанционное образование и поиск работы через Internet.

Количество информации в современном обществе стремительно нарастает, человек оказывается погруженным в море информации. Поэтому необходимо обладать информационной культурой, то есть знаниями и умениями в области информационных и коммуникационных технологий, а также быть знакомым с юридическими и этическими нормами в этой сфере.¹

Современные информационные технологии позволяют включать в состав документа любые мультимедийные объекты (видео, изображения, звук, анимацию). Умение работать с мультимедиа-документами, создавать компьютерные презентации становится важным в информационном обществе.

В современном информационном обществе сходят на нет навыки традиционного черчения на ватмане, кальке. Вместо этого полезно получить первоначальное представление о назначении и возможностях компьютерных систем автоматизированного проектирования. Такие системы позволят вам быстро рассмотреть различные варианты планировки интерьера дома или квартиры, создать чертеж, схему или изображение.

Необходимость упорядочить информацию, например, о людях, с которыми вы контактируете, требует использования записной книжки. Однако в современном мире компьютерную базу данных намного удобнее использовать для хранения такой информации. При поиске информации в Internet и библиотеке необходимо иметь навыки работы с базами данных. В информационном обществе очень полезным является умение создавать базы данных, а также вести в них поиск данных.

Квалифицированный пользователь компьютера может на основе использования средств визуального объектно-ориентированного программирования создавать необходимые ему специализированные приложения. Современному человеку необходимо овладеть коммуникативной культурой. Необходимым условием успешной профессиональной деятельности становится создание и публикация в Internet Web-сайтов с информацией о деятельности организации или предприятия.

Информационная культура состоит не только в овладении определенным комплексом знаний и умений в области информационных и коммуникационных технологий, но предполагает знание и соблюдение юридических и этических

¹ Воронина, Т. П. Информационное общество: сущность, черты, проблемы. [Текст]. – М., 1995. — 111 с.

норм и правил. Законы запрещают использование «пиратского» компьютерного обеспечения и пропаганду насилия, наркотиков и порнографии в Internet. Общение с помощью электронной почты или в чатах, участие в телеконференциях предполагают соблюдение определенных правил и норм: отвечать на письма и не рассылать знакомым и незнакомым людям многочисленные рекламные сообщения (спам), не отклоняться от темы обсуждения в телеконференциях и др.

К.Н. Болгов, магистрант
Белгородский государственный университет

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ПРЕССЫ

В статье идет речь о специфических, присущих именно Интернет-прессе, особенностях. Ввиду наиболее динамичного развития данного СМИ именно в последние 15-20 лет, данная сфера является наиболее интересной.

Без какой-либо доли преувеличения Интернет можно рассматривать как некое глобальное средство массовой информации. Он дает возможность иметь практически мгновенный доступ ко всем источникам информации одновременно и при этом делать индивидуальный выбор. Это все равно как выписывать дома все газеты, журналы, книги и одновременно включить все каналы телевидения и радио.

Интернет, зародившись в 70-х годах, в 90-х обрушился мощным шквалом информационных потоков на весь мир. К началу 2000 года, по оценке специалистов, только в России услугами всемирной паутины пользовались около 1,5 миллионов человек. В мировом масштабе эта цифра достигала полумиллиарда. Сегодня уже не вызывает удивления домашний компьютер, подключенный к сети Интернет, а использование веб-технологий в учебной сфере и бизнесе стало неотъемлемым явлением жизни современного человека.

Некоторые историки Интернета ведут отсчет глобальной Сети с 1961 года, когда Леонард Кейнрок, нередко называемый отцом Интернета, опубликовал статью с изложением пакетной пересылки информации. Сам же профессор считает, что первый значительный шаг в создании Интернета был сделан 2 сентября 1969 года в Калифорнийском университете, когда он вместе со своей командой успешно соединил компьютер с маршрутизатором (сетевое устройство передачи данных).

В интервью агентству Рейтер Леонард Клейнрок описал это следующим образом: «20 октября 1969 года группа компьютерщиков Калифорнийского университета решила соединить свой компьютер с компьютером в Стенфордском исследовательском институте. Поначалу сеть помогала лишь ученым

пользоваться информацией, находящейся в компьютерах коллег в других центрах. Тогда еще никому не приходило в голову, каких масштабов достигнет Интернет». Однако профессор не считает, что он вместе с коллегами «породил монстра». С развитием Интернета эволюционировали и каналы связи. Информацию стали передавать по телефонной линии, оптоволоконным сетям, а позже стали пользоваться и беспроводной связью. Благодаря данным достижениям, электронные издания стали реальностью. В настоящее время они достигли высокого уровня распространения по всему миру и имеют огромную постоянную аудиторию читателей.

Эффективность электронных изданий состоит в способе их передачи и доставки, которыми пользуется часть читателей, как единственным источником информации, и в скорости её получения, не сравнимой с традиционными формами. Чаще всего текст электронной версии печатного издания можно прочитать намного раньше, чем само издание выйдет в свет. Особенно это относится к так называемым «толстым журналам»¹. В то же время электронная версия не всегда является копией бумажного издания. Редакции иногда практикуют публикацию текстов, существующих только в электронном виде и отсутствующих в бумажном варианте.

Электронная версия каждого издания имеет адрес, по которому её можно найти в Интернете. Адрес может быть либо общим для всего издания, либо каждый редактор и журналист могут иметь свои адреса. Это создает исключительное удобства для читателей и, особенно, для авторов, имеющих возможность из любого, даже далекого от своего города населенного пункта оперативно согласовать с редакцией все вопросы и вставить какие-то свежие факты, происходящие буквально на глазах, прямо накануне очередного выпуска издания. Крупнейшие информационно поисковые системы и серверы хранят электронные версии сотен газет, журналов, периодических сборников на русском и английском языках².

Однако существует и альтернативное мнение: электронные версии журналов и газет не стоит относить к электронным СМИ³. Это только форма передачи издания. Иначе дело обстоит с оригинальными электронными изданиями, изначально созданными функционирующими в сетях.

С распространением Сети (означавшим увеличение потенциальной аудитории) и развитием технологии (появление платформы WWW, возможности использования графического, аудио- и видеоматериала) Интернет приобрел привлекательность для традиционных СМИ, которые с готовностью устремились в киберпространство.

Поскольку распространение текстовой информации на рассматриваемом этапе технологического развития было более осуществимо, чем передача звука и

¹ Акопов А.И. Периодические издания. – Ростов–на–Дону, 1999.

² www.smi.ru.

³ Ганосон В. // www.mediaguide.ru

изображения, первыми возникли электронные версии печатных изданий. The Electronic Club - первая электронная газета - появилась в 1990 г. в США, а затем начался настоящий бум электронных версий газет (напр., версии The Wall Street Journal, Los Angeles Times, etc.): в начале 1995 г. существовало всего 100 электронных газет, к началу 1996 их уже было 815, а к середине 1996 г. - 1115 (по данным журнала Editor & Publisher¹). К середине 1999 г. база данных компании AJRNewslink² включала 4925 сетевых газет (конечно, к этому моменту среди них было уже значительное количество газет, существующих только в электронном виде). Появились электронные версии журналов (Businessweek, Editor & Publisher, etc.), сайты ИА (Associated Press), теле- и радиоконпаний (CNN, ABC).

Развитие электронных версий печатных СМИ проходило более успешно. К началу 1996 г. большинство из них уже "переросло" этап трактовки сетевой версии как формы передачи печатного издания.

Как отмечает М. Мак Адамс, один из авторов электронной версии газеты "Вашингтон Пост", в своей работе "Создание сетевой газеты": "Обычная газета - это относительно небольшой объем информации, представленной в удобной для просмотра форме, тогда как сетевое издание должно обеспечивать доступ к гораздо большему количеству информации".

Таким образом, целесообразно изучать Интернет как новую площадку для развития прессы. Интернет-журналистика, являясь вполне сформировавшимся феноменом, продолжает динамично развиваться и расширять возможности, которыми может воспользоваться журналист.

Интернет как сфера деятельности СМИ – область весьма сложная. Однозначного определения понятия «сетевое СМИ» на сегодняшний день не выработано.³ Исследователи до конца так и не пришли к общему мнению о том, каким термином указывать на данный феномен. Существует большое количество номинаций, среди которых, к примеру, Интернет-СМИ, Веб-СМИ, online-СМИ и прочие. В работе С. Батмановой термины «цифровой», «онлайн», «электронный» определяют какую-либо сторону существования СМИ в глобальной сети. Таки образом, каждый термин указывает либо на форму передачи информации, либо на способ или же на время, за которое информация передается, вплоть до реального времени (онлайн). Учитывая не до конца сформированную терминологическую базу, мы считаем уместным использование в качестве основного термина «сетевые СМИ»

Принципиальным отличием печатных от сетевых изданий является возможность интерактивной реализации последних, при которой пользователь (читатель) может не только перемещаться по встроенным в текст гиперссылкам, но и активно вмешиваться в ход событий, моделировать процессы, в том числе

¹ см. <http://www.mediainfo.com>

² см. <http://www.ajr-newslink.org>

³ Колесникова М.М. Периодические издания электронных сетей как СМИ (типологический аспект) Дисс. – Ростов-н/Д., 2002. – С. 16.

производственные¹. В последнее десятилетие XX века в составе Сетевых СМИ стали применяться мультимедийные компоненты, под которыми подразумеваются цифровые звуковые или видеофрагменты, а также анимационные вставки в основную часть издания. В результате электронные издания стали средством комплексного информационного воздействия на человека, сравнимого с радио, кино и телевидением, а в чем-то даже превосходящем эти важные средства массовой коммуникации.

Н.А. Тямкова, студент
Самарский государственный аэрокосмический университет

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

Рассматриваются этносоциальные проблемы в России. Их решение следует искать не в чужих странах, а в собственном историческом опыте.

Постхристианское пространство Европы настойчиво предлагает миру идеологию экономического детерминизма. Настаивая на универсализации своих ценностей, западный мир не оставляет для других стран альтернативных путей развития. Модель современного мира, прогрессивных и развивающихся стран включает в себя не только развитость экономики в русле рыночных технологий, не только либерализм как идеологию политической мысли, но и образ духовности, оторванной от архаичности религии, от социального контроля и совести как индикаторов правильности поступков человека. Во всех странах, подобно Западу, вслед за модернизацией экономики должно прийти и изменение сознания, стиля мышления, смена ценностных ориентиров с ориентацией на западные идеалы. Мышление и образ жизни, выходящие за рамки заданных либерализмом ориентиров, могут быть признаны, в лучшем случае, архаизмом и неразвитостью, а в худшем случае – тиранией и экстремизмом, подлежащими устранению под эгидой спасения.

Но сегодня миру предлагается не только новая система экономики с центром в США, не только либеральная демократия как политическая система, но и особая система межэтнического взаимодействия – мультикультурализм – идеология всесмешения, заключающаяся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. В идеале мультикультурализм предполагает «содействие (государства и иных социальных субъектов) равноправному развитию в одной стране различных этнических культур, адаптации социальных институтов общества к потребностям разных

¹ Вуль В.А. Электронные издания. - СПб., 2003. – С. 12.

этнокультурных групп, преодоление структур дискриминации по этническому признаку во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при получении образования, трудоустройства, социальной мобильности...»¹.

Мультикультурализм представляет собой интеллектуальное отражение политики «плавильного котла», много лет проводимой в США. Он предлагает миру идею всесмешения этносов, взаимотерпимое отношение друг к другу, принятие всеми якобы универсальных, либеральных ценностей. Так, взамен этнической и конфессиональной идентичности предлагается идентичность «рыночная» – идентичность «гражданина мира», человека без корней, без родства, фигурки от мозаики нового социума, в котором правят либеральные ценности и индивидуализм.

Отказ от традиций, от традиционных религий и от этнокультурных особенностей приводит к тому, что человек представляет собой временной феномен, не имеющий связи ни с прошлым, ни с будущим, «живую машину», запрограммированную на потребление, на поиск получения выгод и комфортного существования.

Тем не менее уровень социально-экономического развития западноевропейских стран привлекает иммигрантов из африканских и азиатских стран, где отмечается перенаселенность при низком уровне социально-экономического развития. И демографический кризис заставляет развитые страны привлекать иммигрантов, обеспечивая их рабочими местами.

Так, в мир западного «Ивана без родства» прибывает человек из другого мира – традиционного, «архаичного» и «неразвитого» – человек со своими представлениями об иерархии ценностей, о вере, о традициях.

Незнакомые для мигранта социальные явления (распад семейных связей, однополые браки, ранние половые связи, отказ от религиозных традиций и пр.) часто вызывают не только удивление, но и презрение, поскольку это воспринимается носителем иной культуры как грех, а общество, позволившее не только развитие, но и легализацию подобных явлений – как гибнущее.

В такой стране пропаганда толерантности является еще большим отказом не только от христианства (религии западноевропейских стран), но и от возможностей проявления религиозных символов других конфессий. И этот процесс не может быть воспринят мигрантом положительно.

Новоприбывшие являются людьми из иной цивилизации, а используя их лишь как рабочую силу, власти не учитывают этот факт, что может привести к смене этнической и конфессиональной структуры общества (наиболее ярко это проявляется в странах Западной Европы). Плохо адаптированные мигранты зачастую не знают языка, традиций и норм принимающего социума, живут в анклавах, проверяя социальную систему на прочность. Возникает масса

¹ Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу// Социол. Исслед. 2007, №5.

противоречий, конфликтов на данной почве. Например, создание иммигрантских кварталов в Лондоне и установление на их территории собственных порядков, ограничения для въезда в эти кварталы для коренных англичан, чье поведение или форма одежды не соответствует их порядкам.

Возрастание числа мигрантов естественным образом приводит к появлению требований для них определенных прав (Франция и потомки эмигрантов).

До недавнего времени в западном политическом дискурсе старались избегать открытого освещения проблемы этносоциальных изменений общества.

Сегодня становится очевидным, что западноевропейские страны уже ощущают на себе эти изменения (достаточно привести пример североафриканских беженцев в Лампедузе).

Современные исследователи эти изменения связывают с процессами иммиграции. Так, В. Расторуев считает, что «...в чужой и по преимуществу антиклерикально настроенный мир иноверцы - мигранты едут из исламских стран не для того, чтобы обращать неверных или не покладая рук работать на благо гостеприимных хозяев. Это не пассионарии, а потребители. ... Новое население европейских стран все напористей требует широкой цивилизационной автономии»¹.

Особая озабоченность звучит в Германии – стране-лидере в Европе по приему иммигрантов, их численность составляет около 10% населения. Привлекая в течение последних 50 лет рабочую силу, власти Германии предполагали, что по истечении определенного времени турки покинут страну. Однако приехавшие не пожелали покидать Германию, а перевезли на новое местожительства свои семьи. Не исключено, что в условиях массовой миграции из стран исламской культуры произойдет исламизация, намеки на которую можно увидеть в современных западных странах. Приведем мнение авторитетного философа В.Расторгуева: «...речь идет не столько об исламизации, сколько о феномене самодостаточности пришельцев, не желающих адаптироваться в западной культуре»².

Низкая рождаемость среди европейцев и высокая среди мигрантов обуславливает возможность смены облика современных западных стран.

Как гром среди ясного неба, прозвучало мнение члена правления германского Центробанка Тило Сарацина, который в своей книге «Deutschland schafft sich ab» пророчит уничтожение немецкой культуры из-за наплыва иммигрантов: «Все наши главные культурные и экономические проблемы сконцентрированы в группе 5-8 млн. мигрантов из мусульманских стран»³.

¹ Расторгуев В. Угрозы различны, безопасность одна: Россия, Европа и постсоветское пространство// Русское время. 2010, №2. С. 36-46

² Там же

³ Thilo Sarrazin Deutschland schafft sich ab. DVA Verlag, München, 2010.

Не случайно в октябре 2010 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила об «абсолютном крахе» мультикультурализма в Германии ¹. Канцлер Германии отметила, что приветствует иммиграцию лишь при том условии, что иммигранты должны учить немецкий язык и получать образование в немецких школах. Меркель сделала особый акцент на необходимости освоения «новыми немцами» базовых ценностей христианской цивилизации и преодоления ими языкового барьера как обязательного условия полной натурализации. Вскоре после выступления Ангелы Меркель с аналогичными заявлениями о крахе мультикультурализма выступили премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон и Президент Франции Николя Саркози ².

Страны, проводившие в прошлом политику «открытых дверей», сегодня вынуждены заниматься ограничением иммиграции, введением цензов, адаптацией находящихся в стране иммигрантов, ориентироваться на сохранение и восстановление национальной идентичности.

Не исключено, что подобные проблемы ожидают и Россию. По экспертным оценкам, количество мигрантов составляет около 10% от численности населения. Отношение к мигрантам в России далеко от идеального, что ставит на первый план формирование культуры межэтнического взаимодействия. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты, переходящие, например, с социальных противоречий на национальную основу.

Иммиграционные вызовы заставляют более четко и последовательно планировать и осуществлять меры по регулированию этносоциальных процессов, в том числе связанных с миграцией. Многие мероприятия программ регулирования межэтнических отношений оказались малоэффективными. Это заставляет современных исследователей обращаться за опытом этнополитики к истории Российской Империи, в которой ни один этнос, доверивший ей свою судьбу, не исчез с лица земли ³.

Если рассматривать модель межэтнического взаимодействия в Российской Империи, то можно увидеть, что в центре, как большой магнит, находится русский этнос, а остальные этносы примыкают к нему.

Наиважнейшим элементом русской идентичности было православное вероисповедание. Будучи частью государственного аппарата, православная церковь была и государственной религией. Но также в зависимости от государства находились и конфессиональные организации всех других «терпимых» в царской России исповеданий. Согласно своду законов Российской

¹ Меркель: мультикультурализм потерпел крах. // Израильские новости - URL: <http://news.israelinfo.ru/world/34768>. Дата обращения - 13.05.2011.

² Теперь и Саркози признал, что политика мультикультурализма провалилась. – <http://www.inosmi.ru/europe/20110211/166444540.html>. – Дата обращения – 16.09.2011.

³ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. – 2-е изд., испр. – Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. – 390с. –с.6.

империи, все исповедания располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений.

На первом уровне располагалась Российская православная церковь. Император не имел права исповедовать никакой другой религии, кроме государственной. Православные праздники имели статус гражданских. «Православное духовенство привлекалось ко всем важнейшим государственным событиям (священное миропомазание и коронация царя, бракосочетание членов императорского дома, благодарственные молебствия и пр.)»¹.

Вторая ступень – признанные терпимые исповедания: католическая, протестантская и армяно-католическая церкви, христианские секты (меннониты, баптисты), а также нехристианские конфессии – иудаистская, мусульманская, буддийская – и язычники. Синагоги и духовные лица караимов и иудеев содержались за счет добровольных пожертвований, при недостатке этих средств производилась «раскладка на общество». Содержание мусульманского духовенства, мечетей и духовных училищ ложилось на плечи приходских обществ.

К третьей категории относились «терпимые непризнанные» религиозные общества: некоторые секты и раскольники. Они не пользовались статусом юридических лиц, преступлением считался сам факт их отпадения от церкви, но на бытовом уровне терпелось.

Наконец, четвертая категория – «непризнанные нетерпимые». К ним относились «изуверные» секты (скопцы), а также те исповедания, которые в зависимости от конкретных исторических обстоятельств признавались государством как враждебные².

«Приобретение новых территорий, чье население было порой иных конфессий, заставляло государство искать такие правовые нормы, которые позволяли бы, включая в состав империи новые народности, сохранять первенствующее положение и Православной церкви, и титульной нации»³. Кроме того, в Российской Империи «...запрещалась любая пропаганда своего вероучения за пределами своей корпорации: законом это классифицировалось как проявление националистических тенденций»⁴. Это связано с тем, что проповедь православия рассматривалась как русификация, католичества – полонизация, протестантизма – «онемечивание» и т.д.

История дореволюционной России демонстрирует дальновидные решения политики, которая велась в отношении национальных меньшинств.

¹ Вероисповедная политика Российского государства.: Учебное пособие // Отв.ред. М.О.Шахов. М.: Изд-во РАГС, 2003. – 207 с.

² Там же

³ Там же

⁴ Там же

В России практиковалось поощрение правящей верхушки, в которую входили представители национальных меньшинств. Эта практика была все время существования государства, вплоть до настоящего времени, и в разное время среди политической и финансовой элиты оказывались Юсуповы, Лорис-Меликовы, Гузасовы, Багратионы, Лианозовы, Разумовские и многие другие «инородцы»¹.

Интересным фактом является то, что служба иностранных граждан в армии при дворе оценивалась выше в материальном положении, чем служба соотечественников².

Отметим, что в дореволюционной России практически не было национальных движений, а движения в регионах России были под общесоциальными лозунгами³.

Практически тысячелетнее существование России с четкой дифференциацией по конфессиональному признаку является бесценным опытом для современного мира и кладезью для России, потерявшей свои корни. Русский народ, потерявший волю к жизни, нуждается сегодня в обновлении духовной веры, в грамотном построении этнополитики, поскольку угроза, постигшая западные страны, угрожает и нам, когда на фоне вымирающей нации идет привлечение мигрантов.

Необходимо оглянуться на историю, где вполне возможно найти ответ на волнующие нас вопросы. Русский народ в окружении интегрированных в его цивилизацию этносов – это есть население сильной, большой России, способной противостоять как внутренним, так и внешним угрозам.

Бездумное использование опыта западных стран создает реальные угрозы национальной безопасности России.

П. Е. Царьков, магистр социологии, аспирант
Государственный академический университет гуманитарных наук

ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена рассмотрению истории изучения различных общественных идеалов, их типологии и значения для социологии.

Теоретическая значимость исследования общественных идеалов состоит в привлечении внимания научной общественности к проблеме духовных оснований современного российского общества. Данная публикация должна

¹ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд., испр. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007. С. 10.

² Там же. С.13.

³ Там же. С.16.

расширить проблемное поле исследований как в отношении общественного идеала, так и в освещении интеллектуального наследия некоторых отечественных социальных мыслителей.

Еще на заре человечества появляется первый общественный идеал. С древних времен до сегодняшнего дня люди живут различными верованиями и идеалами. Необходимость идеалов, их тесная связь с существованием и развитием всякого нормального общества является общим моментом у представителей многих, самых различных течений социально-философской, мировоззренческой мысли. Однако следует отметить, что различные мыслители по-разному относятся к самой проблеме общественного идеала, по-разному оценивают его важность. Можно отметить три различные точки зрения на необходимость идеалов¹.

Первая точка зрения заключается в отрицании необходимости общественных идеалов вообще. Эта точка зрения обусловлена абсолютизацией индивидуального личностного начала в противовес общественному. Подобные взгляды принадлежат, например М. О. Гершензону². По его словам: "Общество - абстракция"; реально живут, действуют, стремятся только индивиды. Он целиком отрицает относительную самостоятельность духовной жизни общества и вытекающие из нее общественные идеалы. К этой же точке зрения следует отнести и взгляды Ф. Ницше. По его словам "целью должно быть, чтобы каждый развивал и осуществлял свой ... индивидуальный идеал"³.

Другая точка зрения на общественный идеал состоит в том, что его значение связывается только с определенными периодами в истории. Причем здесь различные ученые выдвигают два прямо противоположных решения проблемы. Одни утверждают необходимость общественных идеалов лишь в периоды глубоких исторических изменений, великих общественных преобразований. Другие же, наоборот, отрицают необходимость общественных идеалов применительно к "смутным" или переходным историческим периодам.

И лишь третья точка зрения связана с утверждением постоянной необходимости общественных идеалов⁴. Мы остановимся на этой, третьей точке зрения.

Зачем нужны идеалы? В современной западной социальной философии часто высказываются тезисы о том, что историческая жизнь человечества и каждой личности - это "дурацкая трагедия", падение из "ничего" в "ничто". Очень скоро подобные мотивы пустоты и безысходности исторического бытия были

¹ При анализе данной типологии общественных идеалов я опираюсь на работу: Рачков П.А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Московского университета. 1995 № 2. С. 19-36.

² Гершензон М.О. История молодой России. М., 1908.

³ Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск, 1991. С. 229.

⁴ Рачков П.А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Московского университета. 1995. № 2. С. 22.

выражены некоторыми экзистенциалистами. Вокруг проблемы смысла строила теоретические концепции вся "понимающая социология" от В. Дильтея до А. Шюца и Х. Гарфинкеля, теоретики Франкфуртской школы, особенно Ю. Хабермас. Был выдвинут тезис "понимающей социологии" о потребности социального знания в "понимающих науках о духе", задачей которых и должно быть осмысление собственно человеческих целей¹.

По словам В.Е. Давидовича, "потребность в осмыслении конечных целей предстает не столько как вопрошание о причинах бытия, сколько как вопрос о целях и предназначениях человеческой жизни, месте человека во вселенной"². Так было с древних времен и до наших дней. Сама постановка этих вопросов, а уж тем более попытка на них ответить являются трудной задачей. Уже в мифах древнего мира иносказательно отражены первые идеалы, олицетворяющие должное и желаемое. Идеалы нужны для осмысления бытия человека и человечества.

В чем состоят наиболее важные общественно-культурные основания появления общественных идеалов? Идеалы тесно связаны с самой общественной жизнью. Они являются объединяющим началом индивидуальных действий в современных организованных акциях и движениях³. Идеалы тесно связаны и, возможно, частично обусловлены постоянной устремленностью человека от настоящего к будущему, с проекцией его жизни в будущее. По словам Х. Ортега-и-Гассет, "человеческая жизнь по самой своей природе должна быть чему-то посвящена"⁴. Когда людям нечему себя посвятить, они теряют нечто важное в своей жизни. По мнению К. Ясперса, "в основе нашего мировоззрения всегда лежит осознание будущего"⁵.

Религиозные философы ясно показали, что многие источники идеалов находятся в религии. По мнению С. Булгакова, именно религия является основой идеалов общественности⁶.

Таким образом, у идеалов существует прочная жизненная основа, которая требует необходимого и постоянного участия их в общественной жизни.

Характерная особенность истории развития России, в частности, ярко выраженная в ее литературе, состоит в преобладании положительного отношения разных поколений россиян к общественным идеалам. Особую предрасположенность российского народа к выдвиганию и следованию идеалам, его явную обращенность к "последним" целям истории, подчеркивали многие российские социальные мыслители XIX - начала XX века. Бердяев утверждает,

¹ См.: Давидович В.Е. Теория идеала. Ростов-на-Дону, 1983. С.47, 49-50.

² Там же. С. 41.

³ Рачков П.А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Московского университета. 1995 № 2. С. 22.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Нью-Йорк, 1994. С. 133.

⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1991. С. 5.

⁶ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Соч. в 2х тт. Т. 1. М., 1993. С. 49-298.

склонность к высоким целям, общественным идеалам является свойством души¹.

В отечественной социальной мысли много говорилось о роли различных общественных идеалов: общих, межнациональных и сугубо русских, национально-аутентичных. Вечные, общечеловеческие идеалы связаны с христианством или с различными общественно-политическими учениями, в особенности коммунистическими².

Многие известные российские мыслители - В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов и др. - выражали общественный идеал в виде "русской идеи"³. Считая, что любой народ имеет особое предназначение в истории, они пытались обозначить идеал, с которым связана судьба российского общества.

Целостность и комплексность мышления во взглядах российских мыслителей по проблеме общественного идеала можно выделить в качестве их отличительной особенности. Отечественная философия и социология, в отличие от европейской мысли, расширяет проблематику идеала и границы его приложимости. Здесь общественный идеал выступает и как источник, и как критерий, и как цель, и как основной регулятор социального бытия. Он рассматривается и в качестве недостижимого абсолюта, и в качестве имманентной ценности⁴.

Попытки выражения специфического русского идеала не прекращались и в более позднее время. Как и раньше общественный идеал часто выражается сейчас через такие общие понятия, как справедливость, соборность, народовластие, душевность, праведность, любовь, милосердие и т.п.

Идеалы не являются застывшими ценностями. История общества постоянно сопровождается борьбой общественных идеалов между собой за господство над человеческими душами, над странами и народами.

В настоящее время наше общество переживает период качественных преобразований в структуре материального бытия, и в области социальных взаимоотношений, и в духовной области. В связи с этим сегодняшнюю ситуацию в духовной сфере можно охарактеризовать как период смены макросоциальной парадигмы общества, как период перехода от господства одного типа общественных идеалов к культивированию разных общественных ценностей и идеалов.

И в этих условиях поиска нового общественного идеала, учитывая специфику России и менталитет ее жителей, особую роль приобретают взгляды отечественных социологов и социальных философов на проблему общественного идеала.

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Л., 1990. С. 9.

² Данное утверждение дает Рачков в работе: Рачков П.А. Слово об общественном идеале, его понятии и ценности // Вестник Московского университета. 1995. №2. С. 33.

³ См.: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995; Русская идея. М., 1992.

⁴ Константинова Л.В. Место и роль общественного идеала в системе социальной детерминации. Саратов, 1994. С. 14.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

С.А. Репинецкий, к.и.н.

Московский городской педагогический университет (Самарский филиал)

Статья предлагает классификацию направлений общественной мысли России XVII – XIX вв., которая позволяет по-новому взглянуть на историю русского самосознания и российских политических учений Нового времени и может быть полезна с гносеологической точки зрения.

В XVII – XVIII веках развивается 4 основных направления общественной мысли, определившие самосознание русского народа.

1. Этатистское западничество или правительственный реформизм возникает по причине очевидного военного превосходства России над восточными соседями и слабостью перед западными, что приводит правительство к мысли о необходимости учиться у Европы.

Первые заимствования при царе Алексее Михайловиче – Новоторговый устав в духе европейского меркантилизма А.Л. Ордина-Нащекина, исправление церковной литературы и канона по западно- и южно-славянским образцам патриархом Никоном, появление учебных заведений (Славяно-греко-латинская академия Симеона Полоцкого) и полки нового строя.

Апогей ученичества – реформы Петра I и создание бюрократического абсолютизма европейского образца, разработанного в трудах Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича. Итог – просвещённый абсолютизм (то есть система правления, ориентированная на всеобщее благо подданных и управление в рамках закона при сохранении неограниченной монархии) Екатерины II.

2. Консервативная оппозиция развивалась последовательно и принимала следующие формы. Старообрядчество протопопа Аввакума выступило против изменений в Православии по западным образцам. Интересен сам факт, в значительной степени характеризующий русское самосознание: эта первая идеологическая оппозиция в истории страны была именно консервативной, тогда как правительство пыталось выражать прогрессивные и западнические тенденции.

Боярская оппозиция Петру I была направлена против создания европейско-абсолютистской системы, а олигархическая оппозиция М.М. Щербатова и идеал народного старо-православного царя в лице Емельяна Пугачёва – против просвещённого абсолютизма Екатерины II. Отметим, что М.М. Щербатова можно считать идейным наследником князя Курбского. Фигура Емельяна Пугачёва уже не представляет собой образ восставшего разбойника или «Робина Гуда», как Степан Разин, а воплощала именно народные представления об идеальном монархе, Пугачёв стал «народным выдвигенцем» на эту роль.

3. Оппозиционное западничество либерально-просветительского направления Н.И. Новикова: издавал журнал «Трутенъ» и выступал за научно-публицистическую пропаганду законодательного ограничения самодержавия уравнения подданных в правах по образцу нарождающегося в Западной Европе либерализма. То же проявилось и в трудах учёного С.Е. Десницкого.

Оппозиционно настроенные западники сознавали, что все прогрессивные заимствования правительства, которые в целом ими одобрялись, окажутся бессмысленны, пока Россия не освободится от главных пережитков – самодержавия и крепостничества. Однако именно на этих пережитках основывалась сама власть и от них она не намерена была отказываться. В результате западники в правительстве и «в обществе» оказались по разные стороны баррикад. С этого начинается осознание антиномии «правительство – общество» и осознание их противостояния как основного содержания политической жизни страны.

4. Оппозиционное западничество леворадикального направления А.Н. Радищева: написал оду «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву» с пропагандой скорейшей (и, возможно, силовой) ликвидации самодержавия, крепостничества и сословного строя. То же проявлялось и в трудах Я.П. Козельского.

Взгляды деятелей этого направления по существу совпадали со взглядами представителей предыдущего. Разница была лишь в том, что левые радикалы осознавали невозможность достижения своих целей мирным путём в силу значительного сопротивления со стороны правительства. В результате ими была выдвинута программа революции как единственно возможного способа реализации поставленных целей.

Те же направления продолжают и в первой половине XIX века (обращает на себя внимание, что западническая идеология и политика правительства привела к тому, что лишь одно из четырёх направлений отстаивало национальные исконные идеалы, тогда как остальные были лишь вариантами западничества):

1. Этатистское западничество или правительственный реформизм проявился в работах М.М. Сперанского (проект предусматривал постепенную эволюцию в сторону конституционной монархии в целях сохранения господствующего положения дворянства и аристократии), а так же С.С. Уварова и А.Х. Бенкендорфа.

Суть «Теории официальной народности», которую разработал Уваров и внедрил в политическую Бенкендорф, заключалась в следующем: царь – отец народа, наместник Бога на Земле, а помещик – отец своих крестьян. Россия осознавалась как одна из ведущих европейских держав, идущая в ногу со временем, но сохраняющая национальную специфику – православие, самодержавие, крепостничество.

Основным содержанием правительственного западничества оставалось отстаивание основ заимствованной из политической теории и практики романо-германских государств системы бюрократического абсолютизма. В XIX веке Российская империя превратилась в ярчайшего представителя и главного поборника этой системы, тогда как на Западе основанные на ней режимы уже рушились под напором революций и либеральных реформ.

2. Консервативная оппозиция Н.М. Карамзина выразилась в двух главных постулатах: «правят не бумаги, а люди» и «строгость законов компенсируется их неисполнением». Эта идеология оказалась направленной против европейской традиции реформаторства и кодификации права. Россия осознавалась самобытной страной, испорченной западными веяниями.

Идеи Карамзина были восприняты верховной властью и органично вписаны в государственную доктрину, поставлены на службу охраны бюрократического абсолютизма. Их реализация затормозила реформаторский процесс и либерализацию страны и в значительной степени способствовала усугублению отставания России, ярко проявившемуся к середине XIX века.

3. Оппозиционное западничество либерально-просветительского направления Никиты Муравьёва (он разработал конституцию с постепенной эволюцией в сторону западного либерализма), Петра Чаадаева (в своих «Философических письмах» он отмечал, что православие, самодержавие, крепостничество тормозят развитие России в сравнении с Европой) и Тимофея Грановского (по его мнению, Россия, как и весь остальной мир, повторяла все исторические этапы развития Запада, поэтому неминуемо придёт и к либерализму, который ныне господствует на Западе).

Те же идеи заметны и в трудах Виссариона Белинского. Россия осознавалась отставшим учеником Запада, которому требуется срочно догонять своих соседей. Как видно по составу «либерального лагеря», в него вошли представители разных групп образованного слоя: офицеры, журналисты, преподаватели. Их взгляды продолжали идеи сторонников данного направления предыдущего столетия.

4. Оппозиционное западничество леворадикального направления П.И. Пестеля (он предусматривал переход к республиканскому бессловесному строю путём военного переворота) и братьев Критских (занимались пропагандой взглядов и трудов европейских радикальных мыслителей). То же заметно в трудах Александра Герцена и Александра Пушкина. Россия осознаётся «заблудшей душой», которую нужно силой вернуть на путь истинный.

Как и в предыдущее столетие, идеи радикалов отличались от идей либералов в средствах, совпадая по намеченным целям. В связи с этим на личном уровне их связывали дружба и сотрудничество. Оба направления относятся к западным, поскольку в сущности предполагали изменения российской действительности в соответствии с передовыми западноевропейскими доктринами: либеральными или радикальными.

В середине и второй половине XIX века складывается новый спектр основных направлений общественной мысли и национального самосознания:

1. Традиционалистская (консервативная) оппозиция принимает форму славянофильства, а затем почвенничества. «Русская идея» выразилась в концепциях славянофилов А.И. Кошелева, И.С. и К.С. Аксаковых, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина. По мысли славянофилов, русскую жизнь требовалось изменить в соответствии с этими исконными началами.

Русскую цивилизацию они считали лучше всех (по крайней мере, для этого народа и этой страны), поскольку она основана на трёх важнейших элементах: духовности (вместо официального православия и западной бюрократизированной церкви), крестьянской общине (вместо существовавшего в России крепостного права и мелких частных хозяйств на Западе) и союзе «земли» (народа) и «государства» (вместо существовавшего тогда бюрократического самодержавия и западных государств, основанных завоевателями для угнетения побеждённых).

2. Оппозиционное западничество либерально-просветительского направления принимает форму либерализма классического образца. Под либерализмом мы понимаем идеологию индивидуализма, прав и свобод личности во всех сферах жизни общества:

2.1. в философии это выражается в антропоцентризме и признании человеческой личности главной ценностью,

2.2. в политической области это проявляется в отстаивании выборного представительного правления и институтов гражданского общества,

2.3. в социальной – в защите гражданских прав и свобод,

2.4. в экономической – в защите частной собственности и свободы рынка.

В середине XIX века главными выразителями либеральной идеи были профессор К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин и журналисты М.Н. Катков и И.В. Вернадский. Во второй половине столетия происходит выделение нелиберализма – направления, которое прибавило к неотъемлемым правам личности право на достойное существование. Его обеспечение вменялось в обязанность государству, а средствами должны были стать инструменты уравнительного перераспределения материальных благ: прогрессивный подоходный налог и социальные выплаты и гарантии малоимущим.

Теоретиком этого направления стал правовед П.И. Новгородцев. В начале XX века образовались либеральные партии: конституционно-демократическая (1905 год, нелиберализм, глава – профессор П.Н. Миллюков) и «Союз 17 октября» (1906 год, неоклассический либерализм, глава – крупный предприниматель А.И. Гучков).

3. Этатистское западничество или правительственный реформизм исчезает, поскольку власти приходят к убеждению, что Россия уже осуществила в себе идеальный вариант развития государства и общества, поэтому дальнейшие заимствования потеряли для них смысл. Последним актом этатистского западничества стало проведение Великих либерально-буржуазных реформ

середина XIX века. После этого официальной правительственной идеологией становится консерватизм, развившийся из идей Уварова и Бенкендорфа. Он развивается в двух ипостасях:

- 3.1. Цивилизационный консерватизм: Н.Я. Данилевский (работа «Россия и Европа») и Ф.М. Достоевский (романы «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы» и др.) доказывают, что российская цивилизация отличается от других, в том числе европейской, в лучшую сторону своей особой духовностью – в этом её главное преимущество и её ключ к торжеству в глобально масштабе.
- 3.2. Имперский консерватизм журналистов М.Н. Каткова и К.Н. Леонтьева и идеолога правительства Александра III К.П. Победоносцева сводился к необходимости прекратить форсированные реформы и заимствования, поскольку они угрожают стабильности и сохранности Российской империи, сохранить которую – главная задача государства на современном этапе.
4. Оппозиционное западничество леворадикального направления набирает силу и к концу века разделяется на 4 группы (все они предлагали реализацию в России различных западноевропейских радикальных доктрин):
 - 4.1. Социализм: сторонники реализации в России идей социалистов-утопистов на базе крестьянской общины. Это направление последовательно представляли А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, народник (П.Л. Лавров и) и партия социалистов-революционеров (глава – В.М. Чернов).
 - 4.2. Социал-демократия, выступавшая за развитие капитализма и рабочего движения в целях постепенной подготовки к мировой пролетарской революции. Теоретической базой этого направления был классический марксизм, который последовательно выражали «Союз освобождения труда» (глава – Г.В. Плеханов) и Российская социал-демократическая рабочая партия в лице меньшевиков (глава – Ю.О. Мартов).
 - 4.3. Коммунизм базировался на марксизме-ленинизме (т.е. марксизме, существенно отредактированном В.И. Ульяновым) и добивался немедленной социалистической революции в целях немедленного же перехода к построению коммунизма. Это направление выражала партия большевиков во главе с В.И. Лениным, которая – отличие от других представителей этого направления – внесла в воспринятую западную доктрину значительную национальную специфику.
 - 4.4. Анархисты выступали против всякой власти (государственной, общественной, семейной) и их лидерами XIX века были М. Бакунин и П. Кропоткин, а ярчайшим представителем в XX веке – Нестор Махно.

Таким образом, российская политическая мысль подошла к началу XX века в форме целого спектра различных направлений, между которыми развернулась острая бескомпромиссная борьба. В течение всего Нового времени наблюдалась

всё большее дробление этих направлений и распределение населения между ними. Если к середине периода лишь небольшая часть общества могла отнести себя к сторонникам того или иного направления, то в начале XX века все направления и выражавшие их партии располагали значительным слоем сторонников, многие из которых были готовы на бескомпромиссную и ожесточённую борьбу. В период революций и гражданской войны эта борьба приняла открытые формы.

Так же мы видим, что в основе всех направлений лежали заимствованные у других европейских народов идеологии: даже консерваторы и традиционалисты основывались на взятом у Византии православии (К.Н. Леонтьев даже объявил «византизм» основой русской цивилизации). Тем не менее, внимание к «национальным основам» и «исконно русскому» постепенно возрастает и приводит к появлению в XX веке национализма и евразийства как идеологических ответов на «русский вопрос».

Раздел 4. «Семейная история»

30 апреля 2011 года на базе Тольяттинского государственного университета состоялся очный тур III ежегодного конкурса работ «Семейная история» - 2011. В заочном туре приняли участие работы 103-х исследователей образовательных учреждений Самарского региона. Экспертной комиссией было отобрано на очный тур 13 работ представителей Самары, Тольятти и села Челно-Вершины Самарской области.

Партнёрами конкурса «Семейная история» – 2011 выступили: Общественное движение г.о. Тольятти **«Декабрь»**, депутат Тольяттинской городской Думы V созыва **Николай Евгеньевич Лёксин**, ООО **«Арт-Принт»**, кафедра **социологии** Тольяттинского государственного университета, АНО **«Мордовский культурный центр»** г.о. Тольятти, газета **«Молодёжный акцент»**, Молодежная дирекция Евразийского экономического форума молодежи «Диалог цивилизаций - Путь на север» (г. Екатеринбург), сеть сообществ активной, талантливой и одарённой молодёжи **«АТОМ»**, сообщество **«НП»**.

В состав жюри очного тура конкурса вошли **Лариса Дмитриевна Филиогло** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии ТГУ; **Дмитрий Викторович Янчарук** – кандидат исторических наук – председатель Тольяттинского филиала СГОО «Сообщество молодых учёных»; **Елена Григорьевна Остапец** – консультант Совета ТФ СГОО «Сообщество молодых учёных».

Открыл конкурс **Антон Крашаков** – ведущий и участник конкурса «Семейная история» - 2010. После приветственных слов жюри конкурса были представлены пленарные доклады:

- **Бурханов Михаил** «Семья Худяковых. Дорогой трудовой славы» (АМОУ ВПО «Самарская академия государственного и муниципального управления», г.о. Самара);

- **Давыдова Юлия** и **Белогова Александра** «Формирование толерантного самосознания через изучение родословной» (МОУ СОШ №41 г.о. Тольятти);
- **Фадеев Александр** «Семья года. История семьи» (МОУ СОШ №93 г.о. Тольятти);
- **Трубникова Ирина** со стихотворением «О моей семье» (МОУ СОШ №94 г.о. Тольятти).

После перерыва на кофе-паузу участники начали кропотливую работу по представлению результатов своих исследований по семейной истории. Организацию конкурса взяли на себя **Виктория Власенко** и **Алеся Рядченко**, что позволило в 2011 году провести мероприятие ещё более профессионально, что отметили все участники.

В итоге работы очного тура конкурса «Семейная история» - 2011 были определены победители. Всем участникам очного тура и их руководителям были вручены грамоты и благодарственные письма, а победителям – дипломы, ценные призы и подарки. С поздравительными словами к победителям выступили члены жюри, организаторы и представитель АНО «**Мордовский культурный центр**» г.о. Тольятти **Александр Тутушкин**, который отметил важность данного конкурса не только для города и области, но и для России в целом, для сохранения культурной памяти поколений разных народностей страны. Победителями конкурса «Семейная история» - 2011 стали: 3-е место – **Нелли Классен** (МОУ СОШ №94 г.о. Тольятти, 8 класс, научный руководитель – В.В. Ерасова); 2-е место - **Даниил Попов** (МОУ СОШ №91 г.о. Тольятти, 9 класс, научный руководитель – О.П. Берлина); 1-е место - **Алёна Осипова** (МОУ СОШ №132 г.о. Самара, 10 класс, научный руководитель – В.М. Осипов).

Благодарим всех участников и их руководителей за работы и приглашаем на конкурс «Семейная история»-2012!

***Игорь Власенко,**
руководитель проекта «Семейная история»*

История моей семьи в истории моей страны

Алёна Осипова
МОУ СОШ №132 г.о. Самара, 10 класс
Научный руководитель – **В.М. Осипов**

*«Тот, кто не помнит своего прошлого,
осуждён на то, чтобы пережить его вновь»
Джордж Сантаяна*

Каждый человек должен знать историю своего рода. Это знание более всего связывает его с историей Отечества, позволяет ощутить единство с прошлыми поколениями.

Целью данной работы были, во-первых, сбор воспоминаний старейших членов моей семьи для исследования вопроса участия моих родственников в тех исторических событиях, которые являлись ключевыми в истории моей страны, а во-вторых, составление генеалогического древа. На сегодняшний день глубина исследования доходит до рубежа XIX-XX веков.

Самой старшей из выявленных родственников была Фелициата Георгиевна Куликова, родившаяся в 1879 году в городе Егорьевске. Фелициата Георгиевна была портнихой, причем очень хорошей. Сначала она работала на знаменитой Егорьевской мануфактуре, а затем, сидя дома с детьми, продолжала работать на дому.

Она родила четверых детей. Самым младшим в семье Василия Куликова и Фелициаты Георгиевны Куликовой был сын Вениамин Васильевич Куликов, родившийся в 1908 году.

А на западе, в Белоруссии, в 1882 году в деревне Селовщина Гродненского уезда в крестьянской семье родился еще один самый старший предок – мой прапрадед Степан Григорьевич Нестерович. С детских лет он работал на помещика. Когда Степан Григорьевич женился на девушке Анне (1886 г.р.), он вырыл собственную землянку, получил от родительского надела маленький клочок собственной земли. В семье Степана Григорьевича и Анны Нестеровичей всего родилось семь детей. Одна из них была моя прабабушка Лидия Степановна Якушевич (Нестерович), которая родилась в 1910 году.

Вернёмся в Егорьевск. На родовом дереве мы видим фамилию Казьминых. По линии прабабушек и прадедушек известно о трех представителях этой фамилии: Михаил Порфирьевич Казьмин, Александра Порфирьевна Казьмина и Иван Порфирьевич Казьмин.

Снова вернемся к семье Нестеровичей. Не обретая счастья на Курганской земле, Степан Григорьевич в начале 1920 года решил вернуться в Белоруссию, в родную деревню. И оказался в центре советско-польской войны. Для семьи Нестеровичей и всех крестьян Западной Украины и Белоруссии эта война означала одно - возврат власти польских панов. Жизнь оказалась отброшенной лет на тридцать назад. И в этих условиях Степан Григорьевич сумел обеспечить своей семье более-менее сносное существование. Дочь Лидия, до этого не имевшая возможности учиться, в возрасте 11 лет пошла учиться в польскую школу. Уровень полученных знаний был высок.

В 1932 году Лидия Степановна Нестерович вышла замуж за парня с этой же деревни, Василия Фадеевича Якушевича. Он родился в 1907 году. В лихие военные годы Первой мировой и революционные годы потерял всех своих родственников. Василий Фадеевич сам перенес тяжелую болезнь, потерял слух на одно ухо, но сумел выжить. Жил в землянке умерших родителей. Туда и привел молодую жену.

В 1939 году произошло объединение Восточной и Западной Белоруссии. Объединенная республика вошла в состав СССР. Вот что рассказывала

прабабушка Лидия Степановна моему отцу, Валерию Михайловичу Осипову, о событиях 1939 года: «Пан бежал. Пришли люди и стали агитировать вступать в колхоз. После рождения твоей мамы (Ирины Васильевны Якушевич, 1940 г.р.) стала ходить работать в колхоз. Работала в поле. Василий Фадеевич устроился работать на железнодорожную станцию Берёза-Картузская. Работал кочегаром в котельной. Жизнь стала налаживаться, жить стало легче».

В 20-е годы в Егорьевске Куликов Вениамин Васильевич окончил школу, поступил в Москве в строительный институт. Казьмина Александра Порфирьевна также окончила школу, выучилась на портниху. По окончании института молодые люди поженились. Вениамину Васильевичу предложили остаться работать в Москве. До войны у них родилось двое детей – сын Юрий и дочь Наталья. В 1917 году на Урале, на станции Нижнее-Увельская, родилась Осипова Ксения Егоровна. Её муж, Михаил Осипов, работал на железной дороге. Перед войной он попал под пулю, сломал ногу.

Борисов Иван Григорьевич, 1911 г.р., родился в селе Коптевка Новоспасского района Ульяновской области. С 1939 года являлся членом коммунистической партии, работал фельдшером в спецсвязи. Блохина Анастасия Григорьевна родилась в селе Заглядовка, неподалеку от Коптевки, в 1916 году. В 1935 году она вышла замуж за Ивана Борисова, в 1938 году получили квартиру в г. Куйбышеве. Все жили мирной жизнью, строили планы на будущее. Но 22 июня 1941 года в миг всё рухнуло.

К началу войны в семье Якушевичей было шестеро детей. Рядом с деревней Селовщина после освобождения Западной Белоруссии стали строить военный аэродром, но достроить не успели. На рассвете 22 июня 1941 года немцы начали бомбить деревню, но дом Якушевичей уцелел, а вся семья пряталась в погребе, на огороде. Однако Западная Белоруссия была оккупирована, и в доме Якушевичей поселился какой-то большой немецкий чин. Семью выгнали на улицу, восемь человек переселились в погреб, сделав его землянкой. Но соседство с немецким начальником помогало выжить во время оккупации. Это была интендантская часть, немцы были не озлоблены. Прабабушку заставляли работать по дому. При этом давали продукты за работу, а видя большое количество детей, немецкие солдаты иногда давали шоколад. Прадед снова стал работать на станции. Моей бабушке Ире (Ирине Васильевне Осиповой) было четыре года, когда Красная армия стала гнать немцев с белорусской земли. Бабушка помнит, как они детьми ходили по огородам и собирали печеные яблоки прямо с деревьев, ели прожаренный на стебельках мак. Было очень вкусно и страшно. А потом немцы побежали, без единого выстрела. Так же, без единого выстрела их догоняли бойцы Красной армии. Одни не стреляли от страха, а другие уже расстреляли все патроны, но остановиться уже не могли, гнали и гнали захватчиков на запад. Бабушка запомнила, что был яркий солнечный день и это молчаливое наступление. Такое врежется в память на всю жизнь.

Летом 1942 года на фронт, несмотря на увечье, был призван и Михаил Осипов. Его жена, Ксения Егоровна, ждала ребенка. Сразу после мобилизации Михаил попал на Ленинградский фронт, с внешней стороны кольца блокады. В первых же боях был ранен в живот на вылет. От воспалительного процесса мой прадед умер на больничной койке. А в октябре 42-ого родился мой дедушка, которого назвали в честь отца, Михаил Михайлович Осипов.

Иван Григорьевич Борисов служил в это время фельдшером спецсвязи в г. Куйбышеве, который на время войны стал запасной столицей. Его жена, Анастасия Григорьевна, работала санитаркой в военном госпитале, помогала раненым бойцам, ухаживала за ними. В 1942 году у них родилась дочь Вера, моя бабушка.

А теперь проследим судьбу семьи Куликовых. С началом войны из Москвы началась эвакуация всех учреждений и заводов на восток. Вениамин Васильевич, как высококвалифицированный инженер-строитель, был отправлен на стройки оборонного значения в Барнаул (где в январе 1942 года родился мой дедушка, Олег Вениаминович), Красноярск, Новосибирск, Рубцовск и Куйбышев, где в 1956 году семья оседает окончательно. В Белоруссии моя бабушка Ирина Васильевна в 1948 году пошла учиться в школу на станции Береза-Картузская. Затем поехала работать в ГДР, в авиационную часть. В городке Фалькенберг, где стояла воинская часть, познакомилась с Осиповым Михаилом Михайловичем, моим дедом. Там же они и поженились в 1966 году.

Михаил Михайлович, закончив школу, поступил учиться в Челябинск в фабрично-заводское училище. По окончании его призвали в армию, направили в школу младших авиационных специалистов в город Пермь. Затем Михаила Михайловича направили служить в Германию. Вот тогда он и познакомился со своей женой. В ноябре 1966 года родился мой отец, Осипов Валерий Михайлович. А через год семья вновь переехала в Белоруссию, в молодой город Белоозёрск. В Куйбышеве, по окончании школы, сестра моего деда, Наталья Куликова, стала работать телевизионным диктором. Она была одной из первых дикторов Куйбышевского телевидения, снялась также в телевизионном фильме «Тревожные ночи Самары».

Мой дед, Олег Вениаминович Куликов, по окончании школы в 1959 году поступил в Куйбышевский инженерно-строительный институт. Здесь сказалась семейная традиция. Сын пошел по стопам отца. Вера Ивановна Борисова сразу после школы стала работать в Управлении Куйбышевской железной дороги, параллельно училась на заочном отделении Куйбышевского института инженеров железнодорожного транспорта. В 1963 году бабушка и дедушка поженились. В 1967 году Олега Вениаминовича призвали в армию, призвали как военного строителя, присвоили офицерское звание, и сразу началась у молодой семьи типичная для того времени жизнь: гарнизоны сменялись гарнизонами. За годы службы исколесили вдоль и поперёк всю страну, долгое время находились в

Монголии. Закончил службу Олег Вениаминович в звании подполковника, в должности командира строительного батальона.

В июле 1970 года в Куйбышеве родилась моя мама – Куликова Светлана Олеговна. В 1987 году моя мама поступила в Куйбышевский государственный университет, на химический факультет. Мой папа, Осипов Валерий Михайлович, в 1984 году, окончив школу в Белоозерске, поступил в Минский радиотехнический институт. Окончив первый курс, в 1985 году пошел служить в армию. Окончив службу, продолжил учиться в институте. Среди студентов в то время было широко развито стройотрядовское движение. И так случилось, что два отряда, один из Куйбышева, другой из Минска, оказались в городе Нижневартовске. Так летом 1988 года мои папа и мама встретились и познакомились.

С распадом Советского Союза им становилось все сложнее и сложнее общаться друг с другом. Мой отец уже работал с 1991 года на Минском тракторном заводе, мама еще училась в университете. И когда они почувствовали, что процесс отделения государств их может вовсе разлучить, они решили пожениться. В 1993 году они расписались в Минске и уехали жить в Самару. Отец стал работать на телевидении режиссером, а мама преподавать в школе химию. В 1995 году родилась я. А в 2002 – мой брат Данила.

Изучив историю своей семьи, я сделала для себя очень важный вывод – все мои родственники были и есть люди трудолюбивые. Я смело могу гордиться ими. На протяжении всей своей жизни они не бегали от трудностей, а упорно их преодолевали, старались учиться, становились грамотными, образованными людьми. И второй важный вывод – все важные события в истории страны влияли на судьбу моей семьи. И мои родственники, участвуя в этих событиях, в той или иной степени влияли на судьбу страны. Подвигом является участие в войне, в боях. Но разве не меньший подвиг - своим упорным трудом сохранить свою семью, жизнь и здоровье своих детей и внуков?

Сегодня очень много говорят о патриотизме, т.е. о любви к Родине. На современном этапе развития нашей страны это чувство должно стать, наверное, тем стержнем в жизни каждого человека, который поможет нам построить новое общество и сделать Россию сильной и значимой в мире. Мне кажется, эта любовь будет проявляться ярче, если мы будем знать о Родине, как о своей семье. Тогда ниточка, соединяющая поколения, не оборвется, а любовь к Родине не нужно будет воспитывать - она будет «впитываться с молоком матери».

Верность профессии

Даниил Попов

МОУ СОШ №91 г.о. Тольятти, 9 класс
 Научный руководитель – **О.П. Берлина**

В данной работе я хочу рассказать о судьбе своего прапрадеда, Тиховидова Валериана Дмитриевича. Долгое время он работал участковым

ветеринарным врачом в Самарской области, был участником Первой Мировой войны, преподавал в Ставропольском зоотехникуме.

Впервые я услышал о Валериане Дмитриевиче два года назад, когда бабушка показала мне книгу «Ставрополь-на-Волге и его окрестности в воспоминаниях и документах»¹. В этой книге были напечатаны две его фотографии. На фотографии я увидел мужчину в военной форме в кругу семьи. Мне захотелось узнать, кто этот человек. С тех пор я заинтересовался его биографией. Я хотел выяснить, каким он был человеком и специалистом. У бабушки хранятся его фотографии, послужной список, автобиография. Они стали источниками информации для написания работы. Также при написании работы я опирался на воспоминания своей бабушки.

У русского народа есть такая поговорка «Иван, не помнящий своего родства». Так называют людей, которые не знают историю своей семьи, своих родственников. В прошлом году на уроках истории мы составляли генеалогическое древо своей семьи. С заданием справились не все. Большинство моих одноклассников знают только своих бабушек и дедушек. Это очень печально. Сейчас много говорят о бездуховности нашего общества. В стране сегодня огромное число сирот при живых родителях, огромное число домов для престарелых. Это лишний раз доказывает, что наше общество переживает духовный кризис. Мне кажется, что причины бездуховности кроются в ослаблении института семьи. Дети должны учиться у старшего поколения, чтобы не совершать ошибок. Если же мы не знаем, какими людьми были наши предки, чем они занимались, то нам будет не к чему стремиться.

Мой прапрадед, Тиховидов Валериан Дмитриевич, родился 19 ноября (по старому стилю 6 ноября) 1878 года в городе Самара. Его отец был учителем 1-го городского начального училища. Валериан Дмитриевич лишился отца в возрасте трех лет. Он воспитывался матерью, учительницей 2-го городского училища, в городе Самара. Учиться он начал с 1886 года, поступив в 1-е городское училище. Учился прилежно. Мне было очень интересно узнать особенности обучения в городских училищах. Я выяснил, что городские училища были учреждены в 1872 году по проекту Н.Х. Весселя для детей городского населения. Срок обучения в школе составлял 6 лет. В училище преподавали более 12 предметов (Закон Божий, чтение, письмо, географию, отечественную историю и т.д.). Интересно, какой предмет преподавали родители моего прапрадеда?

По окончании училища поступил в духовное училище, а по окончании его - в духовную семинарию, которую закончил в 1902 году. Во время обучения в семинарии он занимался подготовкой отстающих учащихся разных школ города. Эта была неплохая помощь для семьи. Матери одной было сложно содержать семью. По окончании духовной семинарии Валериан Дмитриевич целый год

¹ Ставрополь-на-Волге и его окрестности в воспоминаниях и документах. – Тольятти: Городской музейный комплекс «Наследие», 2004.

занимался подготовкой учащихся, для того чтобы скопить деньги на обучение в институте.

В 1903 году он поступил в Казанский Ветеринарный университет¹. В 1905 году в Российской империи вспыхнула революция. В данной революции участвовали различные социальные группы (рабочие, крестьянство, интеллигенция, студенчество). По всей стране прокатились забастовки, стачки. Мой прапрадед не оставался в стороне от революционных событий. В 1905 году он был исключен из института за участие в забастовке. Восстановили его в институте только в 1906 году.

Во время обучения в институте он продолжал заниматься подготовкой учащихся и этим зарабатывал средства на жизнь. В 1907 году во время летних каникул поступил помощником ветеринара по борьбе с заразными заболеваниями в Самарское Губернское Земство, где проработал три месяца.

В мае 1908 года он окончил курс Казанского Ветеринарного института. Получил должность ветврача². В этом же месяце он поступил в Самарское Губернское Земство на должность участкового ветеринарного врача в с. Андреевка Бузулукского уезда.

В 1908 году Валериан Дмитриевич приступил к обязанностям участкового ветеринарного врача. В этом же году он женился на Евгении Александровне Кох (Кохъ)³. В браке они воспитали четырех детей (Бориса – 1909 г.р., Дмитрия – 1911 г.р., Лидию – 1912 г.р., Ольгу – 1914 г.р.).

В январе 1909 года Губернское земство, по распоряжению министра Внутренних дел, он был командирован в Томскую губернию на борьбу с чумой крупного рогатого скота⁴. Валериан Дмитриевич организовал охранно-карантинную зону по границе Акполинской области (около Семипалатинска). Проживал во время командировки в с. Тополином Лаптевской волости Змейнагорского уезда. В командировке он пробыл 10 месяцев. После снятия карантина возвратился на свой участок в с. Андреевку, где проработал до мая месяца 1911 года.

На Андреевском участке Валериан Дмитриевич оборудовал амбулаторию, добился открытия вакансии ветеринарного фельдшера. Ветфельдшер был прислан, и начал производиться ежедневный прием больных животных, чего до него здесь никогда не было. Приходилось бороться с повальным воспалением легких, которое распространилось по волости за время

¹ Сегодня это Казанская государственная академия ветеринарной медицины имени Н.Э.Баумана, основанная в 1873 году.

² Автобиография преподавателя Ставропольского зоотехникума Валериана Дмитриевича Тиховидова.

³ Послужной список старшего ветеринарного врача этапно-ветеринарного лазарета 8-го армейского корпуса В.Д. Тиховидова.

⁴ Автобиография преподавателя Ставропольского зоотехникума Валериана Дмитриевича Тиховидова.

его пребывания в командировке. Кроме того, боролось с сапом¹, который постоянно заносился с Уральской губернии, и с сибирской язвой.

В мае 1911, после ликвидации повального воспаления легких, Валериана Дмитриевича Самарская Губернская Земская Управа перевела на должность участкового врача в с. Екатериновку² Самарского уезда. В Екатериновке он проработал до 1914 года. За это время он обслуживал свой участок, который тянулся вдоль линии железной дороги от станции Липяги до станции Обшаровка, да еще постоянно совмещал заведование соседним участком, где ветврач постоянно болел. Снова приходилось бороться с сапом и с сибирской язвой. При таком положении дел невозможно было вести амбулаторный ежедневный прием больных животных, да и ветлечебницы тоже не было. Он принимал больных на дворе при его квартире.

Валериану Дмитриевичу удалось добиться открытия ветфельдшерского пункта в с. Тамиловка³. По его просьбе был приглашен ветфельдшер в с. Екатериновку, а также он добивался выделения средств на строительство ветеринарной лечебницы. В 1914 году средства на строительство ветлечебницы были отпущены. В 1915 году ветлечебница была построена, но из-за отсутствия ветперсонала лечение в ней не проводилось

В мае 1914 года был командирован вместе с заведующим хозяйством Безенчукской сельскохозяйственной опытной станции в Сызранский уезд за покупкой коров и быков бестужевской породы. Закупленный ими скот положил начало животноводства на Безенчукской сельскохозяйственной опытной станции. Эту станцию Валериан Дмитриевич обслуживал около 20 лет.

1 августа 1914 года Российская империя вступила в Первую мировую войну. В августе 1914 года Валериан Дмитриевич был мобилизован на фронт. Ветеринарный участок оставили за ним с сохранением заработной платы. Казанским Окружным Ветеринарным Управлением он был назначен в 37-й Донской казачий полк, который в это время находился уже на фронте. Полк он догнал в Галиции за Львовом. В Казачьем полку все время приходилось делать переходы и нередко приходилось работать под огнем. За отличную службу во время военных действий в 37-м Донском Казачьем полку был назначен орденом «Святого Станислава 3-й степени». Данный орден был учрежден в Польше в 1765 году. В 1831 году Николай I включил его в российские ордена. Это был низший по старшинству в иерархии государственных наград.

В январе 1915 года Валериан Дмитриевич был назначен младшим ветврачом в этапный лазарет 8-го армейского корпуса⁴. Врачебное дело здесь

¹ Бактериальная хроническая болезнь, характеризующаяся гнойным поражением кожи, болеют обычно лошади.

² Сегодня это село Екатериновка Безенчукского района Самарской области.

³ Сегодня это село Тамиловка Чапаевского района Самарской области.

⁴ Послужной список старшего ветеринарного врача этапно-ветеринарного лазарета 8-го армейского корпуса В.Д. Тиховидова.

было запущено. За организацию врачебного дела в октябре 1915 года он был награжден орденом «Святой Анны 3-й степени». В июне-августе 1915 года он исполнял должность старшего ветеринарного врача и начальника лазарета, бывшего в командировке. Затем был назначен старшим ветврачом 8-го мортирного дивизиона, где проработал всего два месяца и в ноябре 1916 года был назначен старшим ветврачом и начальником этапного ветеринарного лазарета 8-го армейского корпуса. В 1917 году после осмотра лазарета начальником Ветеринарного Управления Юго-Западного фронта получил орден «Святого Станислава 2-й степени». В лазарете он проработал до самого его расформирования.

В 1918 году лазарет был расформирован. Из рапорта, написанного Валерианом Дмитриевичем в апреле 1918 года в штаб 8-го армейского корпуса, я узнал, как нелегко проходило расформирование лазарета. Лазарет планировалось расформировать под Кишиневом, но ввиду наступления на Кишинев и его окрестности решено было уйти в Тирасполь. 20 января было сдано имущество лазарета, дезинфекционного отряда по описи №8446 под расписку полковника Смирнова. Оружие было отобрано румынскими властями еще на территории Румынии, а оставшиеся 2 револьвера, 2 шашки, 2 винтовки отданы этапному коменданту 134 тылового этапа Румынского фронта. Приказом по Управлению начальника Ветеринарной части Румынского фронта за №77 уволен в распоряжение Самарского уездного военного начальника¹. 14 апреля 1918 года Валериан Дмитриевич был демобилизован и отправлен к месту своего служения в с. Екатериновку.

1917 год резко изменил жизнь нашего государства. После Октябрьского переворота участок перестал числиться за Валерианом Дмитриевичем. Фельдшера в Екатериновке не было, и 1-го мая 1918 года Самарским Губернским Ветеринарным Управлением, находящимся в распоряжении Самарского Губернского Исполкома, он был назначен на прежнюю работу – заведующим Екатериновским ветеринарным участком. Ветлечебница была выстроена, но в ней располагалась учебная кузница. Валериану Дмитриевичу с большим трудом удалось удалить ее из здания. Ветлечебница была оборудована, и начался ежедневный прием.

Во время Гражданской войны в Екатериновке стоял кавалерийский полк коммунаров. Здесь же формировалась 2-ая Туркестанская кавалерийская дивизия, штаб которой находился в Екатериновке, и ему приходилось, за отсутствием военных врачей, обслуживать их. Также Валериан Дмитриевич обслуживал военный совхоз, расположенный на его участке. В период Гражданской войны ветеринарный надзор в губернии был организован очень слабо, и на всех участках развились заразные болезни. Приходилось бороться с

¹ Послужной список старшего ветеринарного врача этапно-ветеринарного лазарета 8-го армейского корпуса В.Д. Тиховидова.

сапом, сибирской язвой, миелиитом, бруцеллезом. Много было потрачено сил для ликвидации данных заболеваний.

В 1920-м году в Самарской губернии была чума крупного рогатого скота. Валериан Дмитриевич был командирован в Балаковский уезд (сегодня Саратовская область) в с. Александровку для организации охранно-карантинной линии. В командировке он пробыл три месяца. По возвращении в Екатериновку ему пришлось организовать охранно-карантинную линию на своем участке вдоль берега Волги для предупреждения заноса чумы из Ульяновской области.

Во время организации сельскохозяйственных артелей Валериан Дмитриевич организовывал ветфельдшерские пункты в колхозах, подготавливал работников животноводства для Безенчукского и Чапаевского районов. Курсы проходили в Екатериновке. Екатериновка в это время переходила из района в район.

В 1928 году был организован район Екатериновский, и Валериан Дмитриевич был назначен старшим ветврачом районного зоотехнического отдела и одновременно заведовал Екатериновским ветучастком. Район был большой, и был организован ветфельдшерский пункт в с. Брусянах. В 1929 году он был командирован на шестимесячные курсы усовершенствования ветврачей в г. Ленинград.

В 1931 году был реформирован Екатериновский район, и с. Екатериновка, а вместе с ним и екатериновский участок перешли в Чапаевский район, и он остался в Екатериновке заведовать только ветврачебным участком. В 1935 году был организован Безенчукский район. Екатериновский участок вошел в состав этого района. Валериана Дмитриевича назначили старшим ветврачом районного зоотехнического отдела с оставлением должности ветврача екатериновского участка.

1 октября 1935 года в Екатериновке были открыты шестимесячные курсы младших ветфельдшеров. Валериану Дмитриевичу предложили по совместительству вести преподавание ветеринарных дисциплин на курсах. Занимать две должности было сложно, тем более что Безенчук находился от Екатериновки в 12 километрах. В январе 1936 года, по личной просьбе, он был освобожден от должности старшего ветврача районного зоотехнического отдела.

1 апреля 1936 года, выпустив младших фельдшеров, он подал заявление об увольнении с занимаемой должности с целью перейти на участковую работу в г. Ставрополь, где находились на работе его дети и была свободная вакансия. 18 мая 1936 года он был уволен с занимаемой должности и только 1 июня, сдав участок и ветлабораторию, был командирован в распоряжение ставропольского районного зоотехнического отдела. Во время сдачи участка Ставропольское Райзо приняло на должность участкового ветврача другого специалиста, а Валериана Дмитриевича назначили на должность преподавателя ветеринарных дисциплин в колхозную сельскохозяйственную школу, где он начал занятия с июня 1936 года. Работая в колхозной школе, он по совместительству преподавал

в ставропольском зоотехникуме ветеринарию. В 1937 году он поступил на штатную должность преподавателя в Ставропольский зоотехникум. Был преподавателем анатомии, зоогиены и ветеринарии.

Во время Великой Отечественной войны, когда все врачи района были мобилизованы (он не был мобилизован по возрасту), работал по совместительству старшим ветврачом Райзо и участковым в каникулярное время и периодически во время занятий. Кроме того, по вызову Райзо, райвоенкомата и судебных органов выезжал на мобилизацию лошадей и переучет конского поголовья, по принятию этизоотехнических решений, выявлению причин падежа скота. По окончании войны был награжден медалью «За доблестный труд».

За плодотворную работу в техникуме по подготовке специалистов животноводства приказом по техникуму Валериану Дмитриевичу было вынесено три благодарности, дважды был премирован ценными подарками.

Умер Валериан Дмитриевич 30 сентября 1953 года на 75 году жизни. Похоронен на городском кладбище.

Я не знал своего прапрадеда, он умер задолго до моего рождения. Из членов нашей семьи его помнит только моя бабушка. За время написания работы, мне кажется, он стал мне ближе. Я прошелся по страницам его биографии. Его судьба очень интересна. Я думаю, что велик его вклад в развитие ветеринарного дела в Самарской области. Не случайно его направляли на самые сложные участки работы. В условиях эпидемии только дисциплинированный работник мог выполнить порученную работу успешно, не допустить распространения болезни. Жизненный путь Валериана Дмитриевича – пример для меня. Мне есть на кого равняться. Это человек, который сделал себя сам. Несмотря на жизненные трудности, он выучился в университете, сумел стать хорошим специалистом. Его судьба научила меня не сдаваться перед трудностями, добиваться своей цели и быть в любом деле профессионалом. Работать над проектом мне очень понравилось. Я учился анализировать исторические документы, узнал много интересного о жизни членов нашей семьи. Эта работа подвигла меня на составление родословного древа семьи. Возможно, я познакомлюсь с еще более интересными биографиями.

Список источников:

1. Автобиография Тиховидова Валериана Дмитриевича.
2. Послужной список Тиховидова Валериана Дмитриевича // Ставрополь-на-Волге и его окрестности в воспоминаниях и документах. – Тольятти: Городской музейный комплекс «Наследие», 2004.
3. Личный архив Поповой А.Н.

Страницы семейной истории

Нелли Классен

МОУ СОШ №94 г.о. Тольятти, 8 класс

Научный руководитель – **В.В. Ерасова**

Истории семей – это неотъемлемая часть истории страны. Ежегодно проводится масса исследований, пишутся статьи и книги, восстанавливаются генеалогические древа. И все равно эта тема никогда не будет исчерпана – каждая семья – это отдельная часть в истории общества. Желание дополнить ее и подтолкнуло меня к созданию этой работы.

В нашей стране тема взаимоотношений между человеком и властью рассматривалась неоднократно. Но то, что человек, являющийся представителем другой национальности, испытывает лишения, зачастую умалчивалось. Властью считалось, что этого «не может быть в многонациональном государстве». Эта проблема остается актуальной и по сей день. И если ее не поднимать, то результат может привести к страшным последствиям.

Мой дедушка, Классен Гарри Яковлевич, родился 30 августа 1928 года на Украине, в Запорожье, в деревне Токмяк на реке Молочной.

Деревня – колония голландских переселенцев, иммигрировавших в Россию еще при Екатерине. Петр I любил Голландию и Германию, ему нравился уклад жизни, хозяйство, ремесла. Он приглашал голландцев и немцев для обучения русских людей ремеслам. Его дело продолжила Екатерина. В Голландии в то время было ярое сопротивление католиков и протестантов. Протестантизм делится на несколько течений: кальвинистов, лютеран, баптистов и других. Мои предки были меннонитами. По их уставу, они не имели права носить оружие и служить в армии. Немногие страны могли предоставить, чтобы люди не служили в армии, но Россия пошла навстречу. В России иммигрантам предоставляли плодородные земли на юге России, в Поволжье, на Алтае и Украине.

Екатерина предоставила голландцам возможность жить по своим законам, следовать своей религии. В деревне люди строили дома, как было принято на Родине, мостили прямые улочки камнем, а если вдруг сквозь брусчатку проросла трава или у твоего дома покосился забор, хозяин облагался штрафом. В деревне был свой представитель власти – бургомистр, была своя школа, в которой все предметы преподавались на родном им языке. Поэтому многие люди не знали русского, в том числе и моя прабабушка, Елена Яковлевна.

Украина. В 1917 году началась Октябрьская революция и гражданская война. Голландцы держали нейтралитет, не вступали в сражения, потому что по природе и религии были мирным народом. Когда в 1919 году гражданская война закончилась и к власти пришли большевики, голландские поселения не трогали,

потому что нужно было кормить страну, а они сохранили хоть какое-то хозяйство. Но в 1924-1925 годах многие из семей решили уезжать, потому что начались «времена НЭПа», в стране был сильный голод. И 70 % населения деревни уехало в Канаду, т.к. жить в России было очень тяжело, но мой прадед, Яков Францевич, поверил коммунистам и решил остаться. Коммунисты объявили кампанию о коллективизации. При коллективизации успешные должны были делить свое имущество поровну с менее успешными. Всех более-менее богатых граждан объявили «кулаками». Мой прадед имел собственное хозяйство, которое долго зарабатывал своим трудом, и не хотел делить его с людьми, которые к нему не имели никакого отношения. В 1928 году прадедушку и прабабушку первый раз отправили в разные лагеря. По канонам меннонитов при семейной трагедии детей разбирали родственники. У дедушки было 2 сестры (старшая сестра умерла в 20 лет от болезни). Родители деда несколько раз бежали из лагерей. Однажды им удалось бежать вместе, они приехали к себе в деревню, попросили родственников собрать некоторые пожитки, забрали детей и уехали в 1932 году на подводе к далеким родственникам в Старый Крым. В деревне никто не знал, куда они уехали.

В голландских поселениях детям давали хорошее образование, и Яков Францевич имел финансовое образование. Он работал бухгалтером в Старом Крыму. Своего жилья не было, снимали дом. Елена Яковлевна ходила по дворам, ухаживала за огородами, стирала белье, растила детей. Но в 1936 году донесли, что появился новый человек. Приехали из КГБ и обыскали дом; ничего не нашли, потому что имущество было скромным, но Якова Францевича забрали в лагерь (Соловецкий монастырь, на Севере России). Оттуда он не вернулся. О том, что прадед погиб в заключении, стало известно в 50-х годах, тогда же объявили, что он не был ни в чем виноват.

Елена Яковлевна осталась одна с двумя детьми, старалась их вырастить. В Крыму они жили до 1941 года. Старшая сестра дедушки, Гедвига, училась в немецком интернате в Ялте, потому что не знала русского языка. Дома они общались на голландском. Гарри Яковлевич учился в русской школе, потому что много общался со сверстниками и достаточно хорошо знал русский, да и немецких школ в Старом Крыму не было. Родиной дедушка всю свою жизнь считал Старый Крым, потому что жил там с сознательного возраста, а то, что было в Токмяке, почти не помнил.

Казахстан. Началась Великая Отечественная Война. Всех немцев ссылали, т.к. власть считала, что все, кто имел немецкую национальность, были фашистами, шпионами и предателями. В национальности значилось немец, т.к. при выдаче документов чиновники признавали у европейцев только «немцев» и «не немцев». Поэтому по документам моего дедушку всю жизнь звали русским именем Гаврила, которое не имело никакого отношения к его настоящему имени – Гарри. Именно потому, что его папу сослали, в гражданстве стояло «немец», он считался сыном врага народа, и всю их семью сослали. Когда им сообщили, что

их ссылают, им не говорили, куда пошлют, но посоветовали взять теплые вещи, и стало понятно, что, скорее всего, отправят на север. Елена Яковлевна попросила помочь соседку собрать вещи, потому что на сборы им дали всего 6 часов и разрешили взять только по 2 сумки на человека. Когда прабабушка разложила вещи на то, что нужно взять и не нужно брать, соседка поступила очень подло: положила то, что не нужно было, а теплые вещи забрала себе. Поэтому, забегая вперед, оказавшись в Казахстане, они остались без теплых вещей. Некоторое время, пока власти не решили, куда их распределить дальше, жили на Кавказе. Через Каспийское море людей переправляли на баржах, не приспособленных для людей. Были лишь отсеки с грузами, и люди сидели всю неделю на палубе. Попали в сильный шторм. Дедушка до конца жизни помнил эту дорогу. Не было ни еды, ни воды, очень многие погибли в пути, сходили с ума от жажды и голода, пытались пить морскую воду, но становилось еще хуже. До станции Аягуз добирались на поезде. Станция была очень бедным рабочим поселком, где даже местным жителям нечем было прокормиться.

В Аягузе дедушка не поладил с председателем колхоза, и он захотел избавиться от него. Жители поселка были настолько бедными, что на всю семью была одна пара штанов. Питались практически одним кипятком, работали в поле даже при очень сильных морозах. После того, как прошла техника, на земле оставалось немного зерен, которые оставались мышам да воробьям. Деревенские мальчишки, в том числе и мой дедушка, решили пойти на поле и собрать эти 5 зерен с квадратного метра. За день они могли набрать даже меньше горсточки зерен, но это было хоть что-то. Они приносили зерна домой, и Елена Яковлевна готовила «затируху». Она размалывала в муку вместе с шелухой эти зернышки и заваривала кипятком, получалось что-то вроде очень жидкой каши. Однажды дедушка с мальчишками снова пошли на поле за зернами. Гарри Яковлевич смастерил себе «пестик» - палку с привязанным на конце гвоздем, чтобы раскалывать лед и доставать драгоценные зерна. Когда они набрали немного зерна, к ним на великопленной тройке коней подъехал председатель колхоза. Это был полный мужчина, по нему было видно, что от голода он не умирал. Председатель остановил коней, спустился и сказал детям, что они воруют советское зерно, и велел им вывернуть карманы. Ребята стали выворачивать, и из них высыпались спасительные для их семей зерна, а мой дедушка был справедливым человеком, он отказался выворачивать карманы, потому что понимал, что дома мама, умирающая от голода. Тогда председатель колхоза разозлился, ударил Гарри Яковлевича кнутом с железным концом и рассек дедушке бровь. Дедушку обуяла нечеловеческая злоба! Как так?! За что?! Ведь эти остатки съели бы мыши! И он замахнулся своим пестиком на председателя колхоза и попал ему прямо в лоб. Из ранки потекла кровь, и председатель поклялся сгноить дедушку во что бы то ни стало. Он подал заявление о принятии его в трудовую армию. Трудовой армией, или трудармией, называли те места, где люди «служили в армии, трудясь». По сути это были те же

лагеря. Но когда приехала комиссия, один из её председателей, мужчина, увидев моего дедушку, маленького, низкого, очень худого 12-летнего мальчика, сказал: «Тебя?! В трудармию?! Да в тебе же силы нет! Вот иди, поработай пастухом, отъешься, а там посмотрим». Через полгода председатель колхоза снова написал заявление о принятии Гарри Яковлевича в трудармию, во второй раз его приняли.

Таким образом, в 13 лет он попал в трудовую армию в Караганду работать на угольные шахты, хотя обычно туда ссылали только взрослых мужчин. Так мой дедушка оказался в настоящей тюрьме, только под открытым небом, с настоящими заключенными, которые, в общем-то, были такими же невинно сосланными людьми.

Гарри Яковлевич и его мама не знали, жива ли Гедвига, до 1943 года, потому что они были разделены и потерялись. Их интернат тоже сослали в Казахстан, но позже.

С 1943 года по 1953 дедушка работал в шахтах, в так называемом КарЛАГе (карагандинское отделение ГУЛАГа). Жизнь была очень тяжелой: люди жили в бараках, спали на нарах, с клопами и вшами. Одежду им не выдавали, а стирать не было возможности, поэтому от грязи, как рассказывал дедушка, «стояли 2 отдельные штанины», он связывал их между собой веревкой и продолжал работать. Работа в шахтах была очень опасной, периодически обваливались балки, и людей засыпало, а так как они были ссыльными, никто особенно не переживал. Мой дедушка не раз подвергался большой опасности там и уже прощался с жизнью, но Господь спасал его, и он оставался жив. Все эти люди сделали очень много для победы в Великой Отечественной Войне.

В 1953 году всех ссыльных в той местности освободили, но что значило это освобождение? С вышек сняли караульных, убрали колючую проволоку, но из города уезжать не разрешали, да и куда там уедешь. Поэтому люди так же работали на шахтах.

Гарри Яковлевич хотел найти свою маму, чтобы жить вместе. Вскоре она переехала к нему. Они начали строить свой маленький домик из обломков балок, которые вывозили из шахт, и которые уже нельзя было использовать там. Днем дедушка работал под землей, по вечерам они с мамой перетаскивали из терриконов эти обломки на своих плечах, пытались начать строить дом. Домом называлось что-то среднее между землянкой и деревенской избушкой. Внутри был земляной пол, стены, обмазанные глиной, чтобы было хоть немного теплее, кирпичная печка, которую дедушка сложил сам. Он даже подрабатывал иногда, складывая в домах соседей кирпичные печки. Елена Яковлевна вела скромное хозяйство, как привыкла делать это у себя в деревне. Она сажала за домом картошку, другие овощи, чуть позже они купили на рынке куриц, кроликов и свинью, дедушка построил сарайчик. Потом к ним переехала Гедвига, Гарри Яковлевич пристроил небольшую комнату и для нее. Так их небольшой скромный домишко рос. Вокруг шахт стали вырастать целые районы таких домов. Мой

дедушка первым из поселка купил телевизор, когда от шахт провели электричество. Телевизор был с маленьким экранчиком, который поместился бы у него на ладони, и большой лупой перед ним для увеличения изображения. По вечерам многие приходили в гости к ним смотреть телевизор.

Моего дедушку сослали, когда он закончил 7 класс, дальнейшего образования у него не было, но он хотел окончить школу и пошел учиться в вечернюю школу, снова в 7 класс. Вообще-то, ему не положено было учиться, так как он был сосланным, но он не просто окончил школу, а окончил её с золотой медалью. Когда он сдавал экзамены, его учитель сказал ему о том, что он заслужил медаль, но ему не могут её дать, поэтому Гарри Яковлевич сам специально допустил несколько ошибок в сочинении, чтобы ему поставили «4».

Еще в школе он познакомился со своей будущей женой, моей бабушкой, Лидией Васильевной. Она младше его на 8 лет, никогда не была ссыльной, в вечерней школе училась потому, что семье было очень тяжело, и она пошла работать.

В 1956 году, когда он учился в вечерней школе, он купил мотоцикл. Его вообще всю жизнь тянуло к технике. Он любил рисковать, ездил очень быстро и однажды попал в страшную аварию: попал под колеса КАМАЗа. Получил сильное сотрясение мозга, много переломов. Его череп врачи собрали, можно сказать, по кусочкам, а т.к. черепные соединения практически не восстанавливаются, мой дедушка прожил с этой травмой и сильными головными болями всю жизнь. Целый месяц пролежал в больнице в коме, никто не знал, выживет ли он. Он выжил. Пришел в себя, мама с сестрой забрали его домой, выходили. Но на медкомиссии ему сказали, что в шахте он больше работать не сможет по состоянию здоровья. Он мог работать либо сторожем, либо каким-нибудь переписчиком документов, либо сапожником, но его это не устраивало. Гарри Яковлевич был достаточно гордым человеком и решил, что пойдет учиться дальше. Он никогда не чувствовал в себе великого врача, но в Караганде было всего 3 института: горный, педагогический и медицинский. В горный он пойти не мог, учителем быть не хотел, оставалось учиться на врача!

В институте преподавали профессора Ленинградских университетов, доктора наук, которых Сталин сослал, когда они приезжали его лечить в Москву, а он заподозрил их в заговоре против него. Поскольку на шахтах они не работали, основали медицинский институт.

В 1959 году, на 1 курсе, у него родился первый сын, мой папа, Вадим. Когда Гарри Яковлевич окончил институт, его отправили работать в Темиртау. Лидия Васильевна еще училась, так что следующие 2 года она только на выходные приезжала в Темиртау. Папа в основном жил и воспитывался бабушкой, поэтому раньше достаточно хорошо знал голландский язык, но сейчас почти полностью забыл. Но даже если бы помнил, современный голландский очень отличается от того, что знал папа, потому что в деревне язык не

развивался с XVIII века, был смешан частично с русским, частично с украинским, частично с немецким.

Гарри Яковлевич в своей жизни написал 2 диссертации. Первую – кандидатскую, «Амбулаторное лечение больных ожогами», он защитил в 1966 году и стал кандидатом медицинских наук. Вторую, «Лечение переломов пальцев стопы плодными оболочками», защищать не стал, потому что он мечтал, что не будет работать на пенсии. На пенсию он мог выходить в 50 лет, потому что имел стаж работы в шахтах больше 10 лет. Диссертация была закончена, полностью написана, но не защищена, хотя была полностью опубликована в различных журналах, и его коллеги могли прочитать её и использовать в своей практике. Для защиты диссертаций нужно было писать статьи в разные журналы, и дедушка много писал, отсылал в советские и международные журналы. Он напечатал более 30 статей в журналах «Вестник хирургии» и «Травматология и ортопедия». Статьи печатались и в немецких журналах, но сейчас их названия восстановить сложно, т.к. они были во время ГДР, и теперь журналы не существуют. У Гарри Яковлевича была большая картотека медицинских журналов. Еще одну, о битумных ожогах, писала его жена, а он помогал ей в этом. Так же параллельно со своей работой читал лекции в институте.

Гарри Яковлевич был заведующим травматологического отделения в Темиртау. Он брал к себе на лечение только тяжелобольных пациентов, тех, которых, по мнению других врачей, спасти было практически не возможно. Брал пациентов с ожогами кожи выше 50-70%. Исправлял ошибки других врачей. Благодарных ему людей было очень много, его сыновья Вадим и Леон рассказывают, что когда они шли с моим дедушкой по улице, с ним здоровался почти каждый прохожий. Это мешало, ведь так хотелось иногда просто погулять с папой, поговорить о чем-нибудь.... Также мой папа помнит, как однажды он был у дедушки на работе, и к нему в кабинет зашла женщина, которая лечилась до этого у врача-казаха. Когда Гарри Яковлевич осмотрел её руку, которая только что срослась, положил её на стол так, чтобы часть ниже локтя была на весу, и многозначительно посмотрел на своего сына. Вадим понял взгляд правильно, быстро подошел и надавил на руку так, что снова сломал её! Представляю, как была удивлена и напугана женщина! Но Гарри Яковлевич объяснил ей, что кость не была совмещена и срослась неправильно, поэтому нужно было исправлять. В его кабинете стоял даже токарный станок. Он разработал теорию о том, что вместо железного штифта при переломах можно использовать трупные кости, чтобы делать только одну операцию по вставлению штифта и не вынимать его после. На этом токарном станке он подтачивал кости. Анестезиологи любили работать с дедушкой. Операции Гарри Яковлевич делал быстро, поэтому работать с ним было проще.

В 1967 году у Гарри Яковлевича и Лидии Васильевны родился второй сын, Леон. В 1969 году дедушка купил запорожец. Мой папа и дедушка шутливо называли его потом «убийцей науки», потому что каждую свободную минуту они

всей семьей уезжали на природу, и времени на науку у дедушки больше не было. Дедушка много интересовался техникой, новыми её изобретениями, поэтому купил себе фотоаппарат. Зарплата была небольшая, и он подрабатывал фотографом в институте. Фотографировал и операции, и различные демонстрации, и просто студентов и их жизнь. А потом ночью печатал. Днем дедушка давал задание своему старшему сыну приготовить растворы проявителя и закрепителя. В полной темноте в ванной, с выключенным во всей квартире светом и занавешенными окнами, дедушка с папой проявляли пленки. Потом на кухне, за столом и при свете красной лампы начинали печатать. Это было очень трудоемкое занятие, требовавшее большой внимательности, терпения. Сначала негатив нужно было «высветить» на фотобумаге, выдержав определенное время, чтобы фотография получилась нужного тона, потом быстро отправить в ванночку с проявителем, потом, не передержав, в ванночку с закрепителем. Потом промыть дистиллированной водой.

В 1967 году Гарри Яковлевич поехал в отпуск в Канаду к своим родственникам. Это было очень удивительно, ведь он выезжал не просто в другую страну, а на другой континент! Спустя месяц он приехал домой и привез много подарков семье. Дедушка привез красивую яркую европейскую одежду, ведь в СССР все ходили в однотипной одежде неярких тонов, а там были и разноцветные курточки, платья, комбинезоны, пеленки и многое другое. Но больше всего всех поразила настолько привычная для нас вещь, что я даже и не думала раньше, что этого могло не быть. Дедушка привез шариковые ручки! До этого все писали перьями или перьевыми ручками. Было очень неудобно, легко можно было поставить кляксу. Я представляю, что такое почерк врача, да еще и перьевой ручкой! Мои папа и дядя в школе первые 3 класса писали ученическими перьями. Это были самые неудобные перья, ими можно было писать, только проводя вниз, а если будешь вести вверх, то порвешь бумагу, а за это сильно ругали. Также ругали за кляксы. Когда в семье появились шариковые ручки, папа пробовал писать ей в школе, но её отобрали. Сказали, что советский ученик должен писать пером.

В институте Гарри Яковлевич был куратором одного из курсов, и летом 1968 года они поехали в город Балхаш на практику. Когда дедушка освоился в городе, он приехал домой за старшим сыном. Тогда мой папа впервые полетел на самолете. Самолет был очень шумным, когда взлетал и садился, его сильно трясло, поэтому впечатление у папы осталось на всю жизнь. Они прилетели в Балхаш и жили там 2 недели. По утрам дедушка уходил на работу, к студентам, а мой папа просыпался попозже, завтракал и играл с оловянными солдатиками. Дедушка купил сыну целую армию и не волновался за него, потому что он знал, что ребенок занят интересным делом. Потом Гарри Яковлевич приходил в гостиницу, забирал сынишку, они шли на рынок за продуктами на завтрак и обед. Перекусив, отправлялись на берег Балхаша и проводили там весь оставшийся

день. По дороге они проходили по двору местной школы, где жил настоящий пеликан! Дедушка с папой подкармливали его иногда.

Гарри Яковлевич получил водительские права, когда ему было больше 40 лет. Но до этого он учился ездить со своим другом в полях. А мой папа сидел на заднем сидении и слушал всё, что говорит их инструктор. Когда однажды дедушка с моим папой поехали кататься на машине, восьмилетний сын попросил отца дать ему попробовать поводить машину. Дедушка рассмеялся, но посадил за руль. И тут маленький мальчик тронулся и поехал! Он слушал всё, что говорил друг дедушки, и использовал это. Дедушка был изумлен, но видя успехи сына, с 11 лет стал доверять сыну мыть машину, выгонять из гаража и другие небольшие просьбы, а мой папа был очень горд, что уже мог, с разрешения Гарри Яковлевича, ездить.

Когда в 1973 году дедушка продал свой запорожец, он решил подкопить на новую машину «Москвич». Чуть больше года семья не имела машины и не могла выезжать на природу. Гарри Яковлевич и его старший сын очень привязались к их любимому месту на природе и скучали. Тогда друг дедушки, тот, который учил его ездить на машине, отвез их на целую неделю вдвоем на природу. Мой папа говорит сейчас, что это была одна из самых счастливых недель в его жизни. Гарри Яковлевич взял с собой свою вторую диссертацию, чтобы еще раз прочитать и поправить в некоторых местах, а потом отдать в оформление. Но так получилось, что всю неделю дедушка рассказывал своему сыну о своей жизни, мой папа задавал много вопросов, интересовался, каждый день старался продолжить этот разговор, поэтому диссертация дедушки так и осталась незаконченной. Может быть, потому, что он видел, что Вадиму интересен этот рассказ и ему уже пора было знать об этом. А может быть, именно тогда он понял, что воспитание сыновей гораздо важнее всех диссертаций в мире.

Еще через год, в 1973 году, дедушка и его старший сын ездили в Ташкент за «Москвичом». Он был светло-лимонного цвета и очень им нравился. Они пригнали его домой, и еще очень долго он был их семейным транспортом. Когда подошло время старшему сыну выбирать, где он будет учиться, Вадим твердо сказал, что будет автомобилистом. Для всех это было удивительно: его родители были уважаемыми врачами, а сын не хочет связывать свою жизнь с медициной? Но в 1976 году мой папа уехал в Москву поступать в МАМИ. Жить и учиться в Москве было тяжело. Он очень скучал, переживал и при первой возможности прилетал домой, где его ждали папа, мама и младший брат. В 1977 году дедушка смог сделать себе учебную командировку в Москву. Он приехал в апреле, и целую неделю дедушка с моим папой провели вместе в Москве. Но уже ближе к концу той недели из Казахстана пришла печальная новость: умерла Елена Яковлевна. Гарри Яковлевич в этот же день улетел в Темиртау.

А через год, в 1978 году, вся семья приехала в Москву за старшим сыном, чтобы на каникулах вместе с ним съездить на машине в Старый Крым. Дедушка

всю жизнь мечтал на пенсии жить в Старом Крыму. И вот, приехав туда, они стали подыскивать дом, чтобы переехать, но это было сложно, и тогда они не смогли этого сделать. Ещё через год Гарри Яковлевич с женой и младшим сыном снова отправились в Крым. Теперь дедушка попросил своих друзей детства помочь с поиском дома. В этот раз получилось. Лидия Васильевна и Леон остались в новом доме, там же оставили и машину. А дедушка полетел в Темиртау увольняться с работы и собирать вещи. Через пару месяцев приехал фургон с вещами и дедушка. Так исполнилась его мечта переехать в Старый Крым.

Крым. Вскоре дедушке снова пришлось устраиваться на работу, потому что жить и обустраивать дом только на 2 пенсии было тяжело. В 1988 году дедушке сделали операцию. Во время операции ему повредили сосуд, и было кровоизлияние в мозг – инсульт. При его тяжелой травме головы в молодости и такой травме сейчас это было очень опасно. Когда подошло время выбирать, где будет учиться Леон, большое влияние на него оказал старший брат. К тому времени Вадим жил и работал в Тольятти на ВАЗе. Леону нравилось занятие брата, и он хотел пойти по его стопам, но Вадим твердо сказал, что он должен стать врачом и продолжить дело папы. И Леон пошел в медицинский институт в городе Феодосия.

Германия. В 1987 году Вадим женился на моей маме Ольге. В 1889 году родилась моя старшая сестра Полина. В Феодосии было тяжелое положение: у людей не было работы. Поэтому в 1995 году дедушка подал заявку в немецкое посольство. Через 3 месяца ему ответили и дали «добро» на иммиграцию. Разрешили собрать по 2 сумки на человека, и на автобусе они отправились в Германию. Там им помогло государство: дали квартиру, простенькую мебель, помогли с документами. В 1996 году мой папа ездил к ним и был рад, что они уже устроились. А чуть позже, в том же году, родилась я. Через 2 года, в 1998 году, мы ездили в Германию к родственникам. Я впервые увидела дедушку, бабушку, дядю, его жену Татьяну и свою двоюродную сестру-ровесницу Николь. В следующие годы папа несколько раз ездил в Германию. После той неудачной операции в Крыму дедушка очень болел. В 2002 году у него начал отказывать мозг. В 2003 году 29 ноября, в день рождения своей жены, он умер.

Для нашей семьи написание данной работы стало отличным опытом взаимодействия – в ней приняли участие представители трех поколений, живущие не только в России, но и в Германии. Мемуары дедушки, так бережно хранимые моим отцом, стали для меня замечательной возможностью вновь встретиться с дедушкой.

Список использованных источников:

1. Семейные архивы: фотографии, мемуары Гарри Яковлевича.
2. Интервью с его родственниками: сыновьями, женой, невесткой.

SUMMARIES

Preface

Section 1. «HISTORY»

A. Osetrova, student, Belgorod State University. **AN ANCIENT MONUMENTS IN CONSTANTINOPLE AS A REPRESENTATION OF IMPERIAL IDEOLOGY**

The main problem of this work is research a place and role of different monuments of classical Antiquity accumulated in Constantinople at IV-VI c. AD for imperial ideology representation.

S. Repinetskiy, Ph.D., Moscow City Pedagogical University. **WORLD LIBERAL REVOLUTION POLITICAL THOUGHT OF "CATCHING-UP DEVELOPMENT" COUNTRIES: THE RUSSIAN EXPERIENCE.** Article is devoted to the history of human civilization in the last two centuries, considered as a process of liberalization of the world. The most important changes in this direction occurred between the mid-nineteenth and the mid-twentieth century – this period was called the World liberal revolution. The article reveals this notion and its basic characteristics. The Case of Russia considered the mechanism of the influence of described global processes in the so-called "catching-up development" countries.

The article reveals this notion and its basic characteristics. The Case of Russia considered the mechanism of the influence of described global processes in the so-called "catching-up development" countries.

O. Aleinikov, graduate student, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. **RUSSIAN-BRITISH RELATIONS ON THE EVE OF THE CRIMEAN WAR**

The article is devoted to Russian-British relations on the eve of the Crimean War. The article reviews the activities of the British Cabinet and its diplomatic missions and coverage in the media.

A. Pisarev, student, Tomsk State University. **CULTURAL-SPIRITUAL INFLUENCE OF INTELLIGENCE OF CENTRAL RUSSIA ON SIBERIAN LIFE IN THE END OF THE XIX AND BEGINNING OF THE XX CENTURY.** This article characterizes the cultural discovery of Tomsk by the elite of central Russia. Parallels are drawn to the state of the city in modern times. It may interest researchers in the field of history and culture. Who are studying the current issue.

This article characterizes the cultural discovery of Tomsk by the elite of central Russia. Parallels are drawn to the state of the city in modern times. It may interest researchers in the field of history and culture. Who are studying the current issue.

A. Nazarov, PhD, teacher of School of village Timofeevka, Stavropol area, Samara region. **ADMINISTRATIVE AND LEGISLATIVE REGULATION OF FOREIGN CAPITAL INVESTMENTS IN THE RUSSIAN ECONOMY IN THE END OF XIX – THE BEGINNING OF XX-TH CENTURY.** In article is analyzed the state policy of the Russian empire in sphere of attraction of foreign investments and legislative regulation of the rights of foreign businessmen in the end of XIX – the XX-th century beginning.

In article is analyzed the state policy of the Russian empire in sphere of attraction of foreign investments and legislative regulation of the rights of foreign businessmen in the end of XIX – the XX-th century beginning.

U. Kulyanina, lecturer. **CENSORSHIP OF THE MIDDLE VOLGA PROVINCIAL PERIODICALS IN 1905-1914.** The article is concerned with the problem of the early 1900s Middle Volga region's provincial periodicals censorship. Particular attention is paid to the mechanisms that regulated the functioning of the periodical publications in the years 1905-1914 as well practices of local publishers and editors to overcome administrative barriers.

U. Kulyanina, lecturer. **REFLECTION QUESTIONS OF INTERNAL POLICIES OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE PAGES OF PROVINCIAL PERIODICALS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE 1905-1907.** Article concerned with the certain aspects of coverage of domestic policy of the Russian Empire, the First Russian Revolution, I and II of the State Dumas at the pages provincial periodicals of the Middle Volga region in the early XX-th century (based on materials Simbirsk, Samara and Penza provinces).

J. Golubinov, Ph.D., Samara State Medical University. **FEATURES OF RUSSIAN MEMORIAL POLICY IN XX CENTURY.** Features of the memorial state policy in Russia during the XX century are considered in this article. Problems of perception of historical events are touched upon in connection with the operation of mechanisms of memorization in the public consciousness.

V. Tishin, student, Vladimir State University. **TURKISM AND ISSUE A NEW NATIONAL IDEOLOGY IN TURKEY DURING THE FORMATION OF THE REPUBLIC** The article discusses the problem of forming a national historical concept in the making of a young Turkish republic in the 1920's – 1930's and evaluation Turkism in historiography.

I. Ponomarenko, student, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities **THE WORK OF MILITARY FACTORIES IN THE CITI CHAPAYEVSK DURING WORLD WAR II.** Article is devoted to the functioning of the military-industrial sites in the city Chapaevsk during World War II. The article highlights the various challenges that were overcome managers and workers of enterprises in the performance of defense contracts.

D. Vinokurov, graduate student, Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla. **ABOUT SOME DEBATABLE PROBLEMS OF METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH IN A.I. KLIBANOV'S WORKS: 1950 – 1960 YEARS.** The article deals with some problems of soviet humanities in the period of «Thaw» (1954 – 1964). Author shows main features of methodology in the works of A.I. Klibanov, whose efforts have created the face of soviet historical science. His original works were under the influence of various social and economic, ideological «marks of time».

D. Yancharuk, Ph.D., Togliatti State University **THE HISTORIOGRAPHY OF SYNTHETIC RUBBER PRODUCTION IN THE VOLGA REGION.** The paper analyzes the trends of historiography of the chemical industry of the USSR and the production of synthetic rubber in the Volga region.

A. Koroljev, Ph.D., L. Koroljeva, Ph.D, S. Artyomova, Ph.D., Penza State University of Architecture and Construction. **THE STATE AND THE SOVIET EVANGELICAL CHRISTIANS-BAPTISTS. 1945-1960 (ON MATERIALS OF THE PENZA REGION)** In article the basic directions are analyzed is state-konfessional politicians concerning evangelical Christians-baptists at regional level – in the Penza region in 1945-1960.

A. Koroljev, Ph.D., O. Melnichenko, Ph.D., Penza State University of Architecture and Construction. Device of the plenipotentiary of the President of the Russian Federation in Privolzhsky federal district. **THE POWER AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE FIRST YEARS OF «REORGANIZATION»: FROM EXPERIENCE OF MUTUAL RELATIONS (1985-1988).** This article analyzes the main directions of state-religious policy of the Russian Orthodox Church at the beginning of "perestroika".

T. Kazakova, graduate student, Togliatti State University. **THE BASIC PROBLEMS IN RELATIONS OF RUSSIAN ORTHODOX AND CATHOLIC CHURCHES IN FIRST HALF 90TH OF XX CENTURY.** In article are considered a course of interreligious dialogue between Russian Orthodox and Catholic churches in first half 90th of the XX-th century. The author in detail analyzes the basic problems of relations of churches.

I. Vlasenko, V. Nurenberg, N. Sof'ina, Samara City Public Organization «Community of Young Scientists». **HOUSING AND COMMUNAL SERVICES IN THE KUIBYSHEV REGION 1960–1080-s.** In this paper, the history of housing and communal services in the Kuibyshev region 60-80 years of XX century. On the basis of a large array of archival sources revealed large-scale picture of housing in developed municipal infrastructure, improving livability of cities area.

Section 2. «LITERATURE AND ARTS»

N. Grigoryeva, postgraduate student, Samara State University. **THE NUMBER AND ORIGIN OF THE OLD SLAVONIC LANGUAGE WITH THE ROOT -вльр-** The article considers the number of the vocabulary with the root -вльр- in the Old Slavonic language and the clarification of the time and source of its origin.

M. Spiridonova, postgraduate student, Samara State University. **THE NOVEL «ORTHOGRAPHY» AS AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION OF HISTORICAL PERIOD.** The article is investigated the novel «Orthography» by Dmitry Bykov as an attempt of reconstruction of certain historical period.

A. Salov, postgraduate student, Orel State University. **MAN FACES CATASTROPHE: JOHN UPDIKE'S FLASH FICTION ON 9/11**. The article attempts to analyze an essay and short story by John Updike, devoted to the tragic events of September 11, 2001 in the United States, and to retrace the continuity in the writer's implementation in the realization of the theme of terrorism and the formation of his point of view on the causes and consequences of Black Tuesday (9/11/2001).

E. Tarnarutskaya, postgraduate student Samara State University. **FRAGMENTATION OF NARRATIVE IN KAVERIN'S NOVEL "THE TROUBLEMAKER, OR EVENINGS AT VASILIEVSKY ISLAND"**. The paper explores narrative strategies in Kaverin's novel "The Troublemaker, or Evenings at Vasilievsky Island". The peculiar narrative fragmentation reveals the double-layer nature of the work: on the one hand, its yearning for a fascinating adventure story and, on the other hand, its urge to complicate and slow down the narration.

A. Atroshchenko, postgraduate student, Samara State University. **THE UNITY OF STYLE IN PROSE AND VERSE PARTS OF THE NOVEL «BETWEEN DOG AND WOLF» BY SASHA SOKOLOV**. The article is devoted to the problem of stylistic unity of poetical and prose chapters in the novel "Between dog and wolf" by Sasha Sokolov. The author proves that the basis of stile of the text (both prose and verse its parts) is formed by a single stylistic principle – ornamentalizm, that causes the integrity of the novel.

E. Ksenofontova, postgraduate student, Samara State University of Architechire and Civil Engeneering. **COVERED FOOT STREETS**. The system of foot movement is one of actual problems of the organization of space of a modern city. In connection with increase in number of cars, building density and as weather whims, the person is deprived comfortable movement on streets. The given problem can be solved by creation of covered foot systems.

O. Nakvakina, postgraduate student, Samara State University of Architecture and Civil Engeneering. **THE ANALYSIS OF SOCIAL AND ECONOMIC TENDENCIES, THEIR INFLUENCE ON ARCHITECTURAL TOWN PLANNING FORMATION OF THE RESEARCH BLOCK IN RUSSIA**. In this article is presented the analysis of social and economic tendencies, their influence on architectural town planning formation of generalized researching block in Russia. The role and significance of such "stable" centers of knowledge and innovation in the structure of the city are identified, and also the interconnection of urban fabric and research of the environment.

E. Puzarina, postgraduate student, Samara State University of Architecture and Civil Engeneering. **BUILDINGS AND COMPLEXES WITH ACCUMULATION INTERCEPTING FUNCTIONS IN SPHERE OF TRANSPORT TRANSFERS**. The

article is devoted to centers of transport transfers, including different types of transport. The streams of private transport transfer in the public and road's congestion density become lower.

Section 3. «PHILOSOPHY, PSYCHOLOGY AND SOCIAL SCIENCES»

O. Gorbunova, student, Volga Region State Socially-Humanitarian Academy
THE PROBLEM OF DESTRUCTIVE RELATIONSHIPS IN STUDENT GRUPS

In given article the theoretical analysis of concepts «small group», «educational and student's group», «деструктивность», «destructive relations» from various points зрений domestic and foreign scientists is presented. Results of research on a problem of destructive relations in student's group are resulted.

L. Grisay, lecturer, Ryazan State University. **THE DEVELOPMENT PROSPECTS RUSSIAN PARENTING IN MODERN SOCIETY.** Parenting as social and cultural phenomenon and its role in the system of values of Russian people are considered in the article. The main features of the crisis of parenting in modern Russian society are defined. Possible ways of overcoming this crisis are also considered.

E. Tonkoshkurova, student, Samara State Technical University. **SPECIFICITY OF THE EPISTEMOLOGY OF MULTICULTURALISM.** Multiculturalism has put a number of important issues, but was not able to solve. Author suggests that the study of specific epistemology of multicultural studies may help to get out of a theoretical impasse.

S. Skorynin, PhD, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities.
REFRACTIONS OF ETHNOCULTURAL AND SOCIOCULTURAL MARGINALIZM IN A MODERN RUSSIAN SOCIETY

In clause the phenomenon cultural (ethnocultural and sociocultural) marginalizm, and also its some refractions in a social reality of a modern Russian society is theoretically analyzed.

I. Demin, PhD, Samara State Aerospace University. **THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PHENOMENOLOGICAL EXPLICATIONS OF DEATH AT HEIDEGGER AND SARTRE.** In article the comparative analysis of two phenomenological treatments of a phenomenon of death – Heidegger and Sartre is carried out.

I. Demin, PhD, Samara State Aerospace University. **PROBLEM OF THE PARITY OF PHILOSOPHY AND METHODOLOGY IN THE CONTEXT OF IS EXISTENTIAL-ONTOLOGIC TREATMENT OF PHILOSOPHY OF THE SCIENCE AS REGIONAL ONTOLOGY.** In article the problem of a parity of methodology of scientific research and science philosophy is considered. The philosophy of a science is considered thus in an is existential-ontologic key, that is as regional ontology. The conclusion about

impossibility of inclusion of methodology of scientific research in structure of philosophy of a science as regional ontology becomes.

M. Lutter, postgraduate student, University of Tartu. **FEATURES OF PERSPECTIVE "END OF THE CYCLE" PHENOMENA IN MAYAN COSMOLOGY**

The report lists the main characteristics of the range of issues and events related to the problems of the topic "end loop" in the calendar systems of the Classic Maya. The argument is based on fragments of mythology in the text of the "Popol Vuh" and the various studies of calendar systems of Central America. As a conclusion, the report presents a hypothesis about the specific nature of perception and the origins of the principles of treatment over time at the Central American area in the pre-colonial era.

E. Zhelnina, PhD, Togliatti State University. **TOLERANCE EDUCATION THROUGH FAMILIARIZING WITH RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS.** In article value of national proverbs in life of a modern society, and also possibility of their use with a view of education of feeling of tolerance at young generation of Russians is investigated.

A. Ryadchenko, student, Togliatti State University. **STUDY AND ANALYSIS OF SPECIFIC FORMATION OF ETHNIC TOLERANCE AMONG THE DIFFERENT AGE GROUPS IN THE URBAN ENVIRONMENT MULTICULTURAL REGION**

The findings presented in this paper are based on a comprehensive study conducted by the author in the period from 2007 to 2010. The study was designed to study the problem of the formation of ethnic tolerance among children under school age (6-7 years), schoolchildren (14-16 years), students (17-21 year), especially in the social and psychological interaction of ethnic migrants and the host environment.

M. Lesonen, postgraduate, Pomor State University. **DEVELOPMENT OF YOUTH CIVIL IDENTITY IN ARKHANGELSK REGION THROUGH HUMAN RIGHTS EDUCATION.**

There are some important concepts as identity, civil education, human rights and human rights education and their realization in Arkhangelsk region are considered in this article.

A. Rogozin, Volga Region State University of Service (Togliatti)

THE INTERNET AS THE FACTOR OF TRANSITION TO AN INFORMATION SOCIETY

In clause the history of becoming and development of computer technics and global network Internet, as the factor of transition to an information society are considered.

S. Pirimova, student, Kazan State University of Culture and Arts. **WORKING YOUNG PEOPLE ARE IN MODERN MONOINDUSTRIAL CITY.** This article is sanctified to raising of problem of study of sociocultural presentations of working young people, socialization and инкультурация pass that in the conditions of development of large monoprofile city.

A. Narvatova, Vologda Institute of the Right and Economy of Federal Service of Execution of Punishments. **YOUTH SUBCULTURES FORMING «OTHER REALITY»**. In article is considered a number of the modern youth subcultures having the general line - formation of «other reality». Unlike traditional forms «leaving from a reality» they carry out the same function, but are not asocial.

I. Polutina, A. Abramova, Municipal Non-For-Profit-School-Education Center “Tvorchestvo”. **NON-FORMAL EDUCATION AS A FORM OF POLYCULTURAL YOUTH UPBRINGING**. The article is devoted to the non-formal education in Europe and Russia and gives the example of realization of non-formal education by Samara Non-For-Profit-School Education Center.

O. Tarenkova, PhD, Moscow City Pedagogical University. **SEPARATE CONFLICT QUESTIONS of ADMINISTRATIVE LAW IN SPHERE of CURRENCY REGULATION**. In given article some conflict questions of administrative law in sphere of currency regulation are investigated, the legal nature of a currency offence reveals, opinions of various authors on concept definition «the account of currency transactions» are analyzed. The author, analyzing opinions of scientists on this point in question, results the point of view on concept «the account of currency transactions».

K.Bolgov, Belgorod State University. **A SPECIFY OF DEVELOPMENT OF ONLINE PRESS**. The matter of the article is the features characteristic of web media. Due to the most dynamic development of these media in the last 15-20 years, this area seems very interesting.

N. Tyamkova, student, Samara State Aerospace University. **PROBLEMS OF FORMING A MODERN ETHNOPOLITICS**. We consider the problem of ethno Russia. Their solution lies not in foreign countries, and in our own historical experience.

P. Tsarkov, MA, State Academic University of Arts. **THE VALUE OF THE SOCIAL IDEAL IN THE HISTORY OF SOCIETY AND THE DEVELOPMENT OF SOCIAL THOUGHT**. The article is devoted to the history of investigations of social ideals, the survey of other types and classifications of ideals, and their actuality for the sociology.

S. Repinetskiy, Ph.D., Moscow City Pedagogical University. **THE MAIN DIRECTIONS OF RUSSIAN PUBLIC THOUGHT IN THE NEW TIME**. The article offers a classification of areas of the public thought in Russia XVII - XIX centuries. It allows for a fresh look at the history of Russian identity and Russian political doctrines of the New Time and may be useful from the epistemological point of view.

Section 4. «THE HISTORY OF MY FAMILY»

The materials of pupils' research works competition.

СОДЕРЖАНИЕ

<i><u>Предисловие</u></i>	6
<i><u>Раздел 1. «История и краеведение»</u></i>	13
<i>А.В. Осетрова</i> АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ	13
<i>С.А. Репинецкий</i> МИРОВАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СТРАН ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ	17
<i>О.О. Алейников</i> РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	28
<i>А.А. Писарев</i> КУЛЬТУРНО-ДУХОВНОЕ ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НА СИБИРСКУЮ ЖИЗНЬ ПЕРИОДА КОН. XIX – НАЧ. XX вв.	32
<i>А.М. Назаров</i> АДМИНИСТРАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЙ В РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	35
<i>У.И. Кулянина</i> ЦЕНЗУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1905-1914 гг.	38
<i>У.И. Кулянина</i> ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСОВ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УЕЗДНОЙ ПЕРИОДИКЕ 1905-1907 гг.	44
<i>Я.А. Голубинов</i> ОСОБЕННОСТИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В XX в.	53
<i>В.В. Тишин</i> ТЮРКИЗМ И ПРОБЛЕМА НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В ТУРЦИИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ	59

<i>И.В. Пономаренко</i> ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ ЧАПАЕВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	63
<i>Д.В. Янчарук</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОИЗВОДСТВА СИНТЕТИЧЕСКОГО КАУЧУКА В ПОВОЛЖЬЕ	68
<i>Д.А. Винокуров</i> О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КЛИБАНОВА: 1950 – 1960-е гг.	75
<i>А.П. Куропаткин</i> ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕДАЧ ВСЕСОЮЗНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ С 1953 ПО 1956 гг.	89
<i>А.А. Королев, Л. А. Королева, С. Ф. Артемова</i> ГОСУДАРСТВО И СОВЕТСКИЕ ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ- БАПТИСТЫ. 1945-1960 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)	93
<i>А.А. Королев, О. В. Мельниченко</i> ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ»: ИЗ ОПЫТА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1985–1988 гг.)	97
<i>Т.С. Казакова</i> ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТНОШЕНИЯХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х гг. XX в.	101
<i>И.А. Власенко, В.В. Нюренберг, Н.В. Софьина</i> ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1080-е ГОДЫ	105
<u><i>Раздел 2. «Литература и искусство»</i></u>	120
<i>А.И. Салов</i> ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ КАТАСТРОФЫ: МАЛАЯ ПРОЗА ДЖОНА АПДАЙКА О ТЕРАКТАХ 9/11	120

- Е.В. Тарнаруцкая* 129
ФРАГМЕНТАЦИЯ НАРРАЦИИ В РОМАНЕ В. КАВЕРИНА «СКАНДАЛИСТ
ИЛИ ВЕЧЕРА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ»
- М.Ю. Спиридонова* 133
РОМАН «ОРФОГРАФИЯ» КАК ПОПЫТКА
РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ
- А.С. Атрощенко* 137
СТИЛЕВОЕ ЕДИНСТВО ПРОЗАИЧЕСКИХ И ПОЭТИЧЕСКИХ
КОМПЛЕКСОВ ТЕКСТОВ В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «МЕЖДУ
СОБАКОЙ И ВОЛКОМ»
- Н.С. Григорьева* 146
СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ С
КОРНЕМ *-эльр-*
- Е.А. Ксенофонтова* 151
КРЫТЫЕ ПЕШЕХОДНЫЕ УЛИЦЫ
- О.К. Наквакина* 155
АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ, ИХ ВЛИЯНИЕ
НА АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО БЛОКА В РОССИИ
- Э.И. Пузарина* 159
СООРУЖЕНИЯ И КОМПЛЕКСЫ С НАКОПИТЕЛЬНО -
ПЕРЕХВАТЫВАЮЩИМИ ФУНКЦИЯМИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ
ПЕРЕСАДОК
- Раздел 3. «Философия и социально-психологические науки»* 165
- О.В. Горбунова* 165
ПРОБЛЕМА ДЕСТРУКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ
ГРУППЕ
- Л.А. Грицай* 171
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РОДИТЕЛЬСТВА В
СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Е.А. Тонкошкурова СПЕЦИФИКА ЭПИСТЕМОЛОГИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА	175
С.Л. Скорынин ПРЕЛОМЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	178
И.В. Дёмин ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ КАК РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ	183
И.В. Дёмин СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЛИКАЦИЙ СМЕРТИ У М. ХАЙДЕГГЕРА И Ж.-П. САРТРА	193
М. Люттер ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМАТИКИ «КОНЦА ЦИКЛА» В КОСМОЛОГИИ МАЙЯ	202
Е.В. Желнина ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИОБЩЕНИЕ К РУССКИМ ПОСЛОВИЦАМ И ПОГОВОРКАМ	208
А.В. Рядченко ИЗУЧЕНИЕ И АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА	212
М.С. Лесонен ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ЧЕРЕЗ ОБУЧЕНИЕ ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	217
С.В. Пиримова РАБОЧАЯ МОЛОДЁЖЬ В СОВРЕМЕННОМ МОНОПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ	220
А.Ю. Нарватова МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ «ИНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ»	224

<i>И.В. Полутина, А.Е. Абрамова</i> НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФОРМА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ	228
<i>О.А. Таренкова</i> ОТДЕЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	232
<i>А.Е. Рогозин</i> ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ	236
<i>К.Н. Болгов</i> СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ПРЕССЫ	243
<i>Н.А. Тямкова</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ	246
<i>П.Е. Царьков</i> ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ	251
<i>С.А. Репинецкий</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НОВОГО ВРЕМЕНИ	255
<u><i>Раздел 4. «Семейная история»</i></u>	260
<i>Алёна Осипова</i> ИСТОРИЯ МОЕЙ СЕМЬИ В ИСТОРИИ МОЕЙ СТРАНЫ	261
<i>Даниил Попов</i> ВЕРНОСТЬ ПРОФЕССИИ	265
<i>Нелли Классен</i> СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ	272
Summaries	281